

Вестник

***Московского государственного
областного университета***

Серия
“История и политические науки”

№ 1

Москва
Издательство МГОУ
2010

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. - председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. - зам. председателя, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. - доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. - доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. - директор издательства, доктор философских наук, доцент
Пусько В.С. - доктор философских наук, профессор
Трайтак С.Д. - кандидат физико-математических наук, доцент

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»:

Смоленский Н. И. – доктор исторических наук, профессор (ответственный редактор)
Абрамов А. В. – кандидат политических наук (ответственный секретарь)
Журавлёв В. В. – доктор исторических наук, профессор
Захаров В. Н. – доктор исторических наук, доцент
Сейранян Ф.Г. – доктор исторических наук, профессор
Яровой Е.В. – доктор исторических наук, профессор
Фукс А.Н. – кандидат исторических наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». - № 1. - 2010. - М.: Изд-во МГОУ. - 230 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (См.: Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., С.5) и решение Президиума ВАК России 6.07.2007 г. (См.: Список журналов на сайте ВАК, 12.07.2007, в апреле 2008 г. и в январе 2010 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и требованиях к публикациям для авторов статей находится постоянно, обновляясь с внесением необходимых изменений.

© МГОУ, 2010

© Издательство МГОУ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

ПОПОВ Г.Г. Становление Древнерусского государства через призму гипотезы Питера Сойера о славяно-скандинавских отношениях в IX-X вв.	7
ПОПОВ Г.Г. Антропология и исследование монгольского периода истории Руси и Восточной Европы	12
МАЗИН К.А. Россияне за границей в XVIII в.: случай и судьба	16
РАЗДОЛЬСКИЙ С.А. Трансформация адыгской культуры XVI - XX вв.	23
ШАКИРОВА А.М. Историко-политическое изучение эволюции политики российского правительства в отношении мусульманской общины (уммы) и духовенства средневожского региона в конце XIX - начале XX вв.	28
КИПРИЯНОВА Н.В. Деятельность сиротского суда г. Владимира в конце XVIII – первой половине XIX в.	32
ГАЛКИН П.В. Организация социальной защиты земских служащих Московской губернии и административный надзор	41
ТЕСТОВ В.Н. Железнодорожная контрольно-финансовая реформа: истоки и последствия (80-е – первая половина 90-х гг. XIX в.)	49
ГАЛИЕВ Э.Б. Революционный подъем в стране в связи с аграрным кризисом и роль полиции Южного Урала в его преодолении	55
ВОСТРИКОВА В.В. Государство и общество: сотрудничество или противостояние? (Позиция идеологов российского либерализма начала XX века)	61
АФАНАСЬЕВ Г.Ю. Вопросы реорганизации управления российскими вооруженными силами в деятельности А.И. Гучкова – председателя комиссии по государственной обороне (I сессия III Государственной Думы, 1907-1908 гг.)	65

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

БЕРЛОВ А.В. Российские учебные заведения эмигрантов-аграрников в Праге (1920-1930 гг.) ...	69
ХОЛИНА М.В. Изменения в повседневной жизни женщин в 1920-е гг. (На материалах малых городов Красноярского края)	73
БЕСПАЛОВ В.В. Изменения во внешней политике СССР накануне Второй мировой и Великой Отечественной войны	79
МАЛЫГИНА О.А. Партийный контроль за преподаванием общественных наук в первый послевоенный период (по материалам г. Молотова)	85
РЫБАЛКА О.В. ДНД – воспитатель «нового советского человека» (на примере народных дружин Новгорода и области)	89
КЛИМАНТОВА Ю.К. Торговое обслуживание сельских жителей в 1970-1980 гг. (на примере Оренбургской области)	93

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира

НИКОЛАЕВА Н.А. О культе великой богини в религии индоиранцев по данным археологии ...	98
САФРОНОВ А.В. Несуществующий обычай обрезания у греков-ахейцев (значение египетской лексемы <i>krnt</i>)	107
АРЖАНОВ К.А. Реконструкция походов Диофанта	114

Новейшая история зарубежных стран

АРЖАНОВ К.А. Тактика и организация позднескифской обороны	120
ВОРОНИН С.А. Сукарно. Орёл, парящий в одиночестве	125
ЗУДОЧКИНА С.В. Коммуникационная деятельность секретной разведывательной службы Великобритании в 90-х гг. XX века – начале XXI века	137
КОМАРОВ А.Н. Отличительные особенности канадского консерватизма в период нахождения у власти правительств Б. Малруни и С. Харпера	144

ПОЛИТОЛОГИЯ

БЫКОВ К.Ю. Глобальные угрозы как внешние источники военной опасности для современной России	150
ДУДИН П.В. Основные направления деятельности коллективных сил по поддержанию мира при проведении миротворческой операции в Абхазии 1994-2008 гг.	155
КЛИМАНЦЕВ В.С. Перспективы российской многопартийности в условиях политических процессов на уровне города федерального значения Москвы	158
МАСАКИН Ю.Н. Энергетический диалог ЕС – Россия: политические и правовые основы сотрудничества	162
НИКИТИНА В.В. Этнокультурная глобализация как одна из составляющих мировых глобальных процессов	165
ПАВЛОВ П.Ю. Роль личностных факторов в политическом лидерстве	168
СЫТИН А.Н. Политика Латвии и Эстонии в области национальной и межобщинной интеграции	172
СЫТИН А.Н. Политическая жизнь Литвы в 2008 году	181
ЧИБИСОВ О.В. Понятие «российская диаспора»: теоретико-политологический анализ	187
ЩЕДРОВА О.А. Социальная защита жителей города Москвы в условиях трансформации российского общества	191
НЕЙМАТОВ А.Я. Исламский фактор и его влияние на политику Саудовской Аравии	196

ИСТОРИОГРАФИЯ

ЛУГУЕВА А.М. К вопросу об изучении дагестанского исторического сочинения «История Ширвана и Дербенда»	200
УРУШЕВ Д.А. Коломенский епископ Павел в историографической традиции Выговской пустыни (первая половина XVIII века)	204
КИРИЛЛОВА Л.В. Деятельность Владимирской ученой архивной комиссии по археологическому исследованию Владимирской губернии	208
РОБУСТОВА Е.В. Реминисценция идей И.Г. Дройзена в концепциях нарративистской историографии Германии	214
ДОСПИШИЛ Д.В. Фигура В.И. Ленина в исследованиях Яна Славика	219
ДОСПИШИЛ Д.В. Эволюция взглядов Яна Славика на русскую революцию 1917 г.	222
НАШИ АВТОРЫ	226

CONTENTS

HISTORY OF RUSSIA OF THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

G. POPOV. Formation of the Old Russian state through a prism of a hypothesis of Peter Sawyer about the slavjano-Scandinavian relations in IX-X centuries	7
G. POPOV. Anthropology and research of the Mongolian period of history of Russia and the Eastern Europe	12
K. MAZIN. Russians abroad in XVIII century: the case and destiny	16
S. RAZDOLSKY. Transformation of Adyghe culture in the 16-20 th centuries	23
A. SHAKIROVA. Historical and political study of Russian government evolution in respect of the muslim community (ummah) and clergy of the Srednevolzhsky Region at the end of 19 - beginning of 20 century	28
N. KIPRIYANOVA. Activity of orphaned court of Vladimir in the end of XVIII – first half XIX century	32
P. GALKIN. The organization of social protection of zemstvo employees of Moscow region and administrative supervision	41
V. TESTOV. Railway control and financial reform: sources and consequences (80 – first half 90 th XIX of a genture)	49
A. GALIEV. Revolutionary upsurge in the country because of the agrarian crisis and the role of the South Ural police in its overcoming	55
V. VOSTRIKOVA. State and Society: Cooperation or Confrontation? (The views of the Russian liberalism ideologists at the beginning of the 20th century)	61
G. AFANASEV. Questions of high military command reorganisation in activity of A.I. Guchkov, the chairman of the state defence comission in the 1 session of the III convoke of State Duma, 1907-1908	65

CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

A. BERLOV. The Russian academic institution of squirearchy emigrants in Prague (1920-1930) ...	69
M. KHOLINA. The changes in women's daily life in the 1920s (concerning small towns in Krasnoyarsky krai)	73
V. BESPALOV. Changes in foreign policy of the USSR on the eve of the Second world war and the Great Patriotic War	79
O. MALYGINA. The party supervision over teaching of the social sciences during the first post-war period (based on the materials of institutes of higher education in Molotov)	85
O. Rybalka. VPOS – educator of «the new soviet person» (for example novgorod and region)	89
Y. KLIMANTOVA. The trade service of villagers in 1970-1980 years (for example the Orenburg region)	93

GENERAL HISTORY

Ancient history

N. NIKOLAEVA. About the cult of the Great Goddess in the religion of Indo-Iranians on the archaeological data	98
A. SAFRONOV. Never existed custom of circumcision among the Achaeans (The meaning of Egyptian word <i>krnt</i>)	107
K. ARZHANOV. The reconstruction battle campaign of Diophant	114
K. ARZHANOV. The tactic and strategy of defense of the late-Scythian	120

Contemporary history of foreign countries

S. VORONIN. Sukarno. An eagle soaring in loneliness	125
S. ZUDCHIKINA. The work of the Great Britain's intelligence service in the 90'th of the XX century	137
A. KOMAROV. The distinctive features of Canadian conservatism under the conservative governments of Brian Mulroney and Steven Harper	144

POLITICAL SCIENCE

K. BIKOV. Global menace as external spring military danger of present-day Russia	150
P. DUDIN. Main activities of the collective peacekeeping forces in peacekeeping operations in Abkhazia 1994-2008	155
V. KLIMANTSEV. Prospects of the Russian multi-party system in the conditions of political processes. At the level of Moscow city	158
Y. MASAKIN. Power dialogue of EU – Russia: political and legal bases of cooperation	162
V. NIKITINA. Ethnocultural globalization as the main part of the world global processes	165
P. PAVLOV. The role of personal factors in the political leadership	168
A. SYTIN. Policy of Latvia and Estonia in the field of national and intercommunal integration	172
A. SYTIN. Political life of Lithuania 2008	181
O. CHIBISOV. Concept «the Russian diaspora»: the teoretiko-politological analysis	187
O. SHEDROVA. Social protection of townsmen of Moscow in the conditions of transformation of the Russian society	191
A. NEIMATOV. The islamic factor and its influence on a policy of Saudi Arabia	196

HISTORIOGRAPHY

A. LUGUEVA. To the question about the study of the Daghestan historical making «History of Shirvan and Derbend»	200
D. URUSHEV. The bishop of Kolomna and Kashira Paul in the historiographical tradition of the Vyg monastery	204
L. KIRILLOVA. Activities Vladimir Scientific Archival Committee of archaeological researches Vladimir region	208
E. ROBUSTOVA. Droysen's ideas reminiscence in the conceptions of narrativists historiography of germany	214
D. DOSPISIL. The figure of V. Lenin in the research of Jan Slavik	219
D. DOSPISIL. The development of Jan Slavik's views on the Russian revolution in 1917	222
OUR AUTHORS	226

ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(470) "830/1000"

Попов Г.Г.

СТАНОВЛЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГИПОТЕЗЫ ПИТЕРА СОЙЕРА О СЛАВЯНО-СКАНДИНАВСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В IX-X вв.*

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблемам славяно-скандинавских отношений в контексте генезиса Древнерусского государства. На основании исследований специалиста по истории скандинавских народов Питера Сойера в статье построена гипотеза норманнского завоевания восточных славян скандинавами. По мнению автора, именно фактор скандинавского завоевания сыграл важную роль в формировании особого пути развития Древней Руси.

Ключевые слова: норманнская гипотеза, викинги, Древняя Русь, восточные славяне.

В конце XX в. в отечественной историографии обнаружился более высокий интерес к норманнской теории. Если еще полвека назад эта теория носила сильную идеологическую окраску, то теперь она большей частью уже утратила это значение. Норманнская теория противоречила марксистско-ленинской парадигме русской истории, согласно которой развитие России в Средние века происходило в результате генезиса общественных форм, имевших почти исключительно внутреннюю природу¹. Взгляды сторонников диффузионистской теории и близко стоящих к ней концепций напрочь отвергались советской официальной исторической наукой [2].

С начала 1930-х годов советская историография занималась «подгонкой» российского исторического процесса под стандарты западного развития общества в ключе марксистско-ленинской парадигмы. Борисом Грековым был даже введен в оборот термин «домен» относительно княжеского землевладения на Руси. Тенденция «притягивания» Руси к Западу в советской историографии выражалась также в удлинении русской истории, что нашло широкую поддержку у да-

লেখক থেকে সাম্প্রদায়িক-রাজনৈতিক চক্র, যেমন, উক্রাইনীয় ন্যাশনালিস্টদের, যাদের প্রভাবের কারণে এখনও সরকারি ক্ষমতাসম্পন্নরা উক্রাইনীয় সরকারের তালিকাভুক্ত হাজার বছরের বার্ষিকী উদ্‌যাপনকে কিয়েভের প্রতিষ্ঠার চেয়ে বেশি অবাক করেছিল অনেক ঐতিহাসিকদের, যেমন যেখানে দেশে, সেখানে এবং এর সীমার মধ্যে।

Удлинение истории Руси объяснялось потребностью в приведении в соответствие временных рамок генезиса феодализма в восточнославянском обществе с основными веками первоначального развития западноевропейского феодализма. Многие советские ученые в 30-е – 50-е годы всячески доказывали, еще даже не имея достаточного археологического материала, наличие в Киевской Руси высокой городской культуры [3].

Отдельные историки боролись с этим своеобразным мейнстримом советской науки, как, например, И.Я. Фроянов, но их доводы оставались доступными только кругу специалистов.

Норманнская теория вообще на долгие годы в СССР оказалась под запретом, даже в период «оттепели» были случаи, когда с исторических факультетов за увлечение ею отчисляли студентов. Поэтому громко говорить о серьезном влиянии скандинавов на русский исторический процесс до «перестройки» было не принято. Скандинавская тема не вписывалась в советскую теорию генезиса Древнерусского государства, который должен был произойти, согласно историческому материализму, в результате длительных социально-экономических изменений, то есть разложения родового быта.

Западная историография развивала Норманнскую теорию, особенно в этом деле, на наш взгляд, сделал крупные шаги Питер Сойер, хотя он и занимался в основном про-

* © Попов Г.Г.

блемой воздействия скандинавов на исторический процесс Англии. Гипотеза Питера Сойера о славяно-скандинавских отношениях интересна нам с той позиции, что она согласуется с результатами ряда проведенных еще в советский период исследований по периоду становления Русского государства. Например, предположение Сойера о конфликте скандинавов с русскими князьями в конце X в. косвенно подтверждается некоторыми археологическими исследованиями советских ученых, а перекрытие русскими дружинами Волжской торговой магистрали после разгрома князем Святославом Итиля – исследованиями Новосельцева по истории Хазарии.

Помимо обращения непосредственно к гипотезе Питера Сойера, в исследовании также уделяется внимание проблеме последствий норманнского воздействия на демографию Руси, отстаивается гипотеза, что скандинавский фактор спровоцировал демографический кризис на Великорусской равнине, а последний – особый путь социально-экономического развития Древней Руси.

В настоящем исследовании отстаивается точка зрения, что процессы внешнего воздействия способны менять демографические процессы. Оказавшись в круге скандинавской культуры, восточные славяне обрели единое государство, но утратили при этом немалую часть своего населения, что отразилось на дальнейшей истории России.

Гипотеза норманнского завоевания по П. Сойеру и его предполагаемые последствия

В ходе норманнского завоевания восточные славяне понесли ощутимые людские потери, что выразилось в замедлении роста численности населения. К началу VIII века у восточных славян началось разложение родовых общин и образование большой семьи, в Прикарпатье даже начали возникать малые семьи, эти процессы указывают на явный демографический рост. По Ф. Энгельсу и М. Веберу, разложение родовой общины и большой семьи происходят в первую очередь вследствие роста численности населения. Но письменные свидетельства XI века указывают нам на то, что у восточных славян была очень широко представлена большая семья, этот институт варварского общества продолжал существовать в различных масштабах в русском обществе вплоть до конца XV века. Это обстоятельство говорит о незначительном

демографическом росте на Великорусской равнине, хотя природные возможности этой части Восточной Европы должны были способствовать обратному.

О том, что Древняя Русь была малозаселенной страной, говорят следующие факты. В XI веке мы встречаем первые известия о частной собственности на землю у восточных славян, что объяснялось дореволюционными авторами обилием земельных ресурсов, например, Н. Огановский писал: «В Киевскую эпоху земля не имела ценности, так как большинство ее лежало «впусте»» [4]. По мнению А. Е. Преснякова, боярская собственность на землю возникла как результат освоения пустошей, или новин [5].

В 1920-е годы некоторые ученые относили появление частной собственности на землю в Киевской Руси к XII веку [6]. В годы сталинской ортодоксии, разумеется, период феодализации древнерусского общества и образования частной собственности на Руси удлинены вглубь веков. Но даже в 30-е-40-е годы некоторые исследователи отмечали наличие слабых признаков частной собственности на землю в Киевской Руси вплоть до XII века [7].

Отсутствие признаков частной собственности в Киевской Руси X – XI веков подтверждает гипотезу о нехватке населения. Но природные факторы не могли стать причиной этой нехватки, набеги кочевников не приносили в ту эпоху ощутимого урона, тем более, славяне могли дать противникам из степи действенный отпор, как это случилось с аварами. До прихода половцев в европейские степи славяне свободно селились в излучине Дона и в Крыму, но и половецкая агрессия лишь на короткое время приостановила раннюю русскую колонизацию Причерноморья.

До XI века на Руси практически отсутствовали крупные города [8], что нетипично для других земледельческих культур Евразии. Бурный рост городов начинается только в XI веке, хотя его предпосылки возникли еще перед появлением Рюриковичей.

Ответ на эти загадки истории возможен, это – норманнское завоевание. Западные археологические исследования показали значительный рост благосостояния Скандинавии именно в эпоху образования Древнерусского государства, а точнее, в период норманнского завоевания восточных славян. Например, Питер Сойер сделал вывод, что приток серебра в Скандинавию из Исламского мира через Великорусскую равнину привел к росту военных сил викингов, что послужило основной при-

чиной завоевания ими Британии. На резкое увеличение доходов скандинавов в периоды правления на Руси первых князей династии Рюриковичей указывает хронология распределения монет в кладах (см. табл. 1 и рис. 1).

Таблица 1

Временное распределение монет в захоронениях Бирки [9]

Даты монет, годы	Количество мусульманских монет в захоронениях Бирки
700 – 750	12
750 – 800	14
800 – 850	17
850 – 890	4
890 – 950	42
950 –	1

В конце IX века Русь, судя по археологическим исследованиям, оказалась почти полностью лишена серебряной монеты [10], что можно объяснить тем, что произошло завоевание, хотя можно отнести исчезновение серебра за счет его экспорта в Скандинавию. Но почему тогда вывоз монеты из земель восточных славян носил такой спонтанный характер, не имевший по своим масштабам аналогов ни в предыдущие, ни в последующие эпохи? Мирный характер отношений скандинавов и славян в IX веке вызывает сомнения, викинги предприняли в этом веке масштабную агрессию против всех стран, которых они могли достигнуть на своих кораблях.

Питеру Союеру удалось проследить изменения движения потоков серебра с Востока в Скандинавию. По хронологии и расположению кладов с куфическими монетами на территориях скандинавских стран и на Ве-

ликорусской равнине Питер Союер пришел к выводу, что около 970 года в отношениях Руси со Скандинавией произошли глобальные изменения. До 970 года мусульманские монеты попадали в основном по волжскому пути, надо сказать, что византийских монет в Скандинавии найдено совсем немного, что говорит о слабом уровне развития торговых отношений между норманнами и Константинополем [11].

После 970 года волжский путь на долгое время прекращает свое существование, поток серебра коренным образом изменяет свое направление и начинает проходить через Черное море и Дунай. Количество поступавшей в Скандинавию восточной монеты заметно снизилось, что объясняется как монетарным кризисом в Исламском мире, так и сложностью транспортировки серебра по новому пути. Однако на Русь мусульманское серебро продолжало поступать в том же количестве.

Вспомним, что происходило в 970-е-980-е годы на Руси. Святослав ушел со значительной славяно-скандинавской дружиной воевать на Балканы. Из-за этого позиции проскандинавской партии в Киеве заметно ослабли, а, значит, ослабли и позиции язычников, которым уже противостояла христианская партия во главе с княгиней Ольгой. Далее Святослав погиб, как общепринято, от рук печенегов. После краткой попытки укрепления в Киеве язычества князь Владимир вводит христианство на Русь.

Вероятнее всего, волжский путь был перерезан по решению княгини Ольги. Питер Союер также считает, что главная причина прекращения экспорта мусульманского серебра в Скандинавию через Русь заключалась в деятельности русских князей [12], правда, он не вдается в подробности данного вопроса.

И заметим, что именно после подавле-

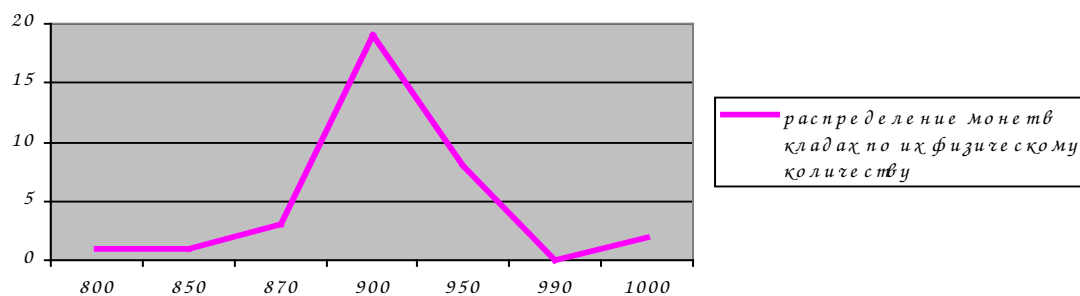

Рис. 1. Хронологический состав куфического клада из Ваалсе, Дания: 130 монет
Источник: C.J. Thomsen, J.C. Lindberg, "Fund ved Vaalse paa Falster", *Annales for Nordisk Oldkyndighed*, 1842 – 1843, pp. 21 – 142.

ния проскандинавской партии на Руси начинается рост городов, развиваются ремесла, появляется частное землевладение и начинается чеканка собственной монеты. На ослабление скандинавского давления на коренное население Великорусской равнины указывает факт сокращения количества норманнских захоронений в начале XI века (см. табл. 2). Едва ли скандинавы были ассимилированы славянами, мы не находим примеров, чтобы в Англии IX – X веков они утратили свою культуру и обычаи, во Франции ассимиляция скандинавских колонистов местным населением произошла в основном благодаря принятию христианства первыми. На то, что скандинавы могли долго сохранять свою культуру, говорит тот факт, что жители Форерских островов до сих пор говорят на диалекте, сильно отличающемся от английского языка.

Таблица 2

**Процентное соотношение славян,
финнов и скандинавов в Верхнем
Поволжье
на основе анализа захоронений в
Ярославской области [13]**

	X век	Рубеж X – XI веков
Славяне	12%	24%
Финны	63%	62,5%
Скандинавы	25%	3,5%

Посмотрим на таблицу 2, мы видим, что численность уменьшилась в несколько раз буквально за одно поколение, это что-то не похоже на ассимиляцию. Вероятнее всего, большая часть нелояльно настроенного по отношению к новой, христианской, власти скандинавского населения была просто истреблена или же изгнана на историческую родину. Судя по табл. 2, мы не видим особых признаков ассимиляции финнов славянами. Почему тогда, спрашивается, она должна была происходить по отношению к скандинавам.

Реформы Ольги и христианизация Руси Владимиром произошли не из-за каких-то чисто антискандинавских побуждений и желания помочь коренному населению, значительную роль сыграло византийское влияние и большие возможности для Рюриковичей утвердиться в славянских землях уже в роли полноправных монархов, а не просто норманнских конунгов.

Другим серьезным мотивом политики княгини Ольги стало, по всей видимости,

стремление поддержать Византию в ее борьбе с мусульманами. Удар по Итилю носил скорее не антихазарский, а антимусульманский характер, поскольку арабо-скандинавская торговля через Нижнюю Волгу приносила немалые экономические выгоды Исламскому миру. Сам же Итиль – столица Хазарии – к середине X в. фактически почти превратился в мусульманский город, поскольку мусульманская диаспора в нем составляла внушительную по численности часть, не говоря уже о ее значении в торговле. Хазары поддерживали хорошие отношения с мусульманами, а Итиль стал форtpостом последних в Поволжье и вполне мог превратиться в центр исламской культуры всего региона, поскольку второй по значению после хазар этнос – булгары – проявляли большой интерес к Исламу. Отсюда вполне понятно желание византийцев спровоцировать русско-хазарский конфликт. Надо сказать, что хазары к середине X в. уже не представляли серьезной угрозы для Руси.

На антимусульманский характер политики Ольги указывает также факт посылки ею русских войск в Византию для помощи последней в войне с арабами. К тому же русские долгое время после походов Святослава контролировали Нижнее Поволжье, как то предполагал А.П. Новосельцев [14].

После прекращения скандинавского господства на Руси происходит рост численности ее населения, правда, не столь значительный, средняя оценка Б.Ц. Урланисом численности населения Киевской Руси составляет примерно 5,3 миллиона человек, на наш взгляд, это – завышенная оценка, поскольку Урланис проводил свои расчеты на основе исследований Б.А. Рыбакова, точная достоверность которых вызывает, по вполне понятным причинам, сомнения, но мы принимаем цифру в 5,3 миллиона как условно максимально возможную. Для сравнения, Германия в XI в. имела примерно такую же численность населения при общей площади территории намного меньшей, чем у Киевской Руси. При этом надо учесть, что Урланис брал для расчетов не собственно территорию Киевской Руси, а территорию европейской части Российской империи в границах 1914 г.

Однако социально-экономические последствия норманнского завоевания имели коренное значение для развития Руси. Обращает на себя внимание один факт. Древняя Русь по своей социальной структуре очень похожа на Пруссию до завоевания последней крестоносцами. Древнее прусское общество было разделено на три социальных слоя: военная

знать, рабы, экономически обеспечивавшие военную знать, и независимые свободные общинники. Военная знать пруссов владела аллодами, в которых трудились рабы [15]. В культурном аспекте прусская знать сильно отличалась от пруссов-общинников. Основой экономического существования прусской знати, включая и местных князей, был труд рабов и работоторговля, из-за чего пруссы часто вели войны. Рабы набирались в основном из захваченного польского населения, частью оставались в самой Пруссии, а частью продавались преимущественно на Русь [16]. Экономика и социальная структура донемецкой Пруссии очень напоминает Киевскую Русь.

Не исключено, что прусская военная знать происходила от скандинавских завоевателей. Есть гипотеза, что Рюриковичи вели свое начало от какого-то прусского знатного рода, данная версия подтверждается фактом похода Даниила Галичского в 1235 г. в Пруссию. Этот поход имел целью оказание военной помощи пруссам против крестоносцев, перед началом похода Даниил Романович прямо сказал, что идет освобождать «отчину».

Надо сказать, что похожее социально-экономическое устройство имело место и у скандинавов. Таким образом, Русь, Пруссия и Скандинавия имели схожие структуры общества. Едва ли одновременно в трех частях Европы могли на огромных пространствах образоваться сами по себе в одно и то же время столь сильно похожие условия и формы социально-экономического развития, ведь восточные славяне в VI – VIII в.в., как доказывает И.Я. Фроянов, знали только домашнее рабство. Вероятно, весомую роль здесь сыграли скандинавы. На факт серьезного воздействия скандинавов на восточных славян в аспектах общественно-политического устройства и экономики указывают заимствования в русском языке из скандинавского следующих слов: “кнут”, “броня”, “шлем”, “багор”, “стяг”, “удел”, “город”, “торг”, “гость”, “погост”, “выть” (податная единица), “тиун” (судья), “вира”, “гридь” (младший дружинник) [17].

Таким образом, скандинавская проблема в истории России средних веков приобретает новое значение, она начинает проливать свет на причины расхождения развития Руси и латинского Запада у самых истоков становления этих цивилизаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Попов Г.Г. Дискуссии о характере социально-экономического развития средневековой Руси в отечественной и зарубежной науке XX века // Историко-экономические исследования, том 9.

№2, 2009.

2. Там же.
3. Там же.
4. Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции, ч. II. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911. С. 50.
5. Пресняков А.Е.. Княжное право в Древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. СПб., 1909; а также его же: Лекции по русской истории, т. I. Киевская Русь. М., 1938.
6. Фроянов И.Я. Киевская Русь: главные черты социально-экономического строя. СПб.: Издательство С-Петербургского университета, 1999. С. 113-116.
7. С.В. Вознесенский. К вопросу о феодализме в России \ Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934. №7-8.
8. Фроянов И.Я. Киевская Русь: главные черты социально-экономического строя. СПб.: Издательство С-Петербургского университета, 1999. С. 73-89.
9. Соьер П. Эпоха викингов. СПб.: Евразия, 2006. С. 149-151.
10. Соьер П. Эпоха викингов. СПб.: Евразия, 2006. С. 166-167.
11. Соьер П. Эпоха викингов. СПб.: Евразия, 2006. С. 174.
12. Соьер П. Эпоха викингов. СПб.: Евразия, 2006. С. 171-172.
13. Составлено по: Клейн Л.С. Норманизм – анти-норманизм: конец дискуссии // Неславянское в славянском мире, 1999. №5. http://stratum.ant.md/05_99/articles/clein/clein00.htm и Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнёздово // Смоленск и Гнёздово. Изд. МГУ, 1991.
14. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., Наука, 1968.
15. Урбан В. Тевтонский Орден. М.: АСТ. С. 78.
16. Урбан В. Тевтонский Орден. М.: АСТ. С. 83.
17. Нефедов С.А. Новая интерпретация истории Киевской Руси. Библиотека “Полка букиниста” URL : \ http://society.polbu.ru/nefedov_kievhistory/ch00_i.html

G. Popov

FORMATION OF THE OLD RUSSIAN STATE THROUGH A PRISM OF A HYPOTHESIS OF PETER SAWYER ABOUT THE SLAV-JANO-SCANDINAVIAN RELATIONS IN IX-X CENTURIES

Abstract. The article is devoted to problems of the Slavs-Scandinavian attitudes in a context of genesis of the Ancient Russia. The conclusion about a key role of Scandinavians in genesis of Ancient Russia is done on the basis of Peter Sawyer's researches. In opinion of the author, the factor of the Scandinavian gain has played the important role in formation of a special way of development of Ancient Russia.

Key words: norman hypothesis, vikings, Ancient Russia, east Slavs.

АНТРОПОЛОГИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ РУСИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам политических отношений Руси и Золотой Орды в Средние века. Отстаивается идея, что главной целью военных походов монгольских завоевателей были торговые пути. Доказывается на основе антропологических данных, что центром Золотой Орды долгое время был Южный Урал. К концу XIII века Золотая Орда с трудом могла удерживать свои западные рубежи из-за географической удаленности своего военно-политического центра.

Ключевые слова: монгольское завоевание, Золотая Орда, Русь, антропология русского народа, антропология тюркских народов и монголов.

Проведенные в 1980 гг. советскими учеными антропологические исследования русских и народов Поволжья и Урала дали неожиданные результаты. Обследовались

как останки, так и находившиеся в здравии тогда представители интересовавшихся ученых народов. Наиболее серьезное продвижение осуществила советско-финская экспедиция профессора А.А. Зубова [Акимов: 1]. Экспедиция установила важный факт ДНК башкиров содержит тот же процент монголоидных генов, что и до нашествия Батыя. Во времена Золотой Орды среди башкиров возросло количество представителей южносибирского типа, имевших незначительный процент монголоидности. Исследования ДНК русских дали не менее неожиданные результаты, степень монголоидности русских составляет 2-3% [6]. Граница между монголоидной и европеоидной расами проходит по центральной части Урала, если посмотреть на карту распределения монгольских генов по территории Поволжья и Урала (см. рис. 1). Надо отметить, что степень монголоидности у татар, удмуртов и мордвы колеблется в пределах 3%–25%.

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТОТЫ ЕВРОПЕОИДНЫХ И МОНГОЛОИДНЫХ МАТЕРИНСКИХ ЛИНИЙ У НАРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

Рис. 1. Распределение монголоидности среди русских и народов Поволжья
 Источник: Янковский Н.К., Боринская С.А. Наша история, записанная в ДНК // Природа, 2001, №6.

* © Попов Г.Г., Амир Реза Никпур.

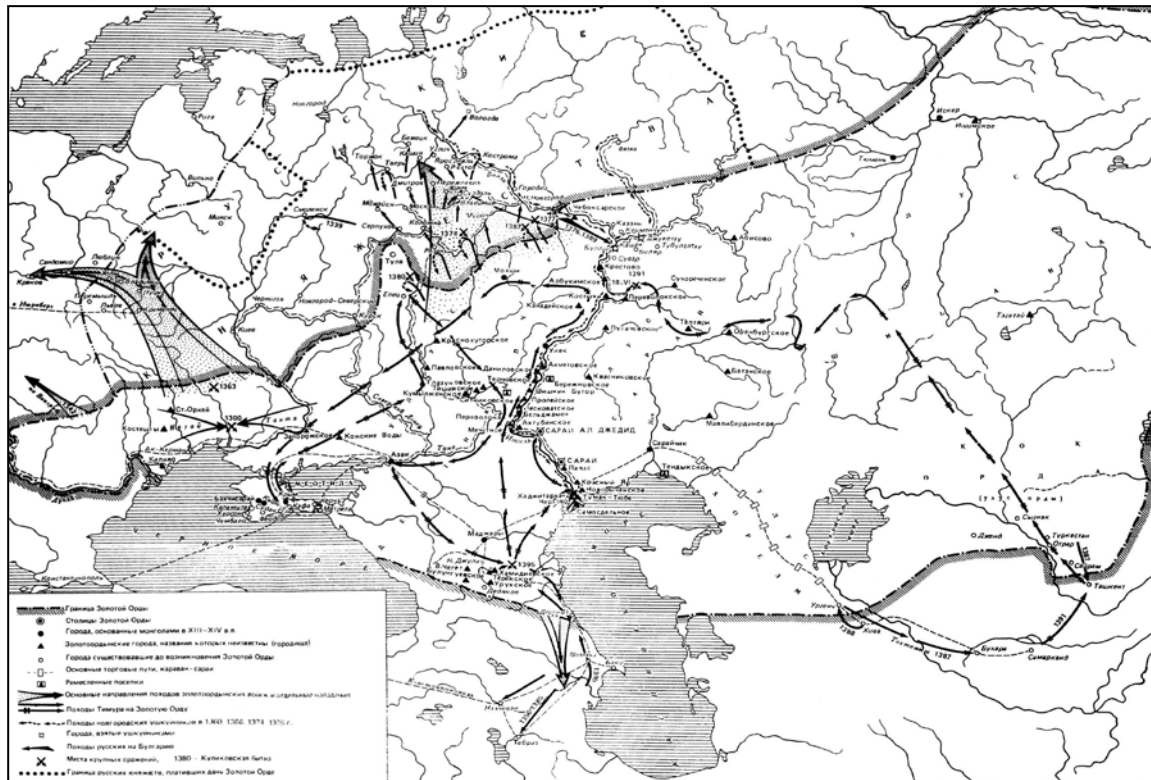

Рис. 2. Карта Монгольской империи XIII в.

Источник: Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. М., Наука, 1985.

Если исходить из генетического анализа, то никакого тотального истребления этносов, живших на территориях Поволжья, Урала и Руси во времена монгольского нашествия, не было. Мордва, половцы, болгары, аланы и другие народы остались в своих привычных зонах проживания. Монголы составляли подавляющее меньшинство в армиях Чингизидов, что подтверждается также и летописями. Ни о каком массовом переселении монголов из Азии в Европу относительно XIII–XIV вв. не может быть и речи. Монгольский элемент составил военную аристократию новых государств, выросших на базе империи Чингисхана.

Несомненно, что в период походов Чингисхана и Батые народы европейских степей понесли большие потери, но через 120 лет некоторые из них восстановили свою численность, что и послужило катализатором распада Золотой Орды и сопровождавших его смут внутри этой державы.

Возрастание степени монголоидности населения Поволжья и Урала идет с северо-запада, от нынешней Чувашии, на юго-запад, к территории современной Башкирии, то есть по диагонали с уклоном к южному берегу Камы. Смещение народов Поволжья с монгольским элементом происходило и до

походов Батые, здесь свою лепту, несомненно, внесли гунны. Но также можно предположить, что монгольская миграция все-таки была в направлении устья Камы. Экономические и политические интересы Золотой Орды были сильно связаны с территорией нынешнего Татарстана, что нашло отражение и в татарских летописях, а также в булгарских легендах.

Примечательно, что расовая граница Восточной Европы, пролегающая по центральным районам Урала и захватывающая частично бассейн Камы, полностью совпадает с северо-восточными границами Монгольской империи первой трети XIII века (см. рис. 2).

Совпадение расовых и политических границ Монгольской империи не может быть случайностью, монголы, прожив несколько поколений на покоренных ими территориях Поволжья и Урала, смешались с коренным населением через междоусобицы браки. Северо-восточная Русь до 1252 г. не находилась в составе системы государств Чингизидов, да и впоследствии, как доказывает В.Л. Егоров, она являлась вассалом, но не полноценной провинцией Монгольской империи, поэтому отмеченные на рис. 2 границы справедливы во многом и для второй половины XIII – нача-

ла XIV вв. Несомненно, монголы предпочитали селиться там, где располагались городские центры, делалось это как из военно-политических соображений, так и по фискально-экономическим мотивам (сбор дани, контроль за торговыми потоками), этим обстоятельством и можно объяснить распространение сравнительно высокой степени монголоидности среди татар и удмуртов. Это указывает еще на одно обстоятельство, монгольских завоевателей больше интересовали водные и прочие торговые пути и транспортные узлы.

Именно по торговым путям идет и распространение ислама в Поволжье как в домонгольский, так и в монгольский периоды. Это закономерно для Востока Средних веков, - там, где торговля, там и ислам. Торговые функции, разумеется, выполняли мусульманские купцы немонгольского происхождения, «бесермены» русских летописей. Эти же бесермены были распространителями ислама среди монголов. Примечательно, что среди чисто кочевых монголов европейских степей – калмыков – ислам не прижился, они приняли буддизм. Ислам с трудом распространялся и среди кочевников Южной Сибири и Средней Азии, о чем много пишет В.В. Бартольд. В самой Монголии исламская традиция потерпела крах. Но зато среди кипчаков, которые к XIII в. в Европе все более стали тяготеть к торговле и городам, ислам хорошо прижился.

Военно-политический костяк Золотой Орды составлял Южный Урал, мы судим так потому, что именно на территориях Оренбургской, Курганской и Челябинской областей археологами обнаружены большое количество мавзолеев [Егоров: 3]. Мавзолеи обычно строились богатыми мусульманами, это – фамильные склепы. Возможно, что Южный Урал был политическим центром Улуса Джучиева до постройки Батыем Сарая. Недаром до революции город Курган в народе назывался Царевым городищем.

Как показывают археологические данные, в XIII в. экономический потенциал Монгольской империи стал с каждым поколением все более смещаться к Поволжью, Китаю и Средней Азии. Сама Монголия с Каракорумом пришли в сильный хозяйственный упадок к началу XIV в. Основные финансовые ресурсы оказались сосредоточены в Золотой Орде, которая считалась богатейшей частью владений Чингизидов. Это еще раз указывает на преобладающее значение торговли в хозяйственном быте Монгольской империи, основные богатства которой оказались в ито-

ге в руках мусульманских купцов и близкой к ним военной верхушки монголов, которая с середины XIII в. начала исламизироваться, что завершилось религиозной реформой хана Узбека, политически взорвавшей на несколько поколений Золотую Орду. Как писал Л.Н. Гумилев, религиозная реформа начала XIV в. в Орде больше соответствовала интересам городских купеческих и ремесленных кругов, чем непосредственно желаниям кочевников [Гумилев: 2].

Итак, первоначально ядром Золотой Орды был Южный Урал и территория современной Башкирии, так нам позволяют судить наличие в этом районе большого количества мавзолеев и распространение монголоидности с убыванием по дуге с юго-востока через Уральский хребет и вдоль южного берега Камы до нынешних Чебоксар. Степи Южного Урала более подходят для монголов, они им были привычнее, так как климатически похожи на Монголию. К тому же рядом находились башкиры, более монголоиды, нежели европеоиды, это обстоятельство должно было быть политически важным для средневековых номадов. В легендах башкир сохранились сведения о родстве одного из их колен с родом Чингисхана по отцовской линии.

Но вернемся к Руси, если монголов в первую очередь интересовали торговые магистрали, то внимание их военной знати было приковано к русским землям, лежавшим в Верхнем Поволжье и прилегавших к нему областям. Этим можно объяснить, почему Джучиды почти без сопротивления отдали Киев, Чернигов и Подолье литовцам, явно уступавшим им по военной мощи (Литва в пик своего могущества при Ольгерде не могла одолеть даже маленькое Московское княжество). До битвы на Ворскле (1399 г.) мы не встречаем в истории сколько-нибудь масштабного военного столкновения между Золотой Ордой и Литовским княжеством.

Сравнительно низкая степень монголоидности даже татар и удмуртов указывает нам на важное обстоятельство, монголов было мало, это также подтверждается летописями. Они с трудом удерживали периметр Золотой Орды, опираясь в обороне и укреплении рубежей на покоренные народы и их знать, вошедшую с ними в соглашение. Первым от Джучидов фактически отпало Северное Причерноморье, населенное преимущественно половцами, их темник – Ногай – в конце XIII в. проводил независимую от Сарая политику и даже заключал династические браки. Правда, в начале XIV в. хану Тохте удалось

вернуть контроль над Крымом и причерноморскими степями, но удержать Киев и Чернигов Джучидам было уже не под силу, эти русские города находились слишком далеко от военного ядра их державы, расположенного на Южном Урале. К тому же монголы испытывали пониженный интерес к Южной Руси из-за того, что там не было важных торговых магистралей. Это было не в интересах мусульманской торговой элиты городов Золотой Орды – воевать за какой-то далекий Киев, не имевший никакого для них экономического значения.

На то, что монголам стало невыгодно и в военном отношении сложно удерживать западные рубежи, указывает один немало-важный факт, хан Тохта сравнительно легко согласился на предоставление независимости Болгарии в 1300 г., что, впрочем, лишь усложнило политическое положение болгар, поскольку на смену одному хищнику пришел более грозный хищник – турки-османы. Будь Болгария под опекой Золотой Орды, еще не известно, как повернулась бы история Восточной Европы. Византийцы, между прочим, были не прочь от завязывания союзов, направленных против турок, как с Золотой Ордой, так и с отколовшейся от нее в конце XIII в. Ногайской Ордой. Интересно и другое, болгары в последней четверти XIII в. разбили монгольских завоевателей в ходе крестьянского восстания, причем болгарская знать частью придерживалась проордынской политической ориентации. Данный факт – поражение от «мужицкого» войска в Болгарии – указывает на слабость Золотой Орды на рубеже XIII и XIV вв.

Евразийцы в свое время увидели в монголах невольных спасителей православной Руси. Неприязнь Петра Савицкого, Николая Трубецкого и Льва Гумилева к Западу толкала их видеть в любой силе, когда-либо противостоявшей латинской Европе, великое благо для России [Савицкий П.: 5, Гумилев Л.: 2]. Золотая Орда и Монгольская империя были, как верно считает Э.С. Кульпин [Кульпин: 4], в первую очередь военно-политическими образованиями, обеспечивавшими безопасность торговых магистралей Евразии. Именно поэтому мусульманские купцы активно помогали Чингисхану, они часто выступали в роли его послов и сборщиков дани. Как показывают случаи с почти беспрепятственным захватом литовцами Киева и других земель Южной Руси, ни о какой защите православия монголы и не думали, их интересы концентрировались вокруг торговых путей и городов.

Само православие в Северо-Восточной Руси в монгольский период подверглось серьезным изменениям, представители церковных верхов Московской Руси XVII в. вынуждены были признать существенные отклонения русской православной обрядности от византийских образцов, что, кстати, делалось и ранее, только не столь решительно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимов М.С. Антропология и популяционная генетика башкир. Уфа, 1987.
2. Гумилев Л.Н. Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1992. С. 290-350.
3. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. М., Наука, 1985.
4. Кульпин Э.С. Золотая Орда, Проблема генезиса Российского государства. М.: Либроком, 2009. С. 50-100.
5. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
6. Янковский Н.К., Боринская С.А. Наша история, записанная в ДНК \\\ Природа. 2001, №6.

G. Popov

ANTHROPOLOGY AND RESEARCH OF THE MONGOLIAN PERIOD OF HISTORY OF RUSSIA AND THE EASTERN EUROPE

Abstract. The article is devoted to terms of political attitudes of Russia and Golden Horde in Middle Ages. The idea is defended, that an overall objective of military campaigns of the Mongolian conquerors were trading ways. It is proved on the basis of anthropological data, that the center of Golden Horde long time was Southern Urals Mountains. Golden Horde hardly could keep the western boundaries by the end of XIII century because of geographical remoteness of the military-political center.

Key words: the Mongolian conqueror, Golden Horde, Russia, anthropology of Russian people, anthropology of Turkic people and Mongols.

РОССИЯНЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ В XVIII в.: СЛУЧАЙ И СУДЬБА*

Аннотация. Статья К.А. Мазина посвящена проблеме зарождения в XVIII в. интереснейшего социально-культурного феномена – русского зарубежья. Причем исследуются факты не мотивируемого длительного пребывания за границей, связанного с получением образования, лечением на курортах, путешествиями с культурно-познавательными целями и т.п., а случаи, когда наши соотечественники попадали за рубеж вследствие превратностей судьбы.

Ключевые слова: Российская империя, эмиграция, русское Зарубежье, Восточная Пруссия, Северная Америка, Африка.

XVIII в. стал временем возникновения довольно значительных эмиграционных потоков из России. К ним относится эмиграция казаков-некрасовцев, запорожских казаков, старообрядцев, калмыков после ликвидации Калмыцкого ханства, а также крымских татар и ногайцев в связи с вхождением Крыма в состав Российской державы. Данные факты имеют свои четко сформулированные причины, но были ситуации, когда за границу империи ее подданных выбрасывали совсем не планируемые обстоятельства, а просто случай и судьба.

К таким «эмигрантам поневоле» можно отнести, например, А.А. Виниуса. Сын знаменитого мануфактурщика, А.Д. Виниуса, он с 1701 г. управлял Артиллерийским приказом, но в 1703 г. разжалован за медлительность, а в 1706 г. даже обвинен в хищениях. За такие преступления в Петровскую эпоху карали безжалостно, и Виниус бежал от царского гнева в Голландию. Только через два года, в 1708 г., Петр I простил, видимо, не так уж и провинившегося подданного, что позволило ему вернуться на родину [7, т.1, 389].

В похожую ситуацию попал и А.П. Веселовский. Выпускник московской гимназии Э. Глюка, он с молодых лет подвизался на дипломатической службе, сопровождая в 1705-1708 гг. бар.Г. Гюйсена и кн. Б.И. Куракина. Но знание дипломатических тайн, а главное – желание использовать их для пополнения собственного бюджета, и подвело дипломата. Вероятно, он стал продавать рос-

сийские секреты Австрии. В 1719 г., разоблаченный, Веселовский скрылся. Понимая, что путь в Россию ему заказан, он пытался в 1724 г. получить подданство в Англии, но его прошение было отклонено парламентом. С 30-х гг. XVIII в. эмигрант проживал в Женеве, где и окончил свои дни [7, т.1, 376].

М.А. Голицын в 1715 г. тайно обвенчался с итальянкой и перешел в католичество, что считалось в тогдашней России уголовным преступлением. В царствование Анны Ивановны он был вызван на родину и за свой проступок подвергся унижительной опале – его сделали придворным шутом с позорной кличкой «хан самоедский». В 1740 г. Голицына женили на шутихе А.И. Бужениновой, вместе с которой он стал центральным персонажем свадьбы в «ледяном доме», безобразном мероприятии сумасбродной императрицы [7, т.1, 579].

Вообще над фамилией Голицыных в плане перехода в католичество тяготел какой-то рок. Еще один представитель этого рода вынужден был сменить веру, правда, при совершенно иных обстоятельствах. Это был сын российского посла в Голландии кн. Д. Голицына и Адель Амалии фон Шметан, Дмитрий, или, как его впоследствии стали называть на иностранный манер, Деметриус Галлицын. Когда узы брака ослабели и родители расстались, мать вернулась в Австрию и в 1786 г. убедила сына перейти в католичество. Иначе невозможна была бы военная карьера Деметриуса, так как австрийская армия не признавала другого вероисповедания. Став офицером, Галлицын в 1791 г. попал в США в составе делегации военных советников. Вскоре он оставил службу и поступил в Балтиморскую семинарию Св.Марии. В 1796 г., после ее окончания потомок русского княжеского рода первым на Американском континенте был рукоположен в сан католического священника. Затем ему удалось получить отцовское наследство из России. В 1799 г. отец Деметриус основал для католиков поселение в Западной Вирджинии, которое постепенно стало городом Лоретто. Богатый миссионер, он скупал на свои деньги земли в округе и по дешевке сдавал их в аренду своим собратьям по вере [12, 188].

Деметриус Галлицын был далеко не первым российским подданным, кто попал

* © Мазин К.А.

на берега Северной Америки. Автор исследования «Русские в истории Америки», В.П. Петров упоминает в своей книге о невнятных слухах о проникновении русских на Аляску в XVI и XVII вв., но эта гипотеза очень проблематична. Более внятна другая версия: 18 июля 1741 г. с корабля Чирикова «Св.Петр» пропала команда в 11 человек во главе со штурманом Авраамом Дементьевым [8, 17]. Есть косвенные данные о том, что они выжили и основали селение на Аляске [8, 23]. Но, из-за отсутствия прямых доказательств – это тоже только гипотеза.

А вот об участии российских подданных в войне за независимость США документы сохранились. До нас дошло шесть имен, хотя список, по мнению того же Петрова, далеко не полный [8, 213]. Среди участников американских событий мы видим эстляндского дворянина Вертера фон Розенталя. Он попал в Америку в 22 года и в 1775 г. добровольно вступил в армию Вашингтона, где дослужился до майора, являясь адъютантом Д. Джексона. За свои воинские заслуги Розенталь был удостоен ордена Цинцинати. После войны он вернулся на родину [8, 218].

В этом же списке бывший офицер русской армии Рубеная, как сказано в документах – «балтиец» по происхождению [8, 214]; русский путешественник, некто Корзухин [8, 218]; Карл Кист (или Чарльз Тиле, или Карл Тиль), аптекарь из Петербурга. Последний поставлял лекарства в армию Вашингтона, преуспел в этом предприятии и после войны купил издательское дело [8, 217].

Были бывшие российские подданные и на противоположной стороне – это ювелир из Ревеля З.И. Бохус. В России он выполнял алмазные работы на платьях Екатерины II и графов Орловых, но, видимо, проворовался и был вынужден бежать в Англию, откуда, и попал в армию роялистов.

И последним в нашем списке числится уже знакомый нам, бывший парижский студент, Ф.В. Каржавин, который провел в этой части света пять с половиной лет [8, 133]. В начале 1773 г. Каржавин воспользовался предложением П.А. Демидова сопровождать его внука, Кирилла Станиславского, в Амстердам к профессору Лейденского университета Аллеману, лекции которого привлекали молодежь 70-х гг. XVIII в., в том числе и русскую.

16 июля 1773 г. Каржавин отплыл из Кронштадта и 13 августа был уже в Амстердаме. Здесь он «исправил» возложенную на него Демидовым «комиссию» и получил от

его доверенного 6 тыс. гульденов вознаграждения. Затем Каржавин два месяца путешествовал по Голландии, познакомился, в числе прочего, и с Саардамом, где Петр I учился мастерству корабельного плотника. В октябре 1773 г. он покинул Голландию и через 10 дней очутился в Париже. Здесь он встретил много знакомых в российской миссии, возобновилось и сотрудничество с французскими учеными по переводу русских авторов для издания во Франции. Кроме этого, наш усердный ученик продолжал слушать лекции по физике и медицине [2, 25-27].

В 1774 г. Каржавин женился на бедной девушке Шарлотте Рамбур, бывшей в обучении у модистки. Расходы в связи с этим увеличились, демидовское вознаграждение таяло на глазах, и, по выражению самого молодого парижские годы «были отравлены нуждой» [2, 25]. Каржавину даже пришлось делать помаду, чтобы оплачивать лекции.

В 1775 г., когда началась война за независимость в Америке, во Франции поднялось всеобщее возбуждение, приведшее к созданию многочисленных отрядов добровольцев. Сказались симпатии к новым идеям, традиционная для французов нелюбовь к Англии и то обстоятельство, что именно в это время был ограничен доступ в офицеры представителям третьего сословия.

В марте 1776 г. конгресс США послал за помощью во Францию своего представителя Саймона Дина. А когда осенью того же года пришло известие о принятии американцами «Декларации независимости», возбуждение достигло апогея, и на волне всеобщего энтузиазма Каржавин решает отправиться в Америку. Он всегда перед лицом официальных властей отрицал политическую подоплеку своего путешествия. Например, в подробной «сказке» (т.е. рапорте) в Коллегию иностранных дел Каржавин всячески подчеркивал коммерческий характер поездки [2, 29]. Ту же причину он указывал в письме к отцу: «Хотя я имел заведения там корреспонденции торгов американских, состоящем в сахарном песке, в хлопчатной бумаге и кофе, однако от глаз далеко и самому лучше побывать» [2, 28]. Но бумаги личного архива Каржавина дают право говорить и о явных симпатиях их хозяина к франко-американской стороне и о попытках личного участия если не в военных действиях, то в политической борьбе сторонников генерала Вашингтона.

В ноябре 1776 г. Каржавин прибыл на остров Мартиника в город Сен-Пьер. Здесь, чтобы добыть средства к существованию, он

некоторое время работал учителем [2, 28-29], а в апреле 1777 г. на зафрахтованном французском судне «Ля Жантий» с грузом вина, водки, патоки и соли отправился к американскому берегу.

Трижды едва избежав встречи с английскими кораблями, блокировавшими побережье, только на 26-й день пути Каржавин прибыл в порт Гэмптон в устье Джеймс-Ривер в Вирджинии. Через месяц после прибытия состоялась первая попытка русского путешественника поступить на американскую службу. 15 июня 1777 г. он послал представителю конгресса Дж. Хенкоку письмо с предложением услуг переводчика, так как прошли слухи о якобы уже свершившемся «русском десанте» в Америку [2, 32]. Распродав свои товары, через четыре месяца с грузом табака Каржавин отплыл обратно, но на этот раз ему не повезло: судно было захвачено англичанами и отконвоировано в Нью-Йорк, который находился под властью Великобритании до конца войны.

Каржавин не успокоился и предпринял безнадежные попытки вернуть утраченное. Два месяца он бродил по театру военных действий, переходя линию фронта и подвергая себя лишениям и опасностям. Затем начались годы странствий Каржавина. Он исколесил всю страну, пройдя от Северной Каролины до Бостона более тысячи километров. Спасаясь от английского десанта, весной 1779 г. даже жил у индейцев. Для того чтобы заработать на жизнь, был и аптекарем, и врачом, и преподавателем иностранных языков. Наконец, в апреле 1779 г. он поселился в столице Вирджинии Вильямсберге, где устроился приказчиком к французскому купцу [18, 133-134], одновременно ставя опыты (и довольно успешные) по разведению в Америке волжского табака [18, 139].

Здесь состоялось знакомство Каржавина с правительственными кругами этой страны. Он, вероятно, участвовал в формировании французского военного соединения из жителей Мартиники и Сан-Доминго, так как в Вильямсберге жил в доме инициатора этого предприятия капитана Лапорта. Есть версия, что американские власти хотели послать Каржавина официальным дипломатическим представителем в Россию [2, 30]. Трудно, в этом плане, не согласиться с исследователем каржавинского странствия А.И. Старцевым, который писал: «Каржавин был не только первым русским путешественником, посетившим США, но одним из первых европейцев, которые в этот ранний период истории Соеди-

ненных Штатов детально и глубоко изучили страну, ее природу, государственный и частный быт американцев» [18, 136].

В январе 1780 г. Каржавин вернулся на Мартинику. Остров, после объявления Францией войны на стороне колоний, превратился в крупную военно-морскую базу, и россиянину удалось устроиться на работу во французское адмиралтейство. Однако здешнего заработка явно не хватало для возвращения на родину, и Каржавин снова пустился в авантюру прибыльного бизнеса во время войны. На сей раз он в мае 1782 г. попытался прорваться к американскому берегу на испанском корабле, но вновь потерпел фиаско: судно было захвачено, сам «предприниматель» попал в плен. Его довольно быстро освободили – помог изготовленный Каржавиным поддельный паспорт на имя врача и капитана Ивана Баха.

После освобождения Каржавин попытался в Нью-Йорке перейти на американский берег Гудзона, но снова был задержан и выслан. Сначала он некоторое время жил на Сан-Доминго, затем обосновался на Кубе, занимаясь врачебной практикой и преподаванием иностранных языков.

Последнее, третье посещение США состоялось у Каржавина уже после окончания войны за независимость. В августе 1784 г. он отплыл из Гаваны в Нью-Йорк, затем через Филадельфию вернулся в знакомую Вирджинию, где вновь зарабатывал на хлеб врачеванием и преподаванием иностранных языков, потом устроился переводчиком во французское консульство [18, 135].

Все чаще он задумывался о возвращении на родину, чему мешало, естественно, отсутствие средств. Каржавин был вынужден обратиться в 1787 г. с письмом в российское посольство в Париже, сотрудники которого переслали его матери вынужденного изгнанника, Анне Исаевне (отец, В.Н. Каржавин, умер в 1786 г.). Последняя решительно отказала сыну, но затем под влиянием родственников, особенно зятя, профессора живописи Г.И. Козлова, она все-таки выслала из отцовского наследства необходимые 1200 ливров.

В апреле 1787 г. Каржавин отплыл из Вирджинии на Мартинику, а в ноябре того же года окончательно покинул эту часть света. В январе 1788 г. он был уже во Франции, разыскал жену, которая отказалась сразу присоединиться к мужу, так как боялась, что всегдашняя нищета, преследовавшая их семью, будет тяжелее переноситься в незнакомой стране.

Полгода в Париже Каржавин пытался

издать то, что было написано в 1773-1776 гг., прося вместо гонорара лишь 25 экземпляров своей будущей книги. Но эти усилия не увенчались успехом. В начале июня 1788 г. громадное трехмачтовое американское судно вышло из Гавра. На его борту находился Каржавин, так описавший это событие: «Он идет на Восток только за товарами. Это первый американец, который плывет в Петербург с момента независимости, и ежегодно он совершает это путешествие» [2, 32].

На родине странника, прошедшего вдали от нее в общей сложности 28 лет, ждали нищета и многолетняя тяжба по поводу наследства отца [2, 33-35]. Но нам рано расставаться с этим историческим персонажем. Его имя связано еще с одним мировым событием – Великой Французской революцией. Есть очень спорная гипотеза о том, что Каржавин бывал во Франции во время революционных событий в 1789-1790 гг. Во всяком случае, он пытался это сделать, свидетельством чему служат два его сообщения в «объявлении отъезжающих за границу» в «Санкт-Петербургских ведомостях» [2, 81] именно за эти годы.

Наши соотечественники действительно стали свидетелями революционных потрясений во Франции. С.Р. Долгова писала: «Агенты Екатерины доносили ей о русских, участвовавших в поднесении адресов Учредительному собранию. Среди депутатов «всей вселенной» на демонстрации 17 июня 1790 г. были и русские» [2, 50]. Но говорить об участии какого-либо значительного количества россиян в политических баталиях этого эпохального события все-таки не приходится. Мы знаем о близости к наиболее радикальным революционным кругам гр.П.А. Строганова. Он, по совету своего наставника, француза Жильбера Ромма, предпринял в 1786-1790 гг. путешествие за границу для завершения образования. После посещения Германии и Швейцарии они прибыли в Париж, вероятно, в декабре 1788 г., причем юный граф находился здесь инкогнито под псевдонимом гражданина Очера (так называлась река в Пермской губернии, где располагался завод Строгановых). Что это? Революционная конспирация? Скорее всего – нет. Просто главная цель Строганова была — получение знаний, а псевдоним — чтобы не общаться в высшем свете и не отвлекаться от занятий [19, 48-50].

Естественно, пройти мимо знаменательных событий, от которых сотрясались вся Европа, молодой человек не мог, и Строганов с лета 1789 г. посещал заседания Генеральных штатов в Версале и интересовался

прессой и публицистикой [19, 51]. 7 августа 1790 г. он даже получил диплом члена Якобинского клуба [19, 50]. Но это, скорее, юношеский порыв под влиянием своего учителя Ромма, действительно целиком окунувшегося в политическую борьбу, после того, как его ученик по настоянию старого графа в августе 1790 г. покинул Париж [19, 55]. Так что якобинский диплом Строганова — скорее экспонат для коллекции заблуждений молодости, чем свидетельство революционного настроения аристократа-богача.

К наиболее радикальным поступкам россиян в годы Французской революции можно отнести вступление в ряды Национальной гвардии пенсионера Академии художеств архитектора Коммисарова [2, 50]. Были российские подданные и по другую сторону баррикады. Например, брат екатерининского фаворита гр.П.А. Зубова, Валириан, участвовал в 1792 г. волонтером в войне против Франции [7, т.2, 298].

Но чаще всего русские свидетели французских революционных событий оставались лишь сторонними очевидцами, как это очень точно охарактеризовал Н.М. Карамзин, бывший во Франции в 1790 г.: «Ни якобинцы, ни аристократы твои не сделали мне никакого зла; я слышал споры, и не спорил...» [4, 130]. Вообще, активное участие во всех международных событиях и столкновениях от европейских революций до Англо-бурской войны — удел наших соотечественников в следующем, XIX столетии.

Судьба и случай заносили россиян в XVIII в. не только в близкую Европу, не только в далекую Америку, но и в не менее далекую Африку. Первопроходцами здесь были сбежавшие с Камчатки ссыльнопоселенцы. 27 апреля 1771 г. они устроили бунт в Большерецком остроге. Возглавлял бунтовщиков венгерский граф Мориц Бениовский (в документах встречаются транскрипции Беньовский и Бенновский). Он начинал служить в австрийской армии, потом стал полковником Барской конфедерации в Польше, в сражении против русских частей попал в плен, бежал, но снова был задержан и, в конце концов, сослан на Камчатку [1, 128].

12 мая 1771 г. восставшим (по разным данным их было от 70 до 110 человек) удалось захватить казенный гамот «Святой Петр» и началась их «одиссея» [1, 137-138]. В Японии они пробовали начать переговоры о своем поселении в этой стране, но эта попытка не увенчалась успехом, что вполне естественно при закрытом характере данного государства.

Высадка на Формозе (Тайвань) закончилась еще хуже: там мятежная команда оставила три трупа [1, 146]. В Макао всех ее членов вообще посадили в тюрьму, предварительно конфисковав их корабль. Затем мятежники разделились. 11 или 12 человек отправились вместе с Бениовским на Мадагаскар, где основали город Луисбург. Однако неумный характер предводителя бунтовщиков не дал ему умереть своей смертью: Бениовский перессорился с французскими властями острова и был в 1786 г. убит в стычке в возрасте 45 лет [1, 165].

Другая партия мятежников, обогнув Африку, стала первой группой русских, пересекшей экватор. До этого подобный вояж совершали только отдельные россияне-волонтеры, проходившие морскую практику на кораблях британского флота [1, 152]. Они добрались до Франции и в апреле 1773 г. устроили переполох в русской парижской миссии, так как восставшие покидали Камчатку с угрозой вернуться обратно с «иностранной поддержкой». Но, измученные дальними странствиями, мятежники уже не представляли опасности. Участники бунта, штурманский ученик Бочаров и канцелярист Судейкин подали в посольство подробное «Описание о походе и мореплавании». Советник российской миссии Н.К. Хотинский с уезжавшим в Россию Д.И. Фонвизинным передал депешу гр.Н.И. Панину, в которой писал, что «принял в покровительство» 16 мужчин и одну женщину, прося субсидию, так как «намеревался переправить их в отечество» [2, 26]. Родина встретила беглецов не ласково – их снова, якобы «добровольно», отправили на Камчатку [1, 159].

Примерно, в то же самое время появился в Африке сбежавший из России уроженец Нижнего Новгорода «Иван Степанов сын Сезиомов». Он поселился в Готтингтонской Голландии, женился и обзавелся тремя детьми [1, 359]. В конце века, в 1798 г. судьба занесла в Южную Африку Г.С. Лебедева, где он встретился с русским стажером Ю.Ф. Лисянским, у которого встреча оставила неприятное впечатление, так как будущий мореплаватель узнал, что его соотечественник, будучи певчим в посольском хоре в течение 1777-1785 гг., сбежал из-за долгов из Европы в Индию, где прожил 12 лет. Затем по тем же причинам он был вынужден перебраться на Африканский континент [1, 197-198]. Здесь, в Кейптауне, Лебедев прожил 10 месяцев, подрабатывая концертами, а затем вернулся на родину, где не был в общей сложности 24

года. Заграничные странствования преобразили простого русского паренька. «Выехал Лебедев из Петербурга певчим посольского хора. Приехал основателем русской индологии» [1, 212].

Да мало ли россиян, которые в давние времена побывали в Африке или даже осели там, но о которых до нас не дошло документов [17, 6].

Но вернемся в Европу. Надо затронуть еще одну очень интересную составляющую российского Зарубежья – длительное пребывание наших оккупационных войск в Восточной Пруссии, которая находилась под российской юрисдикцией с 1758 г. по 1762 г.

Здесь постепенно складывался специфический островок этого социально-культурного феномена со своим относительно постоянным и временным населением, церковью, русскими студентами местного университета, супружескими парами, повседневным бытом и даже со своими любовными драмами. Подданные русской короны здесь подолгу жили, строили мосты, решали сложные и нехитрые проблемы с местным населением, к ним приезжали погостить родные из России. Например, когда (тогда еще подполковника, а в будущем генералиссимуса) А.В. Суворова ранило в боях с прусскими войсками, он получил отпуск, который провел не на родине, а у своего отца, генерал-аншефа В.И. Суворова, являвшегося в 1761 г. губернатором Восточной Пруссии. У него в это время гостили дочери Анна и Мария. Вот и провел отпуск будущий великий полководец с близкими в Королевском замке Кенигсберга [5, 56].

Между тем одностороннего акта присоединения новой провинции, который совершила Россия, было явно недостаточно с международной точки зрения. Такое присоединение требовалось закрепить договорами с другими государствами. Россия вступила по этому поводу в переговоры с союзниками, но они затянулись, а с кончиной императрицы Елизаветы Петровны прекратились вовсе [5, 40]. Сменивший ее на троне Петр III уже в первом трактате от 5 мая 1762 г. безоговорочно отдал Фридриху II все территории, прежде занятые русскими. Начался тяжелый процесс вывода российских частей из Восточной Пруссии. Положение мало изменилось и после дворцового переворота 9 июня 1762 г., когда на престол взошла Екатерина II. Прусские власти буквально «выдавливали» русские части, заставляя их в поспешности оставлять снаряжение и продовольствие. Например, надо было распродать армейские запасы

хлеба, но прусские оппоненты давали слишком низкую цену, ссылаясь на якобы плохое качество хлеба. Даже «через документ» чувствуется, что действовали они с позиции силы – все равно, мол, не вывезут, хлеб в любом случае останется здесь, поэтому и можно ставить условия [5, 69]. Отметим, что спустя 230 лет германские власти с немецкой педантичностью повторяют аналогичную процедуру с выходящей с ее территории российской армией.

Так и покидали русские войска землю Восточной Пруссии, оплатившей, мягко говоря, «невежливостью» за 4-летнее излишне либеральное правление в ней российской короны. Но русские солдаты и офицеры уносили с собой не только горечь растоптанных побед, они, вернувшись домой, выполняли очень важную информационно-познавательную функцию, делясь со своими соотечественниками личным опытом европейской жизни.

Случай и судьба выносили за границу империи представителей еще одной категории населения России – крепостных крестьян, которые в своем беге от помещиков довольно часто оказывались в положении эмигрантов.

Мы выборочно рассмотрели материалы 50 допросов задержанных беглецов, отложившихся в фондах уездных воеводских и провинциальных канцелярий. Проведенный анализ позволяет сделать ряд ориентировочных выводов. Бежали за границу и мужчины, и женщины, но последних, по естественным причинам, было, судя по анализируемым фактам, в четыре раза меньше. Обычно это были одиночные крестьяне, только в шести случаях побега пределы России покидали семьями. Возраст беглецов был различным, но заметно преобладали крепостные самого трудоспособного возраста, от 25 до 45 лет, которым, вероятно, было легче адаптироваться в новой стране пребывания. Время, проведенное в эмиграции, также различно – от 4 месяцев до 45 лет, но в подавляющем большинстве случаев фигурирует срок от 2 до 5 лет. Это, видимо, объясняется трудностями адаптации и действиями на территории Польши (именно туда бежали все без исключения допрашиваемые) русских воинских команд по поимке беглецов, усилившихся после манифеста 1762 г.

Все, без исключения, допрашиваемые отмечали крайние трудности своего существования за границей. Большая часть работала за мизерную заработную плату (от 1,5 до 3 рублей в год) у крупных землевладельцев;

значительная часть – у зажиточных крестьян; несколько меньше добывали пропитание поденными работами (рубка дров, распиливание досок и т.п.). Многих судьба заставляла «кормиться мирским подаванием» [9], а некоторых толкала и к воровству и разбоям [10].

Материалы допросов показывают, что манифест 1762 г., дававший прощение всем российским беглецам, серьезно повлиял на реэмиграцию крепостных крестьян. Вот типичный случай по этому поводу. Крепостной Кондрат Пахомов (Бельский уезд, помещик Д.А. Ефимов) бежал с семьей еще в начале 40-х гг. XVIII в. в Польшу, где работал у пана Чарторыжского. Но в 1765 г., «незахотя более там жить и прослыша про высылку из-за рубежа российских беглых разного звания... вышел сам собою» [11]. Но если суммировать показания фигурантов допросов, то мы увидим, что, несмотря на дарованное беглецам прощение, поток эмиграции крепостных не уменьшился.

Самый большой интерес при анализе данных материалов представляет вопрос о мотивации крестьян к побегу. На первом месте в этом плане стоит уклонение от рекрутских наборов, на втором – физические издевательства помещиков. Здесь постоянно мелькает фамилия душевладельца Бельского уезда В.И. Березовского – все бежавшие от него указывали именно эту причину [12].

На третьем месте стоят непомерные поборы помещиков, или как говорили сами беглецы, указывая причину бегства, «от тягости в помещичьих пригонах» [13]. И только трое из допрашиваемых основным мотивом своего ухода назвали то, что они пришли «в крайнюю скудость и пошли кормиться в другие места» [14]. Таким образом, можно сделать вывод, что описанные случаи не являются даже прототипом экономической эмиграции, факторы которой еще не сложились ни в юридическом плане, так как именно XVIII в. стал периодом расцвета крепостного права, ни в экономическом плане, потому что мы не наблюдаем массового ухода в поисках лучшей доли за границу черносошных крестьян. Лишь в 80-е гг. следующего, XIX столетия, крестьяне, проживающие на территории Российской империи, обретая свободу как от крепостной неволи, так, во множестве случаев, и от земли, миллионным эмиграционным потоком устремляются на Запад.

Кроме того, эмиграция беглых крепостных была чаще всего неосознанной – случай прокладывал маршрут беглеца через границу. Все без исключения крепостные из опи-

санных нами случаев сначала просто убегали от своих помещиков, и только не найдя возможности как-то закрепиться в западных уездах России, в поисках работы и пропитания переходили на территорию Польши. Здесь мы имеем дело, скорее всего, со своеобразным видом крепостной эмиграции, близкой по своей сущности к сословно-политической разновидности оставления родины. Но хотя она была спонтанной и случайной, ее масштабы достигали значительных размеров: по данным Военной коллегии, только за октябрь 1765 г. российские воинские части вывели с территории Польши 10198 беглых крепостных [15].

Куда только не заводили судьба и случай подданных Российской империи в XVIII в. Некоторые маршруты их вынужденных путешествий могли бы стать сюжетом интереснейшего приключенческого романа. Чего, например, стоит странствование русского сержанта Филиппа Ефремова. Он в 1774 г. попал под Оренбургом в плен к пугачевцам, от которых Ефремову удалось сбежать. Но его снова пленили, на сей раз киргизы, продавшие русского пленника местному чиновнику. Тот пытал несчастного, склоняя его к переходу в ислам. Три раза Ефремов подвергался страшному истязанию: ему в рот вливали огромное количество соленой воды. Подвергшийся такой пытке человек умирал в течение суток. Но целью алатыка, владевшего жизнью сержанта, была не его смерть, а получение в свое распоряжение прекрасно обученного и храброго воина. Поэтому Ефремова при помощи специальной каши из овечьего сала и пшена три раза возвращали к жизни и вновь подвергали страшным мучениям. В конце концов, его удалось склонить к присяге алатыку, но веру свою мужественный пленник не оставил.

Повоевав в Хиве и заработав расположение своего хозяина, Ефремов, подделав посольскую грамоту, бежал через Тибет в Индию, где вновь был арестован английским комендантом. Только назвавшись родственником графа Чернышева, ему удалось освободиться из плена и добраться до Лондона, а оттуда, после почти десятилетнего странствия, изобиловавшего опасностями и невзгодами, вернуться в Петербург [3, 19-28].

Еще более поразительно сложилась судьба нижегородского купца 2-ой гильдии Василия Баранщикова. В 1780 г. он стал жертвой датских работоторговцев, которые отправили его солдатом-невольником на остров Св. Фомы. Затем он оказался в еще более жал-

кой участи раба на плантациях Пуэрто-Рико. Но здесь ему впервые улыбнулось счастье: его полюбила жена губернатора острова. Она выкупила невольника и помогла ему отправиться в Европу. Но на этом приключения русского купца не закончились: корабль, на котором он возвращался, был захвачен алжирскими пиратами, и эмигранта поневоле вновь ждал рабский удел, на сей раз в Хайфе. Оттуда Баранщикову удалось бежать на греческом судне в Константинополь. Здесь, чтобы сохранить жизнь, ему пришлось принять ислам и даже поступить на службу янычаром. Наконец, удача улыбнулась изгнаннику – он дезертировал и в 1787 г. вернулся на родину [6].

Вот такими, хотя и одиночными, но очень яркими красками судьба и случай раскрашивали палитру российского Зарубежья XVIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Облик далекой страны. М., 1975.
2. Долгова С.Р. Творческий путь Ф.В. Каржавина. М., 1984.
3. Ефремов Ф. Десятилетнее странствие. М., 1952.
4. Из «Писем русского путешественника Н.М. Карамзина» // Сивков К.В. Путешествия русских людей за границу в XVIII в. СПб., 1914.
5. Крестинин Г.В. Под российской короной, или русские в Кенигсберге. 1758-1762. Калининград, 1996.
6. Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 годы. СПб., 1787.
7. Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т.1-2, 1994-1996.
8. Петров В.П. Русские в истории Америки. Вашингтон, 1988.
9. РГАДА. Ф.239. Оп.1. №23628. Л. 2-3.
10. РГАДА. Ф. 466. Оп.1. №1362. Л.3; там же. Ф. 469. Оп.1. №69. Л.1 и ор.
11. РГАДА. Ф.461. Оп.1. №2778, Л.3.
12. РГАДА. Ф. 461. Оп.1. №2224. Л.1; там же. №2453, Л.3 и др.
13. РГАДА. Ф.461. Оп.1. №1896. Л.2.
14. РГИА. Ф.1088. Оп.20. №681. Л.1.
15. РРГВИА. Ф.19. Оп.4. Л.50.
16. Рейтман М. Знаменитые эмигранты из России. Очерки о россиянах, добившихся успеха в США. Ростов-н/Д., 1999.
17. Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII-1960 г. Т.1. М., 1999.
18. Старцев А.И. Ф.В. Каржавин и его американские путешествия // история СССР. 1966, №3.
19. Чудинов А.В. Ж.Ромм и П. Строганов в революционном Париже // Россия и Франция. XVIII-XXвв. КН.2. М., 1998.

K. Mazin

RUSSIANS ABROAD IN XVIII CENTURY: THE CASE AND DESTINY

Abstract. The article is focused on the origin of a very peculiar social and cultural phenomenon of the 18th century – Russian emigrants abroad. The author examines facts of non-motivated sojourn over a long period of

time which was connected with education, visiting health resorts, journeys and cases when Russian people found themselves abroad by vicissitude of fate.

Key words: Russian empire, emigration, Russian emigrants abroad, East Prussia, North America, Africa.

УДК 008 (470.621)

Раздольский С.А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АДЫГСКОЙ КУЛЬТУРЫ XVI - XX вв.*

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации адыгской культуры в XVI - XX вв. Показано, как в результате обмена материальными и духовными ценностями, под влиянием синтеза культур различных цивилизаций адыгская культура подвергалась трансформации. Несмотря на эти глубинные процессы, ей удалось сформировать устойчивую периферию культурного ядра, выразившуюся в институтах, компонентах, элементах культуры, которые оказывали и оказывают влияние на ценностную ориентацию адыгского этноса в условиях глобализации.

Ключевые слова: трансформация адыгской культуры, духовные ценности, синтез культур, периферия культурного ядра.

Исследованию различных аспектов северокавказского общества посвящены работы В.А. Тишкова, Л.М. Дробизева, С.П. Полякова, А.Ю. Шадже, Э.А. Шеуджен, Р.А. Ханаху, Ф.С. Эфендиева и других.

Проследить трансформацию адыгской культуры в XVI - XVIII веках нам позволяют культурные контакты адыгского этноса с носителями культуры соседних культур, цивилизаций.

Рассматривая проблему общекавказского культурного пространства (цивилизации, субцивилизации), мы должны иметь в виду высказанную в этнографической и культурологической литературе точку зрения о том, что две и несколько соседних культур в процессе естественно-неосознанного подражания или же на вполне осознанной рациональной основе воспринимают друг от друга некоторые элементы, приводят их в соответствие с

собственными потребностями. Общая судьба, история, схожие условия существования (в том числе природно-ландшафтные), могут обусловить образование общих черт. Так создаётся определённая общая «тональность», общий «акцент» культур одного региона, в данном случае — одной историко-этнографической области.

Северокавказский регион был заселён народами, которые в этническом отношении делились на группы. По правобережью кочевали ногайцы, делившиеся на наврузовцев, касаевцев, караногоаев. На левобережной Кубани жили западные адыги. В их состав входили абадзехи, темиргоевцы, шапсуги, хатукоевцы, бжедуги, бесленеевцы и др.

Ногайцы были представителями кочевой культуры. Об этом, в частности, свидетельствовал французский консул в Крыму М. Пейсонель: «Ногайцы - народ кочевой, они не имеют ни городов, ни сел, живут в войлочных кибитках, которые перевозят на телегах» [1].

В отличие от ногайцев, черкесы упорно отстаивали свою политическую и религиозную самобытность. Потребовалось целых два столетия, чтобы окончательно сломить их противодействие мусульманству.

Захват Приазовья турками в 1475-1479 гг. открыл им путь на Северо-Западный Кавказ. Орудием его завоевания стали татары.

Установка мусульманской культуры вступала в противоречие с культурой адыгов. Новая религия распространялась медленно и с трудом. Первыми, кто воспринял её, были адыгские дворяне.

Факты свидетельствуют о том, что западные адыги с оружием в руках отстаивали свою независимость в борьбе с турками и тата-

* © Раздольский С.А.

рами. Однако последним удалось подчинить своей власти часть адыгов. Адыги вступили в вассальные отношения с Крымом. Весной 1519 г. хан Мухаммед-Гирей писал в Москву: «Из Черкас к нам послы приходили, да нам били челом, чтобы мы к ним послали, а они нам хотят дати подать» [2].

По-видимому, адыгские князья сочли более безопасным перейти под власть Крыма, полагая, что это гарантирует им защиту. Временное спокойствие, однако, обходилось им недёшево: они должны были откупаться от ханов богатыми подарками и рабами, а также принять мусульманство со всеми подданными. К началу XVI в. восходит обычай преподнесения каждому вступающему на престол хану и султану определённого количества адыгских мальчиков и девочек. Следуя требованиям вассальной зависимости, западные адыги подтвердили свои обязательства при восшествии на престол хана Садет-Гирея в 1523 г. Они прислали в столицу Крыма послов и рабов [3]. И с этого момента они должны были участвовать в походах крымских ханов. Так, например, в 1521 г. черкесы вместе с татарами напали на русские земли [4].

Ориентация адыгского дворянства на Турцию была неоднозначной. Вектором развития выступал религиозный элемент культуры. Те князья, которые придерживались установок на культурные контакты с Россией, окончательно утверждаются в христианстве, а те, что ориентируются на Турцию, - в исламе.

История западных адыгов в XVI в. определялась начавшейся агрессией крымских татар и турок и установлением политических связей с Россией. Военные действия со стороны соседних цивилизаций приводили одноядерную культуру в состояние интровертности. Элементы замыкались вокруг ядра, не пропуская информацию, исходящую из компонентов самой культуры, и не направляли никакой информации к институтам культуры. Эта информация могла бы привести к началу изменения адыгской культуры.

Победа России над Казанским и Астраханским ханствами в 1552-1556 гг. сопровождалась обращением адыгских князей к русскому царю с просьбой оказать им помощь в борьбе с Крымом и Турцией. Начинается развитие русско-адыгских связей, приведших к оформлению в 1557 г. покровительства России.

В российской цивилизации государственность выступает доминантной формой социальной интеграции, задавая единый для

российского общества нормативно-ценностный порядок в качестве символической основы национального единства [5]. В результате были созданы такие механизмы социально-экономической и политической организации российского общества, которые permanently превращали страну в некое подобие военизированного лагеря с жёсткой централизацией и бюрократизацией управления, строгой социальной иерархией и дисциплиной поведения, тотальным контролем за различными сферами жизни и деятельности, «государственным» единомыслием.

История свидетельствует, что народы Северного Кавказа и России относились друг к другу с большим уважением, имели давние этнокультурные связи и обменивались материальными и духовными ценностями. Всё это способствовало формированию и развитию менталитета горских народов под влиянием синтеза культур различных цивилизаций.

Если христианско-византийский тип культуры рассматривал свою культуру как высшую и византийцы сознательно ограждали себя от иноземных влияний, то русский тип культуры порождал в русско-православном культурном архетипе черты мессианства. Эта нормативно-ценностная автаркия на уровне «коллективного бессознательного» была свойственна переселенцам, прибывавшим на Кавказ из центральной и окраинной России.

Носителями русской культуры среди колонистов Северного Кавказа были казаки. Царь Иоанн Грозный принял Терских казаков под своё покровительство и повелел им «служить свою службу государскую и беречи свою вотчину Кабардинскую».

В ходе исторического процесса переселения на Кавказ наблюдаются различные варианты межэтнических контактов, характер которых зависит, в первую очередь, от степени активности этносов. Естественно, что наиболее активные этносы пытаются полностью поглотить менее активные и малочисленные, навязывая им элементы своей культуры. Любой этнос, в том числе и русский, в активной фазе своего развития стремится овладеть как можно большим геополитическим пространством. Для этого занимаются всё новые и новые территории, заключаются политические союзы, а также распространяются собственные идеалы - политические, религиозные, экономические и т.д., которые в той или иной степени способствуют ассимиляции окружающих народов. То, насколько далеко зайдут эти процессы в действительности, за-

висит лишь от степени оказываемого сопротивления и настойчивости доминирующего этноса. То есть можно сказать, что в истории господствует принцип - каждый народ достоин ровно столько места под солнцем, сколько он может удержать.

Живя на Кавказе, русский этнос сумел выработать прекрасное ментальное качество сверхнапряжённой работы, умения быстро сконцентрироваться, быстро приспособиться к природно-географическим зонам Северного Кавказа, к жизни и быту горцев.

Это возможно объяснить пассионарностью, вызванной сверхнапряжением, в котором находились колонисты. Пассионарность действительно может находить отражение в среде казачества, поскольку способность к сверхнапряжению, естественно, была присуща русскому этносу, находившемуся в стрессовой ситуации, вызванной постоянной военной обстановкой. По мнению Д.Н. Глебовского, Ю.В. Громова, С.А. Хрущева, стресс как физиологическое состояние по энергетическому смыслу, возможно, является составляющей признака пассионарности. Ведь стрессовая реакция, по определению, - это быстрая мобилизация энергетических ресурсов организма. Интересно, что стресс существенно повышает мутабельность. Показано, что выделение в организм больших доз кортикостероидов имитирует стрессовую реакцию и одновременно вызывает разрыв хромосом, повышая число хромосомных перестроек. Число хромосомных мутаций при этом увеличивается как в половых, так и в соматических клетках. Следствием мутации является появление в генотипе людей признака пассионарности, формирующего новый стереотип поведения [6].

На вопрос, какой тип культуры создавал стабильность русским колонистам Северного Кавказа, можно ответить - православный.

Высший уровень стабильности русского общества на Кавказе мог достигаться через религиозное сознание, потому что именно в нём есть твёрдое понимание того, что можно, а что нельзя. Для выживания общества необходимы были эти духовные факторы, необходимы духовно-нравственные начала, вырабатываемые, в данном случае, христианской культурой. Поэтому христианство как элемент русской культуры на Северном Кавказе часто сосредоточивало в себе основной интеллектуальный потенциал общества. Религиозные, мировоззренческие, этические системы по-своему отражали уровень и характер самосознания общества колонистов,

их уровень понимания своих исторических задач, себя как единого целого.

Отвечая на вопрос, в какой степени духовная культура как код человеческой жизнедеятельности может распространяться и проникать в ситуации, отличные от тех, в которых она первоначально сформировалась, приходим к выводу, что такое проникновение в новые ситуации происходит в ходе решения текущих жизненных конфликтов. Конфликты, если их правильно понимать, представляют собой симптомы расхождений между установившимися подходами и оценками в меняющейся ситуации.

Таким конфликтом у горцев могло быть отношение к вере отцов на фоне проникновения в их культуру христианства и ислама, привнесённых русскими переселенцами и турецкими и татарскими мурзами.

Пока религиозные группы, исповедующие традиционную религию, были небольшие, то ситуация относительно культа была проста и понятна. Эти группы в силу своего опыта бессознательно выполняли задачу закрепления в архетипе языческой формы обряда. Когда же с развитием кавказской цивилизации и в связи с проникновением христианских и мусульманских обрядов закрепление становится сложным, то появляется необходимость участия в ней людей с религиозным опытом. Таким опытом обладали русские колонисты или мусульманские священники. Но даже на этом сложном уровне закрепление веры осуществляется только с помощью группового опыта, а колонисты с религиозным опытом христианского толка могут повлиять, только если они являются участниками этого опыта. То же самое отмечается и в исламе. Происходит слияние двух религиозных опытов: религии горцев в форме синкретизма и религии христианства и ислама.

Знатные горцы, приняв православие или ислам, пытались распространить свой религиозно-инновационный опыт на соплеменников, должны были обладать высоким уровнем пассионарности, чтобы искоренить языческий культ в вопросе вероисповедания. Приняв юрисдикцию России и понимая зависимость от правящих элит, они должны были закрепить православие как доминанту веры, чтобы их подданные были для русских своими. А если эта юрисдикция исходила из Турции, то она закреплялась как доминанта мусульманского вероисповедания.

Исходя из этого, можно заключить, что в этот период трансформирующим вектором

развития адыгской культуры выступает религия. Культура в своём развитии обращается лицом либо на Восток, либо на Запад.

Рассматривая русский период христианизации Кавказа как новационное воздействие на культуры горских народов, можно сделать вывод, что любые новые идеалы могут быть восприняты этносом лишь в том случае, если они имеют точки соприкосновения с глубинными структурами сознания - этническими константами. Если же таких точек нет, то любые самые прогрессивные идеи не будут восприняты этносом, они будут восприняты лишь на короткое время, а затем отторгнуты. Так произошло с распространением христианства в культурной среде горцев. Горский этнос очень жёстко реагировал на угрозу своей картине мира. Такая реакция происходила на системном уровне, срабатывала этнопсихологическая защита от инноваций в культуру, она не зависела от воли конкретных людей. В сознании же горца необходимость участвовать в защите этнической картины мира могла быть обоснована самыми разными причинами и проявлялась в самой разнообразной форме.

Одни горские этносы, как, например, осетинский, приняли новационное воздействие русского православного христианства; это означает, что религиозный элемент после инновационных воздействий закрепился в элементе культурного ядра как традиция. Это способствовало переходу осетин на сторону России в сложный военный период истории. Другие горские этносы восприняли мусульманство как традицию своей культуры, что охарактеризовало освободительный период в истории как борьбу за свободу от неверных.

С царствования Петра русское правительство начинает расширять пределы южных границ и мало-помалу переходит к активному вмешательству в дела Северного Кавказа. Но понятно, что при враждебном отношении горцев Северного Кавказа ко всему русскому невозможно было и думать о распространении среди них русской православной культуры.

К началу XIX в. взаимодействие культур способствовало большему разнообразию человеческого опыта, а также постоянному процессу переоценки ценностей. Однако в конечном итоге это огромное разнообразие опыта, а также тот факт, что конкурирующие системы религиозных ценностей взаимно уничтожали друг друга, привели к нейтрализации религиозных ценностей вообще. В этом заключается одна из причин того, что горское

общество не могло противостоять духовному и политическому вызову, брошенному тоталитарными государствами в лице России и Турции.

Известно, что когда традиционная (народная) религия разрушается под давлением верований народов-завоевателей, этническая идентичность получает жестокий удар, если она вообще выживает. Но северокавказская - выжила.

В конце XVIII в. начинают коренным образом изменяться ценностные доминанты адыгской элиты. Это связано, прежде всего, с ценностями ядра культуры.

На этот процесс оказывает влияние механизм «ухода - возврата». Всё чаще адыгские дворяне начинают появляться при дворах турецких султанов или российских императоров. Их выбор определяется установками ценностно-религиозного вектора культуры. Адыгские дворяне пытаются воздействовать на культурные установки своих детей, посылая их знакомиться с культурой соседних цивилизаций.

В первой половине XIX в. у адыгов происходило массовое смешение и слияние различных племён, что было связано не только с процессом формирования этноса на развалинах старой родоплеменной структуры, но и с обострившейся классовой борьбой внутри отдельных феодальных владений, приводившей, в частности, к переходу крестьян из группы «аристократических» племён в группу «демократических» племён. Это приняло такой масштаб, что прежде незначительные племена шапсугов, нутхайцев и абадзехов превратились в самые крупные этнические подразделения адыгов. Параллельно с ростом населения «демократических» племён происходило и увеличение занимаемых ими территорий, то и другое происходило за счёт «аристократических» племён, что весьма ослабило последних. Горские народы испытали кризис самоидентификации. Угроза потери независимости, необходимость преодоления этнической, клановой и социальной разобщённости активизировали исламизацию Северного Кавказа как интеграционного фактора.

В годы Кавказской войны фронтальное столкновение адыгской культуры с российской носило противоречивый характер. Часть горской элиты и горских обществ колебались в вопросе отношений между двумя культурами, переходя от одной оценки культуры к другой. В этот период ядро адыгской культуры приобретает качество блуждающего. Особую роль в этом процессе сыграло поражение

в Кавказской войне и мухаджирство, которое привело к этнокультурной и демографической катастрофе адыгских и некоторых других народов, тяжёлым экологическим последствиям на Кавказе.

В результате трансформации изменяется конструкт периферии ядра адыгской культуры. Чтобы сохранить ядро, культура вынуждена трансформировать такие институты, которые выступают раздражителями для русской культуры. Это институты наездничества и адата. Институт адата со временем будет функционировать как суд шариата, а наездничество трансформируется в традиционный обычай воровства невест.

После окончания Кавказской войны старшее поколение горцев, которому суждено было вести борьбу с русскими, постепенно исчезло. Новое поколение горцев росло в новых, иных условиях, в другой исторической обстановке, раны, нанесённые войной, постепенно затянулись. Условия мирного труда, мирной совместной жизни с русскими со временем примирили противоборствующие стороны. Перед кавказским духовенством поставлена была задача просвещения горцев Северного Кавказа. Происходившие на Кавказе в XIX веке культурные изменения всё больше подчинялись логике культурной коммуникации. В ценностях казачьей культуры мы видим много общего с традиционной адыгской культурой. Поэтому эти культуры на бытовом уровне общения легко сближались и трансформировались.

В начале XIX в. возникла необходимость просвещения как в Черноморском войске, так и среди адыгов. Епархиальное начальство приступило к разработке специальных программ, в которых указывалось, о чём и как говорить с коренными жителями Кавказа и православными казаками. Само собой, что эти программы не везде и не всегда выполнялись.

В конце XVIII - первой половине XIX в. культура казачества и горцев отличалась интенсивностью развития. Этот период трансформации адыгской культуры отмечен деятельностью адыгских писателей-просветителей. Исходя из насущных потребностей жизни, они стремились приобщить адыгов к русской и европейской культуре.

Деятельность адыгских писателей-просветителей многогранна: художественное творчество, создание алфавитов и учебников родного языка, запись и публикация устно-поэтических народных произведений.

Для ядра адыгской культуры двуа-

зычие играло огромную роль. В этот период язык как элемент периферии ядра культуры начинает свою трансформацию в сторону билингвизма. Билингв всегда владеет системой родного первичного языка, а второй язык используется им в различной степени в зависимости от «знаний и умений» строить высказывания на этом языке. Стремление адыгской культуры перейти в вопросе письменности на русскую графическую базу был необходим с целью облегчения приобщения адыгов к русскому письму и русской культуре.

В начале 60-х годов XIX в. русские учёные приступили к изучению горских языков Северного Кавказа. При огромном разнообразии языков на Северном Кавказе возникла необходимость в языке межэтнического общения и письменности. Таким языком и стал русский.

Русская школа не только распространяла знания, но и влияла на горские народы. Как ни чужды были элементы русской цивилизации для адыгов, но в короткое время они становятся привлекательными, ядро адыгской культуры начинает тесно взаимодействовать с русской культурой.

Таким образом, огромную и неопенимую роль в зарождении и развитии профессиональной культуры сыграла русская культура, сама Россия. Именно в стенах российских учебных заведений абсолютное большинство адыгских (черкесских) просветителей получили светское образование.

Русская культура XIX - XX вв. ставила перед собой цель через инновацию изменить существующие нормы и традиции или обеспечить возможность порождения иных традиций и норморегулирования в компонентах адыгской культуры, чтобы через них, в свою очередь, трансформировать адыгскую культуру в целом.

Одним из поворотных периодов в истории народов России и Северного Кавказа является новая эпоха, которая началась в результате Октябрьских событий 1917 г.

Двадцатый век в истории культуры многих в прошлом бесписьменных народов, в том числе адыгов (черкесов), характеризуется своего рода периодом распада синкретического сознания и образования целой системы форм общественного сознания, которая сложилась через профессиональную, «высокую» культуру. При всей противоречивости и значительных недостатках в культурном строительстве одним из главных его достижений является то, что за годы Советской власти была создана огромная армия националь-

ной интеллигенции.

В 90-е годы XX столетия адыгская культура как часть северокавказского социокультурного пространства изменилась под воздействием глобализации. Именно мозаика культур различных этносов складывается в такие понятия, как культура адыгов, культура народов Северного Кавказа, культура России, общечеловеческая культура, и это становится безусловным условием в культурной глобализации сегодняшних дней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря 1750-1762. Краснодар, 1927. С. 17.
2. Сб. РИО. Т. 95. С. 635.
3. ЦГАДА. Ф-123. Д. 6. Лл. 9, 12 об., 13 об., 14 об.
4. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 13. М.; Л., 1965. С. 37.
5. Культурология / под науч. ред. проф. Г.В. Драча. Ростов н/Д, 2005. С. 454.

6. О теории пассионарности Л. Гумилева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rangifer.org/gumilev/paradigma>.

S. Razdolsky

TRANSFORMATION OF ADYGHE CULTURE IN THE 16-20TH CENTURIES

Abstract. The paper examines the transformation process of Adyghe culture in the 16-20th centuries. The transformation of Adyghe culture is shown to be a result of an exchange of material and spiritual values and an influence of synthesis of cultures of various civilizations. Despite these profound processes, the Adyghe culture managed to generate a steady periphery of the cultural core expressed as institutes, components and elements of culture influencing axiological orientation of Adyghe ethnoses in conditions of globalization.

Key words: transformation process of Adyghe culture, spiritual values, synthesis of cultures, periphery of the cultural core.

УДК 323.1(470)(=22)»19/20»

Шакирова А.М.

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ (УММЫ) И ДУХОВЕНСТВА СРЕДНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX вв.*

Аннотация. В статье представлено историко-политическое рассмотрение изменения политики российского правительства в отношении мусульманской общины и духовенства в течение 19-20 вв. на примере Средневожского региона. На основе исторических фактов раскрываются проблемы взаимоотношений государства и мусульманского населения изучаемого края. Результаты исследования могут быть использованы студентами, преподавателями и всеми, кто интересуется вопросами истории Симбирской и Казанской губерний.

Ключевые слова: эволюция, политика, Российское правительство, мусульманская община, умма, мусульманское духовенство, Средневожский регион.

С незапамятных времён в Российском государстве наряду с традиционной христ

анской религией у многонационального населения необъятной страны были востребованы различные религии, в том числе ислам у мусульманского населения страны. Указ Екатерины II от 22 сентября 1788 г. об учреждении Мусульманского Духовного Собрания был первым законодательным актом, на основании которого ислам официально приобрел статус «терпимой религии» на территории Российской империи. Закон официально разрешал мусульманам повсеместное свободное отправление «их веры и богослужения по обрядам оной» [2, 9]. В это время в Российской империи управление мусульманской общиной осуществлялось местными и центральными, светскими и духовными органами власти.

По Уставу Департамента духовных дел иностранных исповеданий назначение на духовные должности во всех терпимых в Российской империи конфессиональных ор

* © Шакирова А.М.

ганизациях, находящихся на её территории, относилось к компетенции государственной власти. Высшее духовенство назначалось царем. Остальные духовные лица назначались или утверждались Министерством внутренних дел (МВД) или губернскими властями. На губернаторов, губернские управления, уездных начальников и других местных должностных лиц возлагался административный надзор за деятельностью духовенства иностранных исповеданий, за точным исполнением ими законов и распоряжений правительства [8, 28].

Российское государство во все времена по линии МВД всегда успешно использовало действенный рычаг воздействия на иноверческое меньшинство на своей территории, в том числе и на сословие зависимого мусульманского духовенства. В итоге мусульманское духовенство превратилось в низовое звено администрации Российской империи, «головой» отвечающее за подведомственной население.

В условиях царизма мулла был официальным представителем гражданской власти, назначаемым и утверждаемым в первую очередь государством. При вступлении в должность каждый священнослужитель письменно заявлял о своей искренней, а не вынужденной лояльности в отношении государственности и государя. Местные органы власти воспринимали мулла как «должностных лиц, состоящих на государственной или общественной службе» [10, 4 об.]. А мулла выступал связующим звеном между мусульманским населением и правящей властью.

В 1782 г. указом правительства Екатерины II в Уфе учрежден муфтиат. В 1788 г. учреждено Оренбургское Магометанское Духовное Собрание (ОМДС), переведенное позднее в Уфу. В конце 30-х г.г. XIX столетия в Оренбургское духовное правление входило и Симбирская губерния [5, 150].

ОМДС представлял собой политический союз на территории Российской империи, правила которого определяла светская сторона. С одобрения Духовного собрания открывались русско-татарские школы, высшие учебные заведения, которые приобщали инородцев к русской культуре.

Принимая социально-экономические решения в отношении исламского населения, представители царской администрации совещались с руководителями исламских общин. При возникновении малейших политических недоразумений среди мусульман центральные власти в первую очередь обращались

к Духовному собранию. Духовное собрание разъясняло подведомственному населению позицию властей в различных государственных вопросах, смысл проводимых правительством мероприятий. Обязанностью духовенства было «читать правовые акты, которые признано, будет сделать наиболее известными в народе» [8, 28].

Политика царской администрации в области мусульманской общины Средневолжского региона отличалась продуманностью и выверенностью действий. Представители царской власти воздерживались от принятия решений в отношении мусульман без одобрения представителями мусульманской общины.

В 30–40-е годы XIX века российским правительством были учреждены штатные должности магометанских мулл в военных портах и гарнизонах некоторых городов Российской империи. В Симбирской губернии «для нижних воинских чинов магометанского закона, еще в 1838 г., нанят был, от казны, мулла» [5, 150]. В том же 1838 году был нанят мулла для исполнения духовных треб магометанам военного ведомства в г. Казани [7, 127]. В 1896 г. при пересмотре штатов иноверческого духовенства в войсках штаты для мусульман были полностью упразднены.

К укреплению позиций духовенства в общественной и культурной жизни мусульман на территории Российской империи вело и, безусловно, способствовало и официальное признание мусульманских служителей культа государственной властью Российской империи, наделявшей их рядом функций государственных чиновников и создававшей им определенный статус в обществе.

Этот статус мулл, создаваемый на своей территории Российским государством, позволял государству через мулла оказывать решающее воздействие на все дела мусульманской общины и формировать общественное мнение. Как писал один из дореволюционных исследователей, мусульманская община обращалась к имаму во всех жизненных делах, «начиная с покупки ишаков и кончая женитьбой сыновей, выдачей замуж дочерей и починкой старых самоваров» [13, 3]. Такая позиция позволяла правительству Российской империи в значительной мере контролировать мусульманское население на территории Российской империи, соблюдая интересы как самого мусульманского населения, так и государства. В статье Ф. Брайна-Беннигсена высказывается мысль, что «в атмосфере относительного либерализма 60-

х гг. XIX в. уже были невозможны открыто принудительные методы».

В случае негативной оценки инициативы правительства Российской империи населением мусульманских общин, проживающих на территории страны, правительство принимало меры по предотвращению волнений мусульман. В шифрованной телеграмме из Санкт-Петербурга Симбирскому губернатору в январе 1907 г. сообщалось о недопущении агитации мусульманского населения делегатами собрания мусульман, проходившего 15 декабря 1906 г. в Уфе. «Уфимский мулла Соберзян и купец Хакимов имеют целью вести агитацию по вопросам: 1). Об изъятии училищных сумм из заведывания русскими чиновниками; 2). Об отмене школьной отчетности на русском языке; 3). Об отмене образовательного ценза для ахунов и мулл; 4). Об установлении для служащих магометан свободного празднования их праздников и разрешении магометанам торговать в христианские праздники; 5). О введении в дело - производства учреждений с преобладающим мусульманским составом татарского местного языка» [17, 9].

Таким образом, в Российской империи в рассматриваемый период между высшими и местными органами власти была создана четкая система взаимоотношений по вопросам, касающимся мусульманского населения Симбирской и Казанской губерний в вопросах политического, общественного, экономического, образовательного характера.

Согласно закону о веротерпимости 1905 г. правительство Российской империи отказывалось от гонений на мусульман на своей территории, стремилось превратить ислам в «терпимую» религию мерами, направленными на интеграцию мусульманской общины (уммы) в экономическую, административную и правовую систему государства [6, 23]. В результате направленных действий правительства Российской империи, его взвешенной политики в отношении мусульман, Махалля в сельской местности стала пониматься и как низший уровень орган религиозной автономии (в вопросах религии и образования) и земского самоуправления (в остальных сферах).

В рассматриваемый исторический период на территории Российской империи в мусульманских общинах по инициативе царской администрации и помощи православной духовной власти создавались русско-православные школы, русские классы при религиозных мусульманских учебных заведениях.

10-15 апреля 1905 г. в Уфе при Духовном Собрании под председательством муфтия М. Султанова прошло заседание «Улама жэмгыате» («Общества улемов»). На этом заседании рассматривались вопросы введения трехуровневой системы управления. Собрание было созвано по указанию Председателя Кабинета министров С. Витте для составления официального доклада, касающегося проблемы мусульманской общины [18, 187].

Уже к началу XX в. формирование продуманного отношения к исламу внутри страны становится одним из приоритетов государственной власти Российской империи. Руководящий принцип в политике по отношению к мусульманским подданным был выражен в Журнале Комитета министров от 22 февраля и 1 марта 1905г.: «Мусульманское население внутренних губерний всегда исполняло свой долг перед государством наравне с его коренными подданными и не доставляло правительству каких либо забот в отношении политическом. Исторически сложившимися отношениями этими надлежит дорожить и испортить следует опасаться» [19, 22 об.].

Российское правительство всегда осознавало необходимость сотрудничества с мусульманами, проживающими на его территории. Проводя свою политику в отношении мусульман, проживающих на территории Российской империи в конце XIX-начале XX вв., правительство стремилось сделать из всех религиозных конфессий подконтрольное административное звено, выполняющее государственные функции.

Эта традиция сохранилась, и, по мнению президента Российской Федерации Д. Медведева, «накоплен неплохой опыт общения сотрудничества мусульманской общины с государством» [1].

Современное общество в настоящее время продвигается по пути демократии в период глобализации, и это вызывает необходимость решения национальных и конфессиональных проблем. Эти вопросы занимают важное место во внутренней и внешней политике государств, и решение их является трудной и необходимой задачей.

В дореволюционное время в Российской империи проблема во взаимоотношениях с исламом в отношении мусульманского населения, проживающего на её территории стояла так же остро, как и сейчас. В настоящее время необходимо использовать накопленный *богатый положительный опыт решения конфликтных ситуаций между государственной властью и мусульманским населением Сред-*

невожского региона в Российской империи.

Историко-политическое изучение эволюции политики российского правительства в отношении мусульманской общины и духовенства Средневожского региона в конце XIX-начале XX вв. может быть примером при решении современных вопросов взаимоотношений государственной власти с мусульманскими общинами и духовными лицами страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пятницкая С. Дмитрий Медведев пообщался с муфтиями и посетил главный мусульманский храм, URL: <http://kp.by/online/news/514010/?geo=3> (дата обращения: 15.07.2009).
2. Свод законов Российской империи : [Изд. 1876-1917 гг.]. В 16 т. Т. II. Ч. I. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1896. Ст. 1, 2.
3. Воробьева Е. И. Власть и мусульманское духовенство в Российской Империи (II половина XIX в. – 1917г.) / Е. И. Воробьева // Исторический ежегодник. Омск, 1997.
4. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) / В. С. Дякин // Вопросы истории. 1995. № 9.
5. Мартынов П. Л. Город Симбирск за 250 лет его существования : систематический сборник исторических сведений о г. Симбирске / П. Мартынов. Симбирск : Симбирская губ. учен. арх. комис., 1898.
6. Фаизов Г. Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье / Г. Б. Фаизов ; Уфим. науч. центр Рос. АН, Отд-ние гуманитар. наук АН Респ. Башкортостан, Ин-т истории, яз. и лит. Уфа : УНЦ РАН, 1995.
7. Арапов Д. Ю. Ислам в Российской империи : законодательные акты, описания, статистика / сост. и авт. введ. ст., коммент. и прил. Д. Ю. Арапов. М., 2001.
8. Клочков В. В. Закон и религия: От государственной религии в России к свободе совести в СССР / В. В. Клочков. М. : Политиздат, 1982.
9. Абдуллин Х. М. Мусульманские капелланы в царской России / Х. М. Абдуллин // Медина аль-ислам. 2006. № 19 (июнь).
10. НАРТ (Национальный архив республики Татарстан), Ф. 1, оп. 3, д. 7798.
11. Саидбаев Т. С. Ислам и общество: опыт ист. – социол. исслед. – 2-е изд., доп. М., 1984.
12. ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. 76, Оп. 8. Д. 594.
13. Ашмарин, Н. И. Несколько слов о литературе казанских татар / Н. И. Ашмарин // Журнал министерства Народного просвещения. 1905. № 1.
14. Брайан-Беннигсен Ф. Миссионерская деятельность в Поволжье / Ф. Брайан-Беннигсен // Татарстан : Общественно-политический и теоретический журнал. 1994. № 1-2.
15. Спасский Н. А. Просветитель инородцев Казанского края Н. И. Ильминский. Приложение I / Н. А. Спасский. Самара, 1900.
16. ГАУО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 934.
17. ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 864.
18. Хабутдинов А. Татарская махалля эпохи оренбургского магометанского духовного собрания в структуре нации / А. Хабутдинов // Татарские мусульманские приходы в Российской империи : материалы Всерос. науч.-практич. конф. Казань, 2006.
19. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 821. Оп. 8. Д. 801.

A. Shakirova

HISTORICAL AND POLITICAL STUDY OF RUSSIAN GOVERNMENT EVOLUTION IN RESPECT OF THE MUSLIM COMMUNITY (UMMAH) AND CLERGY OF THE SREDNEVOLZHSKY REGION AT THE END OF 19 - BEGINNING OF 20 CENTURY

Abstract. The article presents historical and political review of the change of Russian government policy towards the Muslim community and clergy during the 19-20 centuries at the example of Srednevolzhsky region. On the basis of historical facts there reveal the problems of relationship between the government and the Muslim population of the studied region. The results of the investigation may be used by students, teachers and all those interested in history of Simbirsk and Kazan provinces

Key words: evolution, politics, Russian Government, Muslim community, umma, Muslim clergy, Srednevolzhsky region.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИРОТСКОГО СУДА г. ВЛАДИМИРА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.*

Аннотация. Освещается деятельность сиротского суда в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. Рассмотрены законодательная основа, принципы комплектования, место сиротского суда в структуре городских органов управления. Показаны особенности взаимоотношения опекунов и опекаемых, особенности функционирования капитала в семьях, потерявших кормильца. Сделан вывод об эффективности деятельности сиротского суда.

Ключевые слова: реформы Екатерины II сиротский суд, семья, функционирование капитала.

Изучение семьи как одной из важнейших социальных структур позволяет проследить особенности функционирования общества на конкретном этапе его развития. В последние десятилетия подобный подход стал закономерным следствием переориентации исследований от социальной к социокультурной истории, в которой значительная роль отводится различным аспектам традиций повседневных отношений. В данном контексте большой интерес представляет сложившаяся практика опеки семей, потерявших кормильца.

Проблема опеки впервые в русском законодательстве была поставлена в Русской Правде [42, 327]. На протяжении столетий общество по-разному решало вопрос о социальной поддержке наиболее уязвимых категорий населения – прежде всего малолетних детей и вдов. После смерти главы семьи в случае отсутствия взрослых мужчин оставшиеся члены семьи начинали испытывать нужду в стабильном источнике доходов. Длительное время функцию призрения брала на себя церковь. С XVIII в. все активнее в регулирование защиты лиц, нуждающихся в попечительстве, вмешивалось государство.

В данной статье рассматривается деятельность Владимирского сиротского суда. Сиротские суды, созданные в последней четверти XVIII в., являлись принципиально новой для российской действительности структурой социального попечительства. Основной их задачей являлась опека вдов,

сирот и их имущества из непривилегированных слоёв городского населения. Обращение к указанной проблеме вызвано, прежде всего, слабой изученностью темы. Долгое время исследователи активно разрабатывали вопросы деятельности органов опеки либо в историко-правовом аспекте, обычно в рамках изучения гражданского (семейного и наследственного) права [см.: 29; 32; 37; 38; 40], либо в контексте общей характеристики реформ, проводимых Екатериной II [см.: 36; 39; 33; 41 и др.]. Реальное функционирование сиротских судов на региональном уровне практически не изучено. Здесь можно отметить лишь небольшую статью О.Е. Думенко о сиротском суде г. Твери в конце XVIII – начале XIX в. [31, 71–77]. Между тем рассмотрение данного вопроса позволяет более полно представить социальный аспект реформ Екатерины II и выявить некоторые черты психологи и социокультурного облика купечества и мещанства.

В соответствии с «Учреждениями для управления губерний» сиротские суды создавались при городских магистратах [28, 430–435]. Однако, это были вполне самостоятельные административные структуры со своим штатом и делопроизводством. В составе делопроизводственной документации сиротского суда г. Владимира можно выделить докладные реестры, журналы заседаний, рапорты и ведомости опекунов, дела об установлении опеки, отдельные указы наместнического правления [Государственный архив Владимирской области. Ф. 549]. Этот комплекс документов вместе с материалами Владимирского городского магистрата (Ф. 17) и городской думы (Ф. 400) составил источниковую базу данного исследования. Дополнительно были привлечены законодательные акты.

С точки зрения действовавшего законодательства опека являлась установленным государством попечением о тех, кто по разным причинам не мог самостоятельно позаботиться о себе и своем имуществе. Следовательно, опека – это установление государственное, а не частно-правовое [30, 71]. Таким образом, государство обязано было взять на себя контроль и за деятельностью лиц, осуществлявших опеку, и за деятельностью самого сиротс-

* © Киприянова Н.В.

кого суда. Отчёт о своих делах «погодно» суду следовало отправлять в губернский магистрат. Закон предусматривал, что в сиротском суде «председает» городской глава, а вместе с ним заседают два ратмана городского магистрата и городской староста. Все эти должности являлись выборными в системе городского административного управления. Во Владимире выборы «к общественным должностям» - городского главы, заседателей совестного суда, старост и словесных судей, бургомистров и ратманов городского магистрата – по указу наместнического правления были проведены в 1778 г. [8, 1], вскоре после открытия Владимирской губернии. С этого времени и начинается деятельность городского сиротского суда.

В первые годы осуществления местных административных реформ функции вновь создаваемых структур управления не были четко разделены. В частности, в 1791 г. в деятельности сиротского суда принимал участие секунд-майор Г.А. Григорьев. Он являлся заседателем Приказа общественного призрения, в ведении которого находились богадельни, работные и смирительные дома, учебные заведения. Григорьев обратился к сиротскому суду с просьбой от Приказа о взыскании с купца Ульянова долгов по поставкам продовольствия («муки, крупы и всяких съестных припасов») для инвалидного дома [9, 3]. Подобные вопросы находились в ведении магистрата и полиции. В данном случае происходило замещение понятий: функции индивидуального попечительства были распространены на целое учреждение. По наблюдениям О.Е. Думенко, аналогичная ситуация на начальном этапе проведения реформ наблюдалась и в Твери: обязанности сиротского суда и Приказа общественного призрения были тесно переплетены, и сиротскому суду поручалось следить за работой городской школы и богадельни [31, 72-73]. Со временем, в соответствии с законодательством Екатерины II было завершено разделение полномочий между местными органами власти.

Основной функцией сиротского суда являлось обеспечение опеки над детьми горожан, оставшихся без родителей. Поводом для установления опеки являлось полное или частичное отсутствие у опекаемых правовой или хозяйственной дееспособности.

Процедура установления опеки начиналась с констатации факта сиротства. На заседании сиротского суда городской глава сообщал «присутствующим» о детях, остав-

шихся без попечения родителей. Эти данные должны были поступать из магистрата, но в журналах заседаний применялась традиционная формула - «до сведения моего дошло» - без указания на источник информации. Далее глава подчеркивал, что он «долгом своим поставляет сей суд уведомить ... по силе высочайшего о управлении губерний учреждения» [14, 1]. Ссылка на долг не являлась пустым звуком или формальным оборотом речи. В соответствии с 296 ст. «Учреждений» одна из обязанностей городского главы состояла именно в уведомлении членов суда об осиротевших малолетних детях. Далее сообщались самые общие сведения – о возрасте и месте жительства сирот, о недвижимом имуществе, зафиксированном в городской обывательской книге. В случае смерти обоих родителей детей приглашали на заседание сиротского суда с целью «взять с них сведения» об имеющихся родственниках, о наличии возможных «на родителях их долгах» и «другаго какого имения, кроме вышеназванного». Например, после смерти купца Я.Смолина и его жены оставшиеся без попечения дети – сын Алексей 15 лет и дочь Афимья 12 лет – самостоятельно отвечали на вопросы «в присутствии». О родительских долгах они, естественно, ничего сообщить не могли, но о «дядях родных», «зятях» и других лицах разной степени родства или свойства рассказывали подробно. Эти показания заносились в журнал заседаний и заверялись. В данном случае «за себя и за сестру» расписывался Алексей Смолин. После «слушания оной скаски» и «разсуждений» члены сиротского суда выносили решение о назначении опекунов [14, 1-2]. Если в живых оставался один из родителей, то он подавал заявление – «прошение» - в сиротский суд о попечительстве. Обычно это была мать-вдова. В прошении уже указывалось, кого желательно назначить опекуном [19, 1; 3, 334 об.]. Как правило, предпочтение отдавалось ближайшим родственникам. В случае смерти матери сиротский суд мог возложить опекунские обязанности на отца малолетних [25, 3; 20, 10 об.]. Нередки случаи, когда вопрос о назначении опеки поднимался по заявлению кредиторов [5, 714]. При отсутствии родственников или свойственников сиротский суд мог предложить взять опеку над детьми-сиротами посторонним людям.

Требования к опекунам в законодательных актах предъявлялись высокие: они должны быть «доброго, честного и порядочного поведения», не иметь «явных и гласных» пороков, не состоять под судом. Обви-

нение в «невоздержанном поведении» могло привести к отстранению от опекунства [25, 35]. Запрещалось назначать опекунами лиц несостоятельных, растранивших свое имущество, а также имевших ссору с родителями малолетних. Опекун был обязан обеспечить не просто «достаточное содержание» детей в зависимости от размеров наследства, но и «отеческое попечение» и «добронравное воспитание» их «в познании тоя веры», к которой принадлежали опекаемые. За исполнение принятых обязанностей опекуна полагалось вознаграждение – 5 % от годового дохода с опекаемого имущества. Опекунов могло быть двое-трое, тогда сумма вознаграждения распределялась между всеми [28, 431-433].

Следующим шагом в процедуре учреждения опеки был учёт и оценка всего оставшегося движимого и недвижимого «имения». Учёт имущества преследовал две цели: во-первых, определить величину налога на наследство, во-вторых, установить материальное положение опекаемых. На данном этапе фактически определялось, за счёт каких средств будут дальше жить подопечные. Оценка имущества производила специальная комиссия, в которую входили представители сиротского суда, родственники умершего, если они имелись, два «добросовестных свидетеля» и обязательно секретарь магистрата, который и заполнял опись. Один экземпляр описи со скрепами опекунов, секретаря и свидетелей передавался в сиротский суд, а второй оставался у опекунов. С этого момента не только дом, хозяйственные постройки, огород и т.п., но и вся домашняя утварь находилась под контролем.

Материальная заинтересованность играла не последнюю роль в принятии решения об опекунстве. В 1806 г. владимирские купцы 2-й гильдии Михаил и Андрей Петровские обратились в городской магистрат с просьбой освободить их от опекунских обязанностей над имуществом малолетнего Андрея Свешникова. В качестве обоснования данного решения они сослались на занятость «по своим торговым коммерциям» и «малочисленность его Свешникова недвижимого имения» [2, 513]. Просьба об освобождении от опекунства могла обосновываться разными другими обстоятельствами. Так, купец 3-й гильдии А.Лапотников просил сиротский суд снять с него опекунские обязанности «за дальним родством, одиначеством, да к тому же за выбором в здешнюю шестигласную думу» [11, 2 об.]. Иногда опекун при необходимости – например, при длительной отлучке по делам в

другой город - мог временно передавать свои полномочия другому лицу. Например, купец 2-й гильдии И.Г. Петровский, собираясь на год в Москву «по торговой надобности», до своего возвращения возложил опекунские обязанности на сына. Отдельного разрешения для этого не требовалось [3, 93 об.].

В отдельных случаях в решение сиротского суда могло вмешаться губернское правление, хотя законом его контролирующие функции не предусматривались. Например, в 1807 г. специальным указом правление распорядилось «уволить от опекунства» купца Николая Потанина, который во Владимирском магистрате исполнял «секретарскую должность». Причину прекращения опекунских обязанностей правление объяснило тем, что «секретарю в магистрате посторонними делами кроме своей должности заниматься неприлично». Кроме того, вместе с Потаниным опекунами по данному имению сиротским судом были назначены еще три человека [2, 355 об.]. В законе не оговаривалось количество опекунов на одно хозяйство. Судя по рапортам и отчётам, подаваемым ежегодно в сиротский суд, сирот и оставшееся имение обычно опекали два человека. Увеличение числа опекунов в данном случае, возможно, было связано с размерами имущества: по сведениям городской обывательской книги, в наследство малолетним Петровским, над которыми осуществлялась опека, достались три дома, семь лавок, шесть пожен, пивоварня [7, 85 об.-86.].

Исключительно подробную инструкцию по осуществлению опеки содержало «Примерное, или повальное, наставление опекунам», помещённое в XXI гл. «Учреждений для управления губерний». Законодательство учитывало все виды движимого и недвижимого имущества, которое переходило по наследству: «дома, лавки, фабрики или заводы и тому подобное... движимое имение, крепости, вексели, контракты, закладные и всякия вещи». Все это поступало опекунам в «смотрение и ведомство». В их подчинении отныне находились и приказчики (если они имелись), и работавшие на промышленных предприятиях крестьяне. «Наставление» подчёркивало, что опекуны должны осуществлять хозяйственную деятельность по имуществу малолетних в полном объёме: «содержать и приводить торги, промыслы и прочия дела... содержать фабрики, заводы», взыскивать долги по векселям и закладным. Полученный от хозяйства доход распределялся на две части. Из одной выделялись средства для

содержания малолетних «по имуществу без излишества и без роскошных прихотей», из второй следовало оплатить «государственные поборы бездоимочно».

Сложным оставался вопрос о долгах самих опекаемых. Закон однозначно предписывал «имение освободить от всякого долга». Для этого опекунам следовало «стараться изворачиваться» таким образом, чтобы была возможность ликвидировать первоочередные долги, а для других «выиграно было время». Полная продажа имущества для погашения долга не предусматривалась. В случаях, когда сумма долга превышала стоимость оставшегося у малолетних имущества, сиротский суд выносил решение «имение для удовлетворения наследников сохранять» [18, 102]. Если «приходы, прибыль или барыш» были недостаточны для ликвидации задолженностей, опекунам следовало обратиться в городской магистрат за «наставлением». В самом крайнем случае, когда «малолетний остался без всякого имения», сиротскому суду предстояло решать, каким образом обеспечить его дальнейшее существование. Закон в этом случае рекомендовал поместить сироту «в общественное для сырых училище», либо отдать «доброхотным людям» для обучения промыслу или ремеслу [28, 432-435].

С 1785 г. было установлено различие опеки и попечительства. Обязанности опекуна прекращались, когда опекаемому исполнилось 17 лет. С этого возраста он приобретал частичную дееспособность, но ещё не имел права полностью распоряжаться наследством. Попечитель, в отличие от опекуна, нес ответственность только за имущество. «Достигнув совершенных лет», подопечные могли подать прошение о передаче имения «в свое собственное владение» и назначении попечителя – обычно из ближайших родственников [22, 11 об.; 18, 110]. Выданная замуж девушка-сирота освобождалась от опеки, так как с этого момента находилась под покровительством мужа. По её просьбе он тоже мог быть назначен попечителем ее наследства [18, 78, 81 об.- 82 об.].

Итак, основной обязанностью опекунов являлось «умножение имения малолетнего». Деятельность по реализации данного положения определялась как структурой, так и размером полученного в опекунство имущества.

Дела Владимирского сиротского суда позволяют проследить различные аспекты функционирования института опеки над купеческими и мещанскими вдовами и сиротами. «Отчёты и рапорты опекунов» предо-

ставляют сведения о состоянии опекаемых и их имущества, прежде всего – об источниках дохода и основных статьях расхода. Эта информация объединена в ведомости в форме таблиц. В первой графе содержались данные о малолетних: имя, возраст, место жительства («в собственном доме», «у бабки», «в доме опекуна»). Во второй фиксировались сведения о полученном наследстве. Полностью заносились сведения только о недвижимости, о движимом имуществе давалась лишь самая общая информация – например, «товару в лавке на 200 руб.». В третьей графе указывалось, какие доходы были получены за год, в четвёртой – сообщалось о расходах. Векселя, заёмные письма, закладные и прочие финансовые документы обычно отдельно не выделялись. Информация о них появлялась только в графах «доходы» или «расходы». Например, «в претензии по условию полюбовно получено 50 руб.», или – «отдано по закладной купцу Лазареву 286 руб.» [24, 8, 35]. В конце XVIII – первой четверти XIX в. таблицы оформлялись от руки, в 1846 г. появляются бланки, отпечатанные в типографии. Сведения, необходимые для отчёта, систематизировались. В первую графу, помимо общих данных об опекаемых, следовало внести информацию о «звании» опекунов и степени их родства с подопечными. Во второй предлагалось описать недвижимость и показать «доход с имения деньгами и произведениями». Третья графа должна была содержать описание движимого имущества с учетом «капиталов наличных и в долгах находящихся». Также здесь требовалось указать, какие меры предприняты опекунами по взысканию долгов. В четвёртой графе делался акцент на описании «долгов на опекаемом казне и частным лицам». В пятую графу заносились расходы по трём пунктам: 1) на содержание опекаемых, 2) поддержание их имения, 3) уплата долгов с обозначением времени выдачи платежных расписок. В последней, шестой, указывался остаток наличной суммы и предложения опекуна по её использованию [20, 280 об.-281]. По форме эти отчетные ведомости несколько отличаются от аналогичных документов Тверского сиротского суда, но содержат практически те же сведения.

Дела об установлении опеки более информативны. Они интересны прежде всего тем, что позволяют проследить особенности взаимоотношений опекунов и опекаемых, дают представление о материальном положении, рисуют различные жизненные ситуации, характеризующие систему ценностей

горожан, их мировоззрение.

За период конца XVIII – первой половины XIX в. в фонде сиротского суда выявлено тридцать пять дел об определении опекунов к сиротам из купеческих и мещанских семей. Реально их должно было быть больше. В 1834 г. Владимирская палата гражданского суда проверяла отчёты опекунов. Одно из замечаний после проведенной проверки состояло в том, что на ревизию было представлено всего двадцать дел. Палата выражала недоумение, почему не учреждена опека над остальными сиротами [24, 39]. Возможно, сиротский суд не всегда в полном объёме исполнял свои обязанности, но следует также учесть, что установление опеки могло произойти только после подачи прошения или обращения городского главы. По инициативе суда опека не устанавливалась. Некоторые дополнительные сведения дают журналы городского магистрата. В частности, в них зафиксировано обсуждение членами магистрата вопросов об установлении опеки над имуществом и детьми умерших купцов К. Мигунова (1805 г.), Я. Холщевникова (1806 г.), М. Петровского (1806 г.), М. Философова (1807 г.), И. Алферова (1816 г.) и Н. Потанина (1839 г.) [1, 86; 2, 584 об.; 3, 334 об.; 5, 714]. Ни в рапортах и отчётах опекунов, ни в других делах эти фамилии не встречаются.

Обязанности опекуна были сопряжены с материальной ответственностью. Так, после смерти купца 1-й гильдии М.Я. Петровского, как и полагалось по закону, была произведена опись оставшегося имущества. Однако во время этой процедуры не присутствовали кредиторы, поскольку опекуны не сообщили в сиротский суд о наличии вексельных претензий. В целом недвижимое имущество М. Петровского было оценено в 22446 руб., а сумма долга различным кредиторам составляла 29601 руб. Каменные лавки были заложены, в лавках «товаров и в подвалах напитков» обнаружилось на 6000 руб. Даже полная распродажа всего наследства не позволяла погасить долг. Магистрат запретил проводить аукционные торги, ссылаясь на необходимость защиты интересов малолетних наследников [3, 69, 72, 325-326], а палата гражданского суда распорядилась «за упущение» (сокрытие сведений о долгах) наложить секвестр на имущества опекунов [18, 126 об.-127].

Нарушения закона во время составления описи при установлении опеки были достаточно распространённым явлением. Наиболее типичной была попытка утаить часть имущества, чтобы снизить налог на наследс-

тво. В этих целях было удобно использовать традицию раздельности имущественных прав супругов, характерную для российского законодательства. Русское право предусматривало для женщин возможность самостоятельного владения собственностью. Окончательно эта норма была закреплена указом от 17 марта 1731 г.: «Собственным их приданным именьям, и что они, будучи замужем, куплею себе или после родственников по наследству присовокупити, быть при них...» [26, № 5717]. Учёт сделок с недвижимостью производился как в городском магистрате, так и в палате гражданского суда, поэтому утаить сад, пожню, дворовое место и т.п. было невозможно. Зато любой член семьи при наличии средств мог приобрести серебряную посуду, упоминания о которой часто встречаются в описях купеческого имущества, «цепочки золотые звенчатые», образа в серебряных с позолотой окладах и т.п. Эти вещи могли быть и подарены. Установить права собственности на движимое имущество не всегда представлялось возможным.

В делах Владимирского сиротского суда сохранились сведения о махинациях с наследством до установления опеки или непосредственно во время процедуры составления описи. Например, Андрей Ульянов, двоюродный брат умершего купца Кузьмы Ульянова, был назначен опекуном к вдове Матрёне Ульяновой и ее малолетней дочери. В своем рапорте в сиротский суд опекун отметил, что часть имущества была спрятана вдовой в доме Алексея Лапотникова и «при генеральной описи» не учтена. Сама вдова уверяла, что припрятанные «образа в окладах, семь серебряных стаканов, поднос, четыре ковшичка» и другие предметы составляли «её вдовино имение», доставшееся от бабки, купчихи Котельниковой. Между тем А. Ульянов утверждал, что спрятанные от описи вещи остались «точно после покойного мужа из опшево нашего прародительского дома по разделу покойных Козьмы Ульянова и моего родителей» [12, 29-29 об.]. Некоторой нечистоплотностью отличались и сами опекуны-родственники. При составлении описи имущества уже упоминавшегося М. Петровского первоначально не были учтены оставшиеся в лавке товары стоимостью в 3000 руб. (ровно половина того, что должно было поступить в опеку). История получила огласку только после предъявления кредиторами векселей к протесту. Следует отметить, что одним из опекунов, назначенных сиротским судом, был И.Г. Петровский, двоюродный брат умерше-

го, а среди ратманов городского магистрата числился в это время М.Г. Петровский, также двоюродный брат покойного [3, 69; 34, 84]. В данном случае опекун преследовал свои личные цели. Для обеспечения содержания опекаемых ему предстояло продолжить торговое дело двоюродного брата. Сокрытие части товара предоставляло реальную возможность увеличить свой собственный капитал, а не только получать положенные по закону 5 % от прибыли. Ущемление интересов опекаемых в этой ситуации являлось для опекуна, вероятно, фактором второстепенным.

Некоторые сложности с установлением опеки возникали в тех случаях, когда «имение» умершего являлось частью общего капитала. Чтобы сохранить имеющийся социальный статус, дававший определенные сословные преимущества, купцы стремились предотвратить дробление капиталов. Часто «не в разделе» с главой семьи состояли его братья и взрослые сыновья, нередко со своими семьями. В соответствии с действующим законодательством они не являлись юридическими лицами и все сделки могли осуществлять только от имени «начальника капитала». После его смерти у них появлялась возможность начать самостоятельное «дело». В случае поступления имущества в опеку такой возможности уже не было. Подобная ситуация возникла, например, после смерти купца 3-й гильдии А. Гордеева, в одном капитале с которым состоял его брат, Осип Гордеев. Из-за долговых претензий имение – наследство малолетних – было арестовано. Брат покойного обратился в городской магистрат с просьбой оставить его «в купечестве в капитале 8000 руб.» при условии уплаты в казну процентных денег и даже пени после того, как будет снято запрещение с принадлежащей ему части имения. Магистрат просьбу удовлетворил [4, 29 – 30].

Раздел имущества с целью предотвращения секвестра допускался в отдельных случаях и после установления опеки. Например, после смерти жены купец С.С. Галкин был назначен опекуном своих четверых детей. Через год кредиторами были предъявлены различные долговые документы, вследствие чего возникла угроза ареста имущества. Галкин предложил выделить в самостоятельную часть приданое жены, чтобы оно «не подпало аресту и описи». По справке из городского магистрата выяснилось, что приданое «в святых образах и прочих вещах» составляло 1000 руб. и дополнительно 250 руб. «обращалось в торгу». Сиротский суд принял

решение сообщить в городскую полицию «о неприсоединении имения жены к имению отца» [18, 85-85 об.]. Данное решение позволяло опекуну продолжать торговлю, хотя и в ограниченном объеме.

Источники доходов в семьях, потерявших кормильца, зависели от структуры оставшегося имущества. Анализ представленных опекунами в сиротский суд документов позволяет сделать ряд наблюдений.

Владимир конца XVIII – первой половины XIX в. – это город с ярко выраженной аграрной экономикой. К середине XIX в. садами и огородами было занято 280 десятин, что составляло приблизительно половину всей городской площади [43, 48]. Особенно славился город знаменитой владимирской вишней. Поэтому закономерно, что в отчетах опекунов постоянно встречаются сведения о доходах, полученных с «огородных земель», от сдачи внаём гряд и пожен, от проданного «вишенного плода» или «вишенного молодёжника» (саженцев). Чаще всего этот источник доходов использовался в мещанских семьях, где торговля была незначительна или совсем отсутствовала [10, 12 об.; 12, 1 об.; 13, 2.; 16, 3 об.]. Следующей по распространённости статьёй дохода была сдача в аренду жилых помещений – целых домов «со всем строением» и огородам, флигелей или отдельных «покоев», горниц и т.п. [10, 1, 3 об., 9 об.; 11, 8, 35]. Этот промысел был довольно популярен в городе, так как имелось много семей, владевших тремя-пятью домами, что явно превышало потребности в жилье [7, 83, 85, 93]. Квартиросъёмщиками являлись преимущественно экономические крестьяне или мелкие чиновники, не имевшие в городе своих домов, а также военные. В рапортах опекунов встречаются сведения о том, что невозможно сдавать в наём оставшееся в наследство жилье малолетних «за ветхостью». В результате в отчетах за год в графе «в приходе» появлялась запись: «ничего не имеется» [16, 7]. Такие ветхие строения сиротский суд разрешал продавать «на дрова». Вместе с тем сдача в аренду жилых помещений была исключительно выгодна: в 1791 г. «наем дома со всем строением» приносил опекаемым от 30 до 60 руб. в год, в 30-х гг. XIX в. эта сумма уже составляла почти 500 руб., а использование двух флигелей под постоянный двор давало до 650 руб. дохода (цены приведены в ассигнациях) [10, Л. 9 об; 24, 7, 35]. Не обходилось и без мошенничества. В 1791 г. опекуны М. Ульяновой обратились в сиротский суд с просьбой взыскать деньги с секунд-майора

Н. Карташева, который съехал, не заплатив за квартирование за 8 месяцев [9, 30].

Торг не указан, как ни странно, основным источником дохода в купеческих семьях, оставшихся без кормильца. Не исключено, что здесь имели место определённые махинации с отчётной документацией. Например, в отчёте о доходах опекаемой семьи купцов Белоглазовых упоминается торговля «в нанятой лавке в суконной линии». За эту наёмную лавку за год внесено 100 руб. ассигнациями (указано в графе «расходы» в 1834 г.), а сумма выручки не зафиксирована. Очень сомнительным выглядит доход от торговли в собственной лавке Серкиных «в калашном ряду» - 20 руб. за год. В обеих семьях «приучались к торговле» под присмотром опекунов старшие сыновья в возрасте 18 — 21 лет. Сын умершего купца Мочалова (17 лет) был сидельцем в лавке своего опекуна [24, 7 об.-8, 13 об.-14, 35]. Никто из названных детей не объявлял капитал самостоятельно.

При отсутствии или явной недостаточности дохода опекуны с разрешения сиротского суда могли продавать имущество, внесённое в опись. Помимо ветхих построек, продавали «за ненадобностью» лошадь, корову, «горницу с сеньми», одежду [12, 1 об.; 16, 3 об.]. Вырученные средства обычно употреблялись «на прокормление малолетних» или пускались в оборот.

Получение процентов по вексельным операциям частных лиц как источник дохода практически не использовалось. Вероятно, это было связано с определённым риском — вследствие неплатежеспособности заёмщика можно было остаться не только без процентов по займу, но и без основной суммы. Механизм поручительства срабатывал не всегда, да и взыскание долга по вексельным претензиям было сопряжено обычно с долгой судебной волокитой. Изучение дел Владимирского городского магистрата показывает, что в течение года в нём регистрировалось около ста претензий, по которым начинались судебные разбирательства [35, 44]. Намного продуктивнее являлось сотрудничество с Приказом общественного призрения. По закону приказы имели право принимать вклады от частных лиц «с целью приращения их процентами» на срок до трёх лет [27, № 27105]. В отчётах опекунов встречаются указания на доход в размере от 33 до 90 руб. от помещённого во Владимирский приказ «капиталу» из 5 % годовых [24, 11 об., 31]. Сиротский суд тщательно следил, чтобы свободные денежные средства не оставались «без всякого прира-

щения для пользы малолетних». Например, в 1826 г. после смерти купца П. Калинина был продан его дом с земельным участком за 700 руб. По каким-то причинам покупатель долгое время не являлся за купчей. Весь этот период семья Калининых не могла получить причитающуюся им сумму. По решению сиротского суда деньги были «встребованы» и помещены в Приказ общественного призрения «на вексель» [18, 91 об.].

Наличие промышленных заведений в семьях опекаемых отмечено только в трёх случаях, и все после смерти главы семьи перестали функционировать. Были проданы за долги комиссариату две полотняные фабрики Ф. Новикова (1807 г.), остановился сальный завод И. Алферова (1816 г.), прекратила работу пивоварня М. Петровского [3, 429; 4, 31; 18, 78].

Большое значение имело установление опеки над мещанскими семьями с очень низким уровнем жизни. Судя по описям, основное их имущество составляли лишь небольшие деревянные дома и садово-огородные участки. В отчётах по опёке этих семей из года в год отмечалось: «В приходе и расходе никакой денежной суммы не имеется», «в приходе ничего нет», «дохода не имелось» [10, 5; 15, 10, 12; 16, 7]. Источниками существования сирот указывалось «вспоможествование опекуна», «содержание от опекуна и других родственников». В двух случаях упоминается выделение средств «на прокормление от общества». Сумма выделяемого для всей семьи пособия была мизерной — «по рублю на каждый месяц», т.е. 12 руб. в год. В одной из семей было двое детей («третий малолетний помре»), во второй — четверо [15, 11, 12]. Такое же пособие выдавалось семье отданного в рекруты мещанина. Полученные 12 руб. расходовались «на прокормление» двух детей, все остальные доходы поступали «от рукоделия матери их» [17, 4]. Для сравнения: на содержание одного ребёнка в возрасте от 3 до 7 лет в воспитательном доме в 1808 г. требовалось 38 руб., не считая затрат на отопление, освещение, приобретение мебели и прочее [43, 93].

Расходы в опекаемых семьях вполне соответствовали норме закона — «по имуществу без излишества и без роскошных прихотей». Основная статья расхода — «на содержание малолетних» - включала в себя продукты питания (муку, крупы, хлеб, сельдь, редко — мёд и говядину), а также одежду и обувь. В конце XVIII в. на эти цели отводилось, в зависимости от величины дохода, от 5 до 30 руб.

в год (в основном 11 — 13), в середине XIX в. — от 15 до 80 руб. на одного ребёнка. В отчётах конца XVIII в. традиционно указывалось, что мальчики-сироты «приучаются к торговле», а девочки — «к женскому рукоделию». С 20-х гг. XIX в. новой статьёй становятся расходы «на обучение малолетних» — покупка бумаги, карандашей, перьев, прописей и даже «перделка шинели» для учащегося уездного училища. В отчётах подробно расписывались и расходы по хозяйству в целом: покупка дров, починка дома и хозяйственных строений, «чищение сада» и т.д.

Обязательным для опекунов являлось погашение долгов, оставшихся после смерти главы семьи. Если долги были крупными, и из текущих доходов погасить их не удавалось, с разрешения Сената позволялось продать часть недвижимого имущества. Сиротский суд внимательно контролировал подобные сделки. Так, вдова М. Белоглазова в 1851 г. потребовала признать недействительной продажу за 2500 руб. сер. двухэтажного каменного дома, выстроенного её мужем. Покупательницей явилась жена опекуна семьи Белоглазовых. Эта цена была признана сиротским судом «невыгодною», и сделка отменена. Вторично дом продали за 5100 руб., и снова жене опекуна. Несмотря на то, что сиротский суд признал произведенную продажу «к удовольствию малолетних», вдова вновь потребовала назначить «переторжку». По её мнению, дом, находящийся «в лучшем месте города», может стоить 8000 и даже 10000 руб. Попутно она обвинила опекуна в том, что он больше заботится об интересах своей жены, а не порученных его попечению сирот. В третий раз с аукциона дом был продан за 7135 руб. [21, 114 — 195].

Отдельной статьёй расхода выделялись налоги и подати: за объявление капитала, поземельный сбор, казённый постой, на городские расходы, десятскому с двора, в управу благочиния, рекрутские деньги. Эти платежи имели фиксированный размер, и опекуны должны были следить, чтобы не было недоимок. В случае судебных разбирательств в обязанности опекунов входила защита интересов малолетних, и все издержки — за гербовую бумагу, подачу апелляций — также относились за счет опекаемых [10; 12; 15; 20; 24].

Отношения между опекунами и их подопечными складывались неоднозначно. В сиротский суд неоднократно поступали жалобы на злоупотребления, допущенные в период опекунов. Деятельность самого сиротского суда контролировалась департаментом

гражданских дел губернского магистрата, впоследствии — палатой гражданского суда и губернским стряпчим. Проверке подлежали прежде всего финансовые отчёты. Каждую статью расхода было необходимо подтвердить соответствующими документами — справками из магистрата об использовании гербовой бумаги, расписками в получении денег разными лицами за оказанные услуги, даже точным указанием на то, в какой лавке были закуплены продукты питания и по какой цене. В отдельных случаях опекунам приходилось заново составлять отчёты. Особенно тщательным становится контроль с конца 20-х гг. XIX в. Вероятно, это было связано с общим процессом усиления бюрократизации государственного аппарата. Например, в 1828 г. губернский стряпчий отправил сиротскому суду предписание привести в порядок журналы заседаний, в которых требовалось «все почистики, приписки и поправки» заверять подписями присутствующих лиц [16, 10, 13; 23, 8-8 об.]. Однако никакой контроль над опекунами не мог предотвратить злоупотреблений. Вдовы жаловались, что опекуны «расхищают имение» малолетних, не возвращают после достижения опекаемыми 17-летнего возраста деньги, даже застраивают принадлежащие малолетним земельные участки. Однажды городскому магистрату пришлось разбирать конфликт между вдовой М. Ульяновой и опекуном А. Лапотниковым. Ратман магистрата, вызванный в ходе ссоры соседями, обнаружил на вдове «боевые знаки... голова в одном месте проломлена, нос перешиблен, едва может глазами зреть». Поводом для жестокого избиения стал спор о принадлежности нескольких серебряных вещей. Следует отметить, что опекун — Лапотников — являлся дядей М. Ульяновой [18, 110; 12, 28, 54 об.].

Родственные связи не играли решающей роли в отношениях опекунов и опекаемых, родственные чувства отходили на второй план, когда речь заходила о неизбежных расходах или возможной прибыли. Сиротский суд, как уже упоминалось, требовал очень подробные отчёты о расходовании средств в опекаемых имениях. Опекун купец В.И. Лазарев в отчёте за 1841 г. указал, что им было истрачено 17 руб. «для наемки няньки» для своего опекаемого, причём дважды подчеркнуто, что средства выделены «из собственного капитала». Подопечным купца Лазарева являлся его собственный пятилетний сын [25, 22 об., 44].

Таким образом, в последней четверти XVIII в. в России была сформирована система

социальной защиты. Для городских слоёв населения – купцов, цеховых, мещан – специально учреждёнными органами опеки и попечительства стали сиротские суды. Порядок их деятельности, штаты, обязанности опекунов и даже их личные качества были подробно регламентированы законодательством. «Учреждения для управления губерний» предусматривали, что органы опеки должны тесно сотрудничать с городскими магистратами. Скупулёзная законодательная проработка функций сиротских судов показывает, что власть считала их полноправным элементом формирующейся структуры местного управления. Члены сиротского суда – городской голова, ратманы, городской староста – являлись представителями выборной городской администрации. Контролировалась их деятельность органами коронной власти – наместническим правлением, губернским стряпчим, – что подчёркивает заинтересованность государства в эффективности социальной защиты.

Основная обязанность сиротских судов – это обеспечение нормального функционирования первичной экономической ячейки – семьи купцов, мещан, ремесленников. Никто никогда не подвергал сомнению факт семейственности предпринимательской деятельности. Как правило, в семье производилось обучение основным производственным навыкам, происходило функционирование капитала. Поэтому потеря кормильца – это серьёзное испытание не только для близких, членов семьи, но и для «дела». В отдельных случаях сиротский суд мог пойти на мелкие нарушения, чтобы сохранить функционирование капитала в осиротевшей семье. Следовательно, значение установления опеки не исчерпывается лишь социальной защитой в соответствии с традициями милосердия и человеколюбия; это ещё и проявление политики государства по обеспечению деятельности первичных экономических структур общества.

Для защиты семей, оставшихся без кормильца, государство стремилось привлечь в качестве опекунов прежде всего ближайших родственников, справедливо полагая, что они более всего заинтересованы в сохранении семейного капитала. Между тем, анализ дел Владимирского сиротского суда показывает, что родственные связи совершенно не мешали опекунам злоупотреблять своим положением, утаивая часть доходов и даже присваивая себе имущество своих подопечных. Наличие «почисток» и исправлений в отчётах также

свидетельствует о возможных финансовых махинациях. Исключительно редко в отчетных ведомостях показано превышение доходов над расходами за год. Обычно сумма в графе «доходы» с поразительной точностью, вплоть до копеек, совпадает с суммой «на содержание малолетних». Только в самых бедных мещанских семьях родственники-опекуны оказывали помощь сиротам, не надеясь на получение положенных 5% вознаграждения. За период с конца XVIII – до середины XIX вв. в фонде сиротского суда выявлена информация о 41 семье, состоявшей в опеке. Из них 13 – мещанских, 28 – купеческих. В трёх семьях есть упоминание о смерти детей в период опекуинства, но две из них – Белоглазовы и Петровские – относятся к самым зажиточным купеческим фамилиям. Эти смерти, скорее всего, никак не связаны с потерей кормильца. Только восемь из указанных семей за данный период выбыли из состава купечества: по данным 9-й ревизии они числились мещанами [6]. Таким образом, следует признать, что система попечительства в целом выполняла свои функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Владимирской области (Далее: ГАВО). Ф. 17. Владимирский городской магистрат. Оп. 1. Д. 21.
2. ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 268.
3. ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 280.
4. ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 371.
5. ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 575.
6. ГАВО. Ф. 400. Владимирская городская дума. Оп. 1. Д. 3.
7. ГАВО. Ф. 400. Оп. 3. Д. 64.
8. ГАВО. Ф. 549. Владимирский сиротский суд. Оп. 1. Д. 25.
9. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 39.
10. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 41.
11. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 43.
12. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 44.
13. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 45.
14. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 55.
15. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 58.
16. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 60.
17. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 63.
18. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 204.
19. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 214.
20. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 269.
21. ГАВО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 301.
22. ГАВО. Ф. 549. Оп. 2. Д. 35.
23. ГАВО. Ф. 549. Оп. 2. Д. 39.
24. ГАВО. Ф. 549. Оп. 2. Д. 42.
25. ГАВО. Ф. 549. Оп. 2. Д. 53.
26. Полное собрание законов Российской империи. Издание 1-е. (Далее: ПСЗ-1). Т. VIII. N 5717.
27. ПСЗ-1. Т. XXXIV. N 27105.
28. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи.

- сийская империя // Законодательство Екатерины II. В двух томах. Т. 1. М., 2000.
29. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д., 1995.
 30. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002.
 31. Думенко О.Е. Сиротский суд города Твери в системе местного управления конца XVIII – начала XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России. Сб. научных трудов. Тверь, 2006. Вып. 4. С. 71-76.
 32. Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1902.
 33. Каррер д'Анкокс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России. М., 2006.
 34. Киприянова Н.В. Государственные службы владимирского купечества // Материалы областной краеведческой конференции (20 апреля 2007 г.). Т. 1. Владимир, 2008. С. 73-87.
 35. Киприянова Н.В. Год из жизни владимирского городского магистрата // Материалы Межрегиональной краеведческой конференции (28 апреля 2008 г.). Владимир, 2009. С. 42-46.
 36. Мадариага, Исабель де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2004.
 37. Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. 4. История российских гражданских законов. Ч. 2. СПб., 1857.
 38. Новицкая Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М., 2005.
 39. Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984.
 40. Развитие русского права второй половины XVII – XVIII вв. / Штамм С.И., Исаев А.И. и др. М., 1992.
 41. Середа Н.В. Реформа управления Екатерины II. М., 2004.
 42. Чистяков О.И. Органы местного управления // Законодательство Екатерины II. Т. 1. М., 2000. С. 310-337.
 43. Шулу И.И., Киприянова Н.В. и др. Губернский город Владимир в последней трети XVIII – первой половине XIX в.: очерки повседневной провинциальной жизни. Владимир, 2008.

N. Kipriyanova

ACTIVITY OF ORPHANED COURT OF VLADIMIR IN THE END OF XVIII – FIRST HALF XIX CENTURY

Abstract The article deals with the functioning of the Orphan's Court in the last quarter of the 18th and the first half of the 19th century, describes the legislative base, formation principles and status of the Orphan's Court in the system of municipal administration, and gives characteristics of relationships between wards and guardians, peculiarities of financial matters in families which suffered the loss of the breadwinner. The article provides a conclusion on the efficiency of the Orphan's Court.

Key words: Catherine II's reforms – Orphan's Court - family – financial matters.

УДК 352

Галкин П.В.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ЗЕМСКИХ СЛУЖАЩИХ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР*

Аннотация: В статье рассматриваются попытки улучшения материального положения служащих, предпринимавшиеся представителями «третьего элемента», а также отношение к этим инициативам властных структур.

Административный надзор обеспечивал строгое соблюдение уставных документов. Но в своей практической деятельности общества взаимопомощи были самостоятельны. Это позволило создать ряд организационных форм, ставших предтечей профсоюзного движения.

Ключевые слова: социальная защита земских служащих.

В современном обществе функции социальной защиты населения в значительной степени взяло на себя государство, оставшееся органам местного самоуправления адресное распределение и учет. Помимо этого, разовую материальную помощь, как правило, оказывают сотрудникам на большинстве предприятий. Однако в последние годы наметились тенденции как к сокращению количества профсоюзных организаций, так и к уменьшению объема их работы. Начавшийся финансовый кризис, напротив, на первый план ставит задачи комплексной социальной помощи служащим, в том числе в государственных и муниципальных учреждениях. В этой связи представляется интересным и по-

* © Галкин П.В.

учительным опыт земских ссудо-сберегательных касс и обществ взаимопомощи, создававшихся на принципиально иных основаниях и осуществлявших обширную и разноплановую деятельность в конце XIX – начале XX веков.

Первая попытка улучшения материального положения земских служащих была предпринята в Московском уезде, где в 1876 г. гласные подготовили проект устава ссудо-сберегательной кассы, нацеленный на удовлетворение потребностей земцев в краткосрочных кредитах. Однако в процессе его утверждения выявились определенные сложности. Первоначальный текст не был одобрен в Министерстве внутренних дел в силу того, что в него требовалось внести значительно-го объема дополнения. Товарищ министра князь А.Б. Лобанов-Ростовский предложил составителям проделать эту работу самостоятельно, приняв за образец уже утвержденные варианты. Сравнение земского проекта с рекомендациями Министерства вызвало со стороны гласных ряд возражений. Прежде всего, земцы считали необходимым сохранить за собою возможности как софинансирования кассы, так и контроля за ее деятельностью. Во-вторых, рекомендации о введении разных норм добровольных отчислений и, как следствие, разных размеров предполагаемых ссуд вызвали категоричные возражения, поскольку это может привести к дальнейшему увеличению «неравенства членов» и «причинить ущерб наименее состоятельным членам» [1]. Руководствуясь приведенными соображениями, земцы решили «основания устава оставить без изменения», но одновременно дополнить проект 16 параграфами (!) из уставов, одобренных Министерством внутренних дел.

В 1878 г. устав был утвержден, но, как выяснилось, чиновники внесли в него существенную правку. В частности, по земскому проекту предполагалось предоставить кассе право, помимо приема вкладов, брать займы, а в окончательной редакции этот пункт был исключен. Ограничивался максимальный размер вкладов и процентов по ссудам. Запрещалось создание запасного капитала. Умалчивалась возможность участия в кассе для служащих губернского земства. И, наконец, органы самоуправления совершенно устранялись от контроля за деятельностью кассы. По сути, представители Министерства внутренних дел провели необходимое, с их точки зрения, редактирование, руководствуясь сложившимися нормами и игнорируя все доводы земцев.

В сложившейся ситуации уездная управа посчитала «излишним входить с ходатайством об утверждении устава, выработанного на прежних основаниях», и сочла возможным открыть ссудо-сберегательную кассу, одновременно предложив ходатайствовать о дополнении устава параграфами о займах из средств губернского земства и о создании запасного капитала. В качестве надзора со стороны земства, предлагалось «поставить выработанные ... правила неременным условием при выдаче кассе ассигнованной земским собранием суммы...» [2].

В августе 1879 г. предложенные земцами изменения в уставе были утверждены Министерством внутренних дел. Наряду с понятиями «оборотный» и «запасной капитал», в новой редакции документа появилось несколько статей, посвященных «вспомогательному капиталу», который должен был формироваться из чистой прибыли кассы, а также из случайных поступлений. В данном случае компромисс в отношении уставных документов был найден относительно легко, хотя прежде, чем согласиться с предложениями земцев, представителям Министерства потребовалось провести неоднократные согласования и корректировки документов. Очевидно, что это стало проявлением бюрократического подхода, в целом присущего работе государственных структур.

Параллельно с редактированием устава земцы разработали ряд условий, на основании которых предполагалось осуществить выдачу ссудо-сберегательной кассе заем в размере 500 рублей. Кроме ежегодного представления в земскую управу финансовой отчетности, предусматривалась возможность проведения ревизий. При выявлении «беспорядков и упущений» об этом ставились в известность Правление и Общее собрание участников кассы, а если они не соглашались с замечаниями ревизионной комиссии, то земское собрание оставляло за собою право «истребовать обратно отпущенную им сумму» [3]. Таким образом, по отношению к ссудо-сберегательной кассе земские гласные заняли весьма категоричную позицию, предусматривавшую жесткий и во многом сходный с административным надзор. По сути, представители «второго элемента» (гласные) попытались поставить под контроль «третий элемент» (служащих), априори не доверяя финансовой самостоятельности их организации. Хотя, как свидетельствует доклад о деятельности кассы, представленный земскому собранию в 1881 г., ссудо-сберегательные операции оказались

достаточно эффективными: с учетом взносов членов кассы и процентов по ссудам доходная часть почти на $\frac{1}{4}$ превосходила расходы, что значительно превышало существовавшую в то время доходность банковских депозитов (6-10 %).

Не случайно в 1890 г. губернская земская управа выступила с инициативой создания аналогичной кассы на губернском уровне. Но при обсуждении вопроса на заседании земского собрания московский городской голова Н.А. Алексеев высказал опасение, что без контроля со стороны управы выдача ссуд может стать для служащих «петлей, из которой едва ли им удастся выбраться» [4]. В результате проект Устава был передан губернской управе для доработки. На ближайшей сессии 1891 г. вопрос обсуждался вновь, но не получил практического разрешения из-за разногласий между членами управы и ревизионной комиссией: первые предлагали ограничиться дополнительным пунктом о необходимости представлять ходатайства о ссуде на рассмотрение в губернскую управу, а последние настаивали на переработке всего текста устава. В итоге служащие отказались от получения кредита из сметы губернского земства (!) и после утверждения устава в Министерстве внутренних дел начали осуществлять денежные операции, располагая средствами добровольных вкладов.

В 1894 г. при губернской управе начала действовать эмеритальная касса, обеспечивающая для своих участников пенсионное страхование. Однако открытие ссудо-сберегательных касс после этого не прекратилось: в последующие годы они были учреждены в Можайском (1895 г.) и в Клинском уездах (1897 г.), а губернское земство под гарантии уездных управ выделило им беспроцентные кредиты на образование оборотных капиталов.

Тем не менее деятельность, основанная на ссудо-сберегательных принципах, была все-таки весьма ограничена по своей форме и далеко не в полной мере обеспечивала интересы «третьего элемента». Поэтому во второй половине 1890-х гг. в ряде уездов Московской губернии были предприняты попытки создания нового типа организаций – обществ взаимопомощи. Как и в деле открытия ссудо-сберегательных касс, первыми инициативу проявили земцы Московского уезда, которые уже в 1896 году разработали проект Устава общества попечения об улучшении быта учащих в начальных училищах. В проекте ставилось две основных цели: улучшение

материального положения и «пополнение педагогических знаний» учителей. Для их достижения, помимо выдачи пособий и ссуд, были предусмотрены такие задачи, как приглашение врачей для заболевших членов Общества и их родственников, устройство летних «колоний для членов, расстроивших свое здоровье», и даже устройство ссудо-сберегательной кассы, а также «убежища для членов, лишенных возможности трудиться вследствие старости и болезни». Для действительных членов общества устанавливался ежегодный взнос в размере 3 рублей, допускались особые формы участия, например почетное членство (годовой взнос – 10 рублей), и пожизненное почетное членство (разовый взнос – 250 рублей). В проекте указывалась и такая категория, как члены-соревнователи, т.е. лица, не состоящие на земской службе, но уплачивающие ежегодный взнос в размере 10 рублей [5].

При обсуждении документа на заседании земского собрания сообщалось, что проектируемое Общество не является чем-либо новым, «небывалым», напротив, такие организации существуют в целом ряде губерний и, в частности, в Петербургской, Тверской, Тульской и других. Далее отмечалось, что при составлении проекта за основу был взят типовый устав, выработанный Министерством народного просвещения. В докладе земской управы говорилось о благотворительном характере Общества и одновременно выражалась надежда на то, что это позволит объединить «разрозненные силы» учителей, «укрепит в них чувство солидарности, приучит к бескорыстному служению в пользу товарищей и несомненно принесет им огромную пользу в смысле воздействия на их нравственную сторону». И хотя эти мысли отсутствовали в тексте Устава, разрешения на данную деятельность получено не было, поскольку в Министерстве народного просвещения посчитали, что в документе слишком широко поставлены цели, и у чиновников возникло опасение, что «в числе членов будут состоять лица, не имеющие связи с учительской средой, а этим путем обществу может быть придано нежелательное направление» [6]. В результате в первоначальный текст пришлось вносить необходимые изменения и уточнения, расширился контингент потенциальных участников, и только в 1901 г. «Устав общества взаимного вспоможения служащих и служивших в Московском уездном земстве» был утвержден Министерством внутренних дел.

В течение тех лет, пока московские земцы пытались преодолеть административные преграды, в двух уездах – Серпуховском (1899 г.) и Можайском (1901 г.) – были благополучно открыты Общества взаимопомощи учителям, уставы которых разрабатывались по образцу так называемых «нормальных уставов» и потому не встретили препятствий к утверждению со стороны властных структур. Тем не менее в первые же годы их существования выявились такие потребности, для удовлетворения которых требовалось вносить изменения в устав. Так, в §12 Можайского общества взаимного вспомоществования учащим и учившим прямо указывалось, что «правом на пособие от общества пользуются только действительные члены, пробывшие таковыми не менее двух лет» [7], а значит, основная работа по выдаче средств для улучшения материального положения служащих фактически откладывалась на два года. Разумеется, на практике пришлось делать исключения из правил и назначать пособия особо нуждающимся членам общества уже в первый год его существования. Кроме того, Правление общества выступило с инициативой создания ссудной кассы по образцу существовавшей при Смоленском обществе взаимопомощи. В определенной степени это была попытка применить принципы работы ссудо-сберегательной кассы в деятельности организации с более обширными полномочиями.

В Серпуховском уезде с необходимостью дополнения устава столкнулись в 1903 г., когда наметился проект создания интерната для учащихся детей членов Общества. В связи с чем Правление обратилось в аналогичные организации соседних губерний, где уже существовали общежития. Выяснилось, что Нижегородское и Смоленское общества вносили в уставы изменения о праве приобретать недвижимое имущество. Члены Серпуховского общества решили расширить рамки устава более радикально и указать в ходатайстве ряд дополнительных форм работы: «...В видах оказания всесторонней помощи своим членам, – говорилось в проекте, – общество должно направлять свою деятельность не только на удовлетворение их материальных, но и духовных потребностей, для чего учреждать: учительские дома, книжные склады, интернаты, санатории, курсы общеобразовательные и специальные и пр.» [8]. Большая часть из заявленного в ходатайстве, по-видимому, была удовлетворена, так как в последующие годы большинство новаций на-

шли свое воплощение в практике не только Серпуховского, но и других Обществ взаимопомощи Московской губернии.

В других уездах при организации Обществ также не обходилось без определенных ограничений со стороны власти. К примеру, в устав Подольского Общества взаимопомощи, наряду с редакционными правками, чиновники Министерства внутренних дел внесли и ряд принципиальных изменений, исключавших в основном широкие формулировки, которые в перспективе могли бы позволить членам Общества проводить разнообразные мероприятия. Так, разрешив устройство библиотек, Министерство запретило создание «прочих образовательных учреждений»; вычеркнуты были слова «организация коммиссионных операций» и «оказание помощи членам другими способами»; члены-соревнователи лишались права решающего голоса на общих собраниях; исключалась возможность устраивать публичные лекции, спектакли, концерты и вечера [9]. И хотя Общество начало функционировать на указанных основаниях, Правление, опираясь на поддержку большинства действительных членов, в качестве одной из первоочередных задач поставило перед собой необходимость пересмотра устава: «...нельзя, далее, успокоиться на непреложности изменений в уставе, внесенных центральной властью»; «укажем, например, на совершенно непонятное лишение нашего Общества права устраивать в свою пользу спектакли, концерты, лекции и т.д., каким правом пользуются в настоящее время очень и очень многие, параллельные нашему Обществу» [10]. В итоге было решено создать особую комиссию для разработки дополнений в устав. К сожалению, неполнота сохранившихся отчетов о деятельности Общества не позволяет проследить, каким образом земцам удалось осуществить задуманное.

Основным направлением в деятельности Обществ взаимопомощи в соответствии с Уставом являлась выдача безвозвратных единовременных и периодических пособий и беспроцентных ссуд, предоставлявшихся на лечение, получение образовательных услуг, а также при потере заработка и несчастных случаях. Другими видами помощи со стороны Общества являлись: направление заболевших членов в специализированные клиники, поиск учебных заведений для детей служащих, организация льготной подписки на газеты и журналы, открытие так называемых «учительских квартир», в которых за небольшую плату могли останавливаться не только педа-

гоги, приезжающие в город по той или иной надобности, но и другие земские служащие.

Всего в начале XX века в губернии существовало три учительских Общества взаимопомощи (в Волоколамском, Можайском и Серпуховском уездах) и семь Обществ, объединявших все категории земских служащих (в Богородском, Бронницком, Дмитровском, Звенигородском, Клинском, Московском и Подольском земствах). Количество членов в этих Обществах существенно разнилось уже на начальном этапе: в Можайском уезде организация насчитывала 55 участников, в г. Дмитрове – 98, в г. Подольске и г. Серпухове – 108 и 149 соответственно, а самой многочисленным было Московское общество – 181 человек [11].

В целом опыт работы Обществ взаимопомощи оценивался положительно не только самими земцами, но и представителями властных структур. В тоже время, как отмечалось в материалах сенаторской ревизии, в деятельности Обществ, «вообще заслуживающих сочувствия», нельзя не отметить некоторых отрицательных сторон. «Помимо служащих в земстве и, в частности, учителей, – указывал сенатор Н.А. Зиновьев, – в состав их входят, в качестве членов-соревнователей, также и лица посторонние, почему в заседаниях обществ открывается возможность воздействия последних на учительский персонал. Большой частью, под влиянием посторонних лиц, как видно из журналов и отчетов обществ, последние обнаруживают склонность расширять свои задачи, определенные по уставу, и стремиться к корпоративному объединению учащихся с целью направления деятельности такой корпорации не всегда в желательном смысле» [12]. И далее в сенаторском отчете приводятся факты, подтверждающие «нежелательное направление» в деятельности Обществ взаимопомощи. Так, в заседании Правления Можайского общества взаимопомощи учащим, состоявшемся в марте 1902 г., был поднят вопрос об организации при управе учительских совещаний и создания соответствующей структуры по типу экономического или санитарного совета. В 1903 г. аналогичный доклад обсуждался в Дмитровском уезде. На собраниях Серпуховского общества взаимопомощи учащим и вовсе рассматривались вопросы, не предусмотренные уставом, например, о судах чести. В большинстве подобных случаев губернатор по долгу службы обращался в уездные управы с требованием «о восстановлении нарушенного порядка» [13]. Несмотря на приведенные эпизоды, вы-

зававшие негативную реакцию представителей власти, в повседневной работе Общества взаимопомощи земским служащим в Московской губернии редко подвергались давлению со стороны государственных структур, и происходило это лишь в тех случаях, когда они выходили за рамки, определенные уставами.

Стремление к расширению сфер деятельности Обществ взаимопомощи в начале XX века привело к организации крупного общественного форума – Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания, в котором активное участие приняли служащие в Московской губернии.

Идея созыва съезда зародилась еще в конце XIX века, и благодаря усилиям членов Общества попечения об улучшении быта учащихся в г. Москве, а также личным связям председателя его Правления князя П.Д. Долгорукова удалось заручиться поддержкой Московского генерал-губернатора и получить разрешение на проведение съезда от Министерства народного просвещения. При разработке Положения о созыве съезда не обошлось без определенного рода трений между представителем властных структур в лице Попечителя Московского учебного округа и организаторами мероприятия. Камнем преткновения стало предложение чиновника об избрании на съезде так называемых главных наблюдателей с весьма широкими полномочиями, включая удаление с заседаний отдельных участников и вплоть до закрытия съезда. Организаторы заявили ряд возражений, высказав опасение, что столь тесный надзор за деятельностью съезда может привести к «нежелательным столкновениям и недоразумениям». Сложно сказать, к чему бы привели согласования, если бы не произошла смена министра народного просвещения: в июле 1902 г. эту должность занял Г.Э. Зенгер, который утвердил новый текст Положения. Все острые углы были сглажены, и вместо «главных» предлагалось участие обычных «наблюдателей» на равных правах с избранными руководителями съезда (председателем, его товарищами, секретарями секций) в работе Распорядительного комитета съезда. Единственным ограничением было то, что постановления комитета, опротестованные наблюдателями, могли исполняться только с разрешения Попечителя учебного округа [14].

Съезд был созван в период рождественских каникул 1902/03 учебного года. В его работе приняло участие 325 делегатов

от 74 Обществ взаимопомощи. От Московской губернии участвовали представители Волоколамской, Дмитровской, Можайской, Московской, Подольской и Серпуховском организаций. Заседания проходили ежедневно в помещениях Московского дворянского собрания, Исторического музея и университета. Обсуждались проблемы правового и материального положения учителей, пути возможного объединения Обществ взаимопомощи. Представители Московской губернии выступили с девятью докладами, посвященными общественному положению педагогов, возможностям продолжения их образования и формам влияния учительского сообщества на деятельность земств. Один из докладов, подготовленный делегатом от Дмитровского уезда Е.Б. Березкиным, касался перспектив объединения деятельности Обществ взаимопомощи. Автор предлагал создать Всероссийскую организацию, структурными частями которой должны были бы стать губернские и уездные Общества со своими Правлениями и регулярными съездами. Финансирование этих мероприятий предлагалось осуществлять за счет особого взноса с рядовых членов. В качестве связующего звена, соединяющего все уровни, предполагалось учредить специальный орган печати [15]. И хотя по данному докладу не было принято особого постановления, общие решения съезда в значительной мере совпадали с тезисами дмитровского депутата. В частности, в постановлениях съезда указывалось на необходимость создания союза учительских обществ, но при этом отмечалось, что «центральному учительскому обществу следует предпочесть союз местных обществ взаимопомощи» [16]. Проектировалось создание справочного бюро, периодического органа печати и центральной кассы страхования «на случай смерти». Реализация данных постановлений была возложена на Московское общество попечения об улучшении быта учащихся, но все последующие попытки, которые предпринимались в этом направлении, неизбежно сталкивались с непреодолимыми препятствиями со стороны Министерства просвещения и МВД, и, как следствие, ни одна из них не увенчалась успехом [17]. Тем не менее съезд получил высокую оценку, в том числе и в земской среде: «...в умственной и нравственной жизни учительского персонала, — отмечалось в земской документации, — съезд явился выдающимся событием и внес громадное оживление в жизнь учителя» [18].

Идеи объединения, прозвучавшие на

съезде, дмитровские земцы восприняли как руководство к действию и, не дожидаясь разрешения ситуации на общероссийском уровне, стали активно проводить их в жизнь. Прежде всего, Правление общества подготовило доклад «К вопросу об объединении деятельности Дмитровского и Московского обществ взаимопомощи». К этому предложению московские земцы отнеслись с пониманием, и было решено обмениваться отчетами, принимать участие в заседаниях Правлений и совместно обсуждать наиболее важные вопросы. Как показывает сохранившаяся документация по деятельности обоих Обществ, реализовать намеченные планы в части регулярных совместных заседаний не удалось, и вероятнее всего это произошло из-за запрета со стороны губернатора. Кроме того, в докладе вносилось предложение об объединении всех служащих Московской губернии. Первым шагом в этом направлении стал созыв исполнительного комитета Союза обществ взаимопомощи земских служащих Московской губернии. Заседание состоялось в сентябре 1903 г. под благовидным предлогом обсуждения вопроса об организации помощи голодающим, и в нем приняли участие представители восьми Правлений [19].

В последующий год инициатива в деле объединения перешла к Волоколамской организации, правление которой обратилось во все существующие Общества Московской губернии с предложением обсудить характер предстоящего объединения. Первый вариант предусматривал создание губернского общества с «филиальными отделениями», во втором предполагалось обойтись без филиалов, а в третьем — поддержать постановление съезда о союзе самостоятельных Обществ взаимопомощи. В декабре 1904 г. под эгидой губернской земской управы состоялось частное совещание представителей Обществ, создавшее особую комиссию для работы над проектом устава будущего союза [20].

События 1905 г. внесли существенные коррективы в планы объединения; во взаимоотношениях «второго» и «третьего» элементов на первый план вышли проблемы правового положения служащих, незаконных увольнений за политические взгляды и материального обеспечения пострадавших от этого лиц. С целью оказания материальной помощи репрессированным служащим в Московской губернии была организована касса политического страхования, основные средства которой составляли членские взносы, а страховые выплаты осуществлялись тем, кто

лишился работы. На общегосударственном уровне был создан Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию, фактически ставший педагогическим профсоюзом. Однако общества взаимопомощи, несмотря на сходство целей, не имели никакого отношения ни к одной из этих организаций. Провести объединение Обществ взаимопомощи не удавалось в течение нескольких лет, а приступить к этому стало возможным лишь в период Первой мировой войны, когда материальные проблемы служащих обострились и для их решения потребовалась координация усилий на более высоком уровне. В результате, в начале 1916 г. была учреждена общегубернская организация – Общество взаимопомощи служащих и служивших в Московском губернском земстве.

Одной из основных форм работы в новой структуре являлась выдача краткосрочных ссуд, предоставлявшихся на срок до трех лет под 12% годовых. Причем на получение кредита не могли рассчитывать те члены Общества, которые уже накопили задолженность по прежним займам свыше 2/3 от суммы месячного заработка. Важным направлением в условиях нарастающей инфляции стало приобретение разного рода продовольственных и промышленных товаров с последующим распределением их среди членов Общества по минимальным ценам. Несмотря на сложности, связанные с военным временем, продолжалась льготная подписка на журналы и были достигнуты соглашения с Московскими театрами о получении недорогих билетов на спектакли [21]. Таким образом, завершился длительный процесс создания единой структуры, нацеленной на улучшение материального положения земских служащих. В условиях военного времени власть переложила многие функции по организации помощи фронту на органы самоуправления, и такому явлению, как укрупнение Обществ взаимопомощи, уже не предавалось особого значения.

В 1917 г. земцы Московской губернии создали еще одну структуру – Союз служащих Московского губернского земства. В Уставе союза в качестве приоритетов указывались не только защита профессиональных интересов служащих и взаимопомощь «во всех ее видах», но также ставились и более широкие, а вместе с тем и политизированные цели: «...влияние на правильный ход земской работы» и «содействие государственному строительству в области земского дела» [22]. В условиях нарастающего политического кризиса данная земская структура оказалась

более жизнеспособной, и, в результате, в августе того же года на собрании членов Общества взаимопомощи было принято решение о его слиянии с Союзом служащих, которому впоследствии удавалось отстаивать интересы земцев во взаимоотношениях с советскими органами вплоть до окончательной ликвидации земства.

Подводя итог, заметим, что общественная инициатива по созданию ссудо-сберегательных касс возникла как реакция на полное отсутствие социального страхования, но даже после появления эмеритуры (пенсионной кассы) потребность в краткосрочном кредитовании не уменьшилась и, как следствие, операции по ссудам стали основным видом работы и в Обществах взаимопомощи. Новая форма отличалась большим разнообразием подходов к обеспечению потребностей служащих, прежде всего, в сфере лечения и получения образовательных услуг. Фактически Общества взаимопомощи выполняли функции профсоюзов задолго до издания «Временных правил об обществах и союзах» (1906 г.). Обе формы – ссудо-сберегательные кассы и Общества взаимопомощи – представляли собою самостоятельное творчество «третьего элемента», компенсировавшее отсутствие подобных видов работы в органах самоуправления. При этом цензовые земцы, так называемый «второй элемент», старались обеспечить себе возможность надзора, аналогичного административному.

В процессе взаимодействия указанных структур с представителями государственных органов (к понятию «первый элемент» относились учреждения «коронной администрации», в нашем случае – это губернатор и министерства) отметим формальный подход со стороны последних к деятельности ссудо-сберегательных касс и Обществ взаимопомощи. Ограничения и запреты касались объема полномочий, зафиксированного в уставных документах, и надзора за строгим их соблюдением. В практической сфере кассы и Общества были полностью самостоятельны, что позволяло постоянно совершенствовать способы оказания материальной и иной помощи членам организаций. Попытки объединения, как выходящие за рамки, предусмотренные уставом, пресекались вплоть до периода Первой мировой войны, когда коренным образом изменилось отношение государства к органам самоуправления. Допустив объединение земств для решения более сложных задач, таких, как помощь раненым и снабжение фронта, власть уже не могла сдерживать иници-

циативу в частных вопросах, связанных с улучшением материального положения служащих.

В целом опыт работы ссудо-сберегательных касс и Обществ взаимопомощи в Московской губернии свидетельствует, что многие выработанные формы стали предтечей последующего профсоюзного движения, но в отличие от сегодняшнего времени они выгодно отличались самоорганизацией и творческим подходом к, казалось бы, вполне формальным вещам. Эти начинания шли от стремления удовлетворить действительные потребности служащих и оказать им помощь в решении насущных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад Московской уездной земской управы о ссудо-сберегательной кассе служащих по земству Московского уезда лиц. М., 1877. С.6.
2. Там же. М., 1878. С.2.
3. Там же. М., 1880. С.6.
4. Сборник постановлений Московского губернского земского собрания с 1865 по 1897 гг., посвященный памяти Д.А. Наумова. Т.5. М., 1905. С.674.
5. Проект Устава общества попечения об улучшении быта учащихся в начальных училищах Московского уезда // Приложение к докладу Московской уездной земской управы. М., 1896. №50. С.2-3.
6. Отчет по ревизии земских учреждений Московской губернии. В 3-х тт. Т.1. СПб., 1904. С. 273.
7. Устав общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Можайского уезда. М., 1901. С.5.
8. Отчет Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Серпуховского уезда за 1903 год. М., 1904. С.21.
9. Отчет о деятельности Общества взаимопомощи служащих и служивших в Подольском уездном земстве за 1902 год. М., 1903. С.2.
10. Там же. С.9.
11. Отчет Общества взаимного вспоможения служащих и служивших Московского уездного земства за 1901-1902 год. М., 1913. С.1; Отчет Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Можайского уезда за 1901 год. М., 1902. С.30-32; Отчет Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Серпуховского уезда за 1902 год. М., 1903. С.4.
12. Отчет по ревизии земских учреждений Московской губернии. В 3-х тт. Т.1. СПб., 1904. С. 272.
13. Там же. С.273.
14. Труды Первого Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания, бывшего в Москве на рождественских каникулах в 1902/1903 г. Т.1. М., 1907. С.20-22.
15. Там же. Т.2. С.837-838.
16. Краткий систематический сборник постановлений 1-го Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания 1902/3 г. М., 1913. С.14.
17. Труды второго Всероссийского съезда имени К.Д. Ушинского. Вып.1. СПб., 1914. С.1-7.
18. Центральный исторический архив г. Москвы. (далее ЦИАМ) Ф.1055. Оп.1. Д.1. Л.104 об.
19. Там же. Л.17.
20. Отчет Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Серпуховского уезда за 1904 год. М., 1905. С.17-18.
21. ЦИАМ. Ф.184. Оп.11. Д.79. Л.80-85.
22. Там же. Л.93.

P. Galkin

THE ORGANIZATION OF SOCIAL PROTECTION OF ZEMSTVO EMPLOYEES OF MOSCOW REGION AND ADMINISTRATIVE SUPERVISION

Abstract. In article are considered attempts of improvement of a financial position of zemstvo employees and the bodies of government attitude to these initiatives.

Administrative supervision provided strict observance of authorized documents. But the societies of mutual aid were independent in their practical activities. It has allowed to create a number of the organizational forms which were the forerunner of trade-union movement.

Key words: social protection of zemstvo employees.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ КОНТРОЛЬНО-ФИНАНСОВАЯ РЕФОРМА: ИСТОКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ (80-е – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 90-х гг. XIX в.)*

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем, связанных с учреждением реального контроля над частным сектором российских железных дорог. Привлечение широкого круга источников позволило воспроизвести хронологию контрольно-финансовых мероприятий, способствовавших усилению роли государства в регулировании отношений собственности и перспективного развития железнодорожной отрасли страны.

Ключевые слова: частные железные дороги, основные виды контроля, положения, правила и инструкции о контроле.

К началу 1880-х гг. отечественный железнодорожный транспорт, являясь одной из важных отраслей российской экономики, составлял, тем не менее, ее слабое звено. Крайняя беспорядочность железнодорожного хозяйства, для поддержания которого государству приходилось расходовать огромные денежные средства, громадная, все возрастающая финансовая задолженность казне железнодорожных обществ заставили российское правительство не только обратить самое пристальное внимание на неудовлетворительное состояние железнодорожной сети страны, но и провести контрольно-финансовые мероприятия в отношении частных железных дорог.

Выяснению истинного положения функционировавшей железнодорожной сети и разработке необходимых мер по его улучшению во многом способствовали результаты всестороннего исследования железнодорожного дела в России в отношении к интересам стратегическим, хозяйственным, торговым и промышленным. Данное исследование вполне успешно провела специально учрежденная, 22 июля 1876 г. Комиссия из представителей различных министерств под председательством генерал-адъютанта, графа Э.Т. Баранова [1].

По ее заключению, причины неудовлетворительной эксплуатации железных дорог следует искать не столько в личностях, сколько в полном отсутствии как законодательной организации дела, так и систематического правительственного контроля над действиями железнодорожных обществ.

Причем «наши железнодорожные предприятия должны подлежать со стороны правительства тройному контролю: техническому, административно-хозяйственному и финансовому, вытекающему из особых отношений государственной казны к железнодорожным обществам» [2].

Однако все виды контроля оказались в положении, далеко не отвечавшем их назначению. И хотя необходимость в проведении контрольно-финансовых мероприятий сомнений не вызывала, обсуждение вопроса о правительственном контроле над железными дорогами несколько замедлилось вследствие возникших разногласий между Государственным контролером и министром путей сообщения по поводу ведомства, в котором будет осуществляться предполагаемый контроль.

11 февраля 1881 г. государственному контролеру была отправлена записка (№ 1869), составленная в счетной части Департамента железных дорог МПС. В частности в ней излагалось, что «существующий ныне способ правительственного контроля над доходами и расходами железных дорог посредством ревизии отчетов их правлений особыми комиссиями из представителей Министерств финансов, путей сообщения и Государственного контроля, находится в весьма неудовлетворительном положении». И необходимо принятие неотложных мер, для того чтобы он достигал своей цели.

По мнению министра путей сообщения К.Н. Посьета, учреждение Ревизионного комитета при МПС предоставит возможность подробнейшего изучения причин неудовлетворительности хозяйственных результатов некоторых железных дорог. Это позволит разработать эффективные меры по устранению одной из важнейших причин такой неудовлетворительности – неправильной организации административного устройства железнодорожных обществ. Учреждение Ревизионного комитета вне МПС, будет иметь, скорее всего, вредные последствия, в связи с тем, что общий надзор за частными железными дорогами возложен на Департамент железных дорог.

При таких условиях распоряжения железнодорожных обществ будут находиться

* © Тестов В.Н.

под надзором двух правительственных учреждений.

Подобное раздвоение надзора неизбежно приведет к различным недоразумениям и пререканиям, «ослабляя при этом авторитет власти правительственных учреждений и влияние их на действия железнодорожных обществ. На основании изложенных причин министр путей сообщения не мог согласиться на установление надзора за технико-хозяйственными распоряжениями железнодорожных обществ в особом от этого Министерства учреждении [3].

Считая необходимым разрешить этот спорный вопрос, до того как начнется подробное обсуждение разработанного проекта, по инициативе государственного контролера Д.М. Сольского данный вопрос был рассмотрен 15 сентября 1881 г. в Комитете министров.

Единогласное решение членов Комитета в пользу государственного контролера было обосновано следующими доводами. Что «как государственные интересы, так и польза железнодорожного дела требуют устройства проверки оборотов железнодорожных обществ, при том именно учреждении, которому вверено вообще наблюдение над всеми государственными доходами и расходами, а таким учреждением является Государственный контроль».

Министерству путей сообщения предписывалось по-прежнему осуществлять общий и технический надзор за железными дорогами. Также для рассмотрения проекта правил проверки железнодорожных оборотов было решено образовать Особую комиссию, с участием представителей Министерства путей сообщения и финансов с последующим обсуждением проекта в установленном порядке. Данное положение Комитета министров было высочайше утверждено 25 сентября 1881 г.

В конце 1882 г. государственный контролер в своем всеподданнейшем отчете императору Александру III отметил, что «новый порядок поверки железнодорожных оборотов мог получить применение не позднее наступления 1883 г. Тем не менее на пути к достижению этой цели встретились непредвиденные препятствия», ссылаясь на Министерство путей сообщения [4].

Важность предъявленных ведомству путей сообщения обвинений возлагало на министра путей сообщения обязанность представить необходимые разъяснения. В ноябре 1883 г. К.Н. Посьет в своем представлении № 48 (секретное) императору Александру III

привел веские аргументы в оправдание вверенного ему ведомства. Он подробно изложил основные причины, вызвавшие задержку издания ревизионных правил о правительственном за железными дорогами надзоре. В частности отмечалось, что в Комитете министров было решено рассмотреть данный проект в Особом совещании из представителей МПС и Государственного контроля. Причем Д.М. Сольский выразил желание, чтобы председателем совещания был назначен А.Я. Гюббенет. В августе 1883 г. данное совещание достигло единогласного заключения по всем главным вопросам проверки оборотов частных железнодорожных обществ. Тем временем последовало высочайшее повеление о необходимости решения этого важнейшего вопроса до окончания текущего года [5].

31 декабря 1883 г. К.Н. Посьет внес в Комитет министров вместе с замечаниями по представлению Д.М. Сольского вновь разработанный в МПС проект правил, взамен тех, которые уже были представлены государственным контролером в этот же комитет.

10 января 1884 г. представление министра путей сообщения, согласно журналу Комитета министров, было передано на заключение государственного контролера. При этом Д.М. Сольский выразил надежду, что при таком положении дела уже в текущем году «возможно будет приступить к организации правильного контрольного надзора за эксплуатацией частных железных дорог» [6].

«Для сближения взглядов сих двух ведомств и согласования представленных ими проектов», 24 мая 1884 г., по требованию императора Александра III, было образовано Особое совещание под председательством М.Х. Рейтерна, возглавлявшего в те времена Комитет министров.

На данном Совещании было решено учредить, в виде опыта, сроком на два года (1885-1886), контрольный надзор за эксплуатационными оборотами трех наиболее задолжавших казне железнодорожных обществ.

В связи с тем, что сущность разногласий между министром путей сообщения и государственным контролером заключалась в существенной разнице взглядов на пределы власти каждого из этих ведомств в осуществлении надзора за оборотами частных железных дорог, Совещание разрешило и этот набравший вопрос.

Также по заключению Совещания, «ввиду необходимости упорядочения дела, при рассмотрении финансовых смет и поверке от-

четов всех вообще железнодорожных обществ целесообразно «образовать из представителей Государственного контроля и Министерств путей сообщения и финансов две комиссии, с возложением на первую из них обязанности выработать однообразные формы смет и отчетов железнодорожных обществ. И на другую комиссию – проверки отчетов железных дорог за прежнее время, главным образом, с целью выяснения правильности счетов их с правительством» [7].

13 июня 1884 г. положение Комитета министров, одоббившего все предлагаемые Особым совещанием мероприятия и разработанный проект Временных правил, было высочайше утверждено. В первый раздел Временных правил о контрольном надзоре над оборотами обществ: Балтийской, Лозово-Севастопольской и Московско-Брестской железных дорог включены состоявшие из 7 пунктов общие положения. Контрольному надзору представлялось право требовать от правлений и управлений железных дорог необходимые сведения и объяснения (п.2).

Второй раздел (8-11 пункты) – о проверке оборотов железных дорог, касался прав и обязанностей правительственного контроля.

Третий раздел (12-17 пункты) посвящался рассмотрению смет и отчетов. И, наконец, в четвертом разделе (18-20 пункты) помещались правила о взыскании казенных убытков от неправильных действий железнодорожных обществ и их агентов [8].

Далее представление государственного контролера об устройстве контрольных учреждений по надзору за оборотами частных железных дорог и ассигновании необходимых для этого средств рассматривалось в Департаменте Государственной экономии и Общем собрании Государственного совета, мнение которого получило высочайшее утверждение 11 декабря 1884 г.

Было решено «существующее в Департаменте гражданской отчетности Государственного контроля отделение по железнодорожным делам, выделив из состава сего Департамента, преобразовать в Железнодорожный отдел, на правах Ревизионного Департамента» [9].

В 1884 г. заведывание вновь образованным Железнодорожным отделом было возложено на генерал-контролера Департамента гражданской отчетности А.П. Иващенко [10].

Но практическое проведение контроля уже в самом начале обнаружило сопряженные с ним трудности, до тех пор, пока не-

возможно было заставить железнодорожные общества составлять свои сметы и отчеты по однообразной форме.

В 1884 г. при Министерстве путей сообщения была образована межуведомственная комиссия под председательством действительного статского советника, инженера путей сообщения И.П. Глушинского для выработки однообразного порядка ведения отчетности и счетоводства для частных железных дорог.

В результате деятельности комиссии И.П. Глушинского был разработан комплекс мероприятий по упорядочению и усилению Государственного контроля за эксплуатационной отчетностью частных железных дорог. Введена единая система счетоводства, установлены общие нормы для смет и балансовых отчетов, ставших обязательными для железнодорожной администрации.

До 1887 г. активное участие в трудах данной комиссии принимал будущий министр финансов И.А. Вышнеградский. 26 июня 1887 г. положение Комитета министров о подчинении железнодорожных обществ обязательству представлять эксплуатационные сметы на утверждение министра путей сообщения было высочайше утверждено [11]. Деятельность комиссии И.П. Глушинского продолжалась до 1888 г., после чего министр путей сообщения К.Н. Посыет внес в Комитет министров представление о ее закрытии, вследствие выполнения всех намеченных задач.

Между тем в 1885 г. впервые на российских частных железных дорогах был учрежден правительственный контроль, распространявшийся не только на техническо-административную, но и на финансовую сферу эксплуатации.

Для образования второй Комиссии, планируемой Особым совещанием под председательством М.Х. Рейтерна, государственный контролер в ноябре 1885 г. внес в Государственный совет представление «об учреждении Временной комиссии для проверки необревисованных отчетов частных железных дорог». Мнение Государственного совета, одобвившего данное представление, было 10 февраля 1886 г. высочайше утверждено [12].

В первой половине 1886 г. Комиссия приступила к выполнению возложенных на нее обязанностей. К началу действий комиссии необревисованных отчетов за прежнее время было более 600. Кроме того, ежегодно прибавлялось до 30 новых отчетов. Все это большое и сложное дело постепенно приводи-

лось в надлежащий порядок.

В целом трехлетний, удачный опыт применения контрольного надзора к трем вышеуказанным линиям вполне подтвердил целесообразность избранной системы наблюдения над оборотами частных железных дорог. В Государственном контроле предполагалось не только в дальнейшем сохранить учрежденный в виде опыта контроль, но и подчинить ему еще шесть частных железнодорожных линий [13]. К этой идее присоединился и ставший с 1 января 1887 г. министром финансов Иван Алексеевич Вышнеградский, по предложению которого дополнительно были включены еще три железнодорожные линии. Высочайше утвержденным 11 декабря 1887 г. положением Комитета министров контрольный надзор на трех вышеуказанных дорогах был сохранен.

И установлен такой же надзор на девяти следующих частных линиях: Донецкой, Варшавско-Бромбергской, Закавказской, Орловско-Витебской, Привислинской, Варшавско-Тереспольской, Ряжско-Вяземской, Моршанско-Сызранской и Динабург-Витебской [14].

5 марта 1888 г. государственный контролер Д.М. Сольский внес представление № 877 о расходах на содержание контрольных учреждений по надзору за оборотами частных железных дорог в Государственный совет [15].

17 мая 1888 г. мнение Государственного совета об устройстве контрольных учреждений по надзору за оборотами частных железных дорог было высочайше учреждено [16]. Проверка отчетов частных железных дорог, не подчиненных ближайшему контрольному надзору, в 1888 г. осуществлялась Временной комиссией под председательством А.П. Иващенко. В связи с истечением трехлетнего срока, на который эта комиссия была учреждена (1886-1888), представлялась возможным ее упразднить, возложив окончание порученных дел и проверку текущих отчетов на Железнодорожный отдел Государственного контроля.

Между тем уже к 1887 г. многомиллионные платежи казны по гарантированным железнодорожным обязательствам начали возрастать в угрожающей прогрессии, став одной из главных причин хронического бюджетного дефицита России. В 1885 г. они составляли 47 млн. руб., а на следующий 1886 г. достигли 64 млн. руб. Гарантированных платежей из казны требовало более 85 % отечественной частной железнодорожной сети.

Министерство финансов с целью устранения бюджетных дефицитов приступило к широкой программе мероприятий по проведению железнодорожно-финансовой реформы. Для сокращения ежегодных платежей России за границей, используя благоприятную финансовую конъюнктуру на иностранных денежных рынках, в 1888-1890 гг. была проведена целая серия конверсий внешних, в первую очередь – железнодорожных займов. В результате конверсия пятипроцентных консолидированных облигационных займов на новые четырехпроцентные займы с более длительной рассрочкой дала заметную бюджетную экономию по ежегодным платежам. По расчетам И.А. Вышнеградского, эта финансовая экономия составила около 2,2 млн. руб. в год.

Одновременно был издан закон от 12 марта 1890 г. «О порядке открытия кредитов железнодорожным обществам, имеющим долг казне». Этот закон предоставил возможность подчинения фактическому надзору Департамента железнодорожных дел все вопросы, связанные с реализацией новых облигационных займов и само расходование сумм железнодорожных обществ с капиталами, гарантированными казной [17].

10 июня 1890 г. император Александр III утвердил Временные для железнодорожных обществ правила о порядке распределения чистого дохода, о взносе в казну платежей из чистого дохода и о порядке выдачи дивиденда по акциям [18].

Для усовершенствования системы счетоводства в 1891 г. при Департаменте была образована Особая междуведомственная комиссия. Результатом ее работы стал проект правил «о порядке зачета сумм, вносимых в казну железнодорожными обществами из их чистого дохода и сумм, отпущенных им обществам из казны в ссуды». Данный проект был высочайше утвержден 18 июня 1892 г. Второй проект положения о счетоводстве Департамента железнодорожных дел по расчетам между железнодорожными обществами и казной был утвержден в том же 1892 г. по междуведомственному соглашению. С этого времени был установлен надлежащий порядок в счетоводстве по расчетам казны с железнодорожными обществами.

Совокупность вышеизложенных мер, а также внесенные Департаментом железнодорожных дел Министерства финансов изменения и улучшения в уставы железнодорожных обществ в полной мере способствовали упорядочению их хозяйственной деятельности. И,

что особенно важно, была исключена всякая возможность произвола со стороны железнодорожных обществ в расходовании реализованных ими с правительственной гарантией капиталов и бесконтрольного ведения их частного железнодорожного хозяйства [19].

Вместе с тем успешная деятельность местных органов контроля способствовала распространению правительственного влияния на другие частные железнодорожные линии. 22 февраля 1891 г. было высочайше утверждено положение Комитета министров «О подчинении ближайшему контрольному надзору эксплуатационных оборотов 6-ти железнодорожных обществ» [20]. Ими являлись общества Риги-Динабургской, Ивангород-Домбровской, Казлово-Воронежско-Ростовской, Грязе-Царицынской, Оренбургской и Орловско-Грязской железных дорог.

В соответствии с высочайше утвержденным 18 марта 1891 г. мнением Государственного совета, для проверки годовых отчетов частных железных дорог, не подчиненных ближайшему контрольному надзору, учреждалась контрольная часть [21].

В связи с постепенным распространением контрольного надзора за большинством частных железных дорог возникла необходимость в преобразовании Железнодорожного отдела. На основании высочайше утвержденного 3 июня 1891 г. мнения Государственного совета данный отдел был преобразован в Департамент железнодорожной отчетности [22].

Ревизионное наблюдение Государственного контроля, естественно, распространялось и на строительные операции частных обществ в тех случаях, когда они производились на гарантированные казной облигационные капиталы. Согласно высочайше утвержденному 15 июня 1891 г. мнению Государственного совета, надзору Государственного контроля было подчинено строительство Обществом Владикавказской железной дороги Петровской и Минераловодской ветвей.

Для достижения этой цели была образована также самостоятельная контрольная часть, на учреждение которой, как обычно, были выделены необходимые денежные средства. Как видно, затраты на содержание железнодорожного контроля, ежегодно возрастаая, стали достигать весьма значительных денежных сумм. Так, если в 1881 г. эти расходы составляли всего 8 300 руб., то в 1894 г. они достигли уже 1 684 770 руб. В целом за период с 1881 г. по 1894 г. эти затраты составили 8 807 253 руб. [23].

Для уменьшения расходов на содержание такого дорогостоящего железнодорожного контроля, по убеждению И. Рихтера, принимавшего непосредственное участие в проведении контрольно-финансовой реформы на российских железных дорогах, «практичнее было бы допустить известное разделение обязанностей между конкурирующими по надзору учреждениями. Сметный надзор и связанную с ним хозяйственную экспертизу оставить на исключительной обязанности МПС. Последующую же документальную поверку, дополняющий ее фактический контроль и также экспертизу правильности распоряжений распорядительного управления – на исключительной обязанности Государственного контроля» [24].

Так, с 1891 г. началось постепенное устранение контроля от непосредственного наблюдения за правильным и хозяйственным ведением частными обществами строительных операций. По-видимому, это было обусловлено тем, что благодаря осуществленным преобразованиям контрольно-финансового характера правительству Александра III удалось приобрести значительное влияние на ведение железнодорожного хозяйства акционерными обществами, поставив их в довольно тесную зависимость от казны. Подтверждением достижения цели предпринятых российским правительством мер вполне может служить тот факт, что главнейшие из них – учреждение контрольного надзора за оборотами железнодорожных компаний и установление определенного порядка производства денежных расчетов казны с обществами – первоначально введенные в виде опыта, на короткий срок, позднее были оставлены в действии на дальнейшее время [25].

В 1894 г. многие крупные железнодорожные работы – постройка новых значительного протяжения линий, усиление существующих и оборудование их элеваторами, пристанями и т.п. – производились акционерными обществами уже без надзора со стороны Государственного контроля. Предоставление обществам свободы распоряжаться облигационными строительными капиталами, гарантированными казной, не отвечало, конечно, взглядам Государственного контроля. Однако оно было допущено по тому соображению, что «размер потребных на постройку капиталов определяется по предварительном рассмотрении расценок ведомостей в особых комиссиях, с участием представителя Государственного контроля. И в той уверенности, что акционеры, будучи заинтересованы

в получении возможно больших дивидендов на акции, сами позаботятся, чтобы разрешенные им работы были произведены хорошо и дешево» [26].

В конце XIX в. было издано Положение о правительственном надзоре за оборотами обществ частных железных дорог, состоявшее из трех основных разделов и общих положений (ст.1-6). В первом разделе, включавшем пять глав, содержались правила составления, рассмотрения, утверждения и исполнения смет эксплуатации железных дорог (ст. 7-51). Второй раздел – Правила счетоводства и отчетности по оборотам железнодорожных обществ, состоял из двух глав (ст. 52-85). И, наконец, в третьем разделе находилось «Дополнительное положение о Ревизионной комиссии Государственного контроля». В первую главу был включен круг деятельности и состав Особого отдела и Особого присутствия (ст. 86-97). А во второй главе подробно рассматривался порядок производства проверки оборотов железнодорожных обществ (ст. 98-122) [27].

В соответствии с этим усовершенствованным положением, руководящим признавался тот принцип, «что не нуждаются в контроле те дороги, которые сумеют вести свое хозяйство с таким успехом, чтобы не вызывать необходимости платежей гарантий. В противном случае, вступают в силу правила о введении контроля, как только это потребует для ограждения непосредственно затронутых интересов казны» [28].

Итак, к концу XIX в. над российскими железными дорогами был установлен действенный регулярный правительственный контроль. Все совместные, скоординированные действия Государственного контроля и причастных министерств в значительной мере обусловили нормальную работу казенного и частного секторов отечественных железных дорог.

Своевременное принятие правительством Александра III необходимых, решительных мер, направленных на упорядочение железнодорожного хозяйства, позитивно отразилось на дальнейшем интенсивном развитии железнодорожного транспорта России. Причем для достижения намеченной цели большое значение придавалось улучшению функционирования существовавшей сети железных дорог, подавляющее большинство которых находилось в крайне тяжелом финансовом положении. Благодаря успешному проведению железнодорожной контрольно-финансовой реформы, безусловно, способс-

твовавшей решению сложнейших проблем, связанных с нормализацией деятельности российских железных дорог, эта цель должна быть признана достигнутой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 422. Оп. 1. Д. 1359. Л. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1099. Оп. 1. Д. 233. ЛЛ. 3, 5.
3. ГА РФ. Ф.1099. Оп. 1.Д. 184. ЛЛ. 1, 8 об., 9.
4. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1882 г. СПб.: «Государственная типография». 1883. С. 112-113.
5. ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1.Д. 219. ЛЛ. 1, 3.
6. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1883 г. СПб.: «Государственная типография». 1884. С. 109.
7. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1884 г. СПб.: «Государственная типография», 1885. С. 136.
8. Систематический сборник действующих на русских железных дорогах узаконений и распоряжений правительства, а также положений, правил, инструкций и соглашений, изданных им одобренных правительством с 1860 по 1 июня 1890 г. Ч.III. / Сост. Н.Л. Брюль. СПб.: Типо-Лит. С. Муллер и И. Богельман, 1890. С. 1472-1474, 1480-1481.
9. ПСЗ. Собрание третье. Т. IV. 1884. СПб.: «Государственная типография», 1887. № 2588. С.556.
10. ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 406. Л. 2 об.
11. ПСЗ. Собрание третье. Т.VII. 1887. СПб.: «Государственная типография», 1889. № 4620. С. 362.
12. ПСЗ. Собрание третье. Т.VI. 1886. СПб.: «Государственная типография», 1888. № 3509. С.55.
13. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1887 г. СПб.: «Государственная типография», 1888. С. 154-155.
14. Собрание Узаконений и распоряжений правительства. СПб.: Тип. Правительствующего Сената. 1888. 17 июня. № 55. Ст. 511. С. 1158.
15. Россия. Государственный контроль. О расходах на содержание контрольных учреждений по надзору за оборотами частных железных дорог. СПб., 1888. С. 1-2.
16. ПСЗ. Собрание третье. Т.VIII. 1888. СПб.: «Государственная типография», 1890. № 5201. С. 219.
17. Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М.: Изд-во «Наука». 1975. С. 160-161.
18. ПСЗ. Собрание третье. Т.X. 1890. СПб.: «Государственная типография», 1893. № 6921. С. 462.
19. Россия. Министерство финансов. Краткий отчет о деятельности Тарифных учреждений Департамента железнодорожных дел за 1889 – 1913 гг. СПб.: Изд-во Министерства финан-

- сов, 1914. С. 124-125.
20. ПСЗ. Собрание третье. Т. XI. 1891. СПб.: «Государственная типография», 1894. № 7485. С. 84.
21. ПСЗ. Собрание третье. Т. XI. 1891. СПб.: «Государственная типография», 1894. № 7557. С. 125.
22. ПСЗ. Собрание третье. Т. XI. 1891. СПб.: «Государственная типография», 1894. № 7780. С. 328.
23. Общий обзор развития и деятельности Государственного контроля в царствование государя императора Александра III (1881 – 1894). СПб.: «Государственная типография», 1901. С. 26, 32-33, 128-129.
24. Рихтер И. И. К истории железнодорожной ревизии в России. Киев.: тип. И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. С. 4.
25. Кислинский Н. А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров / Под ред. А. Н. Куломзина. Т. 3. СПб.: Изд-во Канцелярии Комитета министров, 1902. С. 28, 35, 40.
26. Цит. по: Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1894 г. СПб.: «Государственная типография», 1895. С. 101.
27. ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 498. ЛЛ. 1-3, 9-13.
28. Мертенс О. Тридцать лет (1882-1911 г.) русской железнодорожной политики и ее экономическое значение. Пер. с нем. изд. 1919 г. И. И. Графа, под ред. А. И. Зака. М.: Изд-во «Центр бюро печати» (ЦБП НКПС), 1923. С. 86-89.

V. Testov

RAILWAY KONTROLNO – FINANCIAL REFORM: SOURCES AND CONSEQUENCES (80 – FIRST HALF 90 – TH XIX OF A CENTURE)

Abstract. Article is devoted the analysis of the problems connected with establishment of the real control over private sector of the Russian railways. Attraction of a wide range of sources has allowed to reproduce chronology of the kontrolno-financial actions promoting strengthening of a role of the state in regulation of relations of the property and perspective development of railway branch of the country.

Key words: private railways, principal views of the control, position, a rule and the instruction about the control.

УДК 94 (470.5)

Галиев Э.Б.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ В СТРАНЕ В СВЯЗИ С АГРАРНЫМ КРИЗИСОМ И РОЛЬ ПОЛИЦИИ ЮЖНОГО УРАЛА В ЕГО ПРЕОДОЛЕНИИ*

Аннотация. В конце XIX - начале XX веков становится очевидным аграрный кризис, вызванный сокращением крестьянского землевладения, ухудшением экономического положения крестьянского хозяйства, что вызывало волнения в крестьянской среде, приводившие к беспорядкам. Особенно широкий размах крестьянское движение приняло в период с 1905 по 1907 годы. Действия полиции в этих условиях было направлены на предупреждение и прекращение всякого рода волнений и беспорядков среди населения и устранения причин, способных их вызвать.

Ключевые слова: крестьянство, революционный подъем, полиция, Южный Урал.

Несмотря на ускоренную экономическую модернизацию, Россия оставалась крестьянской страной. По данным первой Всероссийской переписи населения 1897 года,

крестьянское население составляло 93 млн. человек (74 %).¹ В сельской местности в 50 губерниях Европейской России проживали 81,4 млн. крестьян, из них 69,4 млн. занимались сельским хозяйством.

На рубеже XIX–XX веков в России сложился комплекс взаимосвязанных социально-экономических проблем, одной из которых было ухудшение положения крестьянства. Истоки этого процесса лежали в самом характере крестьянской реформы 1861 года, предусматривавшей нормы надела, которые в перспективе не позволяли большинству крестьян улучшить свое хозяйство. Только 4,8 % крестьян получили надел в размере, обеспечивающем прожиточный минимум.² Начиная с 1880-х годов, все отчетливее обнаруживалось крестьянское малоземелье, обострившееся из-за роста сельского населения. Истощенные крестьянские наделы давали низкие урожаи, все чаще повторялись неуро-

* © Галиев Э.Б.

жайные годы и, как следствие — голод. Бедствия, перенесенные крестьянами в 1891-1892 годах, характеризуют размеры продовольственных долгов по некоторым губерниям, отнесенных властями к числу наиболее пострадавших. Так, продовольственные долги на 15 марта 1892 года составили в Оренбургской губернии 10 млн., Уфимской — 2,7 млн. рублей. Недоимки по государственному поземельному налогу составили в Оренбургской губернии 197 тыс., Уфимской — 231 тыс., по выкупным платежам соответственно 2,5 и 2,2 млн. рублей. Таким образом, размеры продовольственной ссуды значительно превышали недоимки по государственному поземельному налогу и выкупным платежам.³ К 1 января 1901 года продовольственный долг за населением Уфимской губернии составлял 2,9 млн. рублей и 6,9 млн. пудов хлеба, главным образом, за тремя западными уездами, что объяснялось неурожаем 1891–1898 годов.⁴

Газета «Оренбургский листок» в одной из своих статей охарактеризовала экономическое положение крестьянского населения в начале XX столетия следующим образом. «До двух миллионов крестьян ежегодно берут паспорта и уходят искать заработки вне своей деревни. Часть идет на отхожие промыслы, т.е. на земледельческие заработки в другие губернии или на фабрично-заводские работы, часть переселяется. Как правило, это безземельные крестьяне, в некоторых губерниях таковые составляют уже до 5 % всего населения, либо крестьяне, земля которых не способна их прокормить. С каждым годом, при существующих приемах и средствах обработки, недостаток крестьянской земли все ощутимее. Покупать или арендовать землю все труднее из-за роста цен и арендной платы. Кризис, переживаемый сельским хозяйством в течение ряда лет, не позволяет надеяться на улучшение положения крестьян на местах. Из 2 млн. крестьян, которые ежегодно отправляются на отхожие промыслы, на фабрично-заводские заработки могут устроиться немногие. В составе фабрично-заводских рабочих много таких, которые порвали связь с землей и только именуется крестьянами. Но промышленный кризис, выразившийся в остановке или сокращении производства, может лишить их и этого источника средств к существованию».⁵

Социальные протесты крестьян против столь бедственного положения выражались в самовольных порубках частновладельческого и казенного леса. В сообщении Министерства государственных имуществ в июле 1868 года

указывалось, что сельские и волостные начальники не только не принимают никаких мер к пресечению незаконного истребления крестьянами леса, но допускали их и нередко сами участвовали в порубке, при лесных пожарах по требованию лесничих не оказывали помощи.⁶

Обострение малоземелья подталкивало крестьян самовольно расширять свое землепользование за счет помещичьих и казенных земель. Так, при проведении в исполнение судебного решения об отмежевании земли наследникам Масленникова, захваченной крестьянами села Владимирского Оренбургского уезда, последние оказали сопротивление полиции и членам межевой комиссии. С прибытием казачьей сотни и губернатора крестьяне подчинились, межевые работы прошли спокойно.⁷

Распространение среди крестьян слухов о дополнительном наделении землей служило поводом для беспорядков. В Бирском уезде Уфимской губернии возникли волнения вследствие распространения между крестьянами слуха об изъятии земель у владельцев и разделе их между крестьянами. Первоначально это выразилось в единичных самовольных посевах и порубках леса в имениях.⁸ В среде башкирского населения возникло убеждение, что они безнаказанно могут распоряжаться землей и лесом владельцев, купивших землю у башкир-вотчинников или у правительства на льготных условиях.⁹ Оренбургский уездный исправник докладывал оренбургскому губернатору о том, что башкиры Кипчакской волости распространяют ложные слухи о возвращении башкирских земель, проданных в прежнее время. Часть населения, относящаяся с доверием к этим слухам, намеревается с началом весны приступить к самовольному захвату земель. Уездной полицией были приняты меры, чтобы не допустить беспорядков и самоуправства.¹⁰ В Департаменте полиции сосредоточивались получаемые Министерством внутренних дел сведения о происходящих в среде крестьян беспорядках, волнениях и сопротивлениях властям.

В 1905-1906 годах в связи с неурожаем крестьянские волнения усилились. В Уфимской губернии неурожай в 1905 году привел к значительному сокращению посевной площади и увеличению числа безлошадных дворов. Правительство не смогло оказать помощь голодающим из правительственных продовольственных запасов, и крестьяне самовольно стали забирать запасы хлеба. Тревожные сигналы о крестьянских выступлениях пос-

тупали из всех уездов Уфимской губернии.¹¹ В газете «Оренбургский край» сообщалось, что жители деревень Орского уезда в декабре 1906 года сломали замок хлебозапасного магазина и забрали 259 пудов хлеба. В деревни прибыли полицейский пристав и стражники. В ходе расследования население не выдавало зачинщиков, совершившиеся объясняло отсутствием заработков и недостатком хлеба.¹² В имении Чукашевых выступления крестьян приобрели такой размах, что местные власти вынуждены были запросить на помощь воинские части.¹³ Массовый характер приобрела самовольная рубка леса, производимая нередко целыми крестьянскими обществами.¹⁴

Особенно широкий размах крестьянское движение приняло в период с 1905 по 1907 годы. Столкновения сельского населения с полицией приобрело острый характер с применением огнестрельного оружия.¹⁵ В имении графа Мордвинова Троицкого уезда крестьяне вырубili и вывезли лес на сумму 5 608 рублей. При столкновении со стражниками двое крестьян были убиты.¹⁶

Обеспокоенное положением дел на местах, правительство направило всем губернаторам письмо, в котором полиции и земским начальникам рекомендовалось немедленно объехать участки, внимательно относиться ко всякого рода законным требованиям крестьян по земельным делам, совместно выезжать на места, где заметны были какие-либо волнения на почве несогласия с помещиками, обстоятельно разбираться, но в случае посягательства со стороны крестьян на право собственности соседних с ними землевладельцев, решительно пресекать.¹⁷ В Министерство внутренних дел все чаще стали поступать сведения о готовящемся массовом выступлении крестьян, значительном количестве в губерниях революционной литературы, как периодических изданий, так и брошюр.¹⁸

Политические радикальные партии действовали с помощью прокламации и листовок. Оренбургская группа социал-демократов призывала крестьян оказывать неповиновение начальству, составлять приговоры на сходах – не платить податей, не служить в солдатах, устраивать демонстрации. «Намечайте, какие земли вам нужно будет отобрать у казны, помещиков, вооружайтесь»,¹⁹ – говорилось в одной из листовок. Как видно из донесений полиции в жандармское управление, большое количество листовок было обнаружено в Челябинском и Верхнеуральском уездах Оренбургской губернии.

Уфимский комитет РСДРП проводил

большую работу среди крестьянства: посылал в деревню агитаторов, распространял листовки, призывал крестьян к активному выступлению против помещиков, к созданию революционных крестьянских комитетов. В октябре 1905 года Уфимский комитет организовал подпольную типографию и издание прокламаций. За период с 15 октября 1905 года по 1 января 1907 года было издано 76 листовок в количестве 280 150 экземпляров. Прокламации Уфимского комитета РСДРП были распространены по всей территории Уфимской губернии.²⁰

Крестьянские выступления все чаще принимали массовый характер, охватывая все население деревень, включая стариков, женщин, подростков. Если в 1884-1890 годы крестьяне составляли всего 7,1% осужденных за государственные преступления, к которым по уголовному законодательству относились: бунты против царской власти, смуты, преступления против особы царя и членов императорского дома, участие в противозаконных обществах и другие. В 1901-1903 годы крестьяне составляли 9% от числа осужденных за государственные преступления, в 1905-1908 годы – 42,2%, в 1908 – 1909 годы – 28%, в 1910-1913 годы этот процент поднялся до 34.²¹ Более высокий процент крестьяне составляли среди лиц, осужденных за выступления против порядка управления, куда были отнесены дела об участии в восстаниях и сопротивлениях властям, о революционных аграрных выступлениях, оскорблении властей, неисполнении требований властей и другие. На каждые сто человек, осужденных в 1910-1913 годы окружными судами и судебными палатами за восстание и сопротивление властям, приходилось 85 крестьян. Большое количество дел о политических выступлениях крестьян было рассмотрено уездными съездами, волостными судами и земскими участковыми начальниками. В Уфимской губернии число подсудимых, привлеченных земскими начальниками и волостными судами за проступки против порядка управления, составило в 1910 году – 25 286, в 1913 году – 26 669 человек.²²

В 1903 году правительством принимаются некоторые дополнительные меры по усилению полиции. 5 мая 1903 года был принят закон об учреждении уездной полицейской стражи²³, которым в 46-ти губерниях Европейской России при станových приставах и полицейских урядниках создавалась уездная полицейская стража для «охраны благочиния, общего спокойствия и порядка в мест-

ностях подведомственных уездной полиции». В каждой волости вводилась одна должность урядника и необходимое число стражников из расчета не более одного на 2500 душ населения. Закон запрещал отвлекать чины уездной полицейской стражи, хотя бы временно, для исполнения каких-либо поручений, не относящихся к их обязанностям. С ведением полицейской стражи у уездного руководства появился новый исполнительный силовой орган.

С учреждением полицейской стражи и ликвидацией института сотских изменилось правовое положение десятских. Согласно «Правилам внутренней полиции (волостной и сельской)», утвержденным 5 мая 1903 года, десятские исключались из состава уездной полиции и передавались в подчинение сельского и волостного начальства в качестве низших служащих внутренней сельской полиции.²⁴ На десятских возлагалось исполнение полицейских обязанностей в местах их постоянного пребывания: сопровождение и охрана арестованных, совершение принудительных полицейских действий, принятие мер к сохранению следов преступления. Волостные старшины и сельские старосты должны были оказывать необходимое содействие чинам уездной полицейской стражи, исполнять их законные требования. Волостные старшины обязывались доносить местной полиции о самовольно отлучившихся из волости лицах, состоявших под надзором полиции.

В революционный период усиленно происходило создание частей полицейской стражи, на местном уровне принимались различные нормативные акты, регламентирующие их расстановку и деятельность. С 1 июля 1905 года уездная полицейская стража вводилась в Оренбургской губернии. Штат конных и пеших стражников для губернии был определен в 942 человека.²⁵ Эта мера в два с лишним раза увеличила численность губернской полиции. В Уфимской губернии в сентябре 1907 года насчитывалось 1148 полицейских стражников, которые направлялись, по словам губернатора, в наиболее опасные в отношении беспорядков пункты.²⁶

Чинам полиции вменялось в обязанности строго следить за предупреждением и прекращением всякого рода волнений и беспорядков среди населения, устранять причины, способные их вызвать. С апреля 1905 года расширялась компетенция полицейских управлений губернии и подчиненных им подразделений общей полиции. Они ориентировались на работу против нелегальных орга-

низаций, занимавшихся террористической деятельностью в стране, оппозиционных правящему режиму политических партий.

Несмотря на принимаемые правительством меры, численность уездной полиции не удовлетворяла требованиям охраны общественного порядка. Так, в Орском уезде один урядник приходился на две большие волости с населением более двадцати тысяч человек.²⁷ Проблема неравномерного распределения полицейских сил все больше обострялась, что отрицательно сказывалось на деятельности общей полиции.

С возрастанием революционного движения деятельность жандармских отделений приобретала все большее значение. В соответствии с Положением «Об устройстве секретной полиции в Империи» 1883 года образовывались секретно-розыскные отделения, получившие позднее наименование охранных отделений («охранок»). Окончательно охранные отделения оформились с принятием Положения «О начальниках розыскных отделений» от 12 августа 1902 года, в которых сосредоточивалась вся агентурно-розыскная деятельность жандармских управлений. Циркуляром Департамента полиции от 13 августа 1902 года разграничивалась компетенция жандармерии и охранных отделений. Жандармы должны были заниматься производством дознания по политическим преступлениям, а охранные отделения - осуществлять оперативно-розыскные мероприятия по этим же преступлениям. В 1902 году в Перми, в 1903 году в Уфе были учреждены охранные отделения, которые возглавили прикомандированные к губернским жандармским управлениям жандармские офицеры. В Оренбурге охранный отдел (Оренбургский розыскной пункт) создано было в ноябре 1905 года.²⁸

По роду своей деятельности жандармы должны были взаимодействовать с полицией. Начальник оренбургского жандармского управления в рапорте отмечал, что чины общей полиции не оказывают содействие корпусу жандармов по надзору за подозреваемыми и предоставлению сведений, смотрят на жандармов как на лиц, мешавших их произволу и взяточничеству, что вызывало подозрительное и враждебное отношение к чинам корпуса жандармов.²⁹ И в дальнейшем жандармерия не была довольна взаимодействием с полицией. Критиковали полицию за нежелание подчиняться требованиям жандармерии, медлительность, создание препятствий в работе жандармов, низкий нравственный

облик полицейских.

Революционные события 1905-1907 годов на Южном Урале требовали усиления штата жандармских учреждений. Уже в 1900 году начальник Оренбургского губернского жандармского управления в рапорте указывал, что штатного числа чинов губернского управления явно недостаточно. 23 унтер-офицера и 4 офицера были размещены в шести пунктах губернии - это 168 155 кв. верст и 1 558 830 человек населения, на каждый пункт приходилось 28 тыс. кв. верст и 260 тыс. человек.³⁰ Огромные расстояния районов наблюдения, плохое состояние дорог, отсутствие достаточного числа почтовых лошадей делали очередные объезды и внеочередные поездки продолжительными и затруднительными, как следствие этого — непрерывное пребывание унтер-офицеров в разъездах. Недостаток почтовых и телеграфных контор и большие расстояния между почтовыми пунктами затрудняли обмен перепиской.

Согласно Положению от 14 декабря 1906 года создавались районные охранные отделения. Новые структуры должны были объединить розыскные органы районов с тем, чтобы обобщать полученную ими информацию и иметь более полное представление о действовавших на территории района противоправных организациях. Предписывалось создание центральной внутренней агентуры, способной освещать деятельность революционных сообществ.

Уральские губернии входили в район деятельности Поволжского Районного охранного отделения, позже часть губерний была передана вновь созданному Пермскому. К 1909 году в район действия Пермского районного охранного отделения входили Уфимская, Вятская, Пермская губернии и Челябинский уезд Оренбургской губернии. К 1913 году Департамент полиции стал упразднять охранные отделения в тех местностях, «где в таковых не имелось острой необходимости в подавлении революционного движения». Было ликвидировано Уфимское охранное отделение, в феврале 1914 года - Западно-Сибирское и Пермское районные охранные отделения.³¹ Самостоятельно существовали жандармские управления на железных дорогах, которые имели отделения на всех узловых станциях. В пределах Оренбургской губернии действовали жандармское полицейское управление Ташкентской железной дороги, жандармское полицейское управление Сибирской железной дороги, последнее имело отделение в г. Челябинске.

После революции 1905-1907 годов в стране насчитывалось 60 охранных отделений. В 1914 году, когда окрепли губернские жандармские управления и жандармско-полицейские управления железных дорог, а также в связи с ослаблением революционного движения, охранные отделения оставались только в крупных городах, являвшихся центрами рабочего и студенческого движения.

Губернское жандармское управление на практике для обеспечения взаимодействия с органами общей полиции на местах устанавливало взаимоотношения с губернатором - первым руководителем и начальником полиции в губернии. Через губернатора осуществлялась связь Департамента полиции с полицейскими управлениями в уездах и городах. Губернаторы и губернские органы управления получали рапорты от чиновников полиции о состоянии дел и происшествиях в уездах, обобщали и анализировали их, на основании чего принимали соответствующие меры к совершенствованию организации и деятельности полицейских органов в губернии в пределах своей компетенции. Кроме того, губернаторы координировали деятельность органов полиции городов и уездов, а также жандармской полиции, следили за соблюдением ими действующего законодательства при осуществлении полицейских функций.

Можно сделать вывод, что в конце XIX - начале XX веков становится очевидным аграрный кризис. На Южном Урале земельная обеспеченность крестьянского населения значительно сократилась в связи с расхищением башкирских земель, крестьянской колонизацией и естественным приростом населения. Земельный надел многих крестьянских дворов не обеспечивал прожиточного минимума. Периодическое повторение неурожаев губительно сказывалось на сельском хозяйстве. В этих условиях широко была распространена самовольная порубка казенного и частновладельческого леса, случалось самовольное заселение чужих земель. Среди крестьян периодически появлялись слухи о дополнительном наделении землей, что приводило к аграрным беспорядкам. Особенно широкий размах крестьянское движение приняло в период первой русской революции 1905-1907 годов. Действия полиции были направлены на предупреждение и прекращения самоуправства и беспорядков среди населения.

Расширение крестьянского движения, совершенствование форм и методов революционной борьбы, а также рост уголовной преступности в России потребовали усиление

полицейского аппарата. Увеличение численности уездной полиции было связано с учреждением уездной полицейской стражи при станковых приставах и полицейских урядниках. Одновременно была расширена сфера деятельности полицейских учреждений. Наряду с выполнением многочисленных обязанностей, она ориентировалась на борьбу с антиправительственной деятельностью нелегальных организаций и оппозиционных политических партий. Основное внимание уделялось укреплению политической полиции, в систему которой входили губернские жандармские управления, районные охранные отделения и охранные отделения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т.1. СПб., 1905.
2. Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. М., 1958. С. 13.
3. Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России 1881 – 1904 гг. М., 1984. С. 119.
4. Платежи, недоимки и продовольственная задолженность населения Уфимской губернии / сост. М.П. Красильников. Уфа, 1902. С. 66-68.
5. Оренбургский листок. 1902. 13 января.
6. Государственный архив Оренбургской области (Далее: ГАОО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 20. Л. 66.
7. Государственный архив Российской Федерации (Далее: ГАРФ). Ф. 102. Оп. 43. Д. 158 ч. 7. Л. 3 - 4.
8. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 40. Д. 312 ч. 23. Л. 8 об.
9. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 40. Д. 312 ч. 23. Л. 11.
10. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.
11. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (Далее: ЦГИА РБ). Ф. И-11. Оп. 2. Д. 100. Л. 4 - 17.
12. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 116. Д. 47 ч. 1. Л. 2.
13. ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 2. Д. 94. Л. 9 - 10.
14. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 11 ч. 50. Л. 1 - 3; ГАОО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 40. Л. 1 - 20.
15. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 116. Д. 81 ч. 1. Л. 24 - 24 об.; Оп. 117. Д. 81 ч. 1. Л. 2 - 2 об.; Оп. 118. Д. 47 ч. 1. Л. 1 об.
16. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 116. Д. 47 ч. 1. Л. 6.
17. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 11 ч. 50. Л. 1 - 3.
18. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 232. Д. 5 ч. 52. Л. 1.
19. ГАОО. Ф. 21. Оп. 7. Д. 97-а. Л. 17 - 18.
20. Сборник документов и материалов о революционном движении 1905 – 1907 гг. в Башкирии / под ред. С.М. Васильева, Л.П. Гнедкова, Т.Ш. Саяпова. Уфа, 1956. С. V – VI.
21. Иерусалимский А.Ф. Некоторые вопросы развития крестьянского движения в 1910 – 1914 гг. // История СССР. 1959. № 4. С. 113.
22. Там же. С. 113.
23. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об учреждении в 46-ти губерниях Европейской России полицейской стражи» от 5 мая 1903 г. // ПСЗ – 3. Т. 23. № 22906.
24. Полицейский стражник / сост. Н.Т. Волков. Изд. 6-е. СПб., 1912. С. 72.
25. Петров А.В. Полиция Урала и Западной Сибири в начале XX века. Челябинск, 2005. С. 46-47.
26. Там же. С. 48.
27. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1163. Л. 2 – 2 об.
28. Петров А.В. Полиция Урала и Западной Сибири в начале XX века. Челябинск, 2005. С. 67.
29. ГАОО. Ф. 21. Оп. 3. Д. 18. Л. 10 об. – 11, 18.
30. ГАОО. Ф. 21. Оп. 3. Д. 18. Л. 4.
31. Петров А.В. Полиция Урала и Западной Сибири в начале XX в. Челябинск, 2005. С. 74-75.

A. Galiev

REVOLUTIONARY UPSURGE IN THE COUNTRY BECAUSE OF THE AGRARIAN CRISIS AND THE ROLE OF THE SOUTH URAL POLICE IN ITS OVERCOMING

Abstract. At the end of the XIX - beginning of the XX centuries the agrarian crisis came to light because of the peasant's land owning reduction and also peasant's agriculture economic situation decline that ended in disorders among peasants. During the period from 1905 up to 1907 peasant's disorders came to a head under the influence of the socialist ideas and literature of the antiauthority content calling to make stand against authority. Under the circumstances the police was to stop any disorders among people and to eliminate the cause of these disorders.

Key words: peasantry, revolutionari lifting, police, South Urals.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ? (ПОЗИЦИЯ ИДЕОЛОГОВ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА НАЧАЛА XX ВЕКА)*

Аннотация. В статье рассматривается позиция идеологов российского либерализма XX в. по вопросу о соотношении государства и общества. Доказано, что либералы пришли к выводу о необходимости конструктивного сотрудничества государства и общества как условия общественного прогресса, главным критерием которого для либералов выступало свободное развитие творческого потенциала личности.

Ключевые слова: государство, общество, либералы, развитие потенциала личности.

Модернизация постсоветской России актуализировала проблему соотношения государства и общества, ведь поиск модели их эффективного взаимодействия является одним из инструментов и одновременно важнейшим условием успешности реформ. Это побуждает обратиться к опыту осмысления данной проблемы отечественными учеными, философами, общественными и политическими деятелями. Несомненный интерес в этом плане представляют воззрения идеологов нового либерализма, анализировавших вопрос о соотношении государства и общества в рамках разработки модели общественного переустройства России в начале прошлого столетия. Помимо политико-практической актуальности, взгляды отечественных либералов имеют и научно-теоретическую значимость как серьезный вклад в исследование одной из самых спорных проблем общественной мысли. Кроме того, рассмотрение позиции либералов по вопросу о соотношении государства и общества будет способствовать переосмыслению либеральной модели правового государства, а также технологии ее реализации, предлагавшейся авторами.

Обозначенная тема получила некоторое освещение в отечественной историографии. Так, в работе Д.В. Аронова она рассматривается в рамках триады государство-личность-общество [Аронов Д.В. 2005, 97-156]. Изучению процессов самоорганизации российского общества в начале XX в., а также позиции либеральных деятелей по проблеме свободы союзов посвящены исследования Д. Бред-

ли, А.С. Тумановой, И.С. Розенталя [Бредли Д.1994, 77-89; Туманова А.С. 2008; Розенталь И.С. 2004].

Исходя из историографической ситуации, в настоящей статье ставится задача рассмотрения взглядов идеологов нового либерализма по проблеме соотношения государства и общества с акцентом на малоизученных ее аспектах. Источниковой базой послужили труды либералов по общей теории государства и права, государственному праву, а также их публицистические работы.

Для выявления соотношения двух институций сущностно важным представляется определение содержания каждой из них. Однако, если понимание либералами феномена государства уже становилось предметом исследования [Зорькин В.Д. 1978, 73-84; Корнев А.В. 2003, 75-86], то трактовка общества в либеральной мысли практически не изучалась. Отчасти это обуславливалось тем, что, по сравнению с понятием государства, понятие общества в теории и программатике нового российского либерализма является менее разработанным. С одной стороны, это объясняется отождествлением вплоть до XX в. общества с государством, что не позволяло выделить общество в качестве самостоятельного объекта для научного исследования. С другой стороны, акцент с общества на государство переносило утверждение идеологов нового либерализма о решающей роли последнего как инструмента социально-политических преобразований.

Конструируя понятие общества, либералы видели в нем, прежде всего, совокупность людей, объединенных сознанием того, что определенные потребности, общие для всех, могут быть удовлетворены только совместно, причем потребности эти должны иметь постоянный характер [Трубецкой Е.Н. 1999, 208; Шершеневич Г.Ф. 1908, 12]. С.И. Гессен, в развитие данного подхода, предлагал в качестве составляющих общество единиц рассматривать не только индивидов, но и «выросшие до степени коллективных личностей союзы» [Гессен С.И. 1997, 737-738].

Допускалась аналогия общества с организмом, но при этом акцент делался на

* © Вострикова В.В.

различии между организмом социальным и биологическим. Развернутая система аргументации по данной проблеме представлена Е.Н. Трубецким, отчасти отталкивавшимся от размышлений Г. Спенсера [7, 204-206]. Одно из главных отличий социального организма от биологического российский либерал видел в дискретности частей первого. Если часть биологического организма, отмечал мыслитель, не составляет сама по себе самостоятельного целого, не может жить вне этого организма, то человек способен совершить все эти действия. Более того, индивид может быть одновременно членом нескольких социальных организмов, даже враждующих между собой. «Словом, – заключал Е.Н. Трубецкой, – физическая связь, существующая между определенным биологическим организмом и его частями, имеет характер безусловной необходимости; связь же психологическая, соединяющая человека с определенным социальным целым, такой необходимостью не обладает» [7, 204]. Необходимость в области социологической выражалась для либерала лишь в том, что человек непременно должен быть членом какого-нибудь социального организма, т.к. вне общества он существовать не может. В свободе выбора человеком общества, к которому он хочет принадлежать, Е.Н. Трубецкой видел коренное различие между принципами социальной и животной организации. Кроме того, отмечал мыслитель, свобода выбора человека проявляется и в том, что он сам выбирает ту социальную функцию, которую хочет отправлять либо даже выполняет сразу несколько социальных ролей. В социальном организме дифференциация функций не может быть доведена до той степени, как в организме животном. И если применительно к последнему это служит показателем его совершенства, то в отношении общественного организма дело обстоит как раз наоборот. «Общество, где умственное развитие сосредоточено только в одном классе, – указывал Е.Н. Трубецкой, – стоит очень низко на лестнице исторического развития сравнительно с обществом, где умственная жизнь развита во всех его слоях» [7, 206]. И, наконец, еще одним отличием общества от живого организма, по Е.Н. Трубецкому, было то, что в последнем отдельный член полностью подчинен целям целого, служит благосостоянию организма, не представляя собой самостоятельной ценности, тогда как в обществе «конечной целью является отдельное лицо: ...общество существует для своих членов, а не они для него» [7, 206].

Спорный характер, с точки зрения либералов, имела проблема возникновения и развития общества. Для них одинаково неприемлемы были в чистом виде как органическая, так и механическая теории происхождения общества. Как указывал Е.Н. Трубецкой, «сторонники старой механической теории думали, что общество есть всецело продукт человеческой воли и сознания. Это учение так же односторонне, как и противоположная крайность некоторых сторонников органической теории, будто все развивается произвольно и бессознательно» [7, 207]. В развитии общества, утверждал либерал, «участвует как тот, так и другой фактор: и сознательные усилия человеческой воли, и стихийная, растительная сила истории» [7, 207]. Отстаивая мысль о творческой активной деятельности людей по преобразованию общества, либерал вместе с тем акцентировал внимание на преемственности общественного развития. «Культурная работа каждого нового поколения, – писал он, – составляет необходимое продолжение культурной работы предшествующих поколений» [7, 202].

Разновидностью общества либералы считали государство, характеризуя его как общность, подчиненную общей политической власти, где в качестве общего интереса выступает политическое самосохранение.

Рассматривая проблему влияния государства на общество, представители нового либерализма отмечали как позитивные, так и негативные аспекты данного процесса. П.Б. Струве, указывая на широкие возможности государства в плане содействия развитию культуры, писал: «...Многие драгоценнейшие плоды культуры... возросли именно на стволе государственности» [Струве П.Б. 1997, 77]. Вместе с тем либералы ясно осознавали, что это содействие должно носить косвенный характер и состоять в создании благоприятных внешних, материальных условий, а развить культуру силой власти государство не в состоянии. Правда, указывал Н.М. Коркунов, государства иногда задавались этой неосуществимой целью, но последствия всегда получались не те, каких ждали. «Принуждение в области веры приводило или к изверству, или к омертвлению чувства веры, а в области знания – к полному упадку научного мышления», – констатировал он [Коркунов Н.М. 1997, 272].

Г.Ф. Шершеневич, размышляя о влиянии государства на общественную нравственность, отрицал утверждение Т. Гоббса и Г. Гегеля о государстве как источнике нрав-

твенных норм. Последние, настаивал российский либерал, составляют продукт общества, а не государства, так что никакая власть не в силах «навязать обществу, как нравственное, то, что общество таковым не признает. Закон может установить свободу, равенство, но братство никогда» [8, 28]. Вместе с тем, по мнению либералов, государство способно содействовать нравственному воспитанию масс. Так, строгое соблюдение законов самими властью предержащими, по убеждению Г.Ф. Шершеневича, весьма действенным образом сказывается на укоренении чувства законности у граждан. А Д.Н. Шипов утверждал, что все шаги государственной власти должны соотноситься с принципами христианской этики, что, в свою очередь, будет способствовать внедрению христианских добродетелей в сознание людей. Постулируя в качестве нравственного императива своей деятельности идею долга по отношению к гражданам, государство, с точки зрения либерала, создает нравственный заслон стремлению людей к отстаиванию личных и групповых интересов в противовес общественным и тем самым выступает мощным фактором единения людей [Шипов Д.Н. 1918, 142]. По Г.Ф. Шершеневичу, государство стимулирует общественную сплоченность посредством экономических связей, защиты граждан от преступности, но особенно — в период борьбы с внешними врагами. Бытие в многонациональном государстве приучает граждан к взаимной терпимости, к уважению чужих национальных традиций и религиозных убеждений. Вместе с тем государство может инициировать и обратные процессы в обществе: сознательно усиливать классовую, национальную и вероисповедную вражду, чтобы не допустить консолидации общественных сил в борьбе с властью. Помимо того, в арсенале государства, предостерегал Г.Ф. Шершеневич, есть множество иных средств, чтобы полностью деморализовать общественные силы, подавить всякую общественную и личную инициативу.

Важнейшим средством воздействия общества на государство идеологи российского либерализма считали общественное мнение. О силе последнего, с их точки зрения, свидетельствовало стремление даже самой деспотической власти склонить общественное мнение на свою сторону. Вместе с тем либералы отмечали сложность и неоднозначность данного феномена, проявляющуюся в его неустойчивости, неопределенности, отсутствии целостности восприятия политических проблем.

По П.И. Новгородцеву, неустойчивость общественного мнения проистекала из низкого уровня политической культуры, характеризующегося превалированием пассивного восприятия идей, так что постоянная борьба идей и программ неизбежно влекла за собой перманентные «колебания и повороты в умах» [Новгородцев П.И. 1909, 126]. Более того, в таких условиях возможны сознательные манипуляции общественным мнением со стороны различных политических сил. Неопределенность общественного мнения, с точки зрения либерала, была связана с наличием в нем разнообразных и нередко противоречивых течений, причем каждая из групп, отстаивавшая ту или иную позицию, претендовала на то, что именно она является выразителем настроений всего общества. Однако еще более серьезным недостатком общественного мнения, нежели неустойчивость и неопределенность, представлялась П.И. Новгородцеву его фрагментарность, неумение охватить весь спектр политических проблем. Общественное мнение, отмечал либерал, с наибольшим единодушием, силой и настойчивостью проявляется в отрицательном направлении — при противодействии тем или иным правительственным мероприятиям, ибо «соединить большое число людей всего легче в каком-нибудь отрицании» [13, 128]. Объяснение этому П.И. Новгородцев видел в том, что «обнаружившиеся недостатки и резкие несовершенства настоящего сознаются и чувствуются гораздо яснее и нагляднее, чем положительные черты будущего. Отрицательные стороны известного явления всеми могут сознаваться одинаково, но в положительных требованиях взгляды тотчас же расходятся, и это расхождение дает о себе знать тем более, чем конкретнее и подробнее становятся очертания положительной программы» [13, 128]. Кроме того, позиция отрицания требует несравненно меньше творческой энергии и душевных сил, нежели попытка созидания. Общественное мнение, замечал П.И. Новгородцев, не только не может охватить всей совокупности политических проблем, но и неспособно выбирать средства для намеченных целей и указывать конкретные планы для необходимых реформ, а, между тем, именно проблема выбора средств достижения поставленных целей является одной из самых существенных проблем политики.

Исходя из присущих общественному мнению недостатков, проистекающих из его природы, идеологи нового либерализма считали, что общественное мнение не может слу-

жить единственным основанием для решения политических вопросов. Как указывал Ф.Ф. Кокошкин, прислушиваясь к общественному мнению, политик, вместе с тем, должен относиться к общественному мнению критически, пытаться «организовывать его, воспитывать элементы, его создающие» [14, 137].

Важнейшим легальным средством артикуляции общественного мнения идеологи нового либерализма считали периодическую печать, однако, отмечал Г.Ф. Шершеневич, при подавлении последней общественное мнение «пробивает себе русло в общей литературе в формах, не поддающихся правительственному воздействию, но чутко воспринимаемых обществом» [Шершеневич Г.Ф. 1911, 238]. Другой легальный способ выражения общественного мнения либералы видели в парламентских выборах при условии их организации на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, а также в референдуме. К нелегальным формам артикуляции общественного мнения представители отечественного либерализма относили пассивное (массовое неисполнение требований государственной власти, например, неуплата налогов) и активное (вооруженная борьба) сопротивление.

В рамках проблемы соотношения государства и общества либеральная мысль России поставила вопрос о пределах вмешательства двух институций в дела друг друга. Критерием соотносимой с принципами либерализма степени государственного вмешательства в различные сферы общественной жизни мыслители признавали возможность свободного развития творческого потенциала личности. Выражая эту идею, М.М. Ковалевский писал: «Преследуя лишь определенные задачи, государственная власть не поглощает индивида, а открывает довольно широкий простор для его самостоятельности» [Ковалевский М.М. 1909, 101]. Развитие общественной самостоятельности, по мнению либералов, являлось необходимым условием сохранения государственного организма, обеспечения его эффективного функционирования. Это позволяет говорить о признании российской либеральной мыслью неразрывной связи гражданского общества и правового государства, ибо именно правовое государство воспринималось либералами в качестве наиболее эффективной модели государственного устройства. Помимо того, вслед за Д.В. Ароновым, следует отметить, что вывод о необходимости правовой регламентации форм общественной организации стал одним из теоретических

достижений нового российского либерализма [1, 151].

Анализируя обратный процесс – степень вмешательства общества в дела государства – либералы сформулировали принцип ответственности оппозиции, предостерегающий общество и представляющие его силы от каких бы то ни было действий по разрушению государства. Как указывал В.А. Маклаков, оппозиция должна защищать не только «права человека», но и права «самого государства» [Маклаков В.А. 1954, 344].

Таким образом, проблема соотношения общества и государства получила в российском либерализме начала XX в. многоаспектное осмысление. Анализируя различные направления и способы взаимного воздействия общества и государства, либералы настаивали на конструктивном сотрудничестве двух институций как необходимом условии общественного прогресса, критерием которого для либеральных деятелей выступало свободное развитие личности. Любое «сверхиндивидуальное целое», будь то общество или государство, отмечал, в частности, П.Б. Струве, призвано служить интересам личности, являющейся «не только самой подлинной реальностью, но и единственным, известным нам из опыта субъектом» общественных отношений» (Струве П.Б. 1902, 532). Тем самым идеологи нового либерализма утверждали гуманистический характер общественного прогресса.

Отечественные либералы подвергли обстоятельному осмыслению ряд сущностных общественно-политических феноменов, непосредственно связанных с проблемой соотношения государства и общества, и, прежде всего, феномен общественного мнения. Отстаивая необходимость учета общественного мнения при принятии политических решений, либералы были далеки от его идеализации как показателя, подверженного переменам под воздействием случайных факторов, а также легко поддающегося фальсификации. Наблюдения представителей российского либерализма имеют непреходящее значение и в современных условиях.

Понимание либералами проблемы соотношения государства и общества стало теоретической основой для построения либеральной модели переустройства России, а также нашло практическое отражение в законотворческой деятельности либеральных партий в Государственных думах начала прошлого века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1) Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906-1917 гг.). М., 2005.
- 2) Бредли Д. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5.
- 3) Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008.
- 4) Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905-1914 гг. М., 2004.
- 5) Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978.
- 6) Корнев А.В. Консервативные и либеральные теории государства и права в России (XIX-начало XX века). М., 2003.
- 7) Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1999.
- 8) Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М., 1908.
- 9) Гессен С.И. Проблемы правового социализма // Антология мировой политической мысли в 5-ти томах. Т. IV. Политическая мысль в России: вторая половина XIX-XX вв. М., 1997.
- 10) Струве П.Б. Спор с Д.С. Мережковским // Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997.
- 11) Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть // Антология мировой политической мысли в 5-ти томах. Т. IV. Политическая мысль в России: вторая половина XIX-XX вв. М., 1997.
- 12) Шишов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.
- 13) Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М., 1909.
- 14) Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. Т. 2. Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1912-1914 гг. М., 1997.
- 15) Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 1. М., 1911.
- 16) Ковалевский М.М. Общее учение о государстве. Лекции, читанные в 1908-1909 гг. СПб., 1909.
- 17) Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.

V. Vostrikova

STATE AND SOCIETY: COOPERATION OR CONFRONTATION? (THE VIEWS OF THE RUSSIAN LIBERALISM IDEOLOGISTS AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)

Abstract. The article deals with the views of the modern Russian liberalism ideologists on the problem of the relation of state and society. It is emphasized that the analysis of different aspects of the interrelation of the given institutions allowed the liberals to come to a conclusion confirming the necessity for the state and the society to constructively interact. The modern Russian liberals regarded the constructive cooperation of the state and the society as an important factor in the social progress the main criterion of which they saw in a free development of a person's creative potential.

Key words: state, society, liberals, development of individual potential.

УДК: 94(47+57) «1907-1908»

Афанасьев Г.Ю.

ВОПРОСЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.И.ГУЧКОВА – ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИССИИ ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБОРОНЕ (I СЕССИЯ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ, 1907-1908 гг.)*

Аннотация. С самого начала работы III Государственной думы внимание депутатского корпуса было поглощено вопросами восстановления военного потенциала державы, подорванного поражением в Русско-японской войне 1904-05 гг. Патриотический интерес, который этому придавал лидер фракции депутатов-октябристов А.И.Гучков, способствовал созданию в Думе Комиссии по госу-

дарственной обороне и актуализации проблемы выбора между модернизацией армии и воссозданием флота.

Ключевые слова: Государственная дума, Комиссия государственной обороны, А.И.Гучков, вооруженные силы, реорганизация управления, флот, армия.

I и II Думы вошли в историю своим противостоянием самодержавному принципу в управлении Российской Империей. К глав-

* © Афанасьев Г.Ю.

ному для страны вопросу – аграрному – они лишь «прикоснулись» и ... канули в Лету. Большинство же парламентариев III Думы стремились к конструктивному сотрудничеству с правительством. Кроме земельной проблемы, с самого начала работы их внимание было поглощено восстановлением военного потенциала державы, подорванного поражением в Русско-японской войне. Того требовал исторический момент и настроения в обществе [10, 1; 11, 1-3 об.]. Им способствовал и патриотический интерес, который придавал делу восходящая звезда российской политики, честолюбивый и инициативный 45-летний лидер крупнейшей фракции депутатов-октябристов – А.И.Гучков [1, 196].

С подачи его и близкого к нему окружения в течение первого месяца работы 1-й сессии была учреждена думская Комиссия по государственной обороне (КГО),* в которой 22 ноября 1907 г. А.И.Гучков был избран председателем, а затем – главой IV бюджетной подкомиссии, курировавшей финансовую сторону общевоенных дел [15 1907, 23 ноября; 1907, 6 декабря]. Таким образом, все думские инстанции по рассмотрению вопросов обороны оказались под его контролем.

С момента окончания проигранной войны прошло более двух лет и, разумеется, правящий режим уже начал проводить реформы в военной сфере. Прежде всего, в ее самой болезненной, главенствующей части – в сфере высшего управления оборонными ведомствами. Любопытно, что инициаторами реформ в тот момент выступили генералы-инспекторы ряда родов русских войск, члены дома Романовых, во главе с великим князем Николаем Николаевичем. Именно они предложили царю учредить высший надведомственный, координирующий все военные и морские силы орган, – Совет Государственной Обороны (СГО), что и было сделано высочайшим рескриптом 5 мая 1905 г. [7, 8-9, 11] Но, в результате нововведений, осуществленных по инициативе СГО, в войсках, напротив, произошла вредящая делу децентрализация управления и подчинения, тормозившая исполнение распоряжений. Из-под контроля военного министра были выведены августейшие (фактически, не подлежавшие критике) генералы-инспекторы, начальник Генерального штаба. В итоге, к октябрю 1907 г., это вызывало ропот даже у генералитета [6, 186 об.].

Все это не могло остаться незамеченным у новоиспеченного главного лоббиста оборонных интересов Российского государс-

тва. Существование же СГО, как некоего органа, функции и мера ответственности которого не были прописаны в «Основных законах» Империи, делали его, с точки зрения причастности к бюджетным тратам, не подконтрольным Думе, с чем принципиально не мог согласиться А.И.Гучков – ярый приверженец идеи парламентского контроля над деятельностью органов власти.

Не мог лидер октябристов не видеть и «двойного лица» проблемы возрождения российской военной мощи: отдельные нужды флота и нужды армии. Два прошедших года показали, что внимание и сочувствие общественного мнения, печати направлены в первую очередь на воссоздание морских сил, понесших колоссальный урон при Цусиме [8.1907, 1 декабря; 18.1907, 7, 12 декабря]. Не являлось особым секретом и то, что император Николай II питал человеческую слабость к броненосному флоту кораблей-гигантов и будущее строительство серии русских линкоров-дредноутов было связано для него с моментом личного престижа [9, 404]. На колоссальные затраты, которые изымались из общевоенных расходов государства на это сверхдорогостоящее линейное судостроение, указывали сухопутные генералы, но в правительственных кабинетах проблема не актуализировалась, так как отсутствовала четкая концепция приоритетов в строительстве вооруженных сил. Это тоже не могло пройти мимо пытливого, аналитического ума А.И.Гучкова-политика.

В первые же недели и месяцы на посту председателя КГО он развивает бурную деятельность с целью зондирования ситуации по двум ведомствам. Встречается и получает полезные сведения от военного министра А.Ф.Редигера, его помощника А.А.Поливанова, генерала В.И.Гурко [13, 188-190; 12, 35; 1, 194, 196]. В то же время морской министр И.М.Диков, его заместитель И.Ф.Бострем скупы на подобную информацию [8, 1907, 9 декабря; 17, 38-40; 11, 190]. А.И.Гучков сотрудничает с офицерами ведомств, жаждущими перемен, посещает дискуссии в среде морских интеллектуалов [14, 1907, 12 декабря, 1908, 24 января, 29 января, 13 февраля; 18, 1907, 12 декабря].

К началу 1908 г. настрой председателя и поддерживающего его большинства членов КГО к финансированию линейного судостроения явно отрицательный [2, 1908, 11 января; 8, 1908, 6 января; 14, 1908, 5 января]. На заседании Совета министров 11 января 1908 г. премьер П.А.Столыпин выразил озабочен-

ность тем, что, судя по мнениям из Думы, в финансировании будет отказано [12,35]. Действительно, 28 января 1908 г. на заседании КГО А.И.Гучков продолжал убеждать депутатов, что эти ассигнования утверждать нельзя, так как невозможно производить огромные затраты на флот и армию одновременно [14,1908, 29 января]. И все же власть «давит» на думцев, считая необходимым начать осуществление постройки серии дредноутов, лишь бы избежать простоя судостроительных верфей [там же, 13 февраля].

Для А.И.Гучкова становится понятным действительное положение в военной области, как неком целостном организме: явная несогласованность действий двух ведомств (военного и морского) и правительства при отсутствии единой оборонительной стратегии государства на суше и на море. «У меня создалось твердое убеждение, – говорил он, – если только не реорганизовать верхи военного управления... то ничего не выйдет, и мы будем барахтаться в мелких реформах» [1,194]. Но побуждение царя к такой реорганизации могло осуществиться только путем самых решительных действий: «...Я знал, что трудно найти мне в этом отношении союзников, и даже не искал их себе, чтобы не заставить других делить ответственность за тот шаг, который я надумал, ни с кем не советуюсь...» [Там же].

Наряду с этой первейшей задачей А.И.Гучков определяется и в приоритетности модернизации самой армии, предваряющей, как минимум, строительство линейного флота. В отношении этих планов морского ведомства он начинает проводить тактику проволочек, отказов под благовидными мотивированными предложениями, чтобы приостановить финансирование линейного судостроения в этом году и выждать время, призывая, по сути, без публичного оглашения воздержаться от сиюминутных ассигнований, которые в дальнейшем явятся залогом крупных трат.

5 и 8 марта 1908 г. КГО принимает резолюции по сметам морского и военного министерств [14,1908, 6 марта; 2,1908, 10 марта]. Отказ ассигновать постройку 4-х дредноутов вызвал бурную газетную шумиху [14,1908, 6 марта; 16,1908, 6 марта.], смета военных, почти не сокращенная, была просто упомянута. Одновременно в докладах по сметам IV бюджетной подкомиссии упоминалась «желательность» надлежащего преобразования военного управления [5,4; 3, №342. Стб.10].

3 и 9 мая на общем заседании бюджетной комиссии проходит рассмотрение сметы

морского министерства, а 6 мая – военного [3, №342, 343]. Лейтмотивом обсуждений была критика управления государственной обороной. 6 мая А.И.Гучков в своем выступлении впервые сделал пробный выпад против «косвенных виновников» безотрадного положения – великих князей [3. №343. Стб.18]. Стоит обратить внимание, что на это полуобвинение никак не прореагировал присутствовавший на заседании военный министр А.Ф.Редигер.

23-24 мая 1908 г. на общедумском заседании, после речей А.И.Гучкова (против) и П.А.Столыпина (за), впервые вынесенное на решение российского парламента сметное ассигнование на постройку 4-х русских дредноутов было отклонено 168 голосами «против» и 78 – «за» [18,1908, 25 мая].

27 мая 1908 г. на заседании Думы по военной смете А.И.Гучков произносит речь, ставшую впоследствии одной из самых значительных речей в его политической карьере. В ней он неприкрыто раскритиковал верховное военное руководство страны, отметил тормозящую функцию СГО и безответственность великих князей [4,70-72]. Речь произвела эффект разорвавшейся бомбы. Председатель Думы Н.А.Хомяков после этого выступления прервал заседание, а глава кадетов П.Н.Милюков воспринял ее как угрозу для роспуска Думы [1,194]. Однако нельзя не признать и то, что успех речи на тот момент обеспечило также отсутствие ответа со стороны власти: император и премьер были на «Ревельской встрече» с английским монархом, а великие князья находились в Крыму. Особый интерес вызывает позиция министра А.Ф.Редигера, который уже присутствовал на «репетиции» этого выпада 6 мая, но и теперь не нашел нужным ничего предпринимать в ответ.

Реакция последовала в виде результата слушаний по морской смете в Госсовете. А.И.Гучкова «приструнили» тем, что после речи П.А.Столыпина, 15 июня 1908 г. было принято угодное правительству решение.

Благодаря инициативам А.И.Гучкова российский парламент в эту сессию встал перед выбором, который ранее не был совершен верховной властью: с чего начать реорганизацию обороны, – с модернизации армии или с воссоздания флота? К маю 1908 г. предпочтения А.И.Гучкова, КГО и Думы определенно сложились в пользу финансирования армии. В процессе анализа ситуации А.И.Гучков не только уяснил системный кризис в высшем управлении вооруженными силами, но и эффектно публично его вскрыл. Делая выбор в

пользу армии, А.И.Гучков пытался оттянуть продавливаемый монархом запуск процесса воссоздания флота, в надежде выиграть время. Однако, власть не позволила окончательно переломить ситуацию: финансирование постройки 4-х дредноутов, отклоненное Думой, было восстановлено. Пойдя «ва-банк» в речи 27 мая 1908 г., напрямую нападая на СГО и великих князей, А.И.Гучков все же добился ускорения назревших структурных реформ в верховном управлении вооруженными силами, которые последовали уже с июля 1908 г. [13, 223-224, 264; 4, 70-72].

Деятельность А.И.Гучкова в 1-ю сессию III Думы дает нам возможность предположить, что именно тогда начинает формироваться у него новое концептуальное видение военных приоритетов Российской Империи. Подтверждением этому и являются столь громкие и целенаправленные политические «ходы», предпринятые председателем КГО и получившие развитие в его деятельности в последующие сессии III Думы. Но современники (прежде всего, коллеги-думцы) не поняли вклад А.И.Гучкова в переосмысление действительно необходимой Российской империи государственной оборонной доктрины, соответствующей геополитическим реалиям начала XX века. Долг историков - восстановить справедливость в оценке деятельности первого председателя Комиссии по государственной обороне III Государственной думы Александра Ивановича Гучкова.

ПРИМЕЧАНИЯ:

* В I и II Думах такой комиссии не было создано даже формально.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базили Н.А. Александр Иванович Гучков рассказывает... Беседы А.И. Гучкова с Н.А.Базили (история стенограмм)// «Вопросы истории». № 9-10, М., 1991.
2. Голос Москвы, 1907-1908.
3. Государственная Дума. Созыв 3. Морской и военный бюджеты в Государственной Думе. СПб., 1908.
4. Гучков А.И. в Третьей Государственной Думе (1907-1912). Сборник речей. СПб: тип. А.С.Суворина, 1912.
5. Доклад IV бюджетной подкомиссии. 7 корректура. ГАРФ. Ф.555. Оп.1. Д.144.
6. Докладная записка Его императорскому величеству о состоянии дел армии. ЦГВИА. Ф.2000. Оп.2. Д.306.
7. Кузин В.В. Совет Государственной Обороны (1905-1909 гг.) АҚД. М., 1950.
8. Новое Время, 1907-1908.
9. Ольденбург С.С. Царствование императора Ни-

колая II. СПб.: Петрополь, 1991.

10. Письмо председателя Лиги Обновления Флота к А.И.Гучкову. ГАРФ. Ф.555. Оп.1. Д.117.
11. Письмо к А.И.Гучкову «Надежная оборона берегов возможна только при помощи подводного флота». ГАРФ. Ф.555. Оп.1. Д.136.
12. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. Т.1 // под ред. А.М.Зайончковского. М.: Высшая Военная школа, 1924.
13. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В двух томах. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999.
14. Речь, 1907-1908.
15. Русское слово, 1907-1908.
16. Свет, март 1908.
17. Савич Н.В. Воспоминания. СПб.: Издательство «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой Всадник», 1993.
18. Санкт-Петербургские Ведомости, 1907-1908.

G. Afanasev

QUESTIONS OF HIGH MILITARY COMMAND REORGANISATION IN ACTIVITY OF A.I.GUCHKOV, THE CHAIRMAN OF THE STATE DEFENCE COMMISSION IN THE 1 SESSION OF THE III CONVOKE OF STATE DUMA, 1907-1908

Abstract. From the very beginning of the work of the III State Duma the attention of the deputies was attracted by the questions of the refreshing the military power of the empire, which was pulled down by the Russian-Japanese war 1904-1905. The patriotic interest, which was made by the leader of the Octoberists fraction A.I.Guchkov helped the Commission of the State Defence to be founded in Duma, and, also actualized the problem of choice between the modernization of army forces or rebuilding of the marines.

Key words: State Duma, the Commission of the State Defence, A.I.Guchkov, military forces, high command reorganization, army, marine.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470)+061.6:631

Берлов А.В.

РОССИЙСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ЭМИГРАНТОВ-АГРАРНИКОВ В ПРАГЕ (1920-1930 гг.)*

Аннотация. В данной статье рассматривается деятельность двух учебных заведений российских эмигрантов-аграрников первой послереволюционной волны, осевших в Праге - Русского Института сельско-хозяйственной кооперации, созданного здесь на базе кооперативных и сельскохозяйственных курсов в середине 1921 г. и Института изучения России, возникшего позже, в мае 1924 г. Используя архивный материал, особое внимание автор уделяет работе Русского Института сельско-хозяйственной кооперации, а также рассматривает научную деятельность Института изучения России.

Ключевые слова: учебные заведения, аграрная наука, Прага, эмиграция, Русский Институт сельско-хозяйственной кооперации, Институт изучения России.

В Праге в начале 20-х годов XX века было создано несколько учебных заведений, в которых занимались проблемами аграрной науки. Это было связано с тем, что Чехословакия занимала особое место для русской аграрной эмиграции. Помимо родственных языка, сочувственных настроений между братьями славянами и других факторов, притягивавших русскую эмиграцию в эту страну, уникальность ее заключается в том, что именно здесь при поддержке чехословацкого правительства во главе с президентом Т. Г. Масариком была развернута кампания в поддержку русской эмиграции. Антисоветская по своей сути, эта кампания получила название «Русской акции». Приоритетными в этой акции были наука и образование. В короткие сроки в Чехословацкой республике было организовано множество учебных заведений, научных учреждений, создано большое число учебных и преподавательских мест в них. Кроме этого, Чехословакия и сама остро нуждалась в рабочих руках и специалистах-теоретиках на селе, где началась реформа зем-

леделия. Получив соответствующие знания, эти люди могли на практике применить их в чешской деревне, готовя тем самым себя для большой работы в области сельского хозяйства «новой» России.

Наиболее крупными учебными заведениями в Праге, которые занимались вопросами, связанными с аграрной наукой, были: Русский Институт Сельско-Хозяйственной Кооперации и Институт изучения России. Данная статья посвящена деятельности этих учебных заведений.

20 мая 1921 года, во время Всеславянского кооперативного съезда, созданного в Праге Центральным союзом сельскохозяйственных кооперативов Чехословацкой республики, группа русских экономистов: профессора А. Н. Анцыферов, В. О. Тотомианц, К. Г. Шиндлер, В. Э. Брунст, И. В. Емельянов, доцент С. В. Маракуев, Х. В. Автономов в особом совещании приняла проект создания кооперативного учебного заведения для эмигрантов - Русского Института Сельско-Хозяйственной Кооперации. Предполагалось собрать, прежде всего, ранее занимавшихся подобной деятельностью работников, рассеянных в разных странах Европы, и дать им возможность расширить свои знания в области кооперации путем организации для них лекций по сельскому хозяйству, экономике и кооперации. 4 августа 1921 года были образованы Русские Кооперативные и Сельско-Хозяйственные курсы в Праге. Средства на их деятельность поступали вначале от частных лиц за границей, а со второй половины 1922 года выделялись Министерством иностранных дел Чехословацкой республики. Большую финансовую помощь курсам, а потом и Институту оказывало Лондонское отделение Московского Народного Банка, который 14 декабря 1917 г., согласно декрету ЦИК о национализации банков, «сливался с Народным Банком РСФСР»[1], но сохранял свои отделения.

* © Берлов А.В.

Первыми слушателями курсов стали 62 русских эмигранта, приехавшие в Прагу 2 октября 1921 года из разных европейских стран и принимавшие раньше участие в кооперативной работе в России. Для них были организованы восьмимесячные лекционные занятия: по сельскому хозяйству — 194 лекции, по экономическим наукам — 175 лекций, по кооперации — 115 лекций, по дополнительным и вспомогательным дисциплинам — 239 лекций, а всего 723 лекции. Но, несмотря на то, что состав слушателей по своей подготовке был довольно пестрый, занятия с ними проходили с успехом, а при окончании курсов во второй половине мая 1922 года Учебная коллегия решила подвергнуть их экзаменационным испытаниям по теории кооперации и сельскохозяйственной кооперации. По результатам экзаменов 47 слушателей получили свидетельства о присвоении звания инструктора сельскохозяйственной кооперации.

Создание и деятельность курсов подтвердили необходимость организации постоянно действующего кооперативного учебного заведения. С разрешения Министерства земледелия Чехословацкой республики, в марте 1922 года, временные курсы были преобразованы в высшее кооперативное учебное заведение, названное Русским Институтом Сельско-Хозяйственной Кооперации в Праге.

Для того чтобы поставить Институт под непосредственный контроль кооперативных деятелей, оказалось необходимым ввести особую форму управления. Согласно этой форме, во главе Института стоял Совет, являющийся высшим руководящим органом учреждения. Он состоял из лиц, причастных в своем прошлом к теоретической и практической работе по строительству кооперации. Это профессор А. Н. Анцыферов (председатель), профессора В. О. Тотомианц, Н. П. Макаров, В. Э. Брунст, К. Г. Шиндлер, И. В. Емельянов, доцент С. В. Маракуев, В. П. Родионов, Х. В. Автономов, А. Е. Малахов, А. В. Байкалов, А. Г. Винничук. Совету принадлежало право утверждения учебного плана, избрание директора, утверждения постоянных преподавателей, утверждения финансовой сметы и в целом весь высший надзор за решением учебных вопросов в Институте. Учебной работой ведала Учебная коллегия, состоявшая из преподавателей Института. В ее ведении был прием и увольнение слушателей, присуждение дипломов, выработка и утверждение отдельных программ, избрание кандидатов в преподаватели, оставление при Институте

и др. Финансовыми вопросами в Институте занимался Хозяйственный комитет из 4 лиц. Исполнительные функции были возложены на директора, который являлся председателем Учебной коллегии и Хозяйственного комитета. Директором Института в 1923 году был избран доцент С. В. Маракуев, посвятивший всю свою жизнь кооперации и сельскому хозяйству. Директор являлся ответственным руководителем и представителем Института. Для опубликования трудов профессоров Института с 1923 года издавался сборник «Кооперация и сельское хозяйство. Записки Русского Института Сельско-Хозяйственной Кооперации»[2], в котором помещались статьи, посвященные кооперативным, экономическим и агрономическим проблемам. В этом сборнике печатались многие видные кооперативные деятели, находившиеся в это время в эмиграции: А.Н. Анцыферов, В.О. Тотомианц, Н.П. Макаров, А.Н. Челинцев и др. Научно-исследовательская деятельность преподавательского состава выражалась также в чтении лекций и докладов в различных научных учреждениях не только Чехословакии, но и других стран Европы. Кроме этого, при Институте существовала библиотека с большим книжным фондом.

Учебный план Института включал следующие дисциплины: история кооперации, теория кооперации, кооперативное производство и законодательство, потребительская кооперация, кооперативный кредит и кооперативные банки, история учреждений кооперативного кредита в Западной Европе и др. Также в Институте обязательными считались курсы чешского, немецкого, французского и английского языков. Для слушателей в Институте читались лекции и проводились практические занятия: по технике маслодельного производства и молочному хозяйству, по изучению деятельности Российских кооперативных Съездов в области кооперативного кредита и др. Слушатели участвовали во многих экскурсиях, в ходе проведения которых знакомились с сельским хозяйством и кооперативной работой в Чехословакии. При приеме слушателей в Институт администрация редко считалась с предварительной общеобразовательной подготовкой абитуриентов, учитывая, главным образом, их кооперативный стаж.

Характеризуя финансовое положение Института, следует обратить внимание на его переписку с Московским Народным Банком Лимитед. Она свидетельствует о финансовой помощи Лондонского отделения Банка Инс-

титуту. «Уважаемые кооператоры, Московский Народный Банк Лимитед и Лондонское отделение Московского Народного Банка в заседании своем от 23-26 января 1923 г. удовлетворило наше ходатайство об ассигновании Русского Института Сельско - Хозяйственной Кооперации в Праге на 1923 учебный год, в размере 600 000 фунтов стерлингов» [3]. Представителями Московского Народного Банка в Институте являлись А. Е. Малахов и А. В. Байкалов, через которых шло непосредственное сотрудничество.

Создатели Института были уверены в том, что в процессе восстановления экономической жизни страны ведущая роль должна принадлежать кооперации. Исходя из этого, они считали, что: 1) «кооперация есть свободная экономическая ассоциация граждан, и принудительное использование ее государством для его надобностей искажает природу этой ассоциации; 2) кооперация есть экономическая категория, имеющая свои ясно определенные задачи и строго очерченную сферу деятельности, и поэтому она отнюдь не должна рассматриваться, как мост, по которому человечество из современного нами экономического строя должно быть переведено в строй социалистический; 3) крупнейшие достижения кооперации лежат в области применения ее форм к производственным процессам в сельском хозяйстве и потому, несмотря на чинимые над сельскохозяйственной кооперацией в России насилия и извращения ее сущности, она возродится и еще сыграет исключительно важную роль в деле экономического восстановления России» [4]. Все эти идеологические положения были взяты за основу работы Института как высшей кооперативной школы и как научного заведения, собирающего ученых для работы над проблемами теории кооперации.

В последующие годы изменился состав учащихся, так как в нем все меньше становилось лиц с практической кооперативной подготовкой, а больше молодых людей, закончивших общеобразовательную среднюю школу и ищущих высшего образования. Те знания, которые получали слушатели для практической деятельности в кооперативах, привлекали в Институт, помимо русских эмигрантов, и иностранцев. А слушатели, которые успешно оканчивали курс и выделялись своими знаниями, оставались при Институте для подготовки к преподавательской деятельности. Учебный план Института был рассчитан на подготовку работника, владеющего кооперативными, экономическими и агрономическими

знаниями. В связи с расширением деятельности в 1927 году Институт был преобразован в высшую школу с тремя отделениями. К ранее функционировавшему кооперативному отделению добавилось еще два новых: коммерческое и сельскохозяйственное.

Фактически, Русский Институт Сельско-Хозяйственной Кооперации в Праге был первой славянской школой, которая готовила специалистов для работы в кооперативных учреждениях стран Восточной Европы. Четко продуманный учебный план, своеобразная форма управления, квалифицированный преподавательский состав - все это делало Институт крупнейшим учебным заведением в области аграрной науки не только в Чехословакии, но и во всей Европе.

В середине 30-х годов в результате острой внутриполитической борьбы Эдуард Бенеш становится президентом Чехословакии, сменив на этом посту Т.Г. Масарика. Изменение международного положения сказалось и на внутренней обстановке в Чехословакии. Значительно активизировались политические партии националистической ориентации, прежде всего судето-немецкая партия Генлейна и словацкая народная партия (людаки), получавшие солидную поддержку извне. Они выдвигали все новые и новые требования правительству, создавая условия для международного вмешательства во внутренние дела государства. Вследствие всех этих событий к 1938 г. «Русская акция» в Чехословакии была свернута. До сих пор в отечественной историографии нет однозначной оценки этого яркого сюжета в истории русской эмиграции. Наряду с положительными оценками «Русской акции» в Чехословакии в работах Л.К. Шкаренкова [5], Е.П. Серапионовой [6], М.Г. Вандалковской [7] и других авторов, существует и критическое отношение к данной проблеме. Так, В.Т. Пашуто с сомнением относился к этой акции. Он считал что она была обусловлена «далеко идущими притязаниями чехословацкой буржуазии» и полностью соглашался с «вердиктом» секции министерства иностранных дел Чехословакии того времени, согласно которому «Русская акция» была «признана акцией чисто политической» [8] и неудачной. Однако изученные материалы дают основание сделать вывод о том, что огромный интеллектуальный потенциал русских ученых, создавших в Праге уникальное учебное заведение и разработавших зрелую и перспективную концепцию кооперативного движения, не был востребован, главным образом, в силу политических причин. Европа

шла к большой войне, переделу сфер влияния, что помешало поступательному развитию кооперации.

В этих сложных условиях, в связи с общим сокращением субсидий, выдаваемых чехословацким правительством, Институт лишился возможности принимать новых слушателей. 31 декабря 1935 года по распоряжению Министерства земледелия Чехословацкой республики Русский Институт Сельско-Хозяйственной Кооперации в Праге был закрыт. За время существования Института подготовлено 585 специалистов, из них 259 получили свидетельства об окончании учебного заведения, а 48 — диплом инженера кооперации.

Еще одним учебным заведением, занимавшимся аграрной наукой, был Институт изучения России в Праге. Институт был создан в мае 1924 года при Объединении русских земских и городских деятелей. Первоначально он назывался Русский научный институт сельской культуры и занимался в основном вопросами, касающимися экономического развития России. Необходимость в создании Института была вызвана отсутствием объективной оценки жизни в сельской России, анализа ставших перед страной проблем и разработка методов их решения. Но в сентябре 1924 года он был переименован в Институт изучения России. Это связано с расширением деятельности Института. Из восьми отделов было образовано пять Кабинетов. В состав Института «входили Кабинеты: социальной структуры и социальных движений во главе с В. М. Черновым, государственного устройства и управления (Г.Н. Шрейдер), народного хозяйства и экономической политики (А.В. Пешехонов), сельского хозяйства и кооперации (С.С. Маслов), духовной культуры (Н.В. Новожилов)» [9]. Все Кабинеты осуществляли тесное взаимодействие друг с другом.

В Кабинетах С.С. Маслова и А.В. Пешехонова анализировались различные источники, характеризующие экономическую политику СССР в области сельского хозяйства и кооперации. Сотрудники Кабинета делали аннотации статей, выписки из газет и журналов: «Экономическая жизнь», «Финансовая газета», «Правда», «На аграрном фронте», «Плановое хозяйство» и др. После того, как А.В. Пешехонов покинул Прагу в 1927 году и стал представителем СССР в Прибалтике, Кабинет народного хозяйства и экономической политики возглавил бывший лидер партии социалистов-революционеров, министр земледелия во Временном правительстве Керенс-

кого - В. М. Чернов. Кабинет просуществовал вплоть до 1929 года.

Благодаря финансовой поддержке Объединения русских земских и городских деятелей в Праге Институт изучения России сотрудничал с научно-исследовательским учреждением — Экономическим кабинетом С. Н. Прокоповича. По свидетельству публициста и общественного деятеля А. С. Изгоева, «с осени 1924 г. по 17 февраля 1925 г. состоялось 10 совместных заседаний Института и Кабинета» [10]. Кроме того, проводились научные конференции, совещания и собрания. На них обсуждались вопросы экономического развития Советской России. Русский Институт Сельско-Хозяйственной Кооперации в Праге и Институт изучения России имели постоянные связи и были объединены одной целью - занимались проблемами социально-экономической жизни России. В рамках Института изучения России экономическая мысль Зарубежья продолжала свое движение, в котором сливались различные экономические направления и школы, в том числе и западные. С другой стороны, в ходе дискуссий между русскими школами, а также с представителями западной науки складывались новые направления экономической мысли. Изучение европейских сельскохозяйственных систем, ознакомление с трудами европейских ученых-аграрников тех лет, творческое взаимодействие ученых способствовали эволюции аграрно-исторической мысли.

Таким образом, Русский Институт Сельско-Хозяйственной Кооперации в Праге и Институт изучения России внесли большой вклад в изучение и развитие аграрной науки. При этом стоит отметить, что Русский Институт Сельско-Хозяйственной Кооперации в Праге являлся первым отечественным вузом, специализировавшимся на подготовке кадров сельскохозяйственной кооперации, а Институт изучения России был одним немногих учебных заведений в рамках Русского Зарубежья, который занимался изучением социально-экономического положения России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ЦИАМ. Ф.255. Оп.3. Д.18. Л.32.
2. ГАРФ. Ф.Р-5938. Оп.2. Д.12. Л.1.
3. Там же. Оп.1. Д.348. Л.202.
4. Там же. Оп.1. Д.1. Л.2.
5. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1987.
6. Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997.
7. Серапионова Е. П. Российская эмиграция в Че-

хословацкой республике (1920-1930-е гг.). М., 1995.

8. Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С.24.
9. ГАРФ. Ф.Р-5775. Оп.1. Д.44. Л.1.
10. Записки Русского Института Сельско-Хозяйственной Кооперации в Праге. Книга 3. Прага, 1925. С. 185.

A. Berlov

THE RUSSIAN ACADEMIC INSTITUTION OF SQUIREARCHY EMIGRANTS IN PRAGUE (1920-1930)

Abstract. The activity of two academic institutions of Russian agrarian emigrants of the first postrevolutionary wave in Prague is

regarded in the article. The first academic institution, Russian Institution of Agricultural Cooperation, was found in Prague based on of cooperative and agricultural policy in the middle of 1921. The second institute, the Institute of scientific researchers of Russia, was founded in May 1924. Using the archival data, the author gives special attention to the activity of Russian Institution of Agricultural Cooperation and also considers the work of the Institute of scientific researchers of Russia.

Key words: academic Institutions, agricultural science, Prague, emigration, Russian Institution of Agricultural Cooperation, the Institute of scientific researchers of Russia.

УДК 94

Холина М.В.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН В 1920-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ МАЛЫХ ГОРОДОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)*

Аннотация. Решение «женского вопроса» в 1920-е гг. осуществлялось в интересах государства, решающего задачи экономической модернизации страны. Для трудовой и политической мобилизации женщин, превращения их в общественниц были использованы женотделы и делегатские собрания. Несмотря на усилия власти, направленные на высвобождение женщины от «домашнего рабства», традиционные представления о ней как о матери, жене и хозяйке дома не были вытеснены из повседневной жизни.

Ключевые слова: повседневность, делегатские собрания, женотделы, женское движение.

Для периода 1920-х гг. характерно повышенное внимание советской власти, партийных и государственных деятелей к проектированию образа «нового» человека, в том числе и «новой» женщины, в общественное сознание. Образы «новой» женщины были наделены специфическими «советскими» чертами, которые в большинстве своем не совпадали с дореволюционными образами. Женщина-общественница, труженица, посещающая библиотеки, избы-читальни, школы ликбеза противопоставлялась суеверной, религиозной, безграмотной и некультурной домохозяйке недавнего прошлого. Обеспечение

юридического равенства женщины с мужчиной, широкое привлечение ее к общественному труду, участие в управлении обществом и государством, обобществление домашнего хозяйства в условиях социалистической революции – вот основные задачи, которые ставила для себя власть в решении «женского вопроса».

В первой половине 1920-х гг. главным в содержании политики советской власти в отношении женщин было предоставление им всей полноты прав. Решение «женского вопроса» «сверху» было подчинено логике интересов государства, которому для проведения экономической модернизации страны были нужны женские руки. Для того чтобы привести женщину на производство и заставить заниматься общественными работами, ее нужно было высвободить из семьи. Таким образом, предоставление равных с мужчинами прав, в первую очередь, посягало на сложившийся в обществе стереотип женщины, которая вела хозяйство, занималась воспитанием детей и при этом сидела дома. «Новая» женщина должна была овладеть грамотой, элементарными нормами гигиены, освоить новые формы досуга. В целях превращения женщины в общественницу властью были использованы такие формы активности, как женотделы и делегатские собрания. Женотделы (отделы по работе среди женщин) в партийную структу-

* © Холина М.В.

ру РКП(б) были введены в 1919 г. и действовали вплоть до 1930 г., т.е. примерно до того момента, как была выполнена возложенная на них задача – «высвобождение», «вырывание» женщины из семьи для использования в качестве дешевой рабочей силы.

На территории Енисейской губернии деятельность по организации женского движения стала осуществляться по мере завершения Гражданской войны. В 1920 г. в городах губернии были инициированы общие собрания женщин, причем не только работающих и служащих, но и домохозяек. Так, в октябре 1920 г. в Ачинске состоялось общее собрание домохозяек города. Однако в связи с малочисленностью собравшихся (22 чел.) было проведено только собеседование на тему «Капиталистический строй и положение женщины-работницы». Чуть более многочисленным оказалось общегородское делегатское собрание женщин Минусинска, состоявшееся 27 февраля 1921 г. – его посетили 25 чел.[1].

Среди причин столь слабой активности женщин одной из основных видится тяжелое положение, в котором находилась губерния после революционных потрясений и Гражданской войны. Речь шла о выживании населения в условиях разрухи, постоянной опасности, исходящей как от антибольшевистских банд, разгуливающих по уездам губернии, так и от новой власти, атакующей деревню и город prodразверсткой и чрезвычайными мерами. Города находились в запущенном, загрязненном состоянии. «На улицах много непохороненных трупов – жертв эпидемии тифа», – сообщали из Ачинска [2]. Секретные сообщения, направляемые в Губисполком, свидетельствовали о подавленном настроении крестьян и враждебном отношении жителей городов и уездов к советской власти. Свидетельством беспросветной жизни населения является изъятое властями письмо крестьянина из Минусинска А.Я. Пашко, отправленное сыну в армию в Ставрополье 23 декабря 1920 г.: «Да, сынок, твоя свобода подведет тебя. У нас коров забрали. И сейчас забирают пилы, топоры, колуны, наковальни, наверное, будем все, все свободны, так что нечего будет и в рот положить. Придешь домой – ничего не найдешь. Здесь все люди ходят голые и босые, все это по случаю свободы. Старый режим на печке лежит, а новый в тюрьме сидит» [3]. Подобные действия властей вызывали возмущение населения. Осуждались все распоряжения как центральной, так и местной власти (будь то о выполнении гужевой, лесозаготовительной повинности

или о продналоге). «Население к комячейкам поголовно питает недоверие и в лучшем случае безразличие, такое же отношение и к РКП(б)», – сообщалось в информационной сводке из Канска в январе 1922 г. [4].

В условиях недоверия народа к власти трудно и практически невозможно было реализовывать намеченные планы по вовлечению женщин в общественную работу, в социалистическое строительство. Женщины, скорее на инстинктивном уровне, ставили во главу угла проблему выживания своих детей и своей семьи. Таким образом, говорить о развитии массового женского движения в городах губернии в начале 1920-х гг. можно только достаточно условно. Зимой 1922 г. красноярский женотдел докладывал в Губком РКП(б) о невозможности проведения какой-либо организационной работы среди женщин: «Как в уезде появились продотряды и выездные сессии, начались суды и конфискации, настроение сразу изменилось, конечно, в худшую сторону. На партийных стали смотреть как на каких-то грабителей или еще того хуже. Это было заметно на уездной конференции беспартийных женщин, которые говорили, что «советская власть нам не нужна, а коммунистов не надо потому, что они у нас все отбирают. Мы голодные и вашими собраниями сыты не будем»» [5]. Однако сверху сыпались циркуляры и распоряжения, подобные этому: «Всем Обкомам и Губкомам РКП. Необходимость усиления воздействия на трудящихся. Большое значение в этом отношении имеют делегатские собрания работников. Институт делегатских собраний дает возможность партии осуществлять свое влияние не только на женский пролетариат, но и на те слои трудящихся, которые по целому ряду причин находятся вне нашей агитации и пропаганды. Очередная задача партии – повсеместная, правильная и одновременная постановка делегатских собраний работников. Секретарь ЦК РКП(б) Куйбышев» [6].

Постепенно деятельность женотделов по формированию активного социального поведения женщин, включению их в производственную сферу и общественную жизнь давала свои результаты. Уездные женотделы на коллегиях решали вопросы, связанные с бедственным положением детских домов, тяжелым медико-санитарным положением в городах и т.п. Безусловно, женотделы не могли решить главную проблему – недостаток средств. Реальная помощь в этом случае чаще всего заключалась в будировании данных вопросов на заседаниях Укомов, кото-

рые зачастую упускали из виду «детские» и «материнские» проблемы. Именно женщины специальным распоряжением властей «Об участии женщин-работниц в деле борьбы с тифозной эпидемией» были брошены властью на самый трудный фронт работы в мирное время. Помимо борьбы с опасными эпидемиями, женщины организовывали вечеринки для пошива белья и одежды в помощь голодающим детдома, организовывали прачечные артели, устраивали вечера чтения революционной беллетристики, проводили беседы [7].

Женотделы, изначально созданные как элемент партийной структуры (организовывались при парткомах всех уровней), были подвержены жесткому контролю со стороны вышестоящих органов. 26 декабря 1922 г. по указанию Сибженотдела всем Уженотделам Укомов РКП(б) было дано распоряжение предоставлять ежемесячные отчеты о своей деятельности. Отчеты направлялись в Губженотдел в трех экземплярах, один из которых посылался в Сибженотдел, другой в Центральный Отдел Работниц [8]. Сохранившиеся в архивах отчеты, направленные в адрес Губженотдела, свидетельствуют об огромной работе, проводимой женотделами в городах. Порядок отчетности женотделов постепенно усложнялся. В 1923–1924 гг. уже существовала схема для ежемесячных отчетов о работе женорганизаторов, включавшая более 20 пунктов. Губженотдел напоминал своим подчиненным на местах: «Всем Укомам и Волкомам (волостным комитетам)! Высылайте, дорогие товарищи, все протоколы и отчеты по работе среди женщин, протоколы обязательно всех делегатских собраний и конференций, мы учитываем работу по протоколам и отчетам» [9]. Если учесть, что только делегатские собрания проводились еженедельно (при средней посещаемости 25–30 чел.), а помимо этого созывались еще и еженедельные общие собрания городских женщин, то просто невозможно себе представить объемы переписки и бумажной волокиты, которой были перегружены активистки женского движения.

К решению «женского вопроса» были подключены и профсоюзы. Например, в профсоюзах Канска в декабре 1922 г. состояло 193 женщины (в т.ч. Союзы Всемередикосантруда, Пищевиков, Работников просвещения, Коммунарботников и др.). Однако, несмотря на широкую агитацию и призывы включаться в общественную работу, женщины из профсоюзов в прошедшей в городе Неделе красноармейца приняли достаточно пассивное участие. В пошиве матрацев для красно-

армейцев участвовали всего 8 чел., в т.ч. 6 коммунисток и 2 беспартийных женщины. По представительству женщин самыми многочисленными были Союзы работников просвещения (70 чел.) и Всемередикосантруда (40 чел.). Но в партийных комитетах этих учреждений женщины были представлены единично, а в целом по всем партиячкам городских предприятий на учете состояли всего 6 женщин [10].

В этой ситуации вполне обоснованно прозвучали в феврале 1923 г. призывы женотделов избирать на все съезды и конференции не только мужчин, но и женщин: «Это ненормально. Необходимо наравне с мужчинами избирать также и женщин. Последние в полной мере должны принимать участие в советском строительстве. Права женщин нужно осуществлять на деле» [11]. В целях «вовлечения делегатов в советскую работу и сообщения им практических навыков в ней» в городах использовались секции горсоветов. Делегатки разбивались по различным секциям, где работали с членами Советов. При городских делегатских собраниях организовывались профессиональные и кооперативные секции, работающие по определенной программе (например, секция народного образования, здравоохранения, коммунальная и т.д.).

Несмотря на изначально широко заявленные задачи женского движения, все-таки основной деятельностью женотделов в первой половине 1920-х гг. было просветительство. На повестку дня делегатских собраний городов выносились разнообразные вопросы, касающиеся практически всех сфер жизни: о происхождении человека и государства, о советской республике, о роли и значении профсоюзов, рабочей кооперации, о грядущей германской революции, о старой и новой семье и проституции, о перевыборе делегатов и пр. [12].

Изначально делегатские и общие собрания женщин были немногочисленными, женщины в массе своей избегали общественной работы. Однако с улучшением обстановки в стране и регионе делегатское движение разрасталось – к 1927 г. оно охватывало до 620 тыс. советских женщин.

Каждое делегатское собрание действовало в соответствии с программой, разработанной центральным отделом. Специальным положением срок работы собраний ограничивался годом (при условии ежегодных выборов делегатов), а количество собраний в месяц должно было быть не более 4. Все неграмот-

ные делегатки обязаны были посещать школу ликбеза (таким образом реализовывался лозунг «Ни одной неграмотной женщины-делегатки!»), вести агитацию за подписку на журналы, быть рабкорами, освещать свою работу и жизнь своего предприятия и вообще быть примером для других работниц. Не реже одного раза в месяц каждая делегатка должна была делать доклад общему собранию работниц своего цеха или предприятия о проведенной ею общественной работе. Каждой делегатке выдавался билет, в котором делались отметки о ее работе. Делегатка, не посетившая трижды без уважительной причины делегатские собрания, переизбиралась. Для руководителей городских делегатских собраний существовал специальный указатель литературы. В нем содержались 20 тем, возможных для лекций и бесед, и соответствующий перечень источников информации. Помимо работ Ленина, материалов съездов партии и советов, в указателе значились «Спутник делегатки» (в двух частях), «Курс политграмоты», журнал «Коммунистка», газета «Труд», «Справочник партийного работника», «История партии» и др. К каждой теме в «Объяснительной записке к программе делегатских собраний» делались пояснения заведующего Губотделом работниц [13]. После XIII съезда партии стал актуальным вопрос о вовлечении женщин в кооперативное движение. По отработанному механизму старт взяла кампания по вступлению женщин работниц и крестьянок в члены кооперативов.

Судить о занятости женщин и, соответственно, степени их «высвобождения» от семьи, можно на примере деятельности женотдела г. Енисейска в 1924–1925 гг. В городе действовали одно делегатское собрание и два райженорганизатора, координирующих его работу. Членами профсоюза являлись 255 женщин, 7 состояли членами месткомов, 3 были профуполномоченными, 2 – членами ревизионной комиссии. Из 41 батрачки (союз Рабземлеса) 5 были выбраны делегатками. В Енисейске действовала комиссия по охране материнства и младенчества (мат-млад), в состав которой входили врач, райженорганизатор и председатели горсовета и профсоюза [14]. Круг вопросов делегатских собраний в Енисейске был типичным для таковых по всей стране. Усердие секретаря одного из таких собраний донесло до нас содержание отдельных выступлений, например, по вопросу «О значении делегатских собраний» райорганизатора Ивановой: «Неравноправное положение женщин при монархическом строе и

при Колчаке. При советской власти в женском законодательстве произведен решительный переворот... Советская власть стремится добиться полного раскрепощения женщины от домашней кабалы. Научить женщин двигаться по тому пути, по которому движется рабочий и крестьянин. Мы должны достичь, чтобы каждая кухарка умела управлять советской республикой. Женщина является винтиком в громадной машине нашего строительства. Дело общественного воспитания детей пролетариата может успешно продвигаться вперед только в том случае, если работница-мать будет сознательна, будет организована, будет принимать деятельное участие в общественной работе. Цель женотделов – поднять женщин до уровня мужчин, для чего необходимо: 1) ликбез среди женщин, 2) поднять квалификацию труда, 3) дать как можно больше работниц, которые смогли бы приносить пользу государству, 4) вытянуть домашнюю хозяйку из семьи и приобщить к общественной работе». Постановили: «Доклад принять к сведению и приступить к плодотворной и дружной работе». После этого состоялось общегородское собрание женщин, на котором была поставлена задача: привлечь больше женщин-обывателей, другими словами – «подтянуть отстающих от жизни» [15].

В Енисейске, так же, как и в других уездных городах, осуществлялась работа и среди женщин – представителей национальных меньшинств. Среди татарок-мусульманок работал отдельный организатор, который выстраивал свою деятельность в соответствии с планом, составленным совместно с райженорганизатором, который, в свою очередь, отвечал за работу непосредственно перед секретарем райкома РКП(б). Вопросы, выносимые на собрания мусульманок, ничем не отличались от остальных женских собраний.

Первые шаги на пути превращения женщины в полноправного члена общества показали, что простого предоставления равных политических прав с мужчинами было недостаточно даже для пассивного участия значительного количества женщин в строительстве нового общества. Многочисленные протоколы совещаний Енгуботдела по работе среди работниц и крестьянок свидетельствуют о том, что не просто рядовые женщины, но даже и делегатки были недостаточно активны. По сводкам всех уездных райженорганизаторов, качественный состав делегатских собраний был «не совсем хорош». В целом, за редким исключением, работа женотделов признавалась слабой. Так, за первый квартал

1925 г. в Упресе Канска не удалось созвать ни одного собрания, так как женщины были слишком перегружены работой (ликбез, общественные мероприятия). Из 123 делегатов только 70 (60%) посещали кружки. Всего в Канском уезде было 45 делегатских пунктов и 700 делегатов, из них 289 (41%) неграмотных. Наряду с неграмотностью среди женщин вообще и женщин-делегатов в частности, другой проблемой делегатских собраний была их распыленность. Именно в этом виделась уездному парткому главная причина отсутствия кандидаток в партию. В силу этих обстоятельств Канский Уком РКП(б) «на летне-осенний период времени» был вынужден внести в свои планы корректировку, связанную с необходимостью усиления партработы [16].

Социальный и возрастной состав женских городских собраний можно рассмотреть на примере первой беспартийной конференции женщин г. Енисейска и его района, состоявшейся 27 февраля 1925 г. На конференции присутствовала 71 женщина. Самой большой возрастной группой – 54 чел. (76%) – были женщины в возрасте от 18 до 35 лет. Социальный состав делегатов выглядел так: 2 батрачки, 23 крестьянки, 8 работниц, 24 служащих, 14 домохозяек. 68% делегатов относились к числу неграмотных или малограмотных [17].

С развитием женского движения расширялись и его возможности. Помимо просветительской, женотделы взяли на себя контролирующую и правозащитную функции. Они защищали интересы женщин, помогали справляться с их повседневными бытовыми проблемами, разрешали конфликтные ситуации, возникающие на производстве. В 1924 г. были созданы Комиссии по изучению и улучшению женского труда, которые занимались вопросами охраны женского труда, профессиональной подготовки работниц, противостояли вытеснению женского труда с производства. В планы женотделов входила проверка работы профсоюзов, кооперации и советов по улучшению быта работниц. Женское движение набирало обороты. Во второй половине 1920-х гг. на выборных должностях находилось 6799 женщин-сибирячек [18]. Таким образом, женсоветы вышли за рамки той деятельности по трудовой и политической мобилизации женщин, которая изначально была обозначена партией. Такая сверхактивность женских организаций вызывала неприятие и раздражение со стороны государственных и партийных структур. В 1925 г. в отчетах о деятельности женотделов в Сибири, и в Енисейской губернии в частнос-

ти, неоднократно звучала тема грубого отношения к делегаткам. Например, делегаткам, прикрепленным для практической работы к правлениям кооперации, давали клички «шпионов» или «контролеров».

Одним из основных условий активного участия женщины в общественной жизни являлось освобождение ее от домашней рутины, «домашнего рабства». Однако достичь этого, исходя из лозунгов партии начала 1920-х гг., можно было только при том условии, если бы государство возложило на свои плечи все бытовые проблемы женщины. Именно поэтому большие усилия женорганизаторов и делегатов были направлены на создание социальной инфраструктуры, позволяющей женщине высвободиться от домашних забот и направить свою энергию на социалистическое переустройство действительности. Основные заботы домашней хозяйки и матери по жизнеобеспечению семьи традиционно были связаны с приготовлением пищи, содержанием в порядке дома и, конечно, воспитанием детей. Соответственно, в этих направлениях и происходило новаторство, смысл которого достаточно полно отражен в письме работницы, опубликованном в «Красноярском рабочем» в 1924 г. под заголовком «Первый враг кухни». Вот текст письма: «Выход из того, что женщина из-за горшков должна сидеть дома и не принимать никакого участия в общественной работе – организация общежития с общественной столовой, хлебопекарней, прачечной и починной и особого общежития (ясли, д/сады) для детей. Многие из нас не умеют воспитывать детей. А другие – изнервничались, ожесточились. И если ребенок подойдет к нам с каким-нибудь наболевшим вопросом, мы грубо обрываем его, вместо того, чтобы приласкать. Наши теперешние квартиры тесны и половину их занимает смрадная чадная кухня. А ведь наши дети учатся, занимаются в кружках. Ребенок поет ноты – отец ругается. Дети учат вслух уроки – мешают друг другу. Довольно разговоров, давайте за дело! Организуем коммунистическое товарищество. Для освобождения женщин от рабства кухни – великое дело» [19].

Для того чтобы «высвободить женщин от рабства кухни», повсеместно создавались артели прачек, кружки кройки и шитья, летние детские площадки, ясли, общественные столовые и пр. Как было организовано «народное» питание в советских столовых, сообщает в рукописи М.П. Миндаровский: «Горячее – суп или так называемые мясные щи, подавалось в таком виде, где «крупина

за крупинкой бегала с дубиной», а для навару, как однажды пришлось видеть мне, в тарелке обнаружен был какой-то сверток перевитый ниткой, оказалось, что это перевязка с большого пальца человеческой руки. На второе кушанье вручался посетителю с профсоюзным билетом или кусок говядины в полфунта весом, а то и просто пара селедок» [20]. Безусловно, что при такой организации питания и прочих «благоустройств жизни», государство просто не могло составить конкуренцию женщине. Участие женщин в работе женотделов, делегатских и общих собраний и прочей общественной работе не привело к их отказу от женских дел по дому и воспитанию детей, а скорее увеличивало количество обязанностей женщины. Таким образом, вовлечение женщины в государственное и общественное управление еще больше усилило ответственность женщины за женскую работу, только теперь уже в масштабах социалистического государства.

Дух «высвобождения» порождал и стремление к более устроенному быту, к улучшению жилищных условий. А между тем городских жителей, в том числе и женщин, окружала необустроенная действительность городов и округи. «Красноярский рабочий» на своих страницах размещал корреспонденции с мест (Ачинск, 1924 г.) такого содержания: «Темень – хоть глаз выколи, а грязь – по колено, попал – не выберешься. Случай нападения чуть ли не ежедневно, а милиции не видно» [21].

Активность женщин в общественном и государственном строительстве не могла не сказаться на семейных отношениях. Уже в июле 1923 г. Л. Троцкий в газете «Правда» заявил, что с женотделами связаны многие семейные кризисы: семья остается без внимания, что раздражает мужа, членов семьи и ведет к ее распаду. И если в дореволюционном прошлом развод супругов как явление был осуждаем обществом, то восприятие развода в советской действительности было поистине революционным. Нерасторжимый брак, по мнению лекторов, «просветляющих» женщин, являлся одной из наиболее прочных основ старого быта. «Увеличение числа разводов в известной степени может считаться показателем не только того, как быстро отмирают старые бытовые формы в семье, но и того, как быстро они отмирают вообще в нашей жизни» [22]. Именно таким образом оправдывалось увеличение в разы числа разводов в Енисейской губернии, и особенно в городах. В Минусинске за 10 месяцев 1920

г. состоялся 21 развод, а за 7 месяцев 1921 г. – 39 разводов, таким образом, количество разводов за короткий промежуток времени увеличилось вдвое. Число разводов в Красноярске к 1927 г. по сравнению с 1923 г. увеличилось в 6 раз, в то время как в сельской местности только в 2 раза. В среднем в 1927 г. в Красноярске на 100 браков приходилось 527 разводов [23]!

Инициатива в решении бытовых проблем, производственных вопросов, расширение контролирующих функций, приоритет проблем женщин особенно стали раздражать партийно-государственное руководство с того момента, когда был взят курс на ускоренную индустриализацию, отодвинувшую на второй план вопросы достойного человека быта. С развитием женского движения в стране было покончено в январе 1930 г., когда в ходе реорганизации партийного аппарата были упразднены женотделы. Таким образом, с началом 1930-х гг. решение проблем женщин государственной властью происходило при отсутствии контроля со стороны женского движения. «Огосударствление» женщины произошло, однако образ «новой» женщины не смог в конечном итоге вытеснить традиционные представления о ней как о матери, жене и хозяйке дома.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивное агентство администрации Красноярского края (далее - АААКК). Ф. п-6. Оп. 1. Д. 1059. Л. 20; Ф. п-7. Оп. 1. Д. 367. Л. 4.
2. АААКК. Ф. р-93. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.
3. АААКК. Ф. р-49. Оп. 2 с. Д. 41. Л. 19.
4. АААКК. Ф. р-49. Оп. 2 с. Д. 43. Л. 18.
5. АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 173. Л. 1.
6. АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 167. Л. 1.
7. АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 167. Л. 22.; Ф. п-5. Оп. 1. Д. 386. Л. 3-3об.
8. АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 170. Л. 8.
9. АААКК. Ф. п-5. Оп. 1. Д. 385. Л. 55.
10. АААКК. Ф. п-5. Оп. 1. Д. 385. Л. 5-6.
11. АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 170. Л. 15.
12. АААКК. Ф. п-5. Оп. 1. Д. 385. Л. 65, 175; Ф. п-6. Оп. 1. Д. 1099. Л. 12.
13. АААКК. Ф. п-5. Оп. 1. Д. 385. Л. 15, 20; Ф. п-5. Оп. 1. Д. 966. Л. 5-15.
14. АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 397. Л. 2.
15. АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 387. Л. 4-5, 28.
16. АААКК. Ф. п-5. Оп. 1. Д. 966. Л. 110, 122об.; Ф. п-5. Оп. 1. Д. 1196. Л. 12, 29.
17. АААКК. Ф. п-4. Оп. 1. Д. 397. Л. 60.
18. АААКК. Ф. п-7. Оп. 1. Д. 1687. Л. 2.
19. Красноярский рабочий. 8.07.1924. №151.
20. Миндаровский М.П. Записки и воспоминания. Фонды МУК «Енисейский краеведческий музей».
21. Красноярский рабочий. 25.10.1924. №243.

22. Правда. 13.07.1923.

23. АААКК. Ф. п-7. Оп. 1. Д. 367. Л. 77; Ф. п-137.

Оп.1. Д. 37. Л. 10.

M. Kholina

THE CHANGES IN WOMEN'S DAILY
LIFE IN THE 1920s (CONCERNING SMALL
TOWNS IN KRASNOYARSKY KRAI)

Abstract. The solution of "women's problems" in 1920s was fulfilled in favour of the state, accomplishing a task of economic mod-

ernization of the country. With the aim of women's working and political mobilization, women organizations and meetings of delegates were created. Although the efforts of the Soviet regime to free a woman from doing the housework were made, the traditional image of a woman as a mother, wife and mistress remained in daily life.

Key words: daily occurrence, the meetings of the delegates, women organizations, women movement.

УДК 94 (470)«1939»

Беспалов В.В.

ИЗМЕНЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СССР НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

От редакции. Данная статья публикуется в год празднования юбилея – 65-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Она отражает позицию автора – ветерана войны и военного историка на события, ставшие прологом фашистской агрессии против СССР.

Аннотация Актуальность темы обусловлена приближающимся 65-летием Победы в Великой Отечественной войне, а также прошедшим 70-летием заключения советско-германского договора о ненападении резко активизировалась антисоветская идеологическая кампания. Об актуальности также свидетельствует и принятая в начале июля 2009 г. Парламентской ассамблеей ОБСЕ резолюция «О воссоединении разделенной Европы», и объявлении 23 августа «Днем памяти жертв сталинизма и нацизма»...

Автор данной статьи, опираясь на исторические факты и документальные источники, с учетом появления угроз национальной безопасности и уязвимых ситуаций для России на ряде стратегических направлений в современных условиях, а также проводимой военной реформы по приданию нового облика Вооруженным силам РФ, стремится разобраться в том, что происходило тогда, более 70 лет назад.

Ключевые слова: Вторая мировая война, международные отношения, внешняя политика СССР, коллективная безопасность, советско-германский договор 1939 года, фашистская агрессия.

Развитие Советского Союза в предвоенные годы происходило в сложной международной обстановке. Наличие очагов напряженности в Европе и на Дальнем Востоке, тайная подготовка стран капиталистического мира ко Второй мировой войне, приход к власти в Германии нацистской партии Мюнхенские соглашения ясно свидетельствовали о том, что международная ситуация активно и быстро приближалась к военному конфликту.

Как же развивались события в международной политике накануне Второй мировой войны?

Отсчёт событий лучше следует начать с 1933 года, как даты прихода к власти в Германии Национал-социалистской рабочей партии фашистского толка во главе с А. Гитлером, который уже в 1934 году сосредоточил в своих руках всю полноту власти в стране, совмещая одновременно посты канцлера и фюрера. Фашисты установили в стране диктатуру, режим реакции, аннулировали Версальский мирный договор, который не устраивал эту быстро развивающуюся империалистическую державу, и открыто начали активную подготовку к войне за передел мира.

В этот же период (30-е годы) произошла значительная активизация внешней полити-

* © Беспалов В.В.

ки Италии, в которой фашизм был главенствующей идеологией уже с 1922 г., усилилось её влияние на расстановку сил в мировом сообществе.

Одним из первых агрессивных актов, совершенных этими государствами, был захват в 1935 г. Абиссинии и установление там фашистского режима.

В 1936 – 1937 гг. Германия, Япония и Италия заключили “антикоминтерновский пакт”, который положил начало формированию новых военных блоков, а также вёл к прямой подготовке к агрессии фашизма непосредственно против СССР.

Однако, лидеры ряда стран Запада, и прежде всего – Англии, Франции и США, недооценили зловещую опасность фашизма, распolzавшегося по Европе, и примкнувшую к нему милитаристскую Японию. Они где-то надеялись уговорить Гитлера, чтобы все ущемлённые интересы, территориальные претензии и цели, возникшие в Германии после Версальского мирного договора (28.06.1919г.), нацисты удовлетворяли за счёт государств, находящихся на Востоке, т.е. прямо и откровенно подталкивали к агрессии против Советского Союза...

Как следствие таких устремлений стало Мюнхенское соглашение 1938 г. о расчленении Чехословакии, подписанное премьер-министрами Великобритании (Н. Чемберлен) и Франции (Э. Даладье) и фашистскими диктаторами Германии (Гитлер) и Италии (Муссолини). Правительство Чехословакии было ознакомлено с текстом соглашения лишь на следующий день – 30.09.1938 г. Это было насильственное отторжение от Чехословакии и передача Германии Судетской области и ряда других районов ЧСР должна была ещё удовлетворить необоснованные территориальные претензии хортистской Венгрии и панской Польши.

Мюнхенское соглашение, вошедшее в историю как символ предательства западными странами своего союзника, имело трагические последствия не только для ЧСР. Оно явилось кульминационным моментом в политике «умиротворения» фашистских агрессоров, проводимой накануне Второй мировой войны правителями Великобритании и Франции, которые старались отвести от себя угрозу за счёт малых стран и направить агрессию на восток, т.е. против Советского Союза... [подробнее см. «Дипломатический словарь», К-Р», том 2, изд-во «Наука», М. 1986].

В это же время политические круги Великобритании, Франции и США вели актив-

ную внешнюю политику против СССР, заявляя о «растущей советской опасности» в связи с «военными приготовлениями русских». Как и следовало ожидать, Гитлер, пользуясь попустительством западных держав, активно начал осуществлять свои агрессивные планы...

В 1938 г. Гитлер оккупировал без объявления войны Австрию, в 1939 г. захватил, также без объявления войны, Чехословакию.

В это время политические круги Англии, США, Франции активизировали политику, направленную на подталкивание Германии к нападению на Советский Союз. Эта политика проводилась как на мировой арене, так и внутри самих государств. Так, например, почти во всех странах велась кампания против СССР, активно пропагандировалась идея “растущей советской опасности”.

В этой обстановке СССР выступает с предложениями по обеспечению мира и коллективной безопасности. В ответ на политику капиталистических государств наша страна предпринимает следующие шаги: 1933 г. – устанавливает дипломатические отношения с США, 1934 г. вступает в Лигу Наций, где выступает со своими предложениями относительно создания системы коллективной безопасности и отпора агрессорам, которые, однако, не находят поддержки. В начале 1934 г. Советский Союз предлагает проект конвенции об определении нападающей стороны (агрессора). Правительства ведущих западных держав холодно отнеслись к советскому проекту. Однако Румыния, Югославия, Чехословакия, Польша, Эстония, Латвия, Литва, Турция, Иран, Афганистан, а позднее и Финляндия подписали этот документ.

1935 г. был подписан Францией, Чехословакией и Советским Союзом пакт о взаимопомощи. Он мог бы сыграть существенную роль в предотвращении гитлеровской агрессии, однако по настоянию Франции в этот договор была внесена оговорка. Суть её состояла в том, что военная помощь Чехословакии со стороны СССР может быть оказана только в том случае, если её будет оказывать и Франция.

Лидеры капиталистических государств, продолжая поддержку фашистской агрессии, подписали с Германией ряд договоров о ненападении (1938 г. – Англия и Франция).

Развязав себе руки таким способом, Гитлер продолжил агрессию: в марте 1939 г. полностью захватил Чехословакию и отторг от Литвы в пользу Германии порт Клайпеду.

В апреле 1939 г. Италия захватила Албанию.

СССР, продолжая свою миролюбивую политику, не признал оккупации Чехословакии и предложил ей военную помощь, от которой правительство этой страны отказалось. Франция не выполнила своих обязательств по договорам о военной помощи с этой страной и не стала оказывать ей поддержку.

Таким образом, внешнюю политику Советского Союза до 1939 г. можно вполне считать образцом стремления предотвратить войну, обуздать агрессора. В тот период только наша страна выступала самым непримиримым и последовательным противником фашизма, разоблачала его, отождествляла с войной.

Сама обстановка, сложившаяся на мировой арене к весне 1939 г., объективно способствовала тому, что Советский Союз не мог продолжать свою деятельность в одиночестве, и ему надо было позаботиться о своей безопасности, так как к весне 1939 г. Вторая мировая война в своей локально-очаговой фазе была уже реальностью.

Разумеется, что наиболее выгодным тогда представлялось англо-франко-советское соглашение о взаимной помощи, направленное против фашистской Германии. Оно привело бы к созданию единой антифашистской коалиции, эффективно послужило сдерживанию фашистских агрессоров и, возможно, воспрепятствовало бы развязыванию мировой войны.

В настоящее время особенно ярко высветилась истинная цель и замысел руководства Англии и Франции, согласившихся на переговоры с СССР. Это был *ход, рассчитанный на введение в заблуждение народов своих стран и мирового общественного мнения*. На этих переговорах Советский Союз выступил с радикальными предложениями для решения вопроса о коллективной безопасности, однако для западных государств, продолжавших политику, выработанную в Мюнхене, эти предложения оказались неприемлемы. К тому же оказалось, что делегации Англии и Франции по своему составу не имели полномочий заключать пакт о взаимопомощи. К 20 августа переговоры зашли в тупик и фактически провалились. По просьбе англичан и французов был объявлен перерыв на неопределенный срок, хотя и в Москве и в Лондоне знали, что агрессия в отношении Польши назначена на конец августа. Прийти к соглашению с западными державами СССР, несмотря на все его усилия, так и не удалось.

Таким образом, следует подчеркнуть,

что к началу осени 1939 г. Советскому Союзу не удалось решить задачу достижения военного соглашения с Англией и Францией. В это время Англия и Франция уже оформили свои договоренности о ненападении с Германией и, следовательно, объективно находились в преимущественном положении перед СССР.

Вместе с тем, несмотря на неудачу, начавшиеся англо-франко-советские контакты вызвали серьезную тревогу у руководства нацистской Германии.

Уже с мая 1939 г. работники внешнеполитического ведомства Германии, следуя указаниям Риббентропа, неоднократно вступали в контакты с представителями СССР в Берлине, различными неофициальными и официальными способами давали понять о готовности Германии пойти на сближение с СССР. Вплоть до середины августа 1939 г., пока существовала надежда на заключение соглашения с Англией и Францией, советское правительство оставляло осуществлявшийся германской стороной зондаж без ответа, но одновременно внимательно следило за её действиями.

В начале августа 1939 г. в беседе с советским полпредом в Берлине Астаховым Риббентроп уже официально заявил, что СССР и Германия могли бы договориться по всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного моря до Балтийского. Советская сторона оставила эти попытки сближения без ответа. Видимо, Сталин хотел сначала прояснить, какие результаты можно получить от англо-франко-советских переговоров.

Необходимо заметить, что у немцев был запасной вариант действий на случай, если советское руководство откажется принять предложения Германии. На тайных переговорах в середине августа Лондон и Берлин сговорились о поездке 23 августа второго по рангу деятеля "Третьего рейха" Геринга на Британские острова на негласную встречу с Чемберленом. Судя по документам, две империи собирались выработать "исторический компромисс", наподобие Мюнхенского, игнорируя интересы не только СССР, Польши и ряда других восточноевропейских стран, но даже Франции. Причем, Англия была готова «сдать» Польшу в обмен на агрессию Гитлера против Советского Союза.

15 августа 1939 г. германский посол в Москве Ф. Шуленбург добился срочного приема у наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова. Посол зачитал заявление Риббентропа, в котором предлагалось урегулировать

к полному удовлетворению обеих сторон все имеющиеся спорные проблемы, для чего в Москву в самое ближайшее время был готов прибыть германский министр иностранных дел.

Ситуация для Советского правительства была очень сложной. Оно было вынуждено вести рискованную политическую игру. Переговоры с Англией и Францией ещё продолжались, но по вине западных держав они зашли в тупик. Германия, напротив, шла на уступки СССР, изъявила готовность учитывать его государственные интересы, она обещала даже оказать влияние на Японию с целью нормализации советско-японских отношений, что было выгодно для Советского Союза, так как в это время шли ожесточённые бои между советскими и японскими войсками на реке Халхин-Гол. В такой ситуации Сталин был вынужден дать согласие на приезд Риббентропа в Москву.

Необходимо подчеркнуть, что у советских руководителей не было никаких иллюзий относительно того, что в конечном счете Германия нападет на нашу страну, так как это входило в личные давнишние планы Гитлера. Поэтому предлагаемый договор о ненападении стал в последующем по сути предвоенным соглашением о перемирии, он предусматривало линию разграничения между временно невоюющими сторонами. СССР потребовал гарантий того, что германские войска не пойдут дальше определенной линии границы. Именно стремление отодвинуть рубеж, с которого фашистская армия начнет войну против Советского Союза, а не стремление захватить чьи-то земли определяло в первую очередь действия руководства страны в той конкретной исторической обстановке.

Советско-германские переговоры осуществлялись в условиях политического цейтнота. В ночь с 23 на 24 августа 1939 г. в присутствии Сталина Молотов и Риббентроп подписали поспешно согласованные советско-германские документы: Договор о ненападении, по условиям которого стороны обязались не вмешиваться в вооружённые конфликты против друг друга в течение 10 лет с момента подписания документа, и Секретный протокол, в соответствии с которым Германия взяла на себя ряд односторонних обязательств:

- в случае германо-польского вооружённого конфликта германские войска не должны были продвигаться дальше рубежа рек Нарев, Висла, Сан и не вторгаться в Финляндию, Эстонию и Латвию;

- вопрос о сохранении единого Польского государства или его расчленении должен был решаться в ходе дальнейшего развития политической ситуации в регионе;

- Германия признавала заинтересованность СССР в Бессарабии.

Договор о ненападении был опубликован 24 августа 1939 г. Верховный Совет СССР 31 августа 1939 г. без обсуждения ратифицировал только текст Договора о ненападении.

Известие о заключении советско-германского Договора о ненападении явилось полной неожиданностью не только для мировой, но и для советской общественности. Трудно было осознать происшедший поворот в отношениях СССР и Германии. После подписания этого договора Лондон и Париж полностью утратили интерес к СССР и принялись искать способы добиться от Германии обязательств на будущее, более прочных, чем те, которые она дала во время Мюнхенского совещания. Документы свидетельствуют о том, что на другой день после подписания договора о ненападении с Германией Сталин, прибывая в крайней неуверенности относительно порядочности Гитлера, пытался склонить Англию и Францию к продолжению военных московских переговоров. Но никакого отклика на эти предложения не последовало.

Существуют разные точки зрения на вопрос о необходимости подписания договора о ненападении с Германией.

Серьёзные исследователи – советские, польские, британские, западногерманские и другие – признают, что 19 — 20 августа 1939 г., в момент согласия Сталина на приезд Риббентропа в Москву для окончательного прояснения намерений Германии, Советскому Союзу не было оставлено выбора. В одиночку СССР предотвратить войну не мог. Союзников в лице Англии и Франции ему обрести не удалось. Оставалось думать о том, как не попасть в водоворот войны, к которой в 1939 г. СССР был готов ещё меньше, чем в 1941 году.

Таковы подлинные исторические факты того времени. Но в последнее время усилилась волна фальсификаций препосылок, хода и, особенно, итогов Второй мировой войны, спекуляций по оценке сути Великой Отечественной войны. К сожалению, не только за рубежом, но и в нашем Отечестве есть люди и определенные политические круги, которые всячески хотят извратить подлинную историю нашей страны, с тем, чтобы нанести ущерб историческому сознанию наших граждан и особенно молодежи. В связи с этим Президент Российской Федерации Д. А.

Медведев издал Указ о создании Комиссии по противодействию фальсификации истории России.

Президент Академии военных наук, доктор исторических наук, генерал армии М. А. Гареев считает, что «такой указ и вообще активизация работы по объективному освещению Отечественной истории, противодействие ее фальсификации являются давно назревшим делом» (Газета ВПК №25 (298) 8-14. 07.2009 г.)

Оценивая договор о ненападении с позиций сегодняшнего дня, можно отметить, что для СССР он имел как положительные, так и отрицательные последствия.

Положительные:

- Советский Союз избежал войны на два фронта, так как договор зародил трещину в японо-германских отношениях, деформировал условия антикоминтерновского пакта в пользу СССР;

- рубеж, с которого Советский Союз мог вести первоначальную оборону, был отодвинут на несколько сот километров от Ленинграда, Минска и других центров;

- договор способствовал углублению раскола капиталистического мира на два враждующих лагеря, сорвал планы западных держав направить агрессию на восток, воспрепятствовал их объединению против СССР. Западные державы были вынуждены считаться с Советским Союзом как с военной и политической державой, имеющей право обозначить свои интересы на политической карте мира.

Отрицательные:

- договор отрицательно повлиял на моральный настрой советского народа, боеспособность армии, усыпил бдительность военно-политического руководства СССР, в какой то мере дезориентировал демократические, миролюбивые силы, и поэтому стал одной из причин наших неудач в начальный период Великой Отечественной войны;

- договор дал повод для необоснованных и лицемерных обвинений в адрес Советского Союза со стороны западных держав в поддержке агрессора и развязывании войны.

Положительным результатом заключения Договора о ненападении оказалось то, что СССР получил около двух лет для подготовки к войне и укрепления своей обороноспособности. Однако это время было использовано Советским Союзом менее эффективно, чем Германией, которая за 22 месяца в большей степени повысила свой военный потенциал. Если в начале 1939 г. военно-политическое

руководство Германии оценивало Красную Армию как противника очень сильного, столкновение с которым было нежелательным, то в начале 1941 г. оно уже отмечало слабость Вооружённых Сил СССР, особенно их командного состава.

Кстати, в 1989 — 1991 гг. в СССР, по непонятной "инициативе" секретаря ЦК КПСС А. Яковлева, была проведена крупная, с использованием СМИ, политическая акция, в связи с секретными протоколами к Пакту о ненападении, в которых Молотов и Риббентроп якобы договаривались о "разделе сфер влияния". На таких догадках и основаниях ставился вопрос о денонсации договоров о вхождении республик Прибалтики в СССР в 1940 году. Подлинники этих секретных протоколов ни в советских, ни в зарубежных архивах найдены тогда не были.

Эта кампания поучительна тем, как с помощью СМИ можно манипулировать общественным сознанием.

При этом давно не было секретом, что явные и негласные договоренности о сферах влияния всегда были обычной практикой того времени. Так, в октябре 1944 г. Черчилль добился для Великобритании 90% влияния в Греции, СССР — в Румынии и Болгарии. Сегодня США открыто провозглашают Ближний и Средний Восток сферой своего влияния и государственных интересов и это не вызывает ни малейшего удивления или возмущения. Об этом свидетельствуют факты неправомерных действий США и Англии в Афганистане, размещение военных баз в Средней Азии, агрессивная война в Ираке и т.д.

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. Англия и Франция объявили войну Германии, но не оказали Польше действенной военной помощи, и она была разгромлена. СССР и США тогда объявили о своём нейтралитете в войне.

17 сентября 1939 г. части Красной Армии вступили на территорию Западной Украины и Белоруссии, взяв под защиту их народы.

Считаю целесообразным ещё раз возвратиться к оценке подлинности тех текстов протоколов, которые были представлены 2-му Съезду народных депутатов СССР. Так, член подготовительной комиссии В.А. Сидак (бывший сотрудник КГБ СССР) в своих публикациях утверждает, что им не пришлось увидеть подлинников этих протоколов, вокруг которых нагнетал страсти А.Н.Яковлев. К тому же В.А.Сидак в своих публикациях приводит убедительные свидетельства того,

что членам комиссии были «представлены» фальшивки.

28 августа 1939 г. в Москве Молотовым и Риббентропом был подписан Договор о дружбе и границах с приложением к нему нескольких секретных протоколов. Согласно этим документам изменялись сферы влияния СССР и Германии, определялись границы размежевания в Польше, стороны договаривались об экономическом сотрудничестве и недопущении агитации, направленной против другой стороны.

На этих же переговорах Молотов и Риббентроп подписали ноту, в которой вся ответственность за развязывание войны перекладывалась на Англию и Францию. Оговаривалось, что, в случае продолжения участия этих стран в войне, СССР и Германия будут консультироваться по военным вопросам.

Если заключение Договора о ненападении в сознании советского народа оправдывалось необходимостью избежать участия в войне, то подписание Договора о дружбе и границах между СССР и Германией может быть истолковано иначе. Этот документ был подписан после оккупации Польши, брошенной проанглийским правительством на произвол судьбы. У военно-политического руководства во главе со Сталиным другого выхода просто уже не было.

Таким образом, в современной исторической науке Договор о дружбе и границах от 28 сентября 1939 г. оценивается историками неоднозначно.

После подписания Договора о дружбе и сотрудничестве и секретных протоколов Советский Союз начал неуклонно выполнять все их положения.

С 1939 по 1941 гг. СССР, вплоть до нападения Германии в 1941 г., неукоснительно соблюдал все условия подписанных им договоров. Так, он не участвовал в событиях 1940 — 1941 гг., когда Гитлер подчинил почти все государства Европы, в том числе Францию, и разгромил европейский контингент английских войск. Советская дипломатия делала всё для того, чтобы отсрочить войну и избежать ведения её на два фронта, для того, чтобы дать СССР подготовиться к войне. Так, в 1941 г. были подписаны:

- нота с Турцией, в которой обе стороны обязались хранить нейтралитет;
- пакт о ненападении с Японией.

Тем не менее эти меры не могли решить главной задачи внешней политики и предотвратить войну.

V. Bespalov

CHANGES IN FOREIGN POLICY OF THE USSR ON THE EVE OF THE SECOND WORLD AND THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The theme urgency is caused by the coming nearer 65 anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, and also the last 70 anniversary of the conclusion of the Soviet-German nonaggression pact anti-Soviet ideological campaign sharply became more active. About an urgency also testifies and accepted in the beginning of July, 2009 Parliamentary assembly of OSCE the resolution «To reunion of the divided Europe», and the announcement on August, 23rd «in the Afternoon of memory of victims сталинизма and nazism» ...

The author of given article, leaning against historic facts and documentary sources, taking into account occurrence of threats of national safety and vulnerable situations for Russia on a number of strategic directions in modern conditions, and also carried out military reform on giving of new shape to Armed forces of the Russian Federation, aspires to understand that occurred then, more 70 years ago.

Key words: the Second World War, the international relations, foreign policy of the USSR, collective safety, the Soviet-German contract of 1939, fascist aggression.

ПАРТИЙНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ПРЕПОДАВАНИЕМ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В ПЕРВЫЙ ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (ПО МАТЕРИАЛАМ г. МОЛОТОВА)*

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам партийного контроля за преподаванием общественных наук в вузах г. Молотова. Рассмотрению подлежит первый послевоенный период. Партийный контроль представлен с позиции выполнения вузовской интеллигенцией как постановлений ЦК ВКП(б), так и решений партийной региональной власти.

Ключевые слова: марксистско-ленинская теория, тотальный контроль, идейно-политическое воспитание вузовской интеллигенции, идейный уровень преподавания, идеологические чистки.

Тема о влиянии большевистской идеологии на интеллектуальную деятельность нашла свое отражение в исторической литературе [30]. Это в первую очередь, коснулось кафедр общественных наук. На региональном уровне вопрос о состоянии преподавания в вузах Молотова не нашел своего раскрытия. В связи с этим необходимо показать, как партийные органы влияли на работу молотовской вузовской интеллигенции. В статье делается попытка определить степень воздействия ЦК ВКП(б) в совокупности с региональными партийными органами на профессиональную деятельность и на личностные отношения научно-педагогических работников вузов.

9 июля 1945 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках в преподавании основ марксизма-ленинизма в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского» [31; 25]. В нем отмечалось, что на занятиях «... недостаточно выясняется коренная противоположность буржуазного и пролетарского мировоззрений... имеют место буквоедство и начетничество» [31]. Также было указано на то, что лекции напоминают диктанты, перегруженные цитатами, а семинарские занятия «... проходят примитивно – в форме вопросов и ответов – и сводятся к формальному опросу студентов» [31]. В постановлении указывалось на необходимость повысить требовательность к качеству учебного процесса, укрепить кафедры общественных наук квалифицированными кадрами.

Для выполнения поставленных задач в г. Молотове была развернута кампания по проверке преподавания дисциплин общественно-политического блока. Решение ЦК от 9 июля имело глобальный характер, поэтому партийные органы стремились конкретизировать его в соответствии с политической ситуацией региона.

Первым нормативным актом, регламентировавшим основное направление деятельности кафедр Молотовского государственного педагогического и медицинского институтов, стало постановление бюро Молотовского обкома ВКП(б) от 31 июля 1946 г. На бюро была обобщена научно-педагогическая деятельность вузов города. В ходе проверки в преподавании были выявлены «политические ошибки»: «низкий идейно-теоретический уровень преподавания», «формализм», «начетничество» и т.д. В частности отмечалось, что лекции старшего преподавателя кафедры марксизма-ленинизма пединститута А.И. Винокуровой проходят «... на низком идейно-теоретическом уровне...» [4]. Обком принял решение обязать руководства вузов «обеспечить преподавание марксизма-ленинизма на высоком идейно-теоретическом уровне...» [4]. В связи с этим кафедры марксизма-ленинизма начали проводить мероприятия в виде «чисток» научных рядов. Так, например, в отчете мединститута за 1946-1947 учебный год отмечалось, что «в результате неудовлетворительной работы» [25] были уволены отдельные преподаватели.

Заведующие кафедрами марксизма-ленинизма вузов Молотова спешили отчитываться перед обкомом об изменении исследовательской и преподавательской деятельности в разрезе поставленных задач. Нужно отметить, что не все кафедры прибегали к радикальным мерам. К примеру, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Молотовского государственного университета Я.Р. Волин доложил, что кафедра в соответствии с выдвинутыми требованиями «... перестроила работу» [3]. Аналогичные отчеты были представлены заведующими кафедрами марксизма-ленинизма других вузов. Все они имели положительный характер, замечания по рабо-

* © Малыгина О.А.

те, если и отмечались, то несущественные. Исключением стали упомянутый мединститут и пединститут. В отчетах последнего в обком неоднократно упоминалось о низком идейно-теоретическом уровне лекций, и о слабом контроле за деятельностью преподавателей со стороны заведующего кафедрой марксизма-ленинизма К.М. Трубина. Обком партии в ЦК ВКП(б) сообщал, что на одной из лекций Трубин «привел антисоветский анекдот...» [11]. По решению обкома Трубину было запрещено в дальнейшем заниматься профессиональной деятельностью: 4 февраля 1947 г. он был исключен из партии [5].

Постановление ЦК по Саратовскому университету вскоре привело к новым указаниям из Москвы. Министр высшего образования СССР С.В. Кафтанов, его заместитель В. Светлов и министр просвещения РСФСР А. Калашников направляли в вузы страны, в т.ч. и в г. Молотов, серию приказов, которые в категоричной форме ставили задачу улучшения идеологической работы кафедр общественных наук.

Нужно отметить, что, несмотря на огромный поток различного рода распоряжений, постановление ЦК по Саратовскому университету стало предметом особого внимания в г. Молотове спустя только четыре года после его принятия. В 1949 г. идейное давление на преподавателей достигает своего апогея. Это было связано с дополнительными постановлениями, принятыми на региональном уровне.

2 марта 1949 г. бюро Молотовского обкома рассмотрело вопрос «О недостатках в преподавании основ марксизма-ленинизма в Молотовском государственном университете и Молотовском сельскохозяйственном институте» [7]. Было обнаружено, что идейный уровень преподавания марксизма-ленинизма в этих вузах не соответствует требованиям, которые предъявляются в постановлении ЦК по Саратовскому университету. В частности, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма сельхозинститута В.М. Букановский в лекции «Диалектический материализм – мировоззрение марксистско-ленинской партии» «... преувеличил роль Гегеля в развитии философии» [6]. На бюро было решено указать Букановскому на то, что он «... нарушает принцип партийности в преподавании» [6]. Ректору университета А.И. Букиреву и директору сельхозинститута М.И. Лола было поручено «обеспечить высокий идейно-теоретический уровень преподавания...» [6]. Секретарям партийных бюро этих вузов было предложено

обсудить принятое постановление Молотовского обкома ВКП(б) на партбюро.

Строго по сценарию, 3 марта 1949 г. на партбюро Молотовского медицинского института научно-педагогическая деятельность преподавателя кафедры марксизма-ленинизма В.Н. Бюрикова стала предметом особого разбирательства. В вечернем университете марксизма-ленинизма еще в июле 1947 г. он прослыл лектором, который допускал политические ошибки. Директор вечернего университета В.С. Гужавин сообщал об этом в обком ВКП(б). В феврале Гужавин в очередной раз докладывал в обком, что преподаватель говорил в лекциях о том, что «... фабрики и заводы тяжелой индустрии нам приходилось строить при помощи иностранного капитала...» [26] и что «... Советский народ считает решения партии правильными, не вдумываясь даже, чем они вызваны, почему они приняты» [26]. На партбюро в феврале Гужавин не упустил возможности еще раз выступить в роли идейного разоблачителя. Он отметил, что в лекциях Бюрикова «... нет партийной страстности, а есть черта беспринципности – от этого ему надо отрешиться» [18]. 12 февраля было принято решение освободить Бюрикова от чтения лекционного курса [26]. Партбюро рекомендовало директору института П.П. Сумбаеву закрыть «дело Бирюкова», освободив его от работы [26].

1 апреля 1949 г. партбюро университета обсуждало работу кафедр общественно-экономических наук. Преподавательская деятельность заведующего кафедрой марксизма-ленинизма Я.Р. Волина секретарь обкома П.Д. Кочнев раскритиковал за «... элементы формализма и начетничества» [23]. Преподаватель кафедры политической экономии З.С. Романова отметила, что постановление обкома от 2 марта 1949 г. «заставило ее лишний раз пересмотреть свою работу, а потому оно имеет большое значение для работников кафедр общественных дисциплин» [23]. Все эти замечания и недочеты были выявлены, несмотря на то, что еще 6 сентября 1948 г. на Ученом совете университета была поставлена задача: «Преподавание любой дисциплины строить по-боевому, наступательно на единственно правильной и научно-безукоризненной теории марксизма-ленинизма» [28].

Университет сообщал в обком партии, что для реализации решений ЦК по Саратовскому университету и обкома от 2 марта 1949 г. «... усилилась практика взаимопосещений лекций и семинарских занятий преподавателями...» [24].

31 марта 1949 г. партбюро сельхозинститута приступило к обсуждению постановления бюро обкома от 2 марта. Заведующая отделом агитации и пропаганды обкома ВКП(б) М.Я. Кокшарова отметила, что «отдельные лекции и семинары еще не свободны от недостатков, от элементов поверхностности, несистемности, излишней перегруженности материалов...» [19]. Партбюро приняло решение «усилить контроль и руководство над идейным и методическим уровнем преподавания основ марксизма-ленинизма и политэкономии» [19].

Задача овладения марксистско-ленинской теорией для научных работников вузов Молотова занимала ведущее место. Так, 31 марта на открытом партсобрании в стоматинституте заведующий кафедрой кожных и венерических болезней профессор П.И. Иерусалимский отметил, что отставание в знаниях марксистско-ленинской теории является «... более страшным, чем отставание в других вопросах своей специальности» [22].

20 апреля 1949 г. горком партии принял постановление «О марксистско-ленинском образовании научных работников и студентов Молотовского медицинского института» [1]. Секретарь парторганизации В.Д. Милосердов отметил, что преподаватели кафедры марксизма-ленинизма института «систематически допускали грубые политические извращения и вульгаризацию отдельных положений истории и теории большевизма» [1]. Бюро обязало Милосердова и П.П. Сумбаева установить повседневный контроль за работой кафедры марксизма-ленинизма [1].

О затишье не могло быть и речи. В мае постановление горкома от 20 апреля было предметом обсуждения на партийном собрании университета, в июне - в партийной организации стоматологического института.

В разгар активной работы в молотовских вузах по реализации постановлений партийных органов, с 8 по 15 июля 1949 г. в Москве проходило Всесоюзное совещание заведующих кафедрами марксизма-ленинизма и философии высших учебных заведений. На нем обсуждались вопросы о повышении квалификации, подборе и расстановке преподавателей общественных наук в вузах [32, 371]. События в Москве еще больше обострили и без этого набирающий обороты процесс идеологизации работников вузов.

Молотовский обком ВКП(б) с трудом успевал рассматривать отчеты кафедр марксизма-ленинизма о проделанной работе. В них в основном заведующие кафедр отмечали

несущественные замечания в преподавании. К примеру, в июле заведующий кафедрой марксизма-ленинизма сельхозинститута Букановский сообщил, что кафедра работала согласно постановлению ЦК по Саратовскому университету [12]. В отчете университета сообщалось, что в лекциях и семинарских занятиях преподавателей общественно-политических дисциплин «... политических ошибок нет, преподавание ведется удовлетворительно» [10]. В отчете стоматологического института за учебный 1949-1950 год отмечались мероприятия по реализации решений Всесоюзного четвертого совещания [27]. Пожалуй, только заведующий кафедрой марксизма-ленинизма фарминститута К.Н. Андреев писал о неизжитом вопросно-ответном методе проведения семинарских занятий [4]. Он высказался за необходимость усиления критики к проявлениям буржуазной идеологии и контроля за семинарскими занятиями.

Проверка работы кафедры общественных наук превратилась в самоцель. Постоянные комиссии плодили бумажную видимость усиления партийного внимания к качеству преподавания. Отчеты кафедр, партийных бюро о выполнении многочисленных решений ЦК ВКП(б), местных партийных органов стали главным показателем в оценке работы вузов Молотова.

Постановления ЦК ВКП(б) и решения партийных организаций региона подвергли пересмотру не только научно-педагогическую деятельность, но и личные отношения. Не соответствующая партийным установкам исследовательская или педагогическая деятельность подвергалась критике, а «неблагонадежные» преподаватели испытывали на себе крайние меры, вплоть до увольнения. Так, к примеру, партбюро мединститута 1 декабря 1949 г., которое было посвящено выступлению преподавателя кафедры марксизма-ленинизма Б.Б. Шиндерман на открытом партийном собрании 24 ноября текущего года. Она была подвергнута критике за то, что утверждала, что в общезнании «появились ростки коммунизма» [17]. «Вы допустили ошибку, - отметил старший преподаватель кафедры политэкономии института Д.М. Сазонов, - пропагандируя мелкобуржуазную уравниловку» [17]. Сумбаев предложил освободить Шиндерман от должности старшего преподавателя [17]. Партбюро приняло решение - просить горком партии освободить Шиндерман от чтения лекций в вечернем университете марксизма-ленинизма [17].

16 февраля 1951 г. бюро обкома ВКП(б)

приняло очередное постановление «О недостатках в преподавании основ марксизма-ленинизма и политэкономии в Молотовском государственном университете и Молотовском медицинском институте» [22], которому поспособствовал доклад от 19 января 1951 г. о недостатках преподавания истории ВКП(б) и политэкономии в университете и медицинском институте заведующего кафедрой политэкономии медицинского института С.М. Самохвалова. В докладе подчеркивалось, что у старшего преподавателя университета Л.М. Розенблюм «... преимущество социалистического строя перед капиталистическим в лекции лишь прокламируется, а не доказывается» [15]. На бюро обкома заведующий отделом науки и высших учебных заведений обкома ВКП(б) Г.Ф. Мадонов подверг критике упомянутую Розенблюм и старшего преподавателя медицинского института О.Х. Любовского за то, что они в лекциях «... недостаточно пользуются произведениями классиков марксизма-ленинизма... положения марксистско-ленинской теории излагаются ими без должного обоснования и доказательств, сухо и непонятно» [30]. Бюро приняло решение отстранить Любовского от чтения лекций, «как не обеспечивающих высокого идейно-теоретического курса лекций» [30], а Розенблюм 23 июня 1951 г. была вообще освобождена от работы [29].

4 апреля 1951 г. на бюро горкома ВКП(б) обсуждались теоретические ошибки преподавателя кафедры марксизма-ленинизма медицинского института А.И. Винокуровой. Проверка показала, что лектор «... допускает путаницу, и теоретические ошибки... отходит от принципов партийности... допускает вульгаризаторство...» [2]. Бюро приняло решение освободить Винокурову от должности старшего преподавателя. Было решено привлечь Винокурову к партийной ответственности.

В сельхозинституте рассмотрению постановления обкома предшествовала проверка работы кафедры марксизма-ленинизма института, которая проходила с 19 по 23 марта 1951 г. В ходе обследования было установлено, что преподаватель С.М. Дедик в лекциях допускает «... неряшливые формулировки, говоря о борьбе социалистических элементов с капиталистическими элементами в переходный период от капитализма к социализму» [20]. Член бригады М.И. Лола подчеркнул, что лекции Дедик имеют «... низкий идейно-теоретический уровень, искаженность и вульгарность» [21].

С 17 ноября по 20 декабря 1951 г. по поручению горкома была организована про-

верка идейно-воспитательной работы в университете. Комиссией было выявлено, что старший преподаватель кафедры литературы М.П. Горюнова в лекциях по курсу зарубежной литературы «... не давала партийно-классового анализа творчества писателей, не раскрывала идейное и художественное содержание произведений... не руководствовалась высказываниями классиков марксизма-ленинизма о литературе» [31].

В ходе специальных проверок обкома и горкома было установлено, что в лекциях научных работников, например, фарминститута «критика реакционных буржуазных теорий часто носит неглубокий, поверхностный характер» [16].

Марксистско-ленинская идеология была навязана молотовской вузовской интеллигенции через тотальный контроль. Именно тотальный контроль за преподаванием общественных наук был, по мнению партийных идеологов, показателем улучшения качества преподавания этих дисциплин. Проверка преподавания общественных наук стала неотъемлемой частью политики ЦК и региональных партийных органов. Вся работа местных обществоведов была подчинена выполнению июльского постановления ЦК ВКП(б) 1945 г. и постановлений, принятых на региональном уровне. Можно сказать, что постановление обкома «оживило» постановление ЦК четырехлетней давности. По организации идеологического единства преподаватели должны были соблюдать определенные формулы политического поведения.

В 1949 г. партийными организациями г. Молотова были приняты дополнительные постановления к решениям ЦК партии. В одном ключе шла работа администраций вузов и партийного аппарата. Местные партийные органы дополняли и корректировали постановления ЦК ВКП(б), чтобы обеспечить выполнение политической воли непосредственно на местах.

Постановления представляли собой директивные методы управления обществом, в частности, наиболее образованной ее части. Содержание их сводилось к традиционным партийным фразам: «низкий идейно-теоретический уровень преподавания», «начетничество» и «формализм». Эти замечания объединяли и делали их похожими друг на друга. После принятия постановлений обкома ВКП(б) руководства вузов предпринимали меры по их реализации, повторяющие предыдущие, и так происходило на протяжении всех послевоенных лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пермский государственный архив новой истории (ПермГАНИ).
- Ф. 1. Оп. 45. Д. 476. Л. 222, 225, 227.
2. Там же. Ф. 1. Оп. 45. Д. 602. Л. 168.
3. Там же. Ф. 105. Оп. 12. Д. 414. Л. 8.
4. Там же. Ф. 105. Оп. 12. Д. 62. Л. 5.
5. Там же. Ф. 105. Оп. 13. Д. 516. Л. 142.
6. Там же. Ф. 105. Оп. 15. Д. 21. Л. 10.
7. Там же. Ф. 105. Оп. 15. Д. 23. Л. 9.
8. Там же. Ф. 105. Оп. 15. Д. 492. Л. 63 об.
9. Там же. Ф. 105. Оп. 15. Д. 504. Л. 103-106.
10. Там же. Ф. 105. Оп. 15. Д. 507. Л. 16.
11. Там же. Ф. 105. Оп. 16. Д. 370. Л. 133.
12. Там же. Ф. 105. Оп. 16. Д. 506. Л. 1 об.
13. Там же. Ф. 105. Оп. 17. Д. 28. Л. 63, 65.
14. Там же. Ф. 105. Оп. 17. Д. 328. Л. 254.
15. Там же. Ф. 105. Оп. 17. Д. 333. Л. 6.
16. Там же. Ф. 105. Оп. 17. Д. 345. Л. 32.
17. Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2522. Л. 132, 134, 138.
18. Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2523. Л. 101.
19. Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2885. Л. 18, 19.
20. Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2890. Л. 21.
21. Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2891. Л. 23.
22. Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3005. Л. 206.
23. Там же. Ф. 717. Оп. 1. Д. 90. Л. 8.
24. Там же. Ф. 717. Оп. 1. Д. 91. Л. 36.
25. ГАПК. Ф. р. 1117. Оп. 1. Д. 41. Л. 1.
26. Там же. Ф. р. 1117. Оп. 1. Д. 50. Л. 32.
27. Там же. Ф. р. 1275. Оп. 1. Д. 123. Л. 27.
28. Там же. Ф. р. 180. Оп. 12. Д. 248. Л. 11.
29. Там же. Ф. р. 180. Оп. 12. Д. 98. Л. 9.

ЛИТЕРАТУРА

30. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы / А.А. Данилов, А.В. Пыжиков. М.: РОССПЭН,

2001. 303 с. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество — политика и повседневность. 1945-1953 / Е.Ю. Зубкова. М.: РОССПЭН, 1999. 232 с.; Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти 1945-1991 / Р.Г. Пихоя. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. 684 с.

31. О недостатках в преподавании основ марксизма-ленинизма в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского // Партийное строительство. 1945. №13-14.
32. Осьмаков И.О. Всесоюзное совещание ведущих кафедр марксизма-ленинизма и философии высших учебных заведений / И.О. Осьмаков // Вопросы философии. 1949. №1.

O. Malygina

THE PARTY SUPERVISION OVER TEACHING OF THE SOCIAL SCIENCES DURING THE FIRST POST-WAR PERIOD (BASED ON THE MATERIALS OF INSTITUTES OF HIGHER EDUCATION IN MOLOTOV)

Abstract. This article deals with the problems of the party supervision over teaching of the social sciences in the institutes of higher education in Molotov city. The first post-war period is studied in the article. The party supervision is presented from a position of fulfillment of resolutions of the Central Committee of the all-USSR Communist Party and of the implementation of the decisions of the regional authorities by the institute's intelligentsia.

Key words: the Marx-Lenin theory, the total supervision/control, the ideologically political upbringing of the institute's intelligentsia, the ideological level of teaching, the ideological purges.

УДК 93/94

Рыбалка О.В.

**ДНД - ВОСПИТАТЕЛЬ «НОВОГО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА»
(НА ПРИМЕРЕ НАРОДНЫХ ДРУЖИН НОВГОРОДА И ОБЛАСТИ)***

Аннотация. В статье рассматривается деятельность добровольных народных дружин по охране общественного порядка (далее ДНД) Новгорода и области по воспитанию «нового советского человека». Характеризуются наиболее общие черты этого искусственно создаваемого типа личности. Обращается особое внимание на анализ часто применявшихся народными дружинами форм и практик работы с населением.

Ключевые слова: добровольные народные дружины, Новгород, «новый советский человек», СССР, охрана общественного порядка, воспитание, убеждение, принуждение.

Культивируемый в СССР в начале 1960-х гг. государственный курс на строительство «общенародного государства» в идеологическом плане был дополнен идеей воспитания «нового советского человека» и вместе с ним

* © Рыбалка О.В.

всего общества в целом. Это теоретическое положение было официально закреплено в тексте Третьей Программы КПСС и утверждено XXII Съездом партии. В соответствии с этим задачи по практическому осуществлению выдвинутых властью идей были возложены как на партийно-государственные структуры, так и на советскую общественность, в частности на ДНД.

В Новгороде и области народные дружины в соответствии с законодательными документами, регламентирующими их деятельность, и постановлениями местных партийных и советских органов власти, также обязывались вести среди новгородцев воспитательно-профилактическую работу по созданию методами общественного воздействия образа новой советской личности, «идейноубежденной, гармонически развитой, духовно богатой, строящей жизнь по законам социальной справедливости, разума, добра и красоты» [5, 95]. Это намерение власти предусматривало также окончательное уничтожение преступности как социального явления, поскольку господствовало формальное представление о том, что объективных причин для появления преступности в советском обществе не существовало, а само явление противоправных действий связывалось в соответствии с «коммунистическими идеалами» исключительно с «пережитками капитализма» в сознании некоторой части населения [6, 119, 122].

Именно с этой целью в процесс формирования «нового советского человека» были включены ДНД Новгорода по охране общественного порядка и их специализированные подразделения. Вот что по этому поводу отмечалось в материалах областного слета дружинников и председателей товарищеских судов Новгорода 25 июня 1963 г.: «Формирование нового человека — очень трудный процесс. Он требует времени, большой многогранной творческой работы не только государственных органов, но и партийных, и общественных организаций. Как нигде здесь особенно нужны усилия всех людей, каждой семьи, каждого члена нашего общества. Эта задача может быть решена, если за нее возьмется вся советская общественность, возьмутся миллионы коммунистов, комсомольцев, членов профсоюза, если каждый гражданин будет чувствовать себя, по образному выражению Никиты Сергеевича Хрущева, милиционером, то есть человеком, стоящим на страже общественного порядка, народного богатства» [2. Оп. 20. Д. 21. Л. 102].

Само участие населения в воспитании «нового советского человека» посредством деятельности в народных дружинах рассматривалось властью как акт одобрения им инициатив и идеологии государства, принятия положения о том, что коллективизм как социалистическая категория включает в себя в соответствии с коммунистической моралью интересы и потребности отдельной личности, и, следовательно, этот самый коллектив имеет все основания осудить человека за те действия, которые кажутся обществу неверными, привить ему понятия ответственности перед обществом и государством.

Что касается методов, применяемых народными дружинами Новгорода в деле «воспитания новой советской личности», то они представляли собой набор самых распространенных практик, связанных с реализацией задач по профилактике правонарушений среди граждан путем применения мер «убеждения и принуждения», использование которых активно пропагандировалось советскими руководителями. Достичь этого предполагалось, например, путем проведения лекций, бесед на правовые темы среди трудовых коллективов организаций и предприятий города и области. Основное содержание такого рода профилактических мероприятий сводилось к разъяснению негативных последствий пьянства, алкоголизма, хулиганских и другого рода противоправных проявлений. На практике же это направление в деятельности ДНД реализовывалось достаточно слабо. По причине того, что, во-первых, не было создано достаточной мотивации ни для самих дружинников, которые в свое личное время обязывались проводить профилактические мероприятия, ни для граждан, принудительно вынуждаемых присутствовать на такого рода лекциях.

Во-вторых, массовый характер проводимых бесед не способствовал качественно донесению необходимой информации до целевой аудитории. Кроме того, применение в воспитательно-профилактической работе общих мероприятий слабо учитывало особенности коллектива и конкретную обстановку на предприятии или организации. В-третьих, на такого рода мероприятиях в меньшей степени присутствовали те лица, для которых эта тематика была предназначена, то есть алкоголики, хулиганы, дебоширы. Как правило, они достаточно умело избегали общественного давления, являясь маловосприимчивыми к данной форме увещевания.

В-четвертых, компетентность самих

выступающих в освещаемых ими вопросах и умение донести в доступной форме необходимую информацию зачастую не соответствовали потребностям аудитории, не вызывали интереса и, следовательно, были малопродуктивны. Кроме того, в лекциях доминировал формализм, уход от решения возникших острых вопросов, обусловленных действительностью, пафосность и большое количество идеологических штампов. Таким образом, слушавшие постепенно дистанцировались от этого официозного языка, переставали его воспринимать как объективную истину. И, наконец, в-пятых, профилактические мероприятия такого типа проводились в организациях и предприятиях города и области крайне эпизодически, не имели взаимосвязи между собой и превращались из предупредительных мер в обычные — просветительские, мало применимые на практике.

Наряду с проведением лекций и бесед, ДНД в практике воспитания «нового советского человека» применяли метод патрулирования по улицам Новгорода и проведения совместных с милицией рейдов. Цель таких мероприятий сводилась к выявлению и задержанию правонарушителей, приводу их в штаб ДНД и оформлению на них протокола, а также передачи данных лиц в руки милиции с последующим направлением сообщения по месту работы, для принятия мер «общественного воздействия и морального осуждения». Большинство из них, однако, оставалось без рассмотрения и приводило, соответственно, к повторным нарушениям [1. Оп. 27. Д. 28. Л. 6]. Это отчасти было связано с тем, что воспитательно-профилактическая деятельность народных дружин на своих предприятиях и организациях в основном сводилась только к дежурству в дни выдачи заработной платы и периодическим «выходам на патрулирование» [3. Оп. 9. Д. 601. Л. 4], для которых была характерна минимальная явка членов ДНД Новгорода. Так, из изученных источников следует, что, например за 1963 г. даже народные дружины такого крупного предприятия, как п/я 11, «не прислали на патрулирование «11, 14 апреля и 9 мая» своих дружинников, похожая ситуация наблюдалась и на Новгородских рыбкомбинате, пивзаводе, горпромкомбинате и других организациях города» [1. Оп. 46. Д. 36. Л. 6]. Это были не единичные случаи, а обыденная практика работы ДНД города. Ситуация осложнялась еще и тем обстоятельством, что зачастую конкретных задач перед дружинниками в ходе их патрулирования не ставилось, не проводи-

лось также по их результатам анализа и разбора положительных и отрицательных сторон их деятельности. Так, например, 15 августа 1983 г. участковый инспектор микрорайона № 6 Г. В. Бовин «не смог провести разбор дежурства, так как дружинники ушли с дежурства домой» [1. Оп. 27. Д. 28. Л. 32 - 33].

Следует также отметить, что в ходе патрулирования по улицам Новгорода народные дружины обязывались обращать внимание не только на явные противоправные действия граждан, но и на такое поведение человека, которое, хотя и не нарушало непосредственно законы, правопорядок, но тем не менее «явно противоречило правилам «социалистического образа жизни» и могло в дальнейшем перерасти в преступление». Такая размытость формулировки давала возможность дружинникам в ходе патрулирования и рейдов расширять рамки контролируемого ими поведения граждан, что выходило далеко за пределы кодифицированных уголовных и административных преступлений. По сути дела, ДНД, наделенные крупницей власти и чувствующие приближенность к ней и в некоторой степени безнаказанность, могли одернуть и задерживать человека за то, что он был пьян, неряшливо одет или даже за то, что он просто «не понравился» людям с красными повязками. И это несмотря на то, что внешнему виду самих дружинников уделялось мало внимания. Так, зачастую атрибуты ДНД: удостоверение дружинника, нагрудный знак и нарукавная повязка у граждан, исполняющих обязанность по охране общественного порядка, отсутствовали. Вот что по этому поводу было отмечено в докладе заместителя управляющего треста № 43 «Новгородхимстрой» Г.П. Волкова: «И еще, часто дружинники не имеют документов. У нас, например, одна четвертая часть имеет документы. Хочется спросить у горисполкома: неужели на протяжении двух лет он не может изготовить для дружинников удостоверения?» [4. Оп. 10. Д. 1463. Л. 5].

Именно размытость правовых формулировок и повсеместное отсутствие внешней атрибутики своего статуса позволяло дружинникам успешно использовать свое положение, не только не являясь примером для других граждан, но и негативным образцом использования своего должностного положения. Таким образом, патрулирование как метод, применяемый народными дружинами Новгорода для создания «нового советского типа личности», на практике был слабо реализуем и использовался, прежде всего, как способ принуждения к «правильному поведению»,

а не воспитания у граждан сознательного желания к этому. Сами же дружинники выступали, прежде всего, в качестве вспомогательного звена для правоохранительных органов, выполняя не профилактические, а карательные меры в отношении нарушителей.

Пассивность же дружинников в осуществлении воспитательных мероприятий в рамках коллективов своих предприятий и организаций объясняется, во-первых, незнанием ими, например, антиалкогольного законодательства, форм и методов работы народных дружин [2. Оп. 17. Д. 87. Л. 40]. Так, на подавляющем большинстве предприятий и организаций Новгорода «занятий с дружинниками не проводилось, разъяснительная работа на правовые темы не велась» [3. Оп. 9. Д. 601. Л. 9]. Многими членами народных дружин не изучались Положения о ДНД, Памятка дружинников, действовавшие постановления местных органов власти в сфере охраны общественного порядка. Таким образом, крайне слабая подготовка народных дружинников в этом важном для них вопросе делали все усилия ДНД тщетными и даже опасными для самого общества. Ситуация не изменилась и после того, как для дружинников в Новгороде был организован лекторий о социалистической законности и о практике работы ДНД [3. Оп. 9. Д. 601. Л. 20], а в опорные пункты охраны правопорядка (ОПОП) была направлена разработанная Управлением внутренних дел (УВД) «Памятка-инструктаж дружинника» [1. Оп. 32. Д. 58. Л. 26].

Во-вторых, организационно на многих предприятиях ДНД были вообще не оформлены или функционировали формально, не имея ни списков дружинников, ни графика работы внутри своего предприятия [1. Оп. 34. Д. 74. Л. 18]. Помимо этого, помещения многих штабов народных дружин были маленькие, не оборудованные, поэтому в них было очень трудно проводить какую-либо воспитательную работу с отдельными лицами [1. Оп. 29. Д. 42. Л. 8]. Так, штаб ДНД Ленинградского микрорайона находился в жилищно-коммунальном отделе (ЖКО) завода «Волна». Помещение имело только одну комнату, где одновременно проводился развод дружин, разбор нарушений общественного порядка, беседа с подростками, прием граждан участковым инспектором и решение других вопросов [2. Оп. 9. Д. 946. Л. 24]. Данная ситуация наблюдалась и на уровне городского штаба ДНД, который был «расположен в здании Октябрьского районного отдела милиции в комнате площадью 10 квадратных метров».

Проблему с ним предполагалось решить на сессии горисполкома 4 сентября 1975 г., по результатам которой было предписано предоставить штабу в ноябре того же года помещение из трех комнат и методического кабинета», но это так и не было выполнено [2. Оп. 66. Д. 67. Л. 23].

В-третьих, в некоторых организациях и предприятиях дружины были малочисленными, никакого авторитета и влияния среди населения и своих товарищей по работе не имели [2. Оп. 24. Д. 71. Л. 28]. Следствием этого было то, что на большинстве предприятий и организаций Новгорода не было создано каких-либо объективных условий для перевоспитания правонарушителей мерами общественного воздействия посредством ДНД [1. Оп. 31. Д. 24. Л. 14].

Популярным методом воспитания, используемым ДНД, была также наглядная агитация, различного рода сатирические витрины такого типа – «Нет ли среди них ваших знакомых?», «Крокодил идет по городу!» и т.д. Именно под такими заголовками вывешивались фотографии алкоголиков, хулиганов, спекулянтов, предназначенные для «всеобщего порицания». Кроме того, массово выпускались и молнии тревоги – «Пьянице не место в коллективе», «Трезвость-норма жизни» и т.д. [2. Оп. 66. Д. 67. Л. 23]. Несмотря на свою растиражированность, эффективность такой агитации была минимальна, связано это было с тем, что она была маловыразительна, шаблонна и не ориентировала граждан на борьбу с пьянством, алкоголизмом и другими противоправными действиями [2. Оп. 66. Д. 67. Л. 15]. Вместо этого пропагандируемые лозунги, связанные с укреплением правопорядка, стимулировали появление мнимой активности и псевдообязательств. Так, в стенограмме собрания актива Новгородской областной партийной организации от 25 августа 1966 г. приведен такой пример: «Греха таить нечего, кое-где у нас еще не перевелись любители пошуметь по поводу укрепления общественного порядка. В прошлом году, например, в Старой Руссе коллектив медико-инструментального завода выступил с инициативой «Жить и работать без правонарушений». Инициативу одобрило Бюро Старорусского горкома КПСС, а у инициаторов слова разошлись с делом. На заводе много нарушителей дисциплины» [3. Оп. 24. Д. 71. Л. 28]. Похожая ситуация сложилась и с «почином» завода «Ленинского комсомола» – «О борьбе коллектива завода за право называться предприятием высокопроизвод-

твенного труда и образцового общественного порядка» [1. Оп. 31. Д. 24. Л.14]. Ни одно из взятых на себя обязательств им не было реализовано на практике.

Таким образом, стремление власти воспитать «новых советских людей» и ликвидировать преступность как социальное явление, в условиях использования псевдогражданских институтов, таких, как ДНД, показало свою несостоятельность. Иллюзорность и отсутствие четкого представления о содержании понятия «коммунистического типа личности» и способов его воспитания в сознании граждан, позволяли дружинникам самим трактовать эти идеологические конструкции с учетом собственных интересов и потребностей. Такое «вольное право» членов ДНД давало им возможность относительно других граждан осознавать свою приближенность к власти, которая с ними якобы отождествлялась, и требовать, с учетом этого обстоятельства, послушания по отношению к ним и их намерениям исключительно по этой причине. Пропагандируемый тезис о том, что «главное в работе ДНД-профилактика и предупреждение» оказался очередной советской фикцией, на практике сменяемый преобладанием карательных мер к лицам, действия которых по тем или иным причинам не укладывались в

придуманые и растиражированные властью рамки советского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 22.
2. ГАНИНО. Ф. 260.
3. Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. Р. - 248.
4. ГАО. Ф. Р. - 3686.
5. Коммунистическое воспитание. Словарь. М., 1984.
6. Программа КПСС. М., 1977.

O. Rybalka

VPOS – EDUCATOR OF «THE NEW SOVIET PERSON» (FOR EXAMPLE NOVGOROD AND REGION)

Abstract. This article discusses activity of volunteer public order squad (VPOS) protection of a public order Novgorod and area on education of «the new Soviet person». The article characterizes most is artificial created type of the person. The assessments on the analysis often forms applied by national teams and an expert of job with the population.

Key words: volunteer public order squad, Novgorod, «new Soviet person», USSR, protection of a public order, upbringing, persuasion, compulsion.

УДК 930

Климантова Ю.К.

ТОРГОВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В 1970-1980 гг. (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)*

Аннотация. Торговое обслуживание сельских жителей является отраслью социальной сферы села. В 1970-80 гг. в Оренбуржье торговля продовольственными и промышленными товарами находилась на низком уровне. Однако потребительской кооперации не удалось покончить с перебоями в продаже товаров достаточного ассортимента, оперативно устранить ошибки в планировании товарных фондов, слабо изучался спрос населения.

Ключевые слова: торговое обслуживание, сельская местность, неудовлетворительное снабжение товарами, нарушение правил торговли.

Во второй половине XX в. в социально-экономической сфере села происходили серьезные изменения. В рамках плановой социалистической системы хозяйствования, основанной на государственном регулировании, развитие социальной сферы села являлось неотъемлемой частью проводимой аграрной политики. Это предполагало создание необходимых условий для жизнеобеспечения сельского населения, реализацию комплекса мер по расширению в сельской местности сети учреждений здравоохранения, торговли, бытового обслуживания, культуры и образования, и, соответственно, по улучшению организации и развитию медицинского, торгового, бытового, культурного обслуживания сельских жителей.

* © Климантова Ю.К.

В представленном исследовании предлагается рассмотреть состояние торгового обслуживания сельского населения Оренбуржья, проанализировать причины неудовлетворительного снабжения сельских жителей продовольственными и промышленными товарами.

Оренбургская область – одна из самых «сельскохозяйственных» территорий на Южном Урале, находившаяся на первом месте по сельскохозяйственной освоенности земель, общей численности сельского населения (на протяжении рассматриваемого периода времени составлявшей от 52 до 45% от общей численности населения).

На уровень торгового обслуживания и эффективность торговли влияли следующие факторы: тип населенного пункта, покупательные фонды, транспортные условия, развитие материально-технической базы торговли, специфика труда сельских жителей. Важную роль в организации торгового обслуживания сельского населения играла потребительская организация, главная функция которой состояла в снабжении сельского населения необходимыми товарами, подготовке в кооперативных учебных заведениях специалистов торговли, в создании в каждом сельском районе хорошо отлаженной системы торгового обслуживания.

В 1970-80 гг. состояние торгового обслуживания на селе характеризовалось рядом недостатков и негативных явлений. Одним из таких явлений являлось несоблюдение ассортиментного минимума магазинами – перечня товарных позиций, которые должны постоянно присутствовать в конкретном магазине в любой период времени вне зависимости от сезона, наличие дефицита по этим товарам было недопустимо. Для продовольственных магазинов в соответствии с их специализацией – это хлеб и хлебобулочные изделия, соль, сахар, чай, мясо, молоко, кисломолочные продукты, крупа, макаронные изделия, табачные изделия, картофель, капуста, свекла, морковь, лук. Для универсальных и специализированных магазинов, отделов непродовольственных товаров (в соответствии с их специализацией) – это мыло хозяйственное и туалетное, синтетические моющие средства, зубная паста, зубные щетки, лезвия для бриты, ученические тетради, авторучки шариковые и перьевые, карандаши черные и цветные, электролампы 40 и 60 Вт, швейные иглы и нитки, мужское и женское нижнее белье, постельное белье. Однако при проверках соблюдения данного ассортиментного перечня

во многих сельских магазинах Оренбургской области были выявлены многочисленные нарушения [1].

Основные группы продовольственных товаров, в том числе и хлеб, доставлялись в сельские магазины в соответствии с ассортиментными перечнями. Вместе с тем в 1973 г. потребительская кооперация в среднем продала на душу населения хлебобулочных изделий на 17,71 руб., однако в разрезе районов области разрыв составил от более чем 20 руб. (в Октябрьском и Ташлинском районах), до 7-9 руб. (в Северном, Пономаревском районах) [2]. Проверками, проведенными в 1980 г. работниками госторгинспекции, были установлены многочисленные факты отсутствия в продаже хлеба [3].

Неоднократно были зафиксированы случаи отсутствия в сельских магазинах таких продовольственных товаров, как подсолнечное масло, маргариновая продукция, кондитерские изделия, сухофрукты, жиры, открытая карамель, соль, печенье, халва, пряники, макаронные изделия, сыр плавленый, рожки, сухари [4].

Помимо главного организатора сельской торговли – Оренбургского Облпотребсоюза, поставка продовольственных товаров сельскому населению шла через базы Министерства торговли, которые также неудовлетворительно и несвоевременно поставляли товары. Например, Оренбургская контора «Росбакалея» часто нарушала сроки при поставке товаров, не придерживаясь месячных норм. Халва, чай натуральный и другие товары поставлялись, как правило, один раз в квартал и нередко в последние месяцы. Оренбургский кондитерско-булочный комбинат допускал случаи завоза в кооперативные организации недоброкачественных товаров [5].

Таким образом, рассмотрев на конкретных примерах состояние торговли продовольственными товарами в сельской местности, можно сделать вывод, что недостаточный контроль за соблюдением договоров поставок, ассортиментом, качеством поступавших в розничную торговую сеть продовольственных товаров нередко порождали нехватку товаров первой необходимости, таких, как хлеб, макаронные изделия, подсолнечное масло и других.

В торговле промышленными товарами наиболее остро стояли следующие вопросы: частые перебои в торговле товарами, имевшихся на базах и складах, несоблюдение ростового ассортимента, систематическое невыполнение многими промышленными пред-

приятия своих договорных обязательств по поставке товаров, просчеты в заказах и др. [6].

Нередко в сельских магазинах потребительской кооперации отсутствовали в продаже многие малогабаритные товары: галантерея, парфюмерно-косметические товары, нитки, школьно-письменные и канцелярские принадлежности, игрушки, имевшиеся на складах баз [7]. Например, в Красногвардейском, Бежеевском, Грачевском, Акбулакском не было в продаже алюминиевых ложек, вилок, электролампочек и многих других товаров, которые в избытке имелись на складах межрайбаз. В хозяйственном магазине села Александровское Саракташского района из 95 наименований товаров по ассортиментному минимуму при проверке не оказалось в продаже 58, в том числе ведер оцинкованных, оконного стекла, олифы, красок, гвоздей и других товаров [8]. Аналогичные ситуации наблюдались и в других сельских магазинах на протяжении рассматриваемого периода [9].

Большие претензии к работе потребительской кооперации в 1970-х гг. были к несоблюдению ростового ассортимента. Например, в магазине Акбулакского райпотребсоюза в продаже были костюмы мужские только 50 размера, был очень мал ассортимент чулочно-носочных изделий [10]. А в Адамовском, Александровском, Матвеевском и других районах одежда, обувь, трикотажные изделия, культтовары были разбросаны по мелким магазинам, но ни в одном из них не было полного и устойчивого ассортимента [11].

Нередко отсутствие промышленных товаров в сельских магазинах было вызвано ошибками в составлении заказов, их несвоевременном заполнении. Например, Соль-Илецкий райпотребсоюз ежегодно продавал женских пальто на 70-75 тыс. руб., а на 1973 г. заказал только на 10 тыс. руб. А в Новоорском районе заявки на отдельные промышленные товары работниками составлялись некачественно, без учета спроса населения. Акбулакское, Шарлыкское и другие райпо не избежали подобных ошибок в составлении заказов необходимых промышленных товаров [12].

В книжной торговле также имелись факты неудовлетворительной организации заказов. Отдел книжной торговли Облпотребсоюза не учитывал заказов с мест, в свою очередь, от райпотребсоюзов заказы почти не поступали [13].

Одним из решения проблемы улучшения торгового обслуживания сельского населения являлось внедрение магазинов или отделов самообслуживания (там, где это было экономически целесообразно). Неоднократно обсуждалось внедрение прогрессивных методов торговли на собраниях Облпотребсоюза, отмечалось, что, находясь в одинаковых условиях, одни райпотребсоюзы активно внедряли самообслуживание, а другие проявляли явный консерватизм. Например, в 1975 г. в Соль-Илецком райпотребсоюзе из 119 магазинов на самообслуживание были переведены 30 или 25,2% их общего числа, в Гайском райпо из 69 – только 8 или 11,6%, не было открыто за год ни одного магазина самообслуживания в Грачевском и Тоцком районах, хотя преимущество самообслуживания было доказано: время на покупку товаров сокращалось, на 15-20% увеличивался товарооборот, повышалась культура обслуживания [14].

Кроме того, одним из тормозов внедрения самообслуживания являлось то, что промышленность недостаточно поставляла в торговую сеть сыпучих продовольственных товаров в мелкой расфасовке. Установленные планы расфасовки товаров по межрайбазам, райпотребсоюзам и райпо регулярно не выполнялись [15].

Серьезные недостатки в организации торговли и обслуживании сельского населения являлись следствием слабо поставленной работы по подбору, расстановке торговых кадров. Например, в Тоцком, Красногвардейском районах большинство работников сферы обслуживания имели низкую квалификацию, в то же время планы профессиональной подготовки постоянно не выполнялись [16].

Безответственное отношение со стороны отдельных руководителей потребительских обществ к своим служебным обязанностям приводило к частым перебоям в торговле достаточными товарами. По вине председателей райпотребсоюзов и райпо в торгующих организациях допускались просчеты при определении потребности в отдельных видах товаров, а заявки зачастую составлялись без необходимых экономических обоснований [17].

Не были изжиты случаи нарушения правил торговли – частое закрытие магазинов из-за несоблюдения элементарных требований трудовой дисциплины и установленного режима работы торговых предприятий, случаи приписок объема товарооборота торгующими организациями области (данные факты были установлены в Асекеевском, Са-

кмарском, Домбаровском, Адамовском, Бузулукском райпо), грубое и неуважительное отношение к покупателям, обман, припрятывание дефицитных товаров для самоснабжения торговых работников, случаи хищений, растраты [18].

Оренбургское областное управление Госторгинспекции неоднократно устанавливало на предприятиях торговли массовые случаи нарушения порядка пользования весоизмерительными приборами, когда значительное количество приборов в пользовании находилось неклеяемыми, использовались заменители гирь (кирпич, галька, куски железа и т.д.) [19].

Одним из резервов улучшения торгового обслуживания сельского населения, особенно в глубинных малонаселенных пунктах в 1970-80 гг., являлась четкая организация развозной или передвижной торговли [20]. Использование автолавок способствовало увеличению товарооборота и повышению культуры обслуживания сельского населения, в первую очередь — работавших в поле, на животноводческих фермах и выпасах, а также жителей мелких населенных пунктов, не имевших стационарной торговой сети. Однако в ряде райпотребсоюзов и райпо автолавки использовались плохо и давали незначительный товарооборот [21]. В Илекском райпо автолавки использовались на перевозке товаров, как грузовые автомобили, естественно, все это время населенные пункты, закрепленные за этими автолавками, не обслуживались, а это значит, что многие товары, находившиеся в достатке на складах и базах, не могли быть завезены в магазины [22].

В течение 1970-80 гг. не везде была налажена продуманная система завоза товаров, централизованная доставка их непосредственно в магазины [23]. Централизованная доставка товаров устраняла излишние звенья на путях товаропродвижения, позволяла более эффективно использовать автотранспорт и являлась одним из средств предупреждения перебоев в торговле достаточными товарами. Без решения вопроса центрального завоза невозможно представить своевременное снабжение товарами розничной торговой сети, а следовательно, и качественное торговое обслуживание жителей села.

Проблема централизованного завоза товаров очень тесно была связана с проблемой обеспечения предприятий торговли автотранспортом и в целом с развитием дорожно-транспортной сети области. Однако транспортная сеть Оренбуржья была развита

неравномерно (особенно в восточных районах области). Автомобильные дороги с твердым покрытием составляли всего лишь 10% общего протяжения автодорожной сети [24]. К 1980 г. положение улучшилось: удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием составлял 72,6%. Однако из 34 районов области 3 не имели с городом Оренбургом и основной сетью надежной транспортной связи. 125 центральных усадеб колхозов и совхозов не имели связи с областным центром, районными и магистральными дорогами [25].

Рассмотрев комплекс проблем, связанных с недостатками в торговом обслуживании сельского населения Оренбургской области в 1970-80 гг., можно сделать вывод о том, что правления Облпотребсоюза, райпотребсоюзов и райпо неудовлетворительно организовывали маневрирование товарными ресурсами, слабо изучали спрос населения, допускали просчеты в заказах на товары, зачастую организаторская работа на местах подменялась администрированием; кооперативным организациям и предприятиям не удалось покончить с перебоями в продаже товаров достаточного ассортимента, оперативно устранить ошибки в планировании товарных фондов, их завозе и размещении, оптовое звено потребительской кооперации Оренбургской области в 1970-1980 гг., представленное в основном межрайонными базами, неудовлетворительно изучало спрос населения, что вело к перебоям в поставках товаров в розничные предприятия, ошибкам в организации работы автотранспорта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Оренбургской области (далее: ГАОО). Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2467. Л. 7; Д. 2558. Л. 32; Д. 2982. Л. 7; Д. 3012. Л. 5.
2. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2796. Л. 20, 21.
3. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 3267. Л. 52.
4. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2700. Л. 25; Д. 2758. Л. 28; Д. 2796. Л. 19; Д. 3008. Л. 31; Д. 3012. Л. 9.
5. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2700. Л. 40, 41.
6. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее: ЦДНННО). Ф. 371. Оп. 42. Д. 42. Л. 71; Оп. 44. Д. 2. Л. 5; Оп. 46. Д. 19. Л. 102; Оп. 78. Д. 76. Л. 12.
7. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2558. Л. 47.
8. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2700. Л. 25.
9. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2794. Л. 86; ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 44. Д. 2. Л. 18; Оп. 48. Д. 35. Л. 134; Оп. 70. Д. 4. Л. 9; Сишков Н. Для тех, кто в поле // Южный Урал. 1973. 12 июня.
10. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2560. Л. 12.
11. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2796. Л. 23.
12. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2700. Л. 35; Д.

2988. Л. 23; ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 66. Д. 120.
Л. 4; Оп. 75. Д. 99. Л. 6.
13. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 44. Д. 106. Л. 59, 60.
14. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2558. Л. 36, 37; Д.
2796. Л. 23, 24; ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 42. Д.
42. Л. 71; Оп. 44. Д. 2. Л. 62.
15. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2558. Л. 49, 50.
16. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 42. Д. 42. Л. 72; Оп. 46.
Д. 19. Л. 102.
17. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 44. Д. 2. Л. 18.
18. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2796. Л. 18, 55;
Д. 3007. Л. 21; Д. 3267. Л. 50, 52; ЦДНННН.
Ф. 371. Оп. 44. Д. 32. Л. 126; Оп. 72. Д. 35. Л.
144; Оп. 78. Д. 43. Л. 203; Судаков Е. Магазин
закрыт // Южный Урал. 1972. 22 июля.
19. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2796. Л. 35; ЦДНННН.
Ф. 371. Оп. 42. Д. 1. Л. 9; Д. 37. Л. 74; Оп.
44. Д. 2. Л. 5.
20. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 44. Д. 2. Л. 62.
21. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2988. Л. 13, 30.
22. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2558. Л. 46, 48.
23. ГАОО. Ф. Р- 1182. Оп. 3. Д. 2467. Л. 7; Д. 2796.

- Л. 17, 34; Д. 2988. Л. 30, Д. 3008. Л. 27.
24. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 42. Д. 69. Л. 71.
25. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 72. Д. 180. Л. 51, 53.

Y. Klimantova

THE TRADE SERVICE OF VILLAGERS
IN 1970-1980 YEARS (FOR EXAMPLE THE
ORENBURG REGION)

Abstract. The trade service of villagers it is industry of social sphere. In 1970-80 years in the Orenburg region trading in food and industrial goods was found in the down level. However the consumer co-operation was not succeeded to do away with interruptions on sale of the convenience goods, to remove errors in planning of funds of commodities operatively, demand of the population was poorly studied.

Key words: trade service, rural locality, unsatisfactory providing with goods, breaking trade rules.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира

Николаева Н.А.

УДК 903

О КУЛЬТЕ ВЕЛИКОЙ БОГИНИ В РЕЛИГИИ ИНДОИРАНЦЕВ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ*

*К 75-летию со дня рождения
выдающегося археолога, историка,
профессора МГОУ
Владимира Александровича Сафронова*

Аннотация. В статье обсуждается семантика так называемых «костяных молоточковидных булавок». Их находят в погребениях древнеямной и кубано-днепровской культур, а также в раннекатакомбных могилах этих культур бронзового века. Эти культуры рассматриваются автором как археологический эквивалент индоиранцев. На основании находки в катакомбе Чограй VI к.3 п.3 (Предкавказье) «алтаря», в центре которого стояла большая орнаментированная «булавка», а по сторонам бляхи и маленькие «булавки», подобные предметы трактуются автором как вариант иконографии Великой богини, богини возрождения. Это позволяет подтвердить существование культа Великой богини в религии индоиранцев данными археологии, что является еще одним доказательством в пользу происхождения древнеямной культуры от праиндоевропейских культур – культуры воронковидных кубаков и культуры Лендзел согласно концепции В.А.Сафронова о позднеиндоевропейской и индоиранской прародине в Центральной Европе.

Ключевые слова: костяные молоточковидные булавки, раннекатакомбный горизонт, 3/2 тыс. до н.э., бронзовый век, Великая богиня, индоевропейские миграции, индоиранцы.

С начала прошлого столетия внимание исследователей было обращено на категорию предметов бронзового века из подкурганых погребений юга России, известных под именем «молоточковидные булавки». Однако

свод этих булавок был впервые опубликован значительно позже, 35 лет тому назад [8]. В свод вошли не только костяные и роговые, но и металлические булавки. Всего было рассмотрено 84 булавки. В монографии Б.А. Латынина были обозначены все проблемы, которые связаны с молоточковидными булавками к тому времени, дана критическая оценка ряда работ по происхождению, культурной атрибуции и датировке этой категории предметов. К этим работам позже уже практически никто не возвращался, однако чтение этой монографии дает представление об острых и непримиримых дискуссиях того времени, в частности о возможности (или невозможности) генезиса катакомбной из ямной культуры. В своих выводах Б.А. Латынин подчеркивает, что костяные молоточковидные булавки вместе с устойчивым комплексом подвесок из зубов животных и бронзовых слабо выпуклых блях с пуансонным орнаментом относятся к древнеямной культуре, причем не обязательно к поздней ее фазе. Исследователь отрицает принадлежность костяных молоточковидных булавок к катакомбной культуре, даже если их находят в катакомбах, поскольку катакомба, по мнению Б.А. Латынина, – не ведущий признак археологической культуры [8, 40].

Хотя исследователем выделено 6 типов булавок: I — III типы – металлические булавки с одной и тремя парами молоточков, IV — VI типы – костяные [8, 87, рис. 66], реальных типов рассматриваемой категории только три. Это булавка с коническим стержнем, с цилиндрическим и веретенообразным стерж-

* © Николаева Н.А.

нем (со вспученностью на середине стержня).

В 1973-1975 годах мы обратились к классификации булавок, чтобы доказать «древнеямные» корни обряда раннекатакомбных погребений Калмыкии с молоточковидными булавками. В отличие от всех других классификаций, появившихся до и после наших работ, мы рассматривали только костяные/роговые булавки, *исключая стержневидные, посоховидные*, даже если они и синхронны части молоточковидных булавок. В основу классификации были положены метрические признаки, исключающие субъективность исследователя. Классификация показала, что в Причерноморье и в Предкавказье на раннем этапе существовал общий тип (цилиндрический длинный стержень и большое навершие) (рис. 3 и 4) Однако эволюция булавок в Причерноморье идет в сторону укорочения стержня и деградации формы (рис. 4), а в Предкавказье – в сторону развития вспученности на стержне и уменьшении головки на булавах раннекатакомбного времени (18, 42–47; 9, 11–17)¹ (рис.3).

Существует две диаметрально противоположные точки зрения о связи катакомбной культуры с древнеямной. Согласно первой (Л.С. Клейн, 1968), отрицается какая-либо связь между катакомбной и ямной культурами. Согласно другому мнению, ямная и катакомбная культуры связаны генетически (О.А. Кривцова-Гракова и Т.Б. Попова, 1953; О.Г. Шапошникова и С.Н. Братченко, 1972; И.В. Сеницын 1966) [3; 9; 18]. После того, как В.А. Сафронов выдвинул предположение, что катакомбы с ямным обрядом – древнеямники (III группа погребений Предкавказья) а катакомбы с вытянутым обрядом – «северокавказцы» [19; 7], стало ясно, что нужны другие подходы при определении генезиса катакомбного памятника. Проблема культурной атрибуции раннекатакомбных погребений по древнему обряду может быть поставлена и по-другому после ряда работ [15, 153 и сл.; 16; 17, 4 — 26; 7]. Катакомбные культуры Восточной Европы, кроме донецкой, формировались как смешение новой формы погребального сооружения – катакомбы, и местного субстрата (культуры раннебронзового века). Появление катакомбы не изменило состава населения, поэтому скорченные на спине погребения в катакомбе следует рассматривать как древнеямное население, воспринявшее новую форму могилы, и считать их древнеямниками и праиранцами [20].

После того, как более дифференцированно стали рассматривать памятники эне-

олита и раннего бронзового века в Северном Причерноморье [3], стало возможным более точно определить культурную атрибуцию погребений на боку в скорченном положении с булавками. Последние были отнесены в Причерноморье и Прикубанье к культуре с повозками, обряд погребения которой был близок к древнеямному (скорченно на спине с поворотом на бок). Этот обряд был отделен нами от классического «древнеямного». По этим признакам мы выделили в 1979 — 1980 году новую культуру, назвав ее *кубано-днепровской* по имени двух крупных анклавов этой культуры. Лингвистическая атрибуция этого культурного массива была определена нами как индоарийская [11; 20; 13; 14], поскольку ареал индоарийской топонимики от Трансильвании до Западного Приазовья совпал с ареалом кубано-днепровской культуры. Археологическим эквивалентом праиранцам стала древнеямная культура, уже более обоснованно, на базе новых данных лингвистики [20].

После того, как А.Н. Геом в Западном Приазовье [4] было установлено, что в погребениях кубано-днепровской культуры (новотитаровского варианта) найдено большое число костяных молоточковидных булавок (32 экз. из 21 новотитаровского комплекса и 6 экз. из раннекатакомбных погребений), стало понятно, что «костяные молоточковидные булавки» – это не только праиранский, но и индоарийский, а следовательно, и индоиранский атрибут. Индоиранской является и кубано-днепровская, и древнеямная культуры.

Новые полевые исследования в Предкавказье укрепили наши выводы и добавили новые наблюдения относительно положения молоточковидных булавок в могилах [1; 4; 7; 24].

В 1986 году при раскопках курганов в зоне Чограйского водохранилища в Калмыкии мы обнаружили катакомбу, где был захоронен скорченный на спине подросток, ориентированный головой на восток. Его сопровождал уже известный в археологической литературе комплекс вещей: большая молоточковидная орнаментированная булавка из рога оленя длиной 12,5 см, четыре костяных булавки с плоским навершием и прямым стержнем длиной 7 см, две прямоугольные бронзовые пластины размером 3 x 2,5 см, трубчатые костяные «пронизки» длиной от 1,5 до 3 см, а также браслеты из зубов ската (рис.1)².

Особый интерес представляло взаиморасположение булавок и пластин. Они нахо-

дились посередине *между южной стенкой камеры и левым локтем* погребенного, на расстоянии 15 см от него (рис. 2). Большая булавка находилась в центре и была вкопана в землю до линии орнамента. Бронзовые пластины стояли по обеим сторонам булавки как заградительные щиты. К этим «щитам» примыкали маленькие булавки, скрепленные по две (рис. 2).

Орнамент на булавке состоял из ломаных линий, заштрихованных горизонтальными отрезками, внизу декоративный фриз оконтуривался четырьмя полосками с косой штриховкой. Пластины были пробиты по периметру двумя рядами отверстий, сделанных пуансонным штампом. Диагонали были пробиты тройными рядами пуансонного штампа и образовывали крест (рис. 1).

Рассматриваемая булавка относилась к III типу молоточковидных булавок (рис. 3), согласно нашей классификации костяных/роговых молоточковидных булавок [18, 42-47; 9, 11-17]. Дата ее по традиционной некалиброванной шкале – начало II тыс. до н.э.³

Эта находка стала первой и пока единственной в памятниках этого типа. Ее уникальность заключается в том, что зафиксировано первоначальное положение всех элементов композиции, и это позволяет сделать ряд предположений о функциональном назначении всей композиции, а также о культово-религиозной семантике так называемых «костяных молоточковидных булавок».

Праиранская атрибуция *древнеямных* памятников с булавками (I группа, по Сафронову [18]) позволяет считать, что раннекатакомбные погребения на спине в скорченном положении по обряду I группы (III группа по Сафронову) также являются праиранскими. [20, 190-205; 13, 3-26], проблема семантики молоточковидных булавок оказывается частью проблемы реконструкции погребального культа не только праиранцев и индоариев, но и индоиранцев, по данным археологии.

А.Н. Геом было показано, что булавки в новотиторовских могилах лежат чаще *у локтя правой руки, у предплечья* [4, 164]. А булавки в древнеямных и раннекатакомбных погребениях лежат *у левого локтя* [24, 101, 103].

А.Н. Геом, и Н.И. Шишлиной было установлено частичное закапывание молоточковидных булавок в землю [4, 164; 24, 103]. А.Н. Гей отмечает осмысленность позиционирования предметов комплекса: «В одном случае наиболее ярком комплексе булавка была воткнута в дно могилы (Тимашевский

курган, погребение 30). Очевидно, это не случайно. Со временем, может быть, разное положение булавок будет связано с полом погребенного» [4, 164]. Н.И. Шишлина считает булавки аксессуарами, украшениями [24, 99]⁴. Таким образом, отмечено три случая, вместе с нашим, вкапывания в землю больших костяных молоточковидных булавок. По моему мнению, таких случаев должно быть больше, но разрушение могилы изменяло первоначальное положение предметов. Булавки сопровождаются определенным набором предметов. А.Н. Геом анализируется набор предметов, который сопровождает костяную молоточковидную булавку в погребениях кубано-днепровской культуры. Главные из них – бляхи, которые были найдены в 24 погребениях (49 штук) в комплексе с бусами, зубами ископаемой рыбы, с костяными и металлическими пронизями и с булавками. В 12 погребениях отмечены бляхи + костяные булавки, а в двух катакомбных погребениях встречены бляхи+металлические булавки. Все бляхи – слабо выпуклые и представлены двумя типами: круглые и прямоугольные. Бляхи располагались недалеко от булавки. Бляхи часто парные, редко одиночные, но фиксируются и наборы по от трех до семи блях. Однако с одной булавкой всегда связана только пара блях. Орнамент на булавках составляют крестообразные и радиально-лучевые линии. Прямоугольная форма блях опровергает мнение, что они служат солярными символами [4, 163]. Бляхи прямоугольной формы характерны для Прикубанья, а круглые – для Восточного Предкавказья. Это говорит, по мнению Гей, что в Прикубанье, где локализуются погребения кубано-днепровской культуры, был центр изготовления прямоугольных блях с пуансонным орнаментом.

Следует упомянуть и другую композицию, которая встречается в погребениях с булавками начала среднебронзового века в Центральном Предкавказье и в Северном Причерноморье. Она составлена большой молоточковидной булавкой в центре ожерелья, помещаемого на груди. С двух сторон от булавки всегда находились две бляхи с пуансонным орнаментом, а далее располагались зубы хищных животных или зубы ископаемой рыбы. Иногда в ожерелье включались и подвески из расщепленного клыка кабана [23, 47]. *Совершенно ясно, что подобная композиция – не просто украшение, а схема макрокосма.*

Поскольку индоиранцы – часть индоевропейской общности, а во всех археологи-

ческих культурах праиндоевропейской атрибуции есть женские статуэтки, трактуемые как изображение Великой богини, то можно предположить, что костяные молоточковидные булавки – это репрезентация аналогичного божества, о содержании культа которого позволяет судить их окружение (сочетание булавок разного типа и размера, пластин круглых или прямоугольных с пуансонным орнаментом, а также наборов подвесок из зубов животных).

Уникальную композицию этих предметов мы и наблюдаем в катакомбном погребении Чограй VI к.3, п.3. Попытаемся дать сильную интерпретацию этих фактов. В этой композиции центральное и главенствующее положение большой молоточковидной булавки, вкопанной в землю, подчеркивается меньшими размерами других булавок и местом их расположения. Скрещенные маленькие, небрежно сделанные булавки, опирающиеся на бронзовые пластины, играют подчиненную роль по отношению главной фигуры, роль ее свиты, ее хранителей. Прямоугольные пластины соизмеримы с размерами маленьких булавок и могут быть интерпретированы как щиты свиты божества. Если этим божеством является Великая богиня, то ее свиту можно назвать «корибантами и куретами», которые также имели щиты, согласно мифу. Сочетание булавок с бронзовыми пластинами, закрывающими большую булавку с двух сторон, создает впечатление охранительной функции маленьких булавок. В качестве ассоциативной аналогии можно привести композицию из гальштатского могильника Штретвег в Австрии – фигуру богини на повозке, окруженную воинами со щитами [2, 192, таблица].

Качество изготовления больших булавок, материал, тщательная обработка свидетельствуют об особом статусе изображаемой фигуры. Штриховка, комбинации узоров на булавке – это или одеяние, или атрибуты божества. Подобные орнаментальные композиции (штрихованные зигзаги, треугольники, ромбы и шахматное расположение этих элементов) встречаются и на одежде Критской богини, и на мегалитических стелах-менгирах, и на Т-образных идолах Ахейской Греции, на идолах культуры полей погребений 13 в. до н.э. [5, 327, рис.7 – 120].

Можно ответить утвердительно на вопрос о том, антропоморфно ли изображаемое божество, поскольку анализ формы молоточковидных булавок показывает, что у некоторых экземпляров между «молоточками»

навершия есть выступ, который похож на «головную часть» антропоморфных стел в кеми-обинских, кубано-днепровских и древнеямных погребениях Северного Причерноморья [3; 23, 143 и сл., рис. 60 – 72]. С другой стороны, глиняная пластика, изображающая Великую Богиню, в памятниках Триполья показывает, что руки женских фигур оформлены как небольшие выступы, образующие Т-образную конструкцию с туловом [5, рис. 7 – 82, 85, 88, 89]. Они аналогичны Т-образным молоточковидным булавам, где молоточковидные окончания навершия булавок – это руки, а вся фигура трипольских статуэток, расширяющаяся к бедрам, аналогична стержню булавки, плавно расширяющемуся к центру [5, 304, рис.7-88]. И в трипольских идолах, и в молоточковидных булавах ноги соединены и заострены на конце.

Итак, в центре «алтаря», в катакомбе Чограя 3/3 было единственное главное божество, и им является, скорее всего, Великая богиня, основное божество для праиндоевропейцев культуры Винча и культур винчанского круга – Кукутени-Триполье, Гумельницы и культуры Лендьел. Поскольку керамика ранней древнеямной культуры – это синтез традиций керамики культуры воронковидных кубков, позднего Лендьела и раннего Болераз-Бадена (двух позднеиндоевропейских пракультур), то следует ожидать, что рассматриваемые «костяные молоточковидные булавки» – это форма изображения этого главного божества и у индоиранцев, сложившихся в Центральной Европе из разных групп индоевропейского населения, материализованного в этих культурах.

О содержании мистерий Великой богини мы узнаем из данных античных источников, мифов семитов и египтян, восходящих к ностратической эпохе [10, 156 сл., 177; 21], из материалов археологических памятников (скульптура Хаджилара, Чатал Гуюка Хассуны, Самары, Убейда [21, рис. 11, 13, 16, 18, 23, 29]. Основное предназначение Великой богини – создание и управление Вселенной в форме постоянного возрождения жизни, поэтому в археологическом комплексе мы наблюдаем сначала просто клыки и резцы животных, которые символически изображают животный мир. Впоследствии этот набор был воспроизведен в металле и был расширен: появляются изображения колоса, солярные знаки и символы, изображение змей и фаллические окончания навершия булавок, другими словами, символы плодородия.

Вероятно, именно с целью возрождения

идолы Великой богини помещались в погребения. Так, трипольские статуэтки присутствуют в погребениях № 12, 13, 52 Выхватинского могильника и ряда других. Выхватинцы – могильник трипольской культуры, археологического эквивалента анатолийской лингвистической общности: [6, рис. 8, 10, 12, 15, 16]. Эта же Великая богиня, изображение которой стилизовано в молоточковидной булавке, сопровождало индоиранцев, индоариев, праиранцев в их странствовании «дорогой предков».

С высоким статусом божества, представленного молоточковидными идолами, согласуется помещение обломков булавок в погребения. Не противоречит этому и отверстие, которое свидетельствует о ношении «булавки» при жизни и помещении ее в могилу после смерти. Обычай прижизненного ношения символического изображения Бога и помещение его в могилу сохраняется, например, у христиан и по настоящее время.

Сочетание в одних комплексах булавок и так называемых «моделей повозок» с люльками позволяет поставить вопрос об ином назначении этих моделей. Достаточно вспомнить глиняные «алтари» на ножках в культуре Гумельница–Караново VI, Триполья [22, рис. 63], где восседают и возлежат богини [22, рис. 65], а также модель повозки или дома из Телля Коджадермен [22, рис. 62] (рис. 5) с такими же большими круглыми отверстиями, которые мы видим в «модели повозки» из Чограя 8 З/3 [1, рис. 4-I-4]. В любом случае, модель ли храма, модель ли священной повозки мы видим в раннекатакомбных погребениях, ясно, что эта модель – религиозная символика, а не форма замены нужного в хозяйстве транспортного средства.

Наша гипотеза отвечает назревшему желанию многих исследователей привязать костяные молоточковидные булавки к предметам с религиозной символикой. Определенная близость булавок этого типа с трипольскими идолами понятна в свете факта миграций древнеямных племен (индоиранцев) через территорию, занятую трипольской культурой, и сосуществованию с ней. Не надо забывать и то, что в культуре Гумельница–Коджадермен–Караново VI, синхронной Триполью V1/V2, найдены и прямые аналогии костяным булавам с плоским навершием [21, рис. 60] (рис. 6). В этот же период в Северной Молдавии (Думяны 15/4) появляются древнейшие курганы Восточной Европы с захоронениями по древнеямному обряду [20, 201].

Семантика костяных молоточковид-

ных булавок, как стилизованного изображения Великой богини, имеет и более глубокое следствие. Так называемые курганные, по М. Гимбутас, культуры (древнеямная, кубано-днепровская, раннекатакомбная), противопоставляемые ею [5, 393–407] земледельческому миру Древней Европы, являются производными от этих цивилизаций, производными от праиндоевропейских культур – культуры воронковидных кубков, Лендьял и Винчи не только по материальному комплексу [20], но и по идеологическим воззрениям, что является дополнительным аргументом в пользу концепции индоевропейских прародин В.А. Сафронова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нами было выделено [9; 18] три основных типа молоточковидных булавок: 1 тип – булавки с прямым цилиндрическим стержнем с орнаментом и без него, встречаемые в древнеямных погребениях; 2 тип (причерноморский) – конические булавки неорнаментированные; встречаемые с скорченными на спине и на боку захоронениями; 3 тип – булавки с линзовидным (или что то же – сигаровидным или веретенообразным) стержнем и всегда орнаментированные; встречается только в катакомбах III типа, по Сафронову. Мы показали, что тип 1 булавок имеет иногда орнамент в виде горизонтальных линий, параллельных линии навершия, или орнамент полосками с косой штриховкой. Тип 3 всегда орнаментировался косыми линиями с горизонтальной штриховкой. Более сложные композиции были нам не известны.
2. Николаева Н.А. Отчет о раскопках курганов в зоне орошаемого участка совхоза «Чограйский» (600 га) Калмыцкой АССР в 1986 году. Хранится в Архиве ИА РАН. № Р-1 11627. С. 48-59, табл. 80-97. Инвентарь курганов был передан в археологическую лабораторию Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики при Совмине Калмыцкой АССР (директор КНИИФЭ – П.Ц. Биткеев; начальник лаборатории – Е.В. Цуцкин; начальник археологической экспедиции – к.и.н. В.А. Сафронов; руководитель отряда – Н.А. Николаева). Было раскопано 2 группы курганов. В группе 6 было раскопано 7 курганов. Курган 3 содержал 6 погребений, в том числе и описываемую катакомбу. Курган представлял собой насыпь на небольшом холме. Диаметр – 11 м; высота 0,39 – 0,51 м. Все погребения были впущены по центру и наложались друг на друга. Требовалась тщательная ручная разборка. Основным погребением было погребение 3 в катакомбе (выкид законсервирован насыпью). Первым впускным было погребение 2 (в катакомбе, скорченно на спине, головой на юг, без инвентаря). Вторым впускным было погребение 6 (в катакомбе скорченно на спине с отклонением на левый бок; инвен-

тарь – 2 булавки с линзовидным стержнем длиной 12 и 10 см., орнаментированные; булавка с плоским навершием с 4-мя выступами длиной 12 см.; изогнутая орнаментированная булавка со шляпкой длиной 9,4 см). Последующие впускные – погребения в катакомбе 3/1, 3/4 (VI группа по В.А. Сафронову [18]), катакомба 3/5 (в катакомбе с сильно скорченным скелетом, руки перед лицом, В, фрагмент черного сосуда со шнуровым орнаментом). Погребения 3/2, 3/3, 3/6 относятся к III группе, по классификации В.А. Сафронова [18]).

3. После выхода нашей работы 1975 года [9] к булавкам вновь и вновь обращались другие исследователи, которые также обнаруживали их при раскопках [24; 4]. Одни считали, что наша классификация дает обобщенные типы, не учитывает размер навершия [23], другие полагали, что к неспециализированному производству нельзя применять метрические признаки [4]. Третьи просто ограничивались кратким и непонятным определением: «классификация не корректна» [24]. Однако несмотря на то, что источниковая база по булавкам возросла более чем в три раза, выводы исследователей по типологии булавок не изменились сравнительно с нашими. Так, А.Н. Геом выделено 6 вариантов формы: 1 – с цилиндрическим стержнем и правильной молоточковидной головкой; 2 – с цилиндрическим стержнем и неправильным деградированным навершием; 3 – с веретенообразным и правильным молоточком; 4 – с веретенообразным и маленьким молоточком; 5 – гвоздевидные; 6 – стержневидные. Однако только тип 1 и тип 4 соответствует реальности. Тип 5 и 6 – другой массив булавок по форме. Тип 2 – другой по материалу. Кроме того, сам принцип классификации неверен, поскольку сначала надо создать однородный массив булавок. Н.И. Шишлина в своей публикации древнеямыных и раннекатакомбных погребений Северо-Западного Прикаспия (2007) приводит новые серии костяных молоточковидных булавок [24, 97-104; 178-182 и др.]. По ее словам, она «не ставила задачи разработки новой типологической схемы булавок». Тем не менее в ее работе все-таки приводится список типов булавок, в основу выделения которых, по ее замыслу, положен орнамент. Несмотря на то, что Н.И. Шишлина ссылается на А.Н. Гею [4, 165 и сл.], она искажает его классификацию, забывая о первичности формы. Однако и А.Н. Гею, и Н.И. Шишлину, отрицая классификацию по метрическим параметрам, единственно объективную и в данном случае, приходят к нашим выводам, что:

1. Древнейшими являются булавки с прямым цилиндрическим стержнем с орнаментом, в виде поясков со штриховкой, параллельных плоскости навершия (тип 1) в древнеямыных погребениях.
2. Булавки с веретенообразным стержнем с орнаментированными горизонтальной штриховкой

зигзагообразными поясками, идущими под углом к плоскости навершия (тип 4), обнаруживаются в катакомбах.

4. «Вопрос о назначении булавок дискуссионен, но специфическая культовая нагрузка признается большинством исследователей. Функциональное их назначение или отличается от булавно-заколочной функции повсеместно, либо не ограничивается ею». Таковы высказывания А.Н. Гею о семантике булавок [4, 164]. Н.И. Шишлина считает, что «булавки как и другие украшения, это надкультурные элементы» [24, 97]. С другой стороны, ссылаясь на кластерный анализ, Н.И. Шишлина считает, что булавки с сопровождающим набором вещей являются «важной частью для этнической идентификации разнотерриториального населения Северо-Западного Прикаспия». Здесь, мы полагаем, надо определиться: либо булавки являются этно-дифференцирующим признаком, либо надкультурным элементом. Оба исследователя говорят о широком территориальном и временном разбросе булавок и их надкультурном их статусе с разной степенью основательности. «Достаточно сказать, что все попытки связать булавки с какой-нибудь культурой не выдержали проверки материалом», – это мнение А.Н. Гею ошибочно, поскольку автор его не видит связи между культурами, где встречаются эти булавки, и придерживается устаревшей традиционной атрибуции культур бронзового века. По нашему убеждению, воспроизведение в металле молоточковидных булавок и вхождение их в погребальный инвентарь кубано-терской /северокавказской культуры, а также отдельные костяные экземпляры в фатьяновской и в культуре шнуровых керамик говорит только о том, что этот компонент культуры существовал уже в европейских культурах праиндоевропейской /древнеевропейской эпохи, в недрах которых формировалась и древнеямыная (индоиранская) культура, и культуры шнуровых керамик [20; 12-15].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева М.В. Курганы у Чограйского водохранилища. // Древности Ставрополья. М., 1989.
2. Археология. Учебник под редакцией академика РАН В.Л. Янина. Изд-во Московского государственного университета. М., 2006.
3. Археология Украинской ССР. Киев, 1986.
4. Гею А.Н. Новотитовская культура. М., 2000.
5. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М., 2006.
6. Дергачев В.А., Манзура И.В. Погребальные памятники позднего Триполья. Кишинев, 1991.
7. Державин В.Л. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М., 1991.
8. Латынин Б.А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа, вып.9. Л., 1966.
9. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Происхож-

дение костяных молоточковидных булавок // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 142. М., 1975.

10. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. Калуга – М., 1999.
11. Николаева Н.А. Повозки Западного Прикубанья и вопросы появления первых индоевропейцев в Восточной Европе // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург, 1980.
12. Николаева Н.А. Древнеевропейцы на Северном Кавказе // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». М., 2006. № 1.
13. Николаева Н.А. Индоарии на Северном Кавказе // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». М., 2007. № 1.
14. Николаева Н.А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в конце III – начале II тыс. до н.э. // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». М., 2008. № 3.
15. Николаева Н.А. Древнеевропейцы II тыс. до н.э. (механизм формирования раннекатакомбного горизонта) // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». М., 2009. № 1.
16. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Происхождение катакомбного обряда в Восточной Европе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. Донецк, 1979.
17. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
18. Сафронов В.А. Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок // Краткие сообщения Института археологии. М., 1973. Вып. 134.
19. Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. М., 1974. Вып. 7.
20. Сафронов В.А. Индоевропейские прародинны. Горький. 1989.
21. Сафронов В.А., Николаева Н.А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. М., 2003.
22. Тодорова Х. Энеолит Болгарии. София, 1979.
23. Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южно-бугский вариант) // Археология Украинской ССР. Свод археологических источников. Киев, 1986. Вып. В1 – 3.
24. Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). М., 2007.
25. Яровой Е.В. Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев, 1990.

N. Nikolaeva

ABOUT THE CULT OF THE GREAT GODDESS IN THE RELIGION OF INDO-IRANIANS ON THE ARCHAEOLOGICAL DATA

Abstract. This article deals with the semantics of so called “two-hammered bone pins”. They are found in the burials of the Pit-grave (Yamnaya) culture, the Kuban-Dniepr culture and the early Catacomb culture. These cultures are considered as a part of Indo-European and Indo-Iranian communities by the author. On the base of the dominating position of two-hammered bone decorated pin which was placed in the centre of “altar” (near the deceased in catacomb tomb in the Ciscaucasian) and was surrounded by four small pins and two rectangular bronze plates the author regards similar artefacts as a form of stylized representation of the Great Goddess – the Goddess of Revival. Such interpretation permits to confirm existence of the Great Goddess Cult in the religion of Indo-Iranians owing to these archaeological data. This fact is a new good proof in favour of conception about Indo-Iranian homeland in the Central Europe by V.A. Safronov [20].

Key words: two-hammered bone pins, early Catacomb horizon, 3/2 mill. BC, a Bronze Age, the Great goddess, Indo-European migrations, Indo-Iranian.

• • • • •

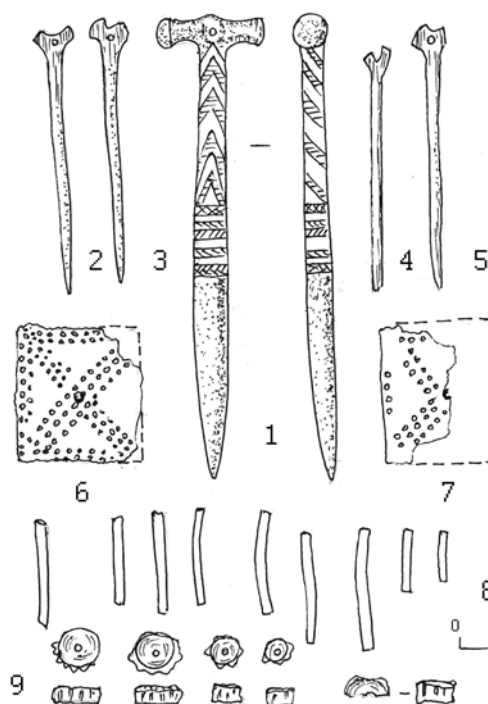

Рис. 1. Чограй – 86, курган 3, группа 6, погребение 3: 1 – 5 – костяные «булавки», 6 – 7 – бронзовые «бляхи», 8 – пронизки («флейта Пана»), 9 – позвонки ископаемой рыбы

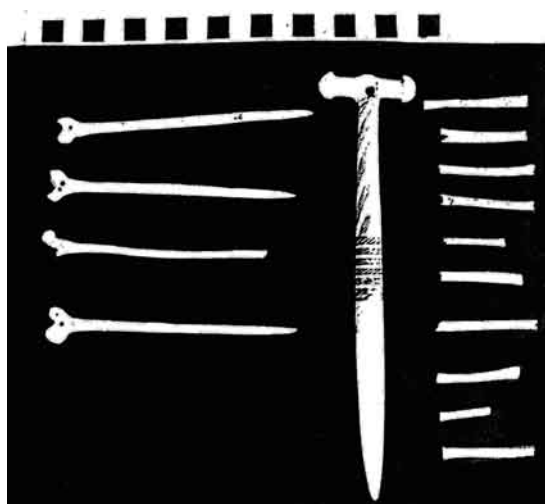

Рис. 1а. Комплекс инвентаря катакомбы с «алтарем» (Чограй VI курган 3 погребение 3, Предкавказье (фото)

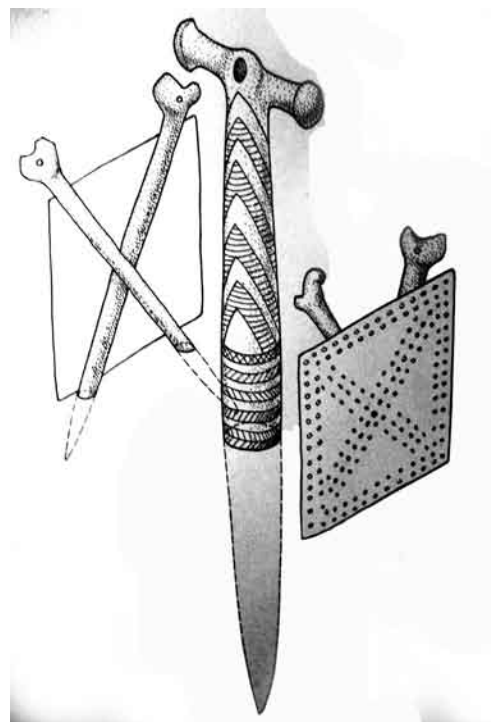

Рис. 1б. «Алтарь» с идолом Великой богини (Чограй VI курган 3 погребение 3)

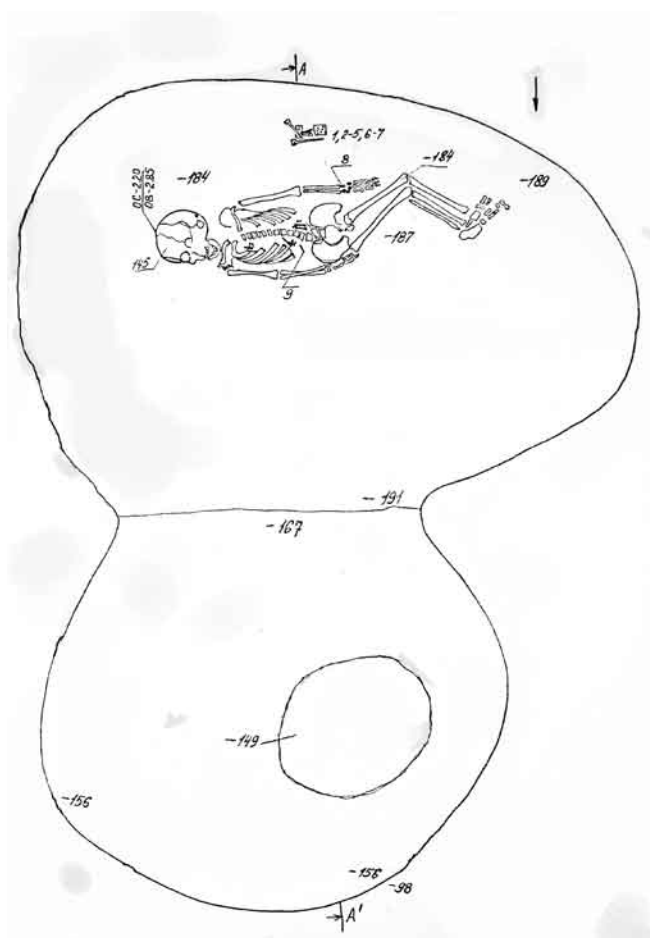

Рис. 2. План погребения Чограй VI 3/3:
1 – большая булавка с орнаментом; 2-5 – костяные булавки без орнамента; 6-7 – бронзовые бляхи; 8 – бусы из зубов ската; 9 – костяные пронизи.

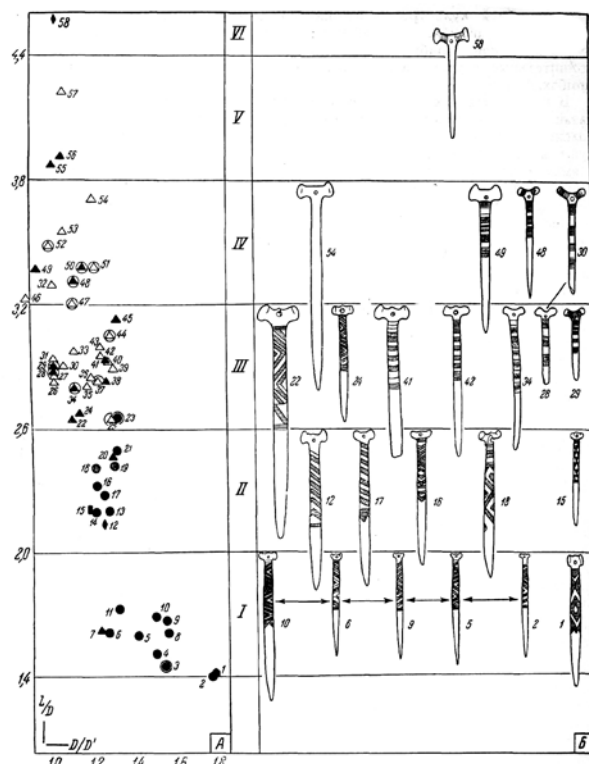

Рис. 3. Классификация костяных молоточковидных булавок Предкавказья, по В.А.Сафронову [18]

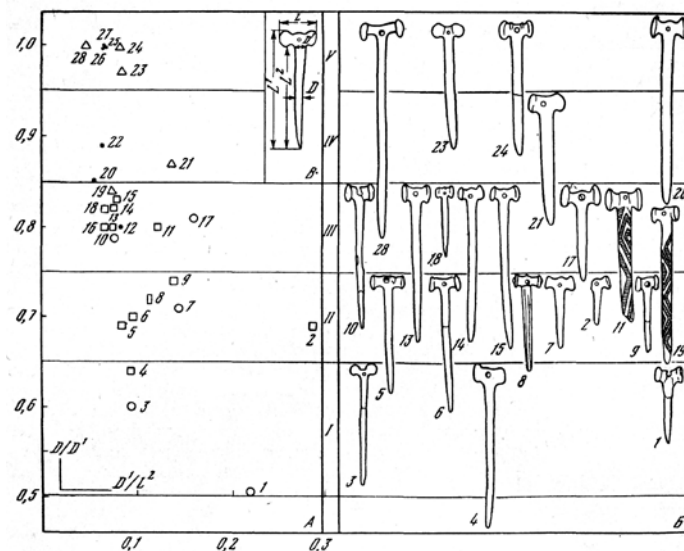

Рис. 4. Классификация костяных молоточко-видных булавок Причерноморья, по Н.А. Николаевой, В.А.Сафронову [8]

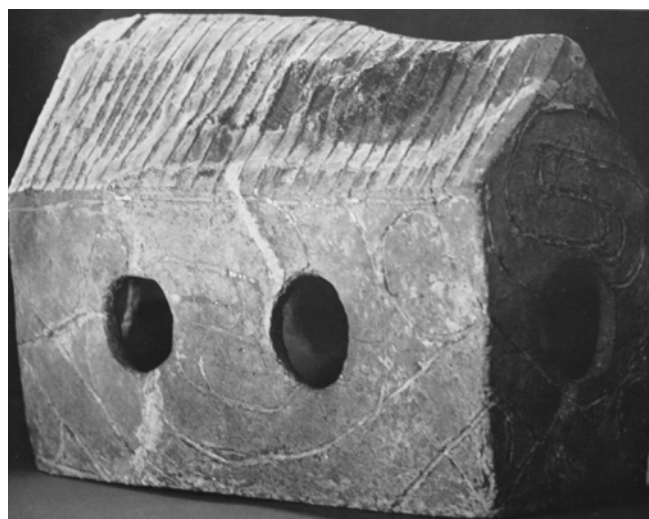

Рис. 5. Модель «храма» из Телля Коджадермен (Болгария)

Рис. 6. Предметы с религиозной символикой из культуры Гумельница

НЕСУЩЕСТВУЮЩИЙ ОБЫЧАЙ ОБРЕЗАНИЯ У ГРЕКОВ-АХЕЙЦЕВ (ЗНАЧЕНИЕ ЕГИПЕТСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *ḳrnt*)*

Аннотация. В статье рассматривается значение лексемы *ḳrnt* в новоегипетском языке, которая обычно считается заимствованием из семитских языков и трактуется как «крайняя плоть». Автор показывает, что эта лексема не могла быть заимствована из семитских языков. Автор возвращается к мнению Э. Навиля и Ф. фон Биссинга, которые считали, что *ḳrnt* означает защищавший гениталии чехол, и приводит новые аргументы в пользу этого. Подобная трактовка лексемы *ḳrnt* позволяет снять затруднения при идентификации одного из этнонимов «народов моря» *акайваша* с греками-ахейцами, поскольку в египетских текстах упоминается об отсутствии у *акайваша* *ḳrnt*. Если бы лексема *ḳrnt* означала крайнюю плоть, такая идентификация была бы невозможна, поскольку обычай обрезания чужд индоевропейцам.

Ключевые слова: ахейцы, ливийцы, Мернептах, «народы моря», обрезание, Рамсес III.

В 1219 г. до н.э., на 5-й год правления сына Рамсеса II Мернептах на Египет обрушились полчища ливийцев под предводительством правителя Марайи. Победные надписи фараона Мернептах сообщают, что союзниками ливийцев в этой войне выступали пять племен, которые в современной историографии обозначаются достаточно условным и обобщенным термином «народы моря». В первой строке т.н. Большой Карнакской надписи Мернептах говорится: (1) [ḥ3.t-^c-m nḥt.w n n.j-sw.t bj.tj b3-n-R^c mr(j.j)-Jmn s3 R^c ḥtp-ḥr-M3^c. t mr.n Pth dj ʿnh jr.n=f m p3 wr ḥsj n Rbw Mrjyw s3] Dd Jkwš.w Trš.w Rk.w Šrdn.w Škrš.w mh[.tjw] jw.w n ʿ3.w nb.w «(1) [Начало побед царя Верхнего и Нижнего Египта Баэнра Мериамона, сына Ра, Хотепхермаат Мернептах, того, кому дана жизнь, одержанных им над презренным вождем Ливии Марайей, сыном] Деда, (народы) *акайваша*, *туруша*, *шакалуша*, *луку*, *шардана*, северянами, пришедшими из всех стран».

Для подсчета павших противников египтяне применяли варварский метод: у убитых «народов моря» отрубали кисти рук, а у ливийцев вырезали фаллосы, после чего

писцы вели учет этих «трофеев», собранных в две кучи.

Судя по египетским надписям, главную роль среди северян играло племя *акайваша* (Jqwš.w). В надписи на стеле Атрибиса упоминается, что у убитых *акайваша* было отрублено 1213 рук [20, 23]. Если сравнить эти данные с Большой Карнакской надписью Мернептах, где перечислено общее число отрубленных рук павших северян – 2362 [26, Pl. 13:56], то становится понятным, что количество павших *акайваша* превосходит суммарное число остальных павших воинов севера. Это недвусмысленно свидетельствует об их превалирующей роли среди остальных контингентов «народов моря».

Еще в XIX веке этноним *акайваша* египетских текстов был надежно сопоставлен с названием греков-ахейцев Ἀχαιῶν [19, 664; 36, 27-28]. Это сопоставление было принято как большинством египтологов [4, 167; 14, 227; 15, 112], так и специалистов по истории Эгеиды в позднебронзовом веке [1, 142; 21, 52 – 53; 38, 45]. Этноним египетских документов также был сопоставлен с государством Аххиявой [24, 4; 35, 316]. Это государство упоминается в хеттских документах 15-13 вв. до н.э., и его цари активно противодействовали хеттской экспансии на западе Малой Азии. Еще в 1924 году Э. Форрер сопоставил название этого государства хеттских документов с именем греков-ахейцев [12, 114]. Большинство исследователей приняло его сопоставление, и многие ученые локализуют теперь центр государства Аххиявы на юге Балканского полуострова, территории государств микенских греков [33, 68-73; 40, 243].

Однако существует один момент, который позволяет критикам подобного сопоставления отвергать идентификацию *акайваша* с ахейскими греками [34, 104]. Дело в том, что в Большой Карнакской надписи в списке добычи упомянуто следующее: [... Jk]ws.w n.tj mn m-dj.w ḳrnt ḥdb.w jny=t(w) n3j=sn kp.w «*акайваша*, у которых не было *ḳrnt*: убитые, чьи отрубленные руки принесены...» [26, Pl. 12:54]. Это определение резко контрастирует с описанием ливийцев: Rbw ḥdb.w jny=t(w) n3j=sn ḥnn.w m

* Сафронов А.В.

ḳrnt 6359 «убитые ливийцы, чьи фаллосы в ḳrnt принесены – 6359 (человек)» [26, Pl. 12:51].

Совершенно очевидно, что лексема ḳrnt (Δ «

Контексты, где встречается лексема *ḳrnt*, времени Мернептаха

Описание памятника	Транслитерация	Перевод
Восточная стена т.н. «Двора тайников» перед VII пилоном храма Амона-Ра в Карнаке. Большая Карнакская надпись, стк. 46 [26, Pl. 11:46]	[...ḳ].w ḥr-ḥj.t=s[n] 3tp(.w) m ḥnn.w <m> ḳrnt n ḥj.s.t Rbw ḥn ^c kp.w n ḥj.s.t [nb] wn.w ḥn ^c =sn m ḥj.r.w ḥr mstj.w	[...О]слы перед ними, груженные фаллосами в ḳrnt нагорья Ливии вместе с (отрубленными) кистями рук нагорий всех, бывших с ними (т.е. с ливийцами – А.С.) в мешках и корзинах
Большая Карнакская надпись, стк. 50 [26, Pl. 11:50]	[ḥrd.w n pḥ wr n Rbw] ḥdb.w jny=tw nḥj=sn ḥnn.w m ḳrnt s 6	[дети вождя Ливии,] убитые, чьи фаллосы в ḳrnt принесены – 6 человек.
Большая Карнакская надпись, стк. 51 [26, Pl. 12:51]	Rbw ḥdb.w jny=t(w) nḥj=sn ḥnn.w m ḳrnt s 6359	Убитые ливийцы, чьи фаллосы в ḳrnt принесены – 6359 человек
Большая Карнакская надпись, стк. 52 [26, Pl. 12:52]	[...Rk.w Trš.w Š]rdn.w Škrš.w Jḳwš.w n nḥ jḥ.s.w.t n pḥ ym n.tj bn n=w ḳ[ḳrnt]	[луку, турша, ша]рдана, шакалуша, акайваша нагорий моря, у которых не было ḳrnt
Большая Карнакская надпись, стк. 53 [26, Pl. 12:53]	[Rk.w (?) Trš.w Šrdn.w Škrš.w n.tj mn m-dj.w ḳr]nt Škrš.w s 222 jr n kp.w 250 Trš.w s 742 jr n kp.w 790 Šrdn. w [...]	[луку (?), турша, ша]рдана, шакалуша, у которых не было ḳrnt: шакалуша – 200 человек, суммарно (отрубленных) кистей рук – 250, турша – 742 человека, суммарно отрубленных рук – 790, шардана [...]
Большая Карнакская надпись, стк. 54 [26, Pl. 12:54]	[...Jḳ]wš.w n.tj mn m-dj.w ḳrnt ḥdb.w jny=t(w) nḥj=sn kp.w	[...акай]ваша, у которых не было ḳrnt, убитые, принесены кисти рук их
Большая Карнакская надпись, стк. 55 [26, Pl. 12:55]	jny=t(w) nḥj=sn ḥnn.w m ḳrnt r pḥ tw=tw jm s 6111 jr n ḥnn.w m ḳr[nt...]	Принесены их (т.е. ливийцев) фаллосы в ḳrnt к фараону, суммарно фаллосов в ḳrnt

Таблица 2

Контексты, где встречается лексема *ḳrnt*, времени Рамсеса III:

Описание памятника	Транслитерация	Перевод
Северная (внешняя) стена заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу. 5-й год правления Рамсеса III (1193 г. до н.э.) На рельефе изображено празднование Рамсесом III победы над ливийцами. Лексема <i>ḳrnt</i> упомянута дважды в подписях к изображениям воинов, сбрасывающих отрезанные у ливийцев фаллосы в кучи [27, Pl. 22].	dmd ḳrnt 12535 [27, Pl. 22:24] [27, Pl. 22:26]	Суммарно: 12535 ḳrnt
Южная стена 2-го двора заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу. Рельеф относится к ливийской кампании 5-го года правления Рамсеса III. На рельефе изображено празднество в честь победы над ливийцами. Лексема <i>ḳrnt</i> четырежды упомянута в подписях к изображениям воинов, сбрасывающих отрубленные у ливийцев кисти рук и отрезанные фаллосы в кучи [27, Pl. 23]	ms ḥḳ.w m-bḥ “m=f m nḥ ḥrw.w n Rbw jr n s 1000 jr n kp.w 3000 jr n ḳrnt 3000 [27, Pl. 23:6 – 11, 12 – 18, 19 – 23, 24 – 30]	Приношение добычи перед его Величеством от врагов Ливии, суммарно человек (пленных) – 1000, суммарно отрубленных рук – 3000, суммарно ḳrnt – 3000.
Южная стена 2-го двора заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу. Надпись 5-го года правления Рамсеса III, описывающая победу над коалицией ливийских племен. Фрагменты строк 36 – 37 [27, Pl. 27]	sp nb jn(.w) m ḥḳ.w r Km.t kp.w ḳrnt nn rdj=sn [27, Pl. 27:36 – 37]	Каждый оставшийся (в живых) приведен в Египте, отрубленные руки и ḳrnt (принесены), нет числа им.
Восточная стена 1-го двора заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу. Рельеф относится к 11-му году правления Рамсеса III. На рельефе изображен фараон, который осматривает добычу, захваченную в ходе кампании против ливийского племени <i>машваша</i> и пленников. Лексема <i>ḳrnt</i> упомянута в подписи к изображению воина, который сбрасывает отрезанные у ливийцев фаллосы в кучу [28, Pl. 75].	dmd ḳrnt – 2535 [28, Pl. 75:32]	Суммарно: ḳrnt – 2535

никах данного слова силлабическим письмом. Никаких других аргументов сторонники подобной трактовки не выдвинули.

2. Лексема *ḳnt* из-за своего написания силлабическим письмом должна рассматриваться как заимствованная лексема. Поскольку все контексты, в которых упомянуто это слово, связаны с ливийцами, *ḳnt* следует признать заимствованием в египетский из ливийского языка.

3. Лексема *ḳnt* не может означать крайнюю плоть, поскольку египтяне имели свое собственное слово *ḥm* для обозначения этого понятия, а семитские аналогии явно ошибочны.

Однако все же слово *ḳnt* тесно связано со словом *ḥnp.w* «фаллосы», что подтверждается как вышеприведенными надписями Мернептаха, так и рельефами из заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу, на которых оно встречается в подписях к изображениям отрубленных фаллосов. Как можно объяснить этот факт?

Еще в самом начале XX века Э. Навиль предположил, что лексема *ḳnt* означает вовсе не крайнюю плоть, а чехол для фаллоса, который надевался ливийцами для защиты гениталий. Это предположение он подтвердил рядом египетских изображений, а также архаической статуэткой (период Нагада III) из коллекции Уильяма Макгрегора [31, 68-71] (рис. 1), которые зафиксировали подобную деталь одежды ливийцев. Кроме того, Э. Навиль ссылаясь на этнологические данные, которые свидетельствуют о существовании чехла для фаллоса среди различных африканских племен [32, 227]. Его поддержал Ф. фон Биссинг, который предположил, что ливийцы поверх чехла, непосредственно прилегающего к фаллосу, надевали «кожух» из пестрой материи [7, 75], что подтверждается египетскими изображениями [27, Pl. 75] (рис. 2).

Но если в первой половине XX века эта совершенно справедливая трактовка лексемы *ḳnt* принималась рядом исследователей [9, 54-55], то впоследствии она, к сожалению, была полностью предана забвению, и в современной тематической литературе прочно укоренилось ошибочное, как было показано выше, мнение о *ḳnt* как о заимствованном из семитских языков обозначении крайней плоти.

Как упоминалось выше, на рельефах заупокойного храма в Мединет Абу среди трофеев, захваченных в ливийских кампаниях, несколько раз изображены кучи отрублен-

ных у противников рук и неких предметов, которые подписаны как *ḳnt*. В большинстве случаев они представляют собой остроконечные предметы и напоминают не фаллос как таковой, а чехол, куда этот фаллос помещался (рис. 3-4). Как уже говорилось, Ф. фон Биссинг совершенно справедливо предположил, что это и есть тот чехол, который плотно прилегал к фаллосу, и который египтяне называли *ḳnt* [7, 75]. Это мнение Ф. фон Биссинга можно подтвердить фактом существования защищавшего гениталии и плотно прилегающего к ним чехла у живших в Камеруне еще в начале XX века народностей банту [10, Tf. 81] (рис. 5).

Однако один раз *ḳnt* представлены как фаллосы с текстикулами [27, Pl. 23] (рис. 6 – 6а). Этот случай фон Биссинг трактовал как ошибку художников, которые изобразили привычный им обрезанный фаллос вместо чехла для гениталий [7, 75]. Однако гораздо проще объяснить этот факт тем, что египетские художники в данном случае реалистично изобразили отрезанные у ливийцев фаллосы без *ḳnt*. Следует заметить, что на этом рельефе наряду с фаллосами с текстикулами изображены и предметы, которые аналогичны изображению *ḳnt* на других рельефах Мединет Абу. Кроме того, крайне важно отметить тот факт, что на вышеупомянутом рельефе отрезанные у ливийцев фаллосы изображены с оголенной головкой, т.е. без крайней плоти! Это может свидетельствовать о том, что у самих ливийцев существовал обычай обрезания, что не может особенно удивлять, учитывая факт кочевого образа жизни ливийцев в аридных районах северо-восточной Африки. Если это так, то у нас появляется окончательное свидетельство, что *ḳnt* не могло означать крайнюю плоть.

Таким образом, следует признать, что под лексемой *ḳnt* надо понимать не крайнюю плоть и даже не сам фаллос, а чехол для фаллоса, который использовался для защиты гениталий, о чем свидетельствуют как древнеегипетские памятники, так и данные этнологии. Поэтому представляется, что в словарях [13, 932; 22, ; 43, 354:20 – 21] за *ḳnt* следует закрепить лишь одно значение «чехол (для фаллоса)».

В заключение следует отметить, что теперь не существует никаких препятствий для идентификации *акайваша* с ахейцами, поскольку в египетских текстах фиксируется не факт их обрезания (равно как и других «народов моря»), а отсутствие у них характерного для ливийцев предмета одежды – чехла, ко-

торый надевался, чтобы защитить гениталии. Кроме того, теперь можно поставить знак равенства между *акайваша* и ахейцами с одной стороны, и государством Аххиявой хеттских источников, с другой, поскольку даже самые ярые противники возможности сопоставления Аххиявы с государством ахейских греков признавали возможность тождества Аххиявы и *акайваша* [42, 358].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об условности этого определения см.: [3, 92, прим. 1; 17, Р. 237, п. 23].
2. Транслитерация по: [26, Pl. 2:1], восстановление лакуны в начале стк. 1 по: [39, 25, Fig. 2].
3. Изображения подобной системы подсчета сохранились на рельефах заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу [27, Pl. 22, 23].
4. В задачу данной статьи не входит разбор точек зрения о возможной локализации Аххиявы, см. подробно: [6, 31 – 43; 33, 68 – 73]. Следует лишь отметить, что сами хеттские тексты, по всей видимости, помещают страну Аххияву за море, вне пределов Малой Азии [1, 76 – 77]. Поэтому следует подчеркнуть, что попытки локализовать центр этого государства на западе Малой Азии представляются автору совершенно бессмысленными. Как последний характерный пример подобного бесцельного теоретизирования в отечественной литературе в отсутствие каких-либо новых источников и аргументов см.: [2, 58 – 59].
5. См. картотеку (Digitalisierte Zettelarchiv) Берлинского словаря (<http://aaew2.bbaw.de/tla/>): DZA 31.194.510, DZA 31.194.520 (XII династия), DZA 31.194.480 (XIX династия).
6. См., например, последние переводы Большой Карнакской надписи, где лексема *qrnt* трактуется как крайняя плоть [18, 8; 26, 56, 178].
7. Обзор более ранних работ с подобной трактовкой лексем см. [7, 74 – 75].
8. Графема могла означать семитский /l/ и использовалась в группе графем для записи имени западносемитского Эла. Однако и сам Дж. Хох [16, 432, п. 1], эти примеры датируются не позднее XVIII династии и к нашему случаю отношения не имеют.
9. Ныне хранится в музее Эшмола в Оксфорде. Э. Навиль считал, что эта статуэтка из собрания Макгрегора изображает ливийца [31, 70]. Об египетских изображениях ливийцев с чехлом для фаллоса см. также [8, 122 – 126].
10. Подробно о защищавших гениталии чехлах среди народностей банту Судана и Камеруна, которые были сделаны из шерсти или кожи и назывались нучи (*nutschi*), см. [25, 197 – 200].
11. На одном сильно поврежденном рельефе времени фараона V династии Ниусерра есть изображение пленных ливийских мальчиков, которые, судя по всему, были необрезанными [30,

Taf. 27:4]. Однако этот факт не может свидетельствовать об отсутствии обрезания у ливийцев, поскольку подобная процедура могла проводиться в более зрелом возрасте, например, во время инициации. На знаменитом рельефе из гробницы Анхмахора VI династия, который зафиксировал процедуру обрезания у египтян, мы видим, что обрезанию подвергаются молодые мужчины [11, 117].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М. 1996.
2. Лаптева М.Ю. У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI – VI вв. до н.э. СПб, 2009.
3. Сафронов А.В. «Воины Великой Зелени»: «Народы моря и этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье в конце 13 – начале 12 в. до н.э. (1 часть) // Східний Світ. The World of the Orient. Київ. 2009. № 3.
4. Albright, 1950 – Albright W.F. Some oriental glosses on the Homeric Problem. //AJA, 1950, vol. 54
5. Astour M.C. Hellenosemitica. An Ethnic and Cultural Study in West Semitic Impact on Mycenaean Greece. Leiden, 1967
6. Bachvarova M.R. From Hittite to Homer: The Role of Anatolians in the Transmission of Epic and Prayer Motifs from the Near East to the Greeks. Ph.D. Univ. of Chicago. Chicago, 2002.
7. von Bissing Fr. W. Die angeblich beschittenen Aqaiuascha. // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Leipzig – Berlin, 1936. Bd. 72.
8. Bates O. The Eastern Libyans. An Essay. L., 1970.
9. Capart J. Primitive Art in Egypt. L., 1905.
10. Deutsches Kolonial-Lexikon. 3 Bde. Leipzig, 1920.
11. Dodson A., Ikram S. The Tomb in Ancient Egypt. Cairo, 2008.
12. Forrer E. Die Griechen in den Boghazköi-Texten. // Orientalistische Literaturzeitung. Lpz., 1924, Jg. 27/3.
13. Hannig R. Großes Handwörterbuch. Ägyptisch – Deutsch (2800 – 950 v. Chr.). Mainz, 2006.
14. Helck W. Die Beziehungen Ägyptens in 3. und 2. Jahrtausend vor Chr. Wiesbaden, 1971.
15. Helck W. Die Beziehungen Ägyptens und Vorderasiens zur Ägäis bis ins 7. Jahrhundert v. Chr. Darmstadt, 1995.
16. Hoch J. Semitic Words in Egyptian Texts of the New Kingdom and Third Intermediate Period. Princeton, 1994.
17. Killebrew A. Biblical Peoples and Ethnicity. Atlanta, 2005.
18. Kitchen K.A. Ramesside Inscriptions translated and annotated. Translations. Volume IV: Merenptah and the Late Nineteenth Dynasty. Oxf., 2003.
19. Lauth F.J. Ägyptische Texte aus der Zeit des Pharaos Menophthah. // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig,

- of Merneptah at Karnak: a partial reappraisal. // Journal of the American Research Center in Egypt. Vol. 24. Cairo, 1987.
40. Singer I. The origin of the Sea Peoples and their settlement on the Coast of Canaan. // Society and Economy in the Eastern Mediterranean, Leuven, 1988
 41. von Soden W. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1985.
 42. Sommer F. Die Ahhijawa-Urkunden. München, 1932.
 43. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Berlin, 1971. Bd. 5.

NEVER EXISTED CUSTOM OF CIRCUMCISION AMONG THE ACHAEANS (THE MEANING OF EGYPTIAN WORD *krnt*)

Abstract. The author reconsiders the meaning of the word *ḳṛnt* in Late Egyptian, which is usually considered to be a Semitic loanword with the sense ‘foreskin’. The author shows that this word can’t be a loanword from Semitic languages. Adducing new arguments the author reverts to É. Naville’s and F. von Bissing’s opinion who thought that the word *ḳṛnt* meant ‘a sheath for phallus’. Such semantics of this word allows to overcome a difficulty with the identification of Sea Peoples’ tribe Akaiwasha with Achaeans because Egyptian texts mention about absence of *ḳṛnt* among Akaiwasha’ people. If the word *ḳṛnt* meant a foreskin, such identification could not be right because the custom of circumcision was not inherent for Indo-Europeans.

Key words: Achaeans, Libyans, Merneptah, «the sea people», trimming, Ramses III.

Рис. 1. Базальтовая статуэтка (период Нагада III) из коллекции Уильяма Макгрегора. По: [31, Pl. 6].

Рис. 2. Рельеф с изображением пленных ливийцев кампании 11-го года правления Рамсеса III. Восточная стена 1-го двора заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу [28, Pl. 75].

Рис. 3. Рельеф с изображением подсчета отрезанных у ливийцев *krnt*. Восточная стена 1-го двора заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу [28, Pl. 75].

Рис. 4. Рельеф с изображением подсчета отрезанных у ливийцев *krnt*. Северная (внешняя) стена заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу [27, Pl. 22].

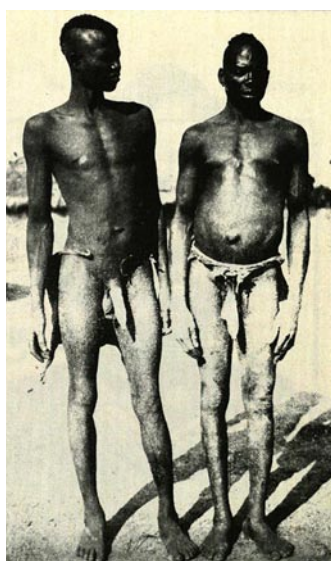

Рис. 5. Представители народностей банту из Камеруна с плотно прилегающим к фаллосу чехлом. По: [10, Tf. 81].

Рис. 6. Рельеф с изображением подсчета отрезанных у ливийцев *krnt*. Вместе с *krnt* представлены обрезанные фаллосы ливийцев. Южная стена 2-го двора заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу. По: [27, Pl. 23].

Рис. 6а. Фрагмент рельефа с изображением подсчета отрезанных у ливийцев *krnt*. По: [27, Pl. 23].

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОХОДОВ ДИОФАНТА*

Аннотация: В данной статье, в связи с новыми археологическими данными, мне хотелось не только реконструировать походы понтийского полководца, но и проанализировать их значение для государственного образования поздних скифов. Ведь не секрет, что после данных боевых действий Крымская Скифия больше не смогла достичь тех высот и того развития, которое имела прежде.

Ключевые слова: тактика, полиоркетика, фортификация, осадная техника, поздние скифы, сарматы, Боспорское царство.

В данной статье, в связи с новыми археологическими данными, мне хотелось не только реконструировать походы понтийского полководца, но и проанализировать их значение для государственного образования поздних скифов. Ведь не секрет, что после данных боевых действий Крымская Скифия больше не смогла достичь тех высот и того развития, которое имела прежде.

В эллинистическое время в роли противника поздних скифов выступали: Херсонес, Понтийское и Боспорское царства, сарматы. Нельзя исключать, что в период закрепления скифов в предгорье, еще до правления Скилура, существовал конфликт между ними и Боспорским царством. Конец противоречиям эллинистического времени положило военное поражение Крымской Скифии в войне с Диофантом — полководцем Митридата VI Евпатора, — в конце II в. до н.э. А уже в период существования Понтийской державы Митридата и в правление его ближайших преемников на боспорском престоле скифы перестают обладать реальной самостоятельностью.

Так, в последних десятилетиях II в. до н.э. скифы столкнулись с экспедиционным корпусом понтийцев, выступивших совместно с херсонеситами против Крымской Скифии. Причинами послужили постоянные набеги скифов на Херсонес, жители которого обратились к боспорскому царю за помощью, был прислан экспедиционный корпус. Митридат VI Евпатор преследовал несколько целей: помочь херсонеситам, распространить боспорское влияние на Юго-Западный Крым и, возможно, поставить Херсонес в зависимость от своего царства. Во главе войска был

поставлен талантливый военачальник, уроженец Синопы, — Диофант. В ходе двух войн мощные удары по территории позднескифского государства наносились с западного направления. У авторов, освещавших в последнее время деятельность Диофанта в Крыму, используются две хронологические модели:

- первая: 113 г. до н.э. — начало войны, когда боевые действия велись в округе Херсонеса без участия Диофанта; тот же год — первая кампания Диофанта; зима-весна 112 г. — вторая кампания; весна 111 г. — третья кампания.

- вторая несколько «омолаживает» события: 110 г. до н.э. — первая кампания Диофанта; осень-зима 109 г., а также весна 108 г., — вторая кампания [Сапрыкин С.Ю. 1986, 218].

В соответствии с декретом действия Диофанта против скифов были начаты военные кампании под Херсонесом, которые привели к поражению скифов и усмирению окрестных тавров.

Следующий шаг понтийцев — поход в глубь Скифии на крепости Хабеи и Неаполь — имел, на мой взгляд, особое стратегическое значение. Очевидно, скифы перешли к ведению крепостной войны, разместив в крупных укрепленных пунктах значительные гарнизоны. Поэтому реконструкция маршрута первого похода Диофанта представляет определенный интерес в плане изучения обороны в крепостях, примененной скифами против более сильного противника в конце II в. до н.э. Нередко считают, что исходным пунктом был основанный Диофантом г. Евпаторий, служивший базой для действий против скифов. В соответствии с указанием Страбона его локализуют у Херсонеса в районе Южной Севастопольской бухты.

Реконструируя маршрут похода из Херсонеса или пункта, находящегося близ Херсонеса, следует думать, что Диофант выбрал наиболее безопасный путь. В гористой лесной местности, на участке между Черной речкой и Альмой, во II в. до н.э. вряд ли существовали дороги, пригодные для передвижения крупного войска. Следовательно, наиболее вероятным представляется движение греческой армии на север по побережью со сравнительно спокойным рельефом, где могли существовать дороги, а характер местнос-

* © Аржанов К.А.

ти и растительный покров позволяли перемещаться и по бездорожью. Однако именно на этом маршруте в устье Альмы находился мощный форт, принадлежавший скифам (приложение, рис. 1). По мнению Т.Н. Высотской, это был Палакий [Высотская Т.Н. 1983, 116], упомянутый Страбоном в перечне крепостей, против которых действовали полководцы Митридата. Крепостью, так как она не названа в декрете в честь Диофанта, мог овладеть другой стратег.

Начав свой первый поход в глубь Скифии, Диофант преодолел участок пути, лежащий между Гераклеиским полуостровом и Альмой, и устремился к двум укреплениям, завоевание которых, судя по декрету, определяло стратегический успех кампании. Действительно, уже в первом походе овладение крепостями Хабеи и Неаполь решило исход войны, за которым последовало признание скифами зависимости от Митридата. В следующий раз поход был предпринят против скифов, находившихся в неких укреплениях, скорее всего, в Хабеях и Неаполе, а третий поход в глубь Скифии снова привел понтийцев к стенам Хабеи и Неаполя. Все это, как мне кажется, заставляет видеть в Хабеях и Неаполе основные военные и административные центры государства. Впрочем, сомнительно, чтобы оба укрепленных пункта выполняли одни и те же функции. Несомненно, столицей был только один из них, второй мог быть мощным укреплением, находившимся рядом со столицей. Трудно согласиться с теми исследователями, которые считают столицей Палакий, так как возникает парадоксальная ситуация, когда столица не является одним из тех ключевых пунктов, овладение которыми решало исход войны.

Анализируя причины похода на эти крепости, нельзя забывать того, что античная традиция, да и многие современные исследования рисуют позднескифское государство как общество с низкой степенью централизации военно-политической власти [Высотская Т.Н. 1975, 15-45]. Так, уже после Диофантовых войн скифские цари, а отнюдь не одно лицо, просили римский сенат воздействовать на Митридата с целью возвращения им родовых владений. Показателен и установленный факт совместного правления Скилура и его сына Палака. Количество сыновей этого царственного правителя было весьма велико, они участвовали в войне вместе с Палаком и, видимо, признавали его высшую военную власть. Интересно, что Диофант подчиняет Митридату «почти всех...». Речь, очевидно,

идет о многих скифских правителях. Складывается предположение, что сыновья являлись военными и административными руководителями общин и более крупных объединений. Возможные противоречия между ними образно иллюстрирует изложенное Плутархом наставление Скилура сыновьям с пожеланием держаться вместе.

Таким образом, в многоступенчатой, а следовательно, легко нарушаемой системе управления Диофант выбрал важнейшее, но очень уязвимое звено — столицу, средоточие государственной власти, главную крепость, захват или осада которой вели к серьезным нарушениям в осуществлении единой военной политики.

На мой взгляд, на роль Хабеи и Неаполя может претендовать только столица Крымской Скифии — городище Неаполь Скифский и прикрывающий его форт — городище Кермен-Кыр, находящиеся в середине Крымской Скифии (приложение, рис. 1). Они тесно связаны в военном отношении, поэтому, пытаясь овладеть одним из них, необходимо принимать все меры для того, чтобы помощь осажденным не мог оказать гарнизон другого форта, то есть действовать одновременно против Хабеи и Неаполя. Учитывая то, что долина Альмы во II в. до н.э. только начала осваиваться поздними скифами, есть все основания считать, что наиболее удобная дорога от Усть-Апьяминского городища к Неаполю пересекала водораздел между р. Альмой и Западным Булганаком и проходила под стенами Булганакской крепости, не упомянутой ни в декрете в честь Диофанта, ни у Страбона. Может быть, потому, что для штурма или блокады Булганакского городища был оставлен херсонесский отряд? Ведь известен херсонесский декрет в честь некоего гражданина, который в конце II в. до н.э. руководил походом на скифское укрепление Напит. Э.И. Соломоник датирует это предприятие временем походов Диофанта [Соломоник Э.И. 1964, 10-12], Е.А. Молев — периодом между первым и вторым походами [Молев Е.А. 1976, 33-34], С.Ю. Сапрыкин доказывает, что действия херсонеситов против Напита предшествуют походам понтийского полководца, используя ряд серьезных аргументов [Сапрыкин С.Ю. 1986, 207-208]. Однако мне кажется, что деньги для военных предприятий могли собрать херсонеситы, а упоминание понтийцев, отсутствие которого позволяет исследователю отнести декрет к додиофантовому времени, могло все-таки со- держаться в утраченной части декрета. Само-

стоятельные военные действия херсонеситов против укрепления Напит, объекта, судя по названию, столь же неординарного, как Палакий и Хабеи, и находившегося в предгорье [Дашевская О.Д. 1991, 44.], в случае неудачи были способны подорвать силы защитников самого Херсонеса. Поэтому можно принять точку зрения Э.И. Соломоник. К тому же из декрета в честь Диофанта известно, что во всех его кампаниях принимало участие городское ополчение Херсонеса. Я думаю, что можно предположить: отряд, возглавляемый непосредственно Диофантом, оставлял у себя в тылу блокированные или захваченные другими стратегами скифские крепости Палакий и Напит и быстро продвигался к Хабеям и Неаполю. От Булганакского городища до Кермен-Кыра остается 18 км, а до Керменчика — около 24 км. Следовательно, ближайшим укреплением при таком маршруте был форт Хабеи, в 6 км. от которого располагалась столица — Неаполь.

Тем не менее античная география предоставляет нам возможность проверить еще один вариант реконструкции маршрута похода и локализации Хабеи и Неаполя, более отвечающий если не реальной ситуации, то букве декрета (приложение, «Декрет в честь Диофанта»; рис. 1). Так, при сравнении принадлежащих Птолемею координат Херсонеса и Евпатория — крепости Диофанта — выясняется, что последняя могла быть расположена на значительном расстоянии к северо-западу от того места, которое указывает Страбон. Оптимальным пунктом для размещения является район расположения сначала херсонесского, а затем скифского городища Кара-Тобе. Памятник находится в сакско-евпаторийской части побережья, на мысу между солеными озерами Сасык-Сиваш и Сакское. Об особой роли этого пункта в войне свидетельствует фрагмент надписи в честь понтийского наварха, найденный на городище. Именно здесь локализует Евпаторий Д.С. Раевский [Раевский Д.С. 1968, 127-133]. Это городище занимает стратегически важнейшее место в системе коммуникаций, соединяющих центральную и юго-западную часть предгорья с северо-западным побережьем Крыма.

Войско Диофанта могло двинуться на Хабеи и Неаполь отсюда по маршруту, минуя прочие скифские укрепленные пункты, а это объясняет отсутствие упоминания Палакия и Напита в декрете в честь Диофанта. Такой маршрут мог пробегать от района городища Кара-Тобе к степной речушке Тобе-Чокрак (древнее русло Салгира) и по ней к Ха-

беям — городищу Кермен-Кыр, стен которого войско с обозом могло достичь, пройдя 50 км, т. е. в течение двух дневных переходов. За Хабеями располагалась столица — Неаполь.

Скифы, находящиеся в крепостях, исчерпав возможности к сопротивлению или по другим причинам, сочли за лучшее сдать укрепление понтийцам.

В соответствии с декретом причины второй войны, в которой скифские крепости снова сыграли свою роль, были связаны со стремлением Понта подчинить скифов, «вероломно» отпавших от Понтийской державы и тем самым изменивших положение дел.

Представляется вполне вероятным, что начальным пунктом нового похода мог быть Херсонес или Евпаторий. Отсюда понтийцы со своими союзниками — херсонеситами выступили в глубь Скифии на какие-то крепости, скорее всего, хорошо знакомые Хабеи и Неаполь (приложение, рис. 1, 2). События происходили поздней осенью, и ссылка автора декрета на плохую погоду, помешавшую продвижению в этом направлении, выглядит убедительно. Но не исключено, что подлинная причина кроется в том, что второму походу, в отличие от первого, не предшествовало сражение с полевой армией скифов. В любом случае Диофант отказался от первоначального плана и повернул в приморские районы Северо-Западного Крыма. Двигаясь вдоль берега моря, понтийское войско овладело Керкинитидой и, достигнув Калос-Лимена, приступило к осаде (приложение, рис. 1, 2). Я думаю, что легкость, с которой греки заняли эту территорию, показывает, что укрепления в Северо-Западном Крыму не были рассчитаны на противостояние сильному противнику,

Кочевники роксоланы, находившиеся на зимниках в Приазовье, выставили в помощь скифам 50-тысячное войско под предводительством Тасия. Впрочем, достоверность этой цифры вызывает сомнения.

Войска варваров двинулись к Калос-Лимену. Источники не дают оснований для предположения, что Диофант первоначально уклонился от сражения, а также для предположения, что он вышел навстречу Палаку и Тасию [Щеглов А.Н. 1978, 134]. Скорее всего, сражение произошло в ближайшей округе Калос-Лимена. Это было генеральное, предпринявшее судьбу Крымской Скифии сражение второй войны, в котором погибла армия скифов и роксоланов. Скифы, находившиеся в Калос-Лимене, могли открыть ворота крепости херсонеситам: трагедия, разыгравшая-

ся на глазах, лишала их надежд на спасение. Сам же Диофант «... не теряя... ни минуты в бездействии...», готовил войско к новому, третьему походу (приложение, рис. 1, 2). Победу следовало закрепить, заняв скифскую столицу.

Судя по сообщениям источников, ранней весной войско выступило в глубь Скифии на Хабеи и Неаполь. Поэтому слова декрета «... со всей тяжестью...», скорее всего, относятся к штурму этих крепостей. Очевидно, после захвата столицы скифам пришлось вступить в переговоры с понтийцами и, в конечном счете, Крымская Скифия оказалась под властью Митридата.

В дальнейшем ни один из письменных источников не дает оснований для предположения, что когда-либо после походов Диофанта скифам удалось воссоздать военно-политическое образование, подобное государству Скилура. Очевидно, подрыв основ этого государства и был важнейшим военно-политическим итогом проигранной скифами войны.

В военном отношении ее результаты показали неспособность войска северо-причерноморских варваров противостоять войску эллинистического типа, а также слабость обороны скифского государства, базировавшейся на отдельных фортовых заставах, и несовершенство наиболее мощных крепостей. Таким образом, конец противоречиям эллинистического времени положило военное поражение Крымской Скифии в войне с Диофантом — полководцем Митридата VI Евпатора в конце II в. до н.э. А уже в период существования Понтийской державы Митридата и в правление его ближайших преемников на Боспорском престоле скифы перестали обладать реальной самостоятельностью.

Происшедшее стало катастрофой, с последствиями которой скифы вряд ли могли быстро справиться, поскольку экономика Крымской Скифии, базировавшаяся на оседлом земледелии, с утратой значительной части земель и гибелью многих поселений была серьезно подорвана, а системы стратегической обороны предгорья и Северо-Западного Крыма уничтожены. Впрочем, общее число жителей в Предгорном Крыму вряд ли уменьшилось, так как после ликвидации мощных пограничных городищ скифов сюда хлынули потоки сарматов. Следовательно, новый этап военно-политической истории Крымской Скифии начался установлением зависимости от Понтийской державы Митридата VI Евпатора. И позднее, судя по сообщению Страбона, завершившего «Географию» около 18 г.

н.э., в период написания труда весь Крымский полуостров все еще был подвластен Боспору, ставшему здесь преемником державы Митридата. Лишь исследования политической истории Херсонеса указывают на то, что город был какое-то время свободен от Боспорской опеки.

Обобщая вышесказанное, можно сказать следующее, что новые археологические данные позволили серьезно уточнить маршруты войск Диофанта; локализовать опорную крепость полководца — Евпаторий — в районе Кара-Тобе. Первый поход из Херсонеса в предполагаемом варианте проходил по маршруту: Херсонес — Палакий — Напит — Неаполь; в случае локализации Евпатория в Кара-Тобе, то получается комбинированный маршрут, охватывающий Херсонес — Палакий(?) — Напит(?) — Неаполь и параллельно Херсонес — Кара-Тобе — Хабеи. Второй поход проходил по маршруту: Херсонес — Напит(?) — Палакий(?) — Кара-Тобе — Калос-Лимен (в котором создается новая опорная база для совместных херсонесско-боспорских войск(?)). Третий поход начался с укрепленной базы в Калос-Лимене и завершился в Хабеях разгромом скифских войск.

Сами походы Диофанта подрывали военный и оборонительный потенциал скифов, было разрушено много крепостей, которые образовывали оборонительную линию. Эти походы поставили скифов в зависимость от Понтийского царства, а затем позже понтийцы стали их использовать в своих интересах на территории Крыма. В результате походов Диофанта была подорвана базировавшаяся на оседлом земледелии экономика Крымской Скифии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Пиле Кр. Варвары на границах Римской империи в Нормандии и Крыму в эпоху Великого переселения народов // Боспорские исследования II. Симферополь, 2002.
2. Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
3. Высотская Т.Н. Скифские городища Крыма. Симферополь, 1975.
4. Высотская Т.Н. К вопросу о локализации Палакия // ВДИ, 1983. №1
5. Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение великого царства. М., 2005.
6. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991.
7. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Латинские писатели. II том. СПб., 1904.
8. Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир.

М., 1979.

9. Молев Е.А. Митридат Евпатор: Создание Черноморской державы. Саратов, 1976.
10. Молев Е.А. Эллины и варвары // На северной окраине античного мира. М., 2003.
11. Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия. Симферополь, 1990.
12. От киммерийцев до крымчаков // Народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. Симферополь, 2006.
13. Раевский Д.С. О местоположение древнего Евпатория // ВДИ, 1968. №3.
14. Русяева А.С., Зубарь В.М. Боспор Киммерийский: история и культура. Николаев, 1998.
15. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в IV-I вв. до н.э.. М., 1986.
16. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1964.
17. Храпунов И.Н. Древняя история Крыма. Симферополь, 2003.
18. Черненко Е.В. Военное дело скифов. Николаев, 1997.
19. Щеглов А.Н. Северо-западный Крым в античную эпоху.
20. Якобсон А.Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М., 1964.
21. Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973.

K. Arzhanov

THE RECONSTRUCTION BATTLE CAMPAIGN OF DIOPHANT

Abstract. This article account of examine the main principals of fortification, tactics, defense of Crimean Scythia and the reconstruction battle campaign of Diophant' to be based on new archaeological source. To analyze some significance campaign of Diophant' for late Scythian state and to show the late Scythian's spicifity. To analyze the reasons of Scythian fortress's destruction.

Key words: Tactics, fortification, ob-sidional technics, late Scythians, Sarmatians, Bospor kingdom.

Приложение

Декрет в честь Диофанта.

Декрет в честь Диофанта – важнейший исторический документ. Благодаря его тексту, о так называемых диофантовых войнах, в которых принимали участие сразу три расположенных на территории Крыма государства: Боспор, Херсонес и позднескифское царство, известно так подробно, как ни о каком другом эпизоде античной истории [Храпунов И.Н. 2003. 144-146].

«... сын Зета, предложили: так как Диофант, сын Асклепиодора, синопеец, будучи нашим другом и благодетелем, а со стороны царя Митридата Евпатора пользуясь доверием и почетом не менее всякого другого, постоянно является виновником блага для каждого из нас, склоняя царя к прекраснейшим и славнейшим деяниям; будучи же приглашен им и приняв на себя (ведение) войны со скифами, он, прибыв в наш город, отважно совершил со всем войском переправу на ту сторону; когда же скифский царь Палак внезапно напал на него с большим полчищем, он, поневоле приняв битву, обратился в бегство скифов, считавшихся непобедимыми, и (таким образом) сделал то, что царь Митридат Евпатор первый поставил над ними трофей; подчинив себе окрестных тавров и основав город на (том) месте, он отправился в Боспорские местности и, совершив в короткое время много важных подвигов, снова воротился в наши места и, взяв с собою граждан цветущего возраста, проник в середину Скифии. Когда же скифы сдали ему царские крепости Хабеи и Неаполь, вышло то, что почти все сделались подвластными царю Митридату Евпатора; за что благодарный народ почтил его приличными почестями, как освобожденный уже от владычества варваров.

Когда же скифы обнаружили врожденное им вероломство, отложились от царя и изменили положение дел и когда царь Митридат Евпатор по этой причине снова выслал с войском Диофанта, хотя время склонялось к зиме, Диофант со своими воинами и сильнейшими из граждан двинулся против самих крепостей скифов, но, будучи задержан непогодами и поворотив в приморские местности, овладел Керкинитидой и Стенами и приступил к осаде жителей Прекрасного порта; когда же Палак, полагая, что время ему благоприятствует, собрал всех своих и, кроме того, привлек на свою сторону народ ревксиалов, постоянная покровительница херсонесцев Дева, и тогда содействуя Диофанту посредством случившихся в храме знамений пред-

знаменовала имеющее свершиться деяние и вдохнула смелость и отвагу всему войску; когда Диофант сделал разумную диспозицию, воспоследовала для царя Митридата Евпатора победа славная и достопамятная на все времена; ибо из пехоты почти никто не спасся, а из всадников ускользнули (лишь) немногие. Не теряя (затем) ни минуты в бездействии, (Диофант) взял войско, пойдя в начале весны на Хабеи и Неаполь со всей тяжестью [...] бежать, а остальных скифов совещаться о [...].

Отправившись в Боспорские местности, он устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора; когда же скифы с Савмаком во главе подняли восстание и убили воспитавшего его боспорского царя Перисада, а против Диофанта составили заговор, он, избежав опасности, сел на отправленный за ним гражданами корабль и, прибыв (к нам) и упросив граждан, а (также) имея ревностное содействие (со стороны) посланного его царя Митридата Евпатора, в начале весны явился с сухопутным и морским войском, а, кроме того, взял и отборных из граждан на трех судах и, отправившись из нашего города, взял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство (Митридата) и (таким образом) восстановил власть Митридата Евпатора. Кроме того, он, содействуя отправляемым народом посольствам, во всем полезном херсонесцам является благосклонным и ревностным.

Итак, чтобы и народ оказался воздающим достойную благодарность своим благодетелям, да постановит совет и народ увенчать Диофанта, (сына) Асклепидора, золотым венцом в праздник Парфений во время процессии, причем симмнамоны делают (следующее) провозглашение: «Народ увенчивает Диофанта, сына Асклепидора, синопейца, за его доблесть и благосклонность к себе»; поставить также его медную статую в полном вооружении на акрополе подле алтарей Девы и Херсонас. Об этом позаботиться вышеозначенным должностным лицам, чтобы было сделано как можно скорее и лучше; начертать же и постановление на пьедестале статуи, а потребные на это издержки выдать казначеям священных сумм.

Так постановил совет и народ месяца Дионисия девятнадцатого (дня) при царе Агеле, сыне Лагорина, при председателе эсимнетов Минии, сыне Гераклея, при секретаре Дамасикле, сыне Афинейя».

(пер. Латышева В.В.)

Реконструкция походов Диофанта на Позднескифское государство

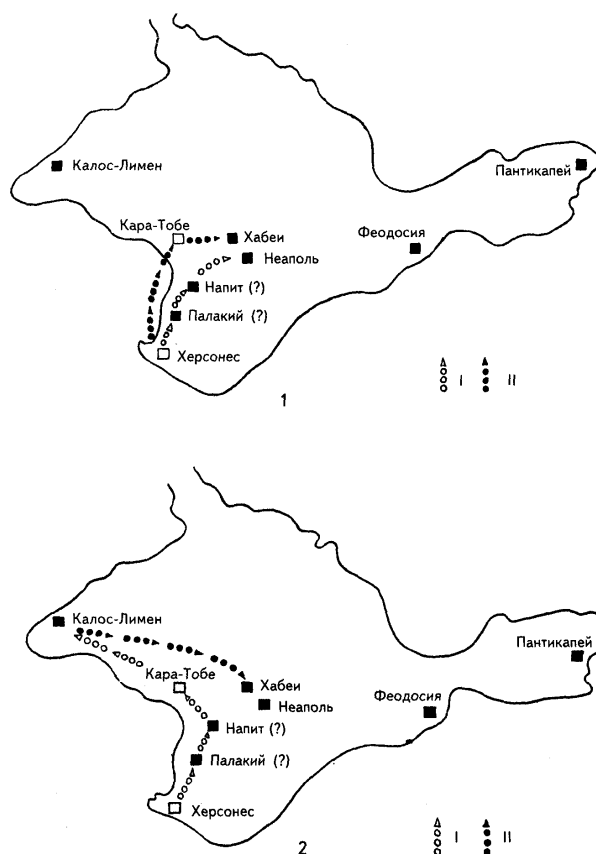

Рис. 1. Походы Диофанта. 1 — первый поход (I — предполагаемый сухопутный маршрут от Херсонеса; II — комбинированный маршрут в случае локализации Евпатория в районе Кара-Тобе); 2 — второй и третий походы (I — маршрут второго похода; II — маршрут третьего похода).

ТАКТИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ ОБОРОНЫ*

Аннотация. Данная статья на основе комплексного изучения раскрывает принципы тактики и организации позднескифской обороны. В ней анализируются некоторые аспекты исторической географии позднескифского государства и основные этапы его военной истории и влияние античных принципов на систему обороны.

Ключевые слова: тактика, полиоркетика, фортификация, осадная техника, поздние скифы, сарматы, Боспорское царство.

Изучение военного дела скифов имеет ряд особенностей: большой объем археологических источников и малое количество письменных источников – все это порождает многочисленные дискуссии по трактовке тех или иных черт, свойственных скифскому этносу, их фортификации, военному делу, социальным основам и т.д.

В своей статье я обращаюсь к вопросам тактики обороны у крымских скифов. Однако следует заметить, что, не имея данных о социальной структуре позднескифского общества, я не могу затрагивать вопросы организации военных формирований Крымской Скифии. Стратегическая инициатива, принадлежавшая скифам в Северо-Причерноморских степях до IV - начала III в. до н.э., была окончательно утрачена не позднее первой половины III в. до н.э.. Откат остатков скифских орд к берегам Днепра, в Западное Причерноморье, сокращение постоянно заселенной части Крымской Скифии до размеров предгорья привели в Крыму к возникновению новой военно-политической и этнокультурной ситуации, к отказу от ранее существовавших у кочевников тактики и стратегии ведения войны [Черненко Е.В. 1997, 24-34], к изменениям в составе и организации войска, к переходу к новым способам обороны в разнообразных укрепленных пунктах. Исследовательская задача, стоящая предо мной в этой статье – анализ причин изменения стратегии обороны и военной тактики поздних скифов.

Исходя из того, что на разных этапах существования Крымской Скифии противниками, обладавшими способностью вести боевые действия на ее территории, были понтийцы и херсонеситы, армии Боспорского царства и

римские войска, кочевники-сарматы и племена готского союза, я думаю, что следует рассмотреть характерные черты античной и варварской тактики овладения крепостями.

В эллинистическое время важнейшие тактические рекомендации полиоркетики заключались в самом широком применении военных машин как нападающими, так и обороняющимися сторонами. Армии античного мира уже обладали мощным и разветвленным парком штурмовых и осадных приспособлений. Основными машинами были разнообразные тараны, буравы, осадные башни. С IV в. до н.э. осадный парк получил мощное обеспечение в виде разнообразных метательных машин, что сделало инженерную подготовку штурма более эффективной. Однако из письменных источников известен только один случай, когда метательные машины разрушили стену, возведенную на Родосе насуху, насухо, из плохо подобранного камня. Скифские стены были сложены не лучше, чем упомянутая стена родосцев. Последнее, мне кажется, позволяет предположить, что против стен крепостей Крымской Скифии могли эффективно использоваться метательные машины, тем более что в римское время применение осадной техники стало самым обычным явлением.

В письменных источниках, косвенно характеризующих тактику обороны крепостей и развитие осадного дела в Северном Причерноморье, нет прямых указаний на использование военной техники при осадах и штурмах вплоть до I в. до н.э. Так, штурм крепости фатеев на Боспоре, судя по контексту, велся без военно-инженерной подготовки, нет сведений об использовании военных машин и в Полиеновом описании войн между Боспором и Феодосией. Впрочем, использование осадных машин и камнеметов в войнах эллинистического времени вполне вероятно. В последние годы правления Митридата VI, по свидетельству Аппиана и археологическим данным, на Боспоре было построено большое количество военных машин. С этого времени механизмы использовались достаточно часто. Есть свидетельство, что осадная техника была известна и в Крымской Скифии. Находящийся у башни таран или трепанион был изображен в первые века н.э. на стене одного из зданий Неаполя Скифского.

* © Аржанов К.А.

Какими способами эллинские и римские отряды овладевали позднескифскими укреплениями, источники не сообщают, хотя сами факты осад и штурмов, несомненно, имели место. Например, в конце II в. до н.э. некий херсонесит выступил с войском против скифского укрепления Напит. Во время второго похода Диофанта был осажден занятый скифами Калос-Лимен. Согласно декрету в честь Диофанта его войско дважды подступало под стены крепостей Неаполь и Хабеи и дважды была одержана победа. Взять или принудить к сдаче крепость, подобную Неаполю четвертого строительного периода (конец II в. до н.э.), вряд ли бы удалось без серьезно продуманных мероприятий. О длительной осаде автор декрета не сообщает; очевидно, овладеть крепостью собирались путем каких-то эффективных, но непродолжительных действий. Есть основания для гипотезы о том, что во времена похода Плавтия Сильвана, пришедшего на помощь херсонеситам в 60-е гг. I в. н.э., римляне также захватили ряд позднескифских укреплений в Юго-Западном и Северо-Западном Крыму, однако археологические источники до сих пор не прояснили характер военных действий. Можно лишь предполагать, что у римской морской пехоты был необходимый арсенал механизмов. Зная небольшую высоту позднескифских стен, можно предположить, что для их захвата применялись лестницы и такое построение штурмующих, как «черепаха».

Еще меньше сведений о тактике степных соседей Крымской Скифии — различных объединений сарматов. Единственный письменный источник, повествующий о рейде небольшого сарматского отряда на ставку скифского царя, — рассказ Полиена о набеге Амаги, относится ко времени появления сарматских племен в Северном Причерноморье. Исторический фон упомянутого события М.И. Ростовцев датировал второй половиной III - началом II в. до н.э., Б.Н. Граков — рубежом III - II вв. до н.э., И. Харматта считает его относящимся к 165 - 140 гг. до н.э., а В.Ф. Столба датирует третьей четвертью III в. до н.э.. Недавно А.Е. Пуздровский, проанализировав археологический контекст на материалах Неаполя, высказал мнение, что набег мог быть реальным событием, произошедшим около 179 г. до н.э. Автор допускает, что описанная Полиеном ситуация могла возникнуть в первой половине II в. до н.э. [Граков Б.Н. М., 1971; Ростовцев М.И. Л., 1925; Harmatta S. Budapest, 1950; Пуздровский А.Е. Симферополь, 1991].

Краткое изложение событий сводится к тому, что после отказа скифов выполнить распоряжение сарматской царицы Амаги о прекращении враждебных действий против херсонеситов, на ставку скифского царя было совершено нападение, предпринятое отрядом из 120 отборных всадников, покрывших за сутки расстояние, равное 200 км. Сарматы, внезапно налетев, перебили охрану у ворот и проникли внутрь царской резиденции. Скифы, застигнутые врасплох, не смогли оказать серьезного сопротивления. Правивший ими царь был убит, а на его место был посажен новый правитель, его сын. Стратегическая цель предпринятой акции совершенно ясна — это коррекция военно-политической деятельности скифского государства в интересах Херсонеса. Основой тактического успеха были дерзость нападавших и фактор внезапности. Обратимся к тактике сарматов. Первый этап набега — максимально быстрое движение к намеченному пункту, для этого каждый всадник имеет нескольких лошадей. Известие об обнаружении отряда благодаря высоким темпам передвижения должно было прийти не ранее его появления у избранного для нападения объекта. Фактор внезапности обеспечивает успех на втором этапе, позволяя захватить ворота укрепления и ворваться внутрь, при этом ошеломленный противник не успевает организовать сопротивление. Если не акцентировать внимание на выдающемся конкретном успехе, надо признать, что в новелле раскрыта тактика обычного, в различные эпохи применявшегося набега кочевников на оседлых соседей. Две-три лошади каждому всаднику нужны не только для быстроты перемещения, но и для перевозки награбленного имущества и пленников. Когда, скованные добычей, кочевники бывали обнаружены, оценены с точки зрения их боевых возможностей, собравшийся с силами и прояснивший ситуацию противник наносил, если, конечно, мог эффективный ответный удар. Тактика сарматских набегов вряд ли серьезно изменилась и в первые века н.э., лишь увеличилось число участников и улучшилось их вооружение. Можно утверждать, что в эллинистическое время строители скифских городищ, расположенных в стратегически важных пунктах Крымской Скифии, создавали сложные системы обороны с фланкирующими сооружениями и противотаранными поясами во многом потому, что должны были ориентироваться на уровень развития осадного дела в греческих припонтских государствах, видя в греках наибо-

лее опасного противника. В первые же века н.э., судя по распространению небольших укреплений с фронтальным способом обороны, большее внимание уделялось отражению набегов и вторжений варваров, хотя крупные центры имели фортификационные системы, способные какое-то время противостоять хорошо подготовленному античному войску, в первую очередь боспорскому.

Основные тактические приемы обороняющихся складываются уже в III - II веках до н.э. В это время, по представлениям скифских фортификаторов, наиболее подходящей для ведения крепостной войны была позиция, расположенная на сравнительно узком мысу с крутыми обрывистыми склонами, что позволяло заранее определить наиболее вероятный фронт атаки — участок перешейка, отгороженный крепостной стеной, где противник мог применить разнообразные штурмовые и осадные приспособления. Возможности штурма на остальных участках были ограничены из-за особенностей рельефа, не позволявших использовать ни тараны (близ стен не было площадок для их установки), ни камнеметы, эффективно действовавшие на расстоянии, но не приспособленные для стрельбы вверх по крутой траектории. Обстрел стен, стоящих над крутыми склонами, из луков не мог быть эффективным. Хотя дальность полета стрелы ольвийца Анаксагора составила 228 оргий, что примерно соответствует 521 м (известны и другие свидетельства о большой дальности стрельбы из луков) [Черненко Е.В. 1984, 138-140], средняя дальность стрельбы при стрельбе вверх вряд ли превышала 60 м. Даже на таком расстоянии, учитывая крутизну и высоту склонов, защитники были почти неуязвимы.

Крепостям, как правило, не был опасен рекомендуемый Анонимом Византийским и, видимо, давно укоренившийся в военной практике ложный штурм, так как в связи со сравнительно небольшими размерами городищ и небольшой протяженностью участка, который можно было подвергнуть массовой атаке, не происходило рассредоточения сил осажденных. Штурм затрудняла и сложная застройка селищ, нередко примыкавших вплотную к крепостным стенам. Но эта же особенность топографии позднескифских населенных пунктов позволяла противнику накапливаться близ стен и ворот под прикрытием построек в относительной безопасности. Начертание трассы стены, перегородившей перешеек в виде исходящего угла, принуждало противника, избегавшего

фронтального обстрела со стен, наносить удар в вершину угла. Очевидно, для противодействия такой тактике скифы создавали в этих местах мощные узлы обороны. Прямолинейное начертание фронта, а также начертание в виде обращенной наружу дуги вело к ликвидации незащищенных секторов и равномерному распределению фронтального обстрела.

На Неаполе Скифском применение передовой стены позволяло усилить мощность фронтального обстрела, сократить «мертвое» пространство, защитить основную стену от таранов, увеличивало возможности маневра при отражении штурма, фланкирующие сооружения защищали подступы к воротам и пространства, не простреливаемые с боевых площадок стен. От воздействия осадных машин стены предохраняли рвы, валы, дополнительные пояса.

В Северо-Западном Крыму, где природная защищенность крепостных позиций была невелика и протяженность доступных для штурма участков была большей, защита достигалась сочетанием разнообразных фортификационных сооружений. Например, на городище Тарпанчи подступы к стенам защищал ров, а сами стены были усилены расположенными на углах и по фронту башнями, а также противотаранными поясами.

С IV до н.э. и I в. н.э. в предгорье интенсивно сооружали небольшие контурные городища, которые лучше, чем мысовые, защищены естественными препятствиями. Их стены обводили по периметру вершин, и крутые склоны затрудняли или делали невозможным применение осадных приспособлений. Очевидно, расчет на естественную защищенность позиции, ограниченные возможности общин, строивших эти небольшие укрепленные поселения и убежища, и изменившаяся военно-политическая ситуация привела к отказу от башен и к ориентации на отражение штурма путем фронтального поражения нападающих. Для ликвидации незащищенных секторов углам, как правило, придавали радиальные очертания. В единичных случаях использовали полости — изгибы стен внутрь, создававшие условия для перекрестного обстрела противника в наиболее опасных пунктах и для защиты с флангов соседних участков куртин.

Судя по результатам раскопок Неаполя, оружием основной массы обороняющихся были гальки весом менее 200 г, применявшиеся для метания пращей или руками. Очевидно, в Крымской Скифии на смену лучнику предшествующей эпохи пришел пращник,

оружие которого в ближнем и даже дальнем бою, как сообщает Ксенофонт, было тоже эффективным. Хранение большого количества пращных камней и речных галек на стенах городов было в древности самым обычным явлением. Найдены они и на Неаполе.

Луки — древнее дальнобойное оружие — использовались не столь часто [Гайдукевич В.Ф. 1949, 62]. Ополчение, состоявшее в предшествующее время из многочисленных конных лучников, в условиях оседлости заметно сократилось и превратилось в отряды легковооруженных пеших копейщиков. Когда осаждающие приближались вплотную к стенам с целью их захвата, в бой вступали копейщики. Нередко скифские копья имели облегченный наконечник и предназначались для метания. Слабо выраженное узкое перо часто свидетельствует о противодоспешном назначении оружия.

Недостаточно прояснен вопрос об использовании скифами метательных машин. Единственный факт — находка ядер для камней на территории городища Чайка, возможно, они служили боезапасом для машин, установленных в этом укреплении. Можно предположить использование метательных машин на Неаполе. Здесь существовали не только башни, но и бастионы. По мнению специалистов, такие сооружения предназначены для установки метательных машин.

Косвенно на возможность использования торсионных машин в Скифии указывает то, что технические работы по их созданию были вполне доступны причерноморским варварам, а необходимую помощь скифы могли получить от Боспорского царства, с которым во II в. до н.э. пребывали в союзных отношениях [Блаватская Т.В. 1959, 147-149]. Более вероятно использование скифами камней в последующее время, когда на Боспоре по приказу Митридата VI изготовили большое количество военных механизмов.

В случае прорыва противника на стены использовалось оружие ближнего боя, в основном мечи и кинжалы сарматских типов [Хазанов А.М. 1971, 11], боевые топоры и копья. Защитное вооружение бойцов было представлено по преимуществу кожаными доспехами, вероятно, близкими тем, которые описал Страбон, характеризуя вооружение роксоланов.

Небольшие размеры позднескифских городищ и особенности рельефа позволяли видеть с командных высот весь периметр укрепления и быстро перемещать подкрепление на угрожаемые участки, хотя специальных

внутрикрепостных коммуникаций, служащих для быстрой переброски резервов, видимо, не было.

В Неаполе и в убежище Бор-Кая открыты зернохранилища, скорее всего, предназначенные для хранения запасов на случай осады. К сожалению, совершенно не ясны мероприятия, проводившиеся для обеспечения обороняющихся водой. Таким образом, пассивная оборона крепостей была обеспечена продуманным расположением фортификационных сооружений и достаточно эффективным для своего времени вооружением защитников. Весьма интересен вопрос о возможностях активной обороны скифских городищ. Военно-инженерные решения, способствующие развитию активной защиты укреплений, разрабатывались античными фортификаторами длительное время. Система потерн, ведущих в ров, была с успехом применена создателями крепостного ансамбля Селиунта в VI в. до н.э., на два столетия позднее потерны были созданы в Милете. В результате осажденным удавалось, совершая внезапные вылазки, наносить неожиданные удары нападающим, добиваясь численного превосходства на важнейших участках. После выполнения задачи отряд, совершивший вылазку, мог стремительно и без потерь отступить через многочисленные проходы, ведущие в крепость.

Среди всех известных позднескифских крепостей, возможностью к обороне такого рода обладал только Неаполь, имевший на 500-метровом южном участке не менее трех ворот, расположенных на расстоянии 140 - 150 м друг от друга. Во времена Диофанта эта крепость, несомненно, входила в число опорных пунктов, использованных скифами в качестве очагов сопротивления полководцам Митридата. За ее стенами могли быть собраны силы, значительно превосходящие то количество бойцов, которое необходимо для пассивной обороны. Подобные действия вполне вероятны, особенно после неудач в полевой войне. Как сообщает Фронтин, Газдубал, проигрывая полевую войну Сципиону, захватившему стратегическую инициативу, рассредоточил свое войско по городам в качестве гарнизонов, чем вынудил римлян, опасавшихся раздробления собственных сил, прервать боевые действия. Очевидно, этот тактический прием решили использовать, и скифы, после того как потерпели поражение в первом полевом сражении с Диофантом. Следовательно, гарнизон Неаполя, пусть потенциально, но был способен на вылазки, по

крайней мере, возможности для таких действий были созданы строителями крепости.

Незадолго до войны с полководцами Митридата один из вариантов активной защиты ворот был применен на Неаполе путем создания в глубоком проеме главных ворот фланговых потерн. Такое решение позволяло осажденным восстанавливать контроль над воротами в случае проникновения туда противника после разрушения первых воротных полотнищ, находившихся в протейхизме. Эта же идея намного более продуманно была воплощена позднее, в I в. до н.э., для защиты ворот цитадели Пантикапея.

Таким образом, позднескифская фортификация в смысле тактики обороны отдельных укрепленных пунктов представляется явлением эклектическим, но с явным преобладанием во II в. до н.э. античных принципов, знакомство с которыми хорошо заметно в системах обороны, имеющих стратегическое значение. С эллинским влиянием можно связать трассы стен в виде исходящих углов, ограничивающих и рассекающих фронты атаки; расположение в наиболее опасных местах мощных узлов обороны (главные ворота Неаполя Скифского с третьего строительного периода, башенные фронты); широкое применение сооружений для флангового обстрела пристенного пространства и противотаранных сооружений. Вполне вероятным со II в. до н.э. представляется использование метательных машин. Однако системы обороны большинства хорошо защищенных укрепленных пунктов основывались на пассивной защите стен. Такие мероприятия активной обороны, как хорошо обеспеченные вылазки для противодействия осаждающим и штурмующим, могли сравнительно легко осуществлять только защитники скифской столицы. Все мощные укрепления II в. до н.э. сохраняли хорошие возможности к обороне и в дальнейшем.

Тактические особенности обороны, более характерные для причерноморских варваров, заметны в фортификационных комплексах небольших укрепленных поселений и убежищ как эллинистического, так и римского времени. Для таких укрепленных пунктов, как правило, характерны плавные дуговидные трассы стен, что позволяло избегать возникновения непростреливаемых секторов при типичном для них фронтальном способе обороны. Большое значение имел и расчет на труднопреодолимые природные препятствия, серьезно мешающие штурму, причем роль естественных препятствий в обороне со

временем становилась все более заметной.

Возможен вывод о том, что эллинские принципы в тактике защиты важных в военном отношении укрепленных пунктов наиболее ярко проявляются в позднеэллинистическое время, традиционные же варварские приемы обороны, свойственные небольшим укрепленным поселениям и убежищам, хорошо прослеживаются во все периоды существования Крымской Скифии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Пиле Кр. Варвары на границах Римской империи в Нормандии и Крыму в эпоху Великого переселения народов // Боспорские исследования II. Симферополь, 2002.
2. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.
3. Аммиан Марцеллин. Римская история // пер. Кулаковского Ю.А. и Сони А.И. СПб., 1996.
4. Аполлодор. Полиоркетика. ВДИ, 1940. №3, №4.
5. Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972.
6. Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н.э. М., 1959.
7. Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
8. Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979.
9. Гаврилов А.В. О валах на Акмонайском перевале // МАИЭТ VIII, 2001.
10. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., 1949.
11. Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.
12. Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение великого царства. М., 2005.
13. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991.
14. Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998.
15. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Латинские писатели. II том. СПб., 1904.
16. Левыкин В.И. Фортификация: прошлое и современность. М: Воениздат, 1987.
17. Масленников А.А. Скифы на Боспоре в III – I вв. до н.э. // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993.
18. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1964.
19. Молев Е.А. Митридат Евпатор: Создание Черноморской державы. Саратов, 1976.
20. Молев Е.А. Эллыны и варвары // На северной окраине античного мира. М., 2003.
21. От киммерийцев до крымчаков // Народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. Симферополь, 2006.
22. Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990.
23. Пуздровский А.Е. Сарматы в Крыму // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной

- конференции – вып. 1. Симферополь, 1991.
24. Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954.
 25. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
 26. Скржинская М.В. Античные писатели о Северном Причерноморье. Николаев, 1997.
 27. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
 28. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
 29. Храпунов И.Н. Древняя история Крыма. Симферополь, 2003.
 30. Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.
 31. Черненко Е.В. Военное дело скифов. Николаев, 1997.
 32. Щеглов А.Н. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний

- Восток и античная цивилизация. Л., 1989.
33. Harmatta S. Studies on the History of Sarmatians. Budapest, 1950.

К. Arzhanov

THE TACTIC AND STRATEGY OF DEFENSE OF THE LATE-SCYTHIAN

Abstract. The article examines principles of tactics and strategy of defense of the Crimean Scythia based on a complex study of the systems defense of the late-Scythian fortifications of the fortified of the North-Western Crimea. An analysis is made of some aspects of the historical geography and of main stages of its military history.

Key words: tactic, fortification, defense, late –Scythia, sarmatian, Bosphorus kingdom.

Новейшая история зарубежных стран

УДК 929 Сукарно

Воронин С.А.

СУКАРНО. ОРЁЛ, ПАРЯЩИЙ В ОДИНОЧЕСТВЕ*

Аннотация. Идеализация патриархальных устоев, синкретизм взглядов, утопизм, ощущение мессианской богоизбранности, персонификация государства в личности лидера – вот столпы политического лидерства Сукарно, под руководством которого Индонезия стала независимым государством.

Ключевые слова: Сукарно, Тантулар, мархаэнизм, индонезийский социализм, космическая энергия, Рату Адил.

«Это утки сбиваются в стаи, а орёл парит в одиночестве», – заявлял Сукарно в интервью Синди Адамс¹. Эти слова стали для него пророческими. К середине 60-х г. Сукарно оказался в полной изоляции. Его лидерство стало властью яванского монарха, лишённого социальной базы и политических сторонников. Однако ошибки и заблуждения Сукарно не способны затмить главное. Ему удалось создать единое многонациональное и поликонфессиональное государство, в котором проживало свыше 90% мусульман и 10% составляли христиане, индуисты и анимисты. Спецификой религиозной ситуации в Индонезии являлось то, что эти 10% не были растворены в общей массе населения, а были

представлены целыми этническими общностями. Таким образом, здесь имело и имеет место переплетение религиозных различий с этническими². Этот синкретизм является пульсирующей основой для конфликтов в Индонезии.

В основу политической философии деятельности Сукарно был положен принцип «Единство в многообразии», впервые сформулированный в XIV в. поэтом Мпу Тантуларом, жившим во времена империи Маджапахит³. Сукарно последовательно выступал против создания в Индонезии теократического государства, понимая, что религиозное доминирование ислама – путь к конфликту в обществе. Единство всех народностей Архипелага вне зависимости от их религиозных убеждений – главная цель политической деятельности индонезийского лидера.

Ахмед Сукарно родился в Сурабае на о. Ява 6 июня 1901 года. Две шестёрки предвещали счастливую жизнь и удачу. Родившийся на заре считался избранником судьбы⁴. Синкретизм его религиозности закладывался с детства. Его отец был мусульманином, работал учителем. Мать – индуистка, дочь брахмана, прислуживала в индуистском храме. Ребёнку дали имя Кусно. Мальчик рос болез-

* © Воронин С.А.

ненным ребёнком. Отец нашёл объяснение этому в том, что ему при рождении избрали неудачное имя. Родители решили дать ему новое имя, символизирующее начало новой жизни – Карно – имя героя легендарного эпоса «Махабхараты», смелого воина и патриота. К этому имени добавили префикс превосходной степени «Су», означающий «лучший»⁵. Сукарно воспитывался в условиях религиозной толерантности и традиционной патриархальности. Флер народного эпоса витал над его детскими увлечениями.

Окончив начальную школу в Моджокерто, в 1916 г. он поступил в среднюю школу в Сурабае⁶. Там Сукарно поселился у лидера «Сарекат ислама» Чокроаминото, влияние которого в это время было очень велико, и с которым лично был знаком отец Сукарно. Лидер «Сарекат ислама» стал идеалом для юного Сукарно. Чокроаминото оказал значительное влияние на становление личности будущего индонезийского лидера. Он принадлежал к суперинтеллектуалам того времени. Чокроаминото знал голландский, немецкий, английский, французский языки, писал акварелью, обладал феноменальной памятью⁷.

В школьном дискуссионном клубе состоялось первое политическое выступление Сукарно. 16-летний Сукарно подготовил речь на яванском языке. При первых же словах председатель прервал его выступление, заметив, что все выступающие обязаны говорить на голландском. В ответ он услышал резкую отповедь юного Сукарно: «Мы должны знать наш родной язык. Голландцы – люди другой расы, их страна находится за тысячи километров от нас. Да и говорят-то по-голландски всего шесть миллионов человек. Почему мы обязаны говорить именно по-голландски?»⁸.

В это время Сукарно активно занимается самообразованием, много времени проводит в библиотеке теософского общества. Он познакомился с взглядами Т.Джефферсона, Дж.Вашингтона, А.Линкольна⁹. Сукарно становится публичным публиком, выступая перед массами.

В 1921 г. он закончил среднюю школу, будучи уже известным молодым политиком и поступил в Технологический институт в Бандунге. В 1926 году Сукарно получил диплом инженера-строителя. Однако по специальности работать он не стал, так как ему претила карьера колониального чиновника. Сукарно стал учителем в школе. Его уроки стали открытым призывом к борьбе за независимость и обличением пороков колониальной системы. Как-то на его урок пришел дирек-

тор департамента. Как образно пишут авторы биографии Сукарно – известные востоковеды М.С.Капица и Н.П.Малетин: «Звонок прервал пламенную тираду Сукарно и его карьеру учителя»¹⁰. Сукарно полностью погрузился в революционную деятельность, основав в Бандунге Всеобщий исследовательский клуб. В июле 1927 г. на его основе была сформирована новая организация – Национальный союз Индонезии, позднее переименованный в НПИ (Национальную партию Индонезии). Программными требованиями партии стали несотрудничество с колониальной администрацией, единство национального движения, опора на «конструктивные действия» массового движения (создание школ и больниц, организация профсоюзов и т.д.)¹¹.

В декабре 1929 г. было арестовано около ста активистов НПИ. В 1930 г. состоялся суд над председателем партии Сукарно и его тремя соратниками¹².

На судебном процессе Сукарно выступил со своей знаменитой речью «Индонезия обвиняет», в которой он вскрывал пороки голландского колониализма и говорил об исторической неизбежности национализма и освободительного движения. В речи на суде Сукарно приводил цитаты из 80 западных авторов и 10 восточных¹³. Годы, проведенные в доме Чокроаминото и стремление к самообразованию сделали свое дело. Сукарно в конце 20-х - начале 30-х гг. — светский политик с широкими взглядами и мировоззренческими оценками. Он владел индонезийским и яванским языками. Свободно изъяснялся на английском, голландском, французском и немецком языках. В 35 статьях, написанных Сукарно в этот период и вошедших в сборник «Под знаменем революции», упоминается 150 западных и американских общественных деятелей и ученых и 70 афро-азиатских теологов и ученых¹⁴. Приведенная статистика свидетельствует не только о высоком интеллектуальном и образовательном уровне индонезийского лидера, но и характеризует уровень общественного развития в стране. В последнее десятилетие перед Второй мировой войной ислам перестал быть авангардом политической авансцены Индонезии. Национально-освободительное движение стали возглавлять политические деятели, придерживающиеся светских разносторонних взглядов. И массы готовы были воспринимать их идеологию.

Именно в эти годы Сукарно начал разрабатывать свою идеологическую доктрину радикального национализма, включающую

элементы народного утопического социализма. Ею стало учение мархаэнизма, получившее свое наименование от распространенного среди простолюдинов Западной Явы имени Мархаэн (Умар Хайэн). Исходя из своего названия, учение должно было выражать интересы простого народа, трудящихся, низов (мархаэнов). Концепция мархаэнизма стала программной основой НПИ (1927-1931) и Партии Индонезии (Партиндо) (1931-1936)¹⁵.

Впервые понятие «мархаэнизм» прозвучало в речи Сукарно на судебном процессе 1930 г. Изначально он употребил термин «кромоизм» - от распространенного среди яванцев имени Кромо¹⁶.

В основе концепции мархаэнизма лежала апелляция к великому историческому прошлому, наследником которого являлась Индонезия. Патриархально-общинные нормы и ценности эгалитарно-традиционного сознания умело использовались Сукарно для установления контакта с массами, поскольку опора на легендарное прошлое и понятные ментальные установки облекали идеи Сукарно в доступные массовому традиционному сознанию образы.

Оживление духа великих средневековых империй было необходимым для Сукарно инструментом пробуждения национального самосознания, ликвидации туземного комплекса неполноценности и внушение уверенности в собственных силах и возможностях¹⁷.

Главным условием для создания новой общественной модели являлось достижение независимости. Борьба с колонизаторами должна была носить ненасильственный характер и проходить в форме несотрудничества. Для этого необходимо было разбудить «национальный дух», который трансформируется в «национальную волю», которая реализуется в «национальном действии»¹⁸.

Фундаментом мархаэнизма стал принцип единства всех антиколониальных сил как единство политическое и идеологическое; как единство национальное и государственное; как единство социальное, т.е. стратификационная консолидация в борьбе против колониализма. К 1926 году Сукарно сгенерировал идею единства и сотрудничества трех ведущих политических течений Индонезии – националистического, религиозного и коммунистического¹⁹.

Парадигмой идеологического эклектизма концепции Сукарно было единство. Он пытался подогнать, порой исказить марксизм и ислам, загоняя их в прокрустово ложе нацио-

нализма. Как отмечает В.А.Цыганов: «Именно единство есть альфа и омега политической идеологии индонезийского революционного демократа. Это и её отправная точка («единство мархаэнов»), и стратегия продвижения к идеалу («всеобщая общенародная революция»), и – в перспективе сам этот идеал («индонезийский социализм»). Но, как оказалось, это и узилище, тупик, куда привел себя великий индонезийский лидер, заложник собственной идеи»²⁰.

Сукарно выступал против классовой борьбы до завоевания независимости, настаивая на том, что, учитывая индонезийскую специфику, главными являются не социальные, а национальные противоречия. В начале 30-х гг. Сукарно изложил свою концепцию о «национализме мархаэнов» или о соционационализме как основном оружии борьбы за независимость. После достижения идеала – независимости соционационализм утрачивает свою интерьерную функцию, сохраняя внешнюю, экстерьерную в борьбе с мировым империализмом. Внутри страны соционационализм трансформируется в социodemократию с целью создания справедливой общественной модели для всех слоев населения²¹. В эти годы впервые из уст Сукарно звучит критика западной демократии, как не обеспечивающей истинные права и свободы для всех членов общества. Индонезийская модель социodemократии исправит, по мнению Сукарно, этот недостаток.

Мархаэнизм и его поздняя модификация — «индонезийский социализм» базировались на коллективистских, эгалитарных традициях. К традиционным индонезийским идеям относятся три понятия, активно включенные в политическую лексику Сукарно в 30-е гг. XX века.

1. Готонг-ройонг – взаимопомощь в ходе общественных работ, солидарность коллектива сельской и родовой общины, взаимная ответственность членов коллектива по отношению друг к другу и к общине в целом.

2. Мушаварах – совместное обсуждение возникающих проблем.

3. Муфакат – единодушное решение, имеющее компромиссный характер, принятое в ходе мушавараха²².

Политический гений Сукарно выразился в том, что он, блестяще владея психологией масс, подчас манипулируя общественным мнением, сумел расставить акценты на тех элементах политической культуры индонезийцев, которые сделали возможным процесс нациестроительства после обретения незави-

симости. В центре социально-политической модели Сукарно был поставлен «простой человек..., имеющий лишь столько, сколько необходимо ему самому. Никто не эксплуатирует никого. Никто не работает на другого»²³. Лидер, наделенный космической энергией и авторитетом, выступает в традиционной для Востока роли патрона, главы племени, рода, семьи. Сукарно писал: «Для нас лидер государства ничем не отличается от главы семьи. В соответствии с предписаниями ислама. Отец принимает решения за членов всей семьи, староста управляет деревней. Этот обычай существует издавна»²⁴. Стремясь к конвергенции культур, пытаясь синтезировать западное знание и восточную традицию в вопросах управления, осуществления политической власти, Сукарно выступал за консервацию существующих в Индонезии взаимоотношений между массой и лидером. А.Ю.Другов замечает: «У Сукарно и его сподвижников неизменно присутствует идея народного суверенитета, но народ выступает как некое нерасчленённое единство. От его имени в соответствии с древней традицией выступает лидер, наделенный неоспоримыми полномочиями выступать в роли выразителя чаяний своих сограждан»²⁵. В этот период закладывались основы авторитарно-патриархального лидерства Сукарно, позволяющие ему спустя 20 лет делать заявления в духе французского монарха Людовика XIV: «Встретиться со мной — всё равно, что встретиться с Индонезией»²⁶.

Три элемента мархаэнизма особенно активно вошли в политическую практику в период независимости. Сукарно опирался на них, противопоставляя социодемократию Индонезии западному стандарту. Он рассматривал принцип муфакат как тождество демократическим ценностям, модифицированным для перенесения на индонезийскую почву.

Речи и выступления Сукарно всегда были образны и предельно насыщены персонажами индо-яванского эпоса и мифологии. Он стремился говорить с толпой на понятном ей языке. Любая его доктрина получала символично-традиционное оформление²⁷. Мессианские надежды яванцев на пришествие Рату Адила были плотно инкорпорированы в политическое лидерство Сукарно. Он заявлял, как бы оправдывая свой султанский стиль и образ жизни: «Они хотят видеть героическую фигуру, и я её им даю»²⁸.

Главным в учении мархаэнизма как модераторе национально-освободительного дви-

жения было акцентирование общеиндонезийских задач нациестроительства и борьбы за независимость при снятии религиозных и этнических противоречий. Концепцией Сукарно, на наш взгляд, стала формула: «Сначала нация, потом религия».

Японская оккупация Индонезии с 1942 по 1945 годы оказала значительное воздействие на политическую судьбу Сукарно, открыв очередной раунд борьбы между светскими националистами и исламистами. Начало в сентябре 1939 года Второй мировой войны актуализировало роль Индонезии как источника стратегического сырья (олова, нефти, каучука). В этой связи в конце 30-х — начале 40-х гг. Япония недвусмысленно обозначила свои экспансионистские амбиции по захвату Индонезии. Японское правительство грамотно манипулировало антиколониальными настроениями жителей Архипелага, гарантируя «братьям-азиатам» скорейшее освобождение от голландцев. Японская пропаганда активно использовала новое прочтение пророчества Прабу Джойобойо, правителя яванского государства Кедири в XII веке. По преданиям он был знаменитым астрологом. Яванская традиция приписывает ему предсказание о приходе справедливого правителя — Рату Адила, который вернет «добрые старые времена», создаст справедливое и счастливое государство для всех, где будет править Херу Чакра — воплощение справедливого правителя²⁹. Он предсказал упадок и последующее возрождение государства. В соответствии с новой интерпретацией его пророчества, произойдёт это тогда, когда «маленькие желтокожие люди с Севера» прогонят белых правителей Явы³⁰. 10 января 1942 года морской и воздушный десанты японских войск начали операцию по захвату Индонезии. К середине февраля Япония полностью контролировала ситуацию. 9 марта 1942 года голландское командование приняло японское требование о капитуляции³¹. Японская оккупация оказала глобальное воздействие на общественную жизнь Индонезии и сознание рядовых граждан, ознаменовав начало конца голландского колониализма и повысив авторитет исламистов и консолидирующей роли ислама. Поскольку одним из пропагандистских лозунгов, обосновывавших японское вторжение на острова Архипелага, стал лозунг защиты Японией ислама, первыми шагами японцев стала поддержка мусульманских политических организаций Индонезии и расширение сферы их общественного влияния³².

Однако идеализация Японии населени-

ем Индонезии продолжалась недолго. Уже вскоре стало очевидным, что гнет старых колонизаторов сменился новым в лице оккупационных властей, которые, помимо экономического притеснения и эксплуатации природных ресурсов, окружили население системой доносов. Свирепствовала японская военная полиция, применявшая пытки и казни. Официальным языком вместо голландского был объявлен японский³³. При совершении молитвы теперь надлежало обращаться не в сторону Мекки, а на север, где находился дворец японского императора³⁴. Сукарно никогда не питал иллюзий относительно истинных целей японского милитаризма. Ещё в 30-е гг. он заявлял, характеризуя экспансионистские цели Японии: «Её название – «защитница поработённых народов Азии» – является ложью, лицемерием, пустым вымыслом реакционных националистов, которые думают, что именно Япония остановит империалистов Запада окриком «стой!» Нет, она не кричит «стой!», она сама стала алчным империалистическим хищником. Она сама превратилась в дьявола, угрожающего безопасности Китая, она сама, борясь с империалистическими хищниками Америки и Англии, угрожает спокойствию и безопасности стран Тихого океана, она сама является одним из хищников, которые примут участие в предстоящей войне на Тихом океане»³⁵.

В результате политики оккупационных властей чувство растерянности охватило оба противоборствующих лагеря – и исламистов и националистов. Эту ситуацию очень верно охарактеризовал известный американский индонезиевед Г.Бенда. Индонезийские политические партии не могли быстро сориентироваться и адаптироваться к новым условиям. Ситуация молниеносно поменялась. Голландский колониализм продемонстрировал крайнюю слабость, уступив Индонезию мощной азиатской военной машине. Политика квази-нейтралитета в отношении индонезийского ислама, проводимая Нидерландами в течение длительного периода, за несколько дней рассыпалась в прах, и её сменила агрессивная мощная японская армия³⁶.

Торжество милитаристской Японии было полным и само собой снимало вопрос о выборе между коллаборационизмом или сопротивлением оккупантам.

Исламисты, принявшие решение о сотрудничестве (так же, как и националисты), тем не менее пытались распространить на индонезийцев чувство уверенности в своих силах и превосходства. В глазах индонезийских

мусульман японцы оставались варварами-идолопоклонниками, но обладающими мощной вооруженной силой. И таким образом, мусульмане имели перед ними определенное моральное преимущество и могли позволить себе сотрудничать с ними, не подвергая унижению чувство собственного достоинства и сохраняя высокое чувство религиозной убежденности³⁷.

В марте 1943 года японская оккупационная администрация санкционировала формирование политических организаций. 8 марта была создана Путера (Центр народных сил) во главе с Сукарно. Осенью того же года оккупационные власти положительно отреагировали на создание Машуми (Консультативного совета мусульман Индонезии)³⁸. Основой поощрения лидеров светского националистического крыла и мусульманских сил Индонезии со стороны Японии стал классический принцип завоевателей – «разделяй и властвуй». Японии было выгодно внести раскол в национально-освободительное движение Индонезии, вбить клин в единство, оживив давние противоречия между светскими и религиозными националистами.

Следует отметить коренное отличие многовековой голландской колониальной политики от политики японских оккупантов. Голландская колониальная администрация придерживалась весьма толерантной религиозной политики, была эластична в вопросах веры. Голландцы, создав единую сеть железных дорог, обозначив голландский язык в качестве средства общения разобщённых этносов Архипелага, вольно или невольно, привели к интеграции индонезийцев. Политика Нидерландов, разделяя, объединяла, создавала фундамент для формирования будущей индонезийской нации. Последствия японской оккупации дали совершенно иные плоды. В индонезийскую политическую почву были брошены ростки глубинного процесса исламизации.

Политика японских оккупантов привела к рождению уникального для индонезийского менталитета явления. Она породила конфессиональную нетерпимость, нехарактерную ни для древнеяванской, ни для древнеиндонезийской культуры. Крайний шовинизм японцев, экстраполированный на сознание этносов Архипелага, сформировал нетерпимое отношение к мнению оппонентов и жесткую конкурентную борьбу между политическими партиями и объединениями. Как отмечает В.Ф.Сычев: «Произошедшие после 1945 года сепаратистские движения

под исламистскими лозунгами во многом были порождены японской политикой потворства чрезмерной политической активности мусульманской общины»³⁹.

Развитие ситуации на фронтах в ходе Второй мировой войны не в пользу Японии заставило японские оккупационные власти рассмотреть возможность предоставления независимости Индонезии. В сентябре 1944 года новый премьер-министр Японии Койсо обещал предоставить Индонезии независимость⁴⁰. Взамен Япония требовала поддержания своих военных усилий. Сукарно пошел на коллаборационизм с японской администрацией, понимая, что в результате он получает возможность почти легально консолидировать национальные силы и публично выступать перед массами.

Учитывая специфику индонезийского менталитета — особое отношение к коллаборационизму, популярность Сукарно за годы японской оккупации только выросла. Общественное мнение рассматривало его не как политика, сотрудничавшего с оккупантами, а как хитроумного национального лидера, усыпившего бдительность японцев, обманувшего их и создавшего условия для завоевания независимости⁴¹. Сам Сукарно всегда придерживался принципа — цель оправдывает средство. Целью была независимость, а средством, на этом этапе, — сотрудничество с Японией. Генерал Имамура так характеризовал Сукарно: «Он был человеком железной воли. Его мысли были полностью поглощены и сконцентрированы на достижении независимости. Он ни о чем другом не думал»⁴². По сути, Сукарно взял на себя роль коннектора между японцами и этносами Архипелага. Сукарно даже побывал на приеме у японского императора и был награжден орденом. Характеризуя ситуацию того времени, отвечая на обвинения оппонентов в коллаборационизме, Сукарно заявлял: «Мы посадили семена национализма. Пусть японцы их выращивают»⁴³.

В апреле 1945 года японская администрация создала Исследовательский комитет по подготовке независимости Индонезии в составе 63 членов. Руководящие функции принадлежали Сукарно и Хатте⁴⁴.

1 июня 1945 года на первом заседании комитета выступил Сукарно с концепцией Панча сила (пять принципов; санскрит), ставшей программой борьбы за независимость Индонезии и программой формирования и построения индонезийского общества после достижения независимости. Сукарно обозначил столпы национального единства, которые

стали базой для независимости Индонезии. Прежде всего он потребовал свободы, т.е. политической независимости, провозгласив принцип построения модели индонезийского общества — «всё для всех»⁴⁵, выступив против притязаний на лидерство какой-либо личности. «Разве мы хотим создать независимое ... государство, которое только будет называться Независимой Индонезией, а на деле будет служить возвеличению только одного человека?» — задавался вопросом Сукарно в интродукции своего знаменитого доклада «Рождение Панча силы»⁴⁶.

Далее Сукарно последовательно и доказательно обозначил пять принципов, которые легли в основу политической философии независимой Индонезии:

1. Индонезийский национализм.
2. Интернационализм, или гуманизм.
3. Дискуссия, или демократия.
4. Социальное благосостояние.
5. Цивилизованная вера в Бога⁴⁷.

Изначально Сукарно сформулировал первый принцип как «общеиндонезийский национализм», но, по настоянию М.Хатты, заменил формулировку на «единство Индонезии», поскольку японцы разделили территорию Архипелага на три оккупационные зоны, и территориальное единство необходимо было реанимировать и закрепить законодательно. Хатта также настаивал на изменении в иерархии принципов, требуя, чтобы принцип религиозности занял первое место, поскольку он является источником всех остальных⁴⁸.

Детализируя каждое положение своей концепции, Сукарно пояснял, что национализм понимается им как стремление к единству нации, которая является общностью характера, возникающей из общности исторической судьбы. Индонезия была национальным государством лишь во времена империй Шривиджайя и Маджапахит. Отсюда, по словам Сукарно, «индонезийский национализм — основа национального государства, а не шовинизм»⁴⁹. Далее он заявлял, что «мы должны стремиться к содружеству наций, т.е. к интернационализму ..., а он бесплоден, если в его основе не лежит национализм. Национализм бесплоден, если он не живет в лоне интернационализма. Оба эти принципа неразрывно связаны между собой»⁵⁰. Требуя осуществления демократических принципов в политической жизни общества, Сукарно делал акцент на достижении согласия между всеми слоями населения путем дискуссии и формирования единого решения, резюмиру-

ющего взгляды всех членов коллектива, т.е. настаивал на пути от мушаварах к муфакат. При этом Сукарно облакал будущую светскую модель государственности в религиозные формы, пытаясь снять напряжение и конфликт между светскими националистами и мусульманскими лидерами. Он заявлял: «Если большинство индонезийского народа действительно составляют мусульмане, если ислам действительно является той религией, которая горит в душе народа, то давайте ... поможем народу сделать так, чтобы как можно больше представителей мусульман оказались в представительном органе. Но пока это не так: «Поэтому важен принцип переговоров»⁵¹.

Сукарно постоянно апеллировал к исламу, учитывая приверженность к нему большинства населения страны. Он использовал мусульманскую риторику, обосновывая многие светские, националистические постулаты и принципы. Говоря о четвертом принципе своей концепции, он заявлял: «Я мусульманин, а поскольку я мусульманин – я демократ; я хочу согласия, я хочу, чтобы каждый глава государства избирался»⁵². Здесь Сукарно созвучен со многими исламскими ортодоксами, уверяющими, что ислам дает человечеству главный урок демократии, заложенной в самой сути исламской религии ещё во времена пророка Мухаммеда.

Особого обоснования, учитывая полиэтнический, поликонфессиональный характер гетерогенного индонезийского общества, заслуживал пятый принцип Панча сила – принцип религиозности. Сукарно, будучи убежденным сторонником светского государства, выступал за секулярную модель общественного развития, которая обеспечивала бы равенство и единство всех конфессий, веротерпимость и свободу слова⁵³. В своем докладе он заявлял: «Желательно, чтобы Индонезийское государство было таким государством, где каждый человек сможет беспрепятственно поклоняться своему Богу. Необходимо, чтобы весь народ верил в Бога цивилизованно, т.е. без «религиозного эгоизма»⁵⁴.

И как бы опасаясь своего секуляризма, Сукарно тут же делает реверанс исламистам и исламскому большинству. Он решительно восклицает: «Необходимо, чтобы индонезийское государство было религиозным!... Что означает цивилизованно? Это означает взаимное уважение»⁵⁵. В конце речи Сукарно, апеллируя к сознанию мархаэнов, заявил, что все вышеперечисленные принципы можно свести к одному, который являлся во все

времена фундаментальным для яванцев и других этносов Архипелага – «gotong-rojong» - принципу взаимной помощи, на основании которого и будет создано прочное и нерушимое индонезийское государство – государство «взаимной помощи»⁵⁶.

В целом философия Панча сила носила эластичный характер. Сукарно максимально постарался сгладить все противоречия и острые углы. Её аморфность была не её пороком, а её достоинством. Заслуга Сукарно состояла в том, что он не стал заложником идеологических форм, которые неизбежно отправляли полиэтническое и поликонфессиональное индонезийское общество в прокрустово ложе рамок и ограничений жесткого единого подхода, не подразумевающего поливариантности развития. С одной стороны, Панча сила предоставляла гражданам известную свободу, а власть выступала в роли интерпретатора этой идеологии в зависимости от конкретного этапа развития⁵⁷.

Японская оккупация оказала значительное влияние на политизацию ислама на Архипелаге. Затухшее в 30-е гг. движение исламистов снова набрало вес и оказывало значительное влияние на политическую жизнь Индонезии. На заседании комитета по подготовке независимости 22 июня 1945 года исламисты настояли на внесении в проект Конституции Индонезии дополнения – формулы из семи слов – в раздел принципа Панча сила, говорящего о религиозности: «Все последователи ислама обязаны строго соблюдать законы шариата»⁵⁸. Мусульманские политические организации настаивали на принятии так называемой Джакартской хартии, представляющей собой проект Конституции, состоящий из принципов Панча сила и дополненной фразой из семи слов.

В развернувшейся дискуссии столкнулись интересы двух крупных политических сил страны – сторонников построения теократического государства и националистов, стремящихся к тому, чтобы вопросы религии были отделены от государства. Спецификой индонезийских националистов была их нейтральность в вопросе относительно религиозных амбиций исламистов. Изначально они видели Индонезию как государство, базирующееся на принципе веры в единого Бога. Другими словами, финалом их борьбы вовсе не было секулярное политическое устройство. Основой государственности Индонезии, по их мнению, являются Божественные идеи разных культур и этносов. Единая Божественная идея рассматривалась как цементирующий

раствор полиэтнической и поликонфессиональной государственности политического здания Архипелага⁵⁹.

По мысли националистов и исламистов, политическая архитектура Индонезии строилась на основе принципа веры в Бога. Вторым вопросом дискуссии был вопрос о том, какая эта будет вера и в какого Бога. Таким образом, индонезийские националисты, при всем восторге и преклонении Сукарно перед кемалистским экспериментом в Турции, не были секуляристами. В результате развернувшейся дискуссии в ходе подготовки проекта конституции независимой Индонезии была принята компромиссная формулировка, и принцип Панча сила о религиозности получил следующую редакцию: «Основой является вера в Единого и Всемогущего Бога и все верующие мусульмане обязаны строго исполнять предписания шариата». Проект вошел в историю как Джакартская хартия, в которой декларировалось, что главой государства может быть только мусульманин⁶⁰.

Попыткой примирения полюсов мировоззрения националистов и исламистов стала интегралистская концепция Супомо, которая снимала напряжение с принципа религиозности, перенося сакральную благодать на лидера, воплощающего в себе весь народ. Он полагал, что политическая система гитлеровской Германии близка восточному менталитету, поскольку базируется на единстве вождя и народных масс. Также индонезийцам импонирует японская политическая философия, в центре которой — единство императора и народа. Супомо заявлял: «Не существует противоречий между государством и личностью, между административным аппаратом и положением индивидуумов. Нет необходимости гарантировать права и свободы гражданина..., поскольку индивид является составной частью государства и имеет право и обязан содействовать его процветанию»⁶¹. Теория Супомо стала фундаментом политической системы Индонезии после 1945 года, кто бы ни стоял у руля индонезийской государственной машины.

17 августа 1945 г. Сукарно в Джакарте зачитал Декларацию независимости. Характерно, что подготовка к этому событию велась в доме японского вице-адмирала Маэда⁶². Видимо, японцы обозначили свой нейтралитет, делая прагматичный выбор в сторону будущего союзника в лице независимой Индонезии.

18 августа 1945 г. была принята Конституция Республики Индонезия, из которой была изъята формулировка из семи слов и

положение об исповедовании ислама главой государства⁶³. Это была победа Сукарно, основной целью политической деятельности которого были независимость и единство на пути процесса нациестроительства. Сукарно раздал авансы всем противоборствующим силам в стране. Текст Конституции эклектичен и сознательно смешивает различные подходы. Так, в тексте содержатся слова и «Аллах», и просто безличное, внеконфессиональное «Бог».

В преамбуле документа сказано: «С благословения всемогущего Аллаха и движимый возвышенным желанием жить в семье свободных наций, индонезийский народ настоящим провозглашает свою независимость», и далее... суверенитет народа «... основывается на вере в единого Бога»⁶⁴.

Все формулировки Конституции 18 августа пропитаны дуализмом. Это одновременно меседж и мусульманам, и верующим других конфессий-монотеистам и анимистам. Это попытка, объяв необъятное, консолидировать все силы в борьбе против метрополии. Присяга президента, при снятии пункта о его обязательном вероисповедании ислама, тем не менее начинается со слов: «Клянусь Аллахом...»⁶⁵. Отражением не только политического прагматизма Сукарно, но и его толерантного отношения к религии, воспитанного с детства отцом-мусульманином и матерью-индуисткой, стала статья 29 Раздела XI Конституции: «Государство основывается на вере в единого Бога. Государство гарантирует каждому свободу вероисповедания и отправления религиозных обрядов в соответствии с его религиозными убеждениями»⁶⁶. Конституция закладывала базу для дальнейшего авторитарного лидерства Сукарно, наделяя президента чрезвычайно широкими полномочиями. Он являлся и главой государства и председателем правительства. Был неподотчетен парламенту и обладал правом единоличного назначения министров⁶⁷.

Осуществив в июне 1945 г. реверанс исламистам, Сукарно уже в августе одержал реванш, сняв доминанту с принципа религиозности вообще и исламской тем более. Ему было абсолютно понятно, что создание в Индонезии исламского государства привело бы к расколу в социуме и ускорило бы центробежные силы. Нетерпимость любого толка оказалась бы губительной для этносов Архипелага и парализовала бы все центростремительные тенденции. Спустя годы, в январе 1953 г. в ходе поездки по Калимантану Сукарно, последовательно отстаивая свою позицию, заяв-

лял: «Создание исламского государства приведёт к тому, что от нас отпадут территории с большинством немусульманского населения – Молукки, Бали, Тимор и др.»⁶⁸. В ответ национал-консерваторы обвинили его в неконституционных и недемократических шагах. В 1954 г., находясь на Молуккских островах, президент вновь призывал к единству всех этносов, независимо от их вероисповедания. Против выступили лидеры Машуми⁶⁹.

Основой деятельности Сукарно-политика была опора на фундаментальные ценности политической культуры Индонезии – традиционное символическое сознание и патриархальные устои, замешанные на мистицизме и мессианских ожиданиях Рату Адиля. Мистика сопровождает многие политические шаги индонезийского лидера. В своей речи «Рождение Панча сила» он говорил: «Я изложил основные принципы государства. Их пять. Является ли это Панча Дхарма? Нет. Не подходит. Дхарма означает обязанность, а мы говорим об основах. Мне нравятся символы, обозначающие числа. Имеется пять заповедей Ислама. У нас по пять пальцев на каждой руке. Имеются пять органов чувств. Что ещё состоит из пяти частей? (Голос из зала: «Пять героев из древнейших сказаний»). Их было пятеро. Теперь посмотрим количество принципов ... Их тоже пять ... Я назову всё это Панча сила. «Сила» означает принцип или основу»⁷⁰.

Выбор даты для объявления независимости также связан с мистическим обоснованием. 17 августа было пятницей – священным днём в исламе, семнадцатого – мусульманам был ниспослан Коран, согласно заповедям Пророка, мусульмане должны вершить религиозные действия семнадцать раз в день⁷¹.

Магия чисел, столь любимая Сукарно и глубоко укоренившаяся в менталитете жителей Архипелага, отразилась и в государственном гербе независимой республики. Птица Гаруда, изображенная на нем, имеет 17 перьев в каждом крыле, восемь перьев в хвосте (август – восьмой месяц года), и сорок пять перьев на лапах и нижней части туловища (1945 г.). Сама Гаруда была мифическим существом, царём птиц, наполовину человеком, наполовину птицей. Создание образа Гаруды относится к индийскому средневековью⁷². В качестве девиза на гербе были начертаны слова из религиозной поэмы XIV в. «Сутасома» - «Bhinneka Tunggal Ika» - поэта и общественного деятеля Мпу Тантулара. В поэме он изложил доктрину примирения буддистов и индуистов, являвшимися основным

населением острова в те времена. Ислам стал господствовать на Яве спустя несколько столетий. Один из вариантов полной строфы таков: «Хоть Шива и Будда и различны, но по сущности своей они едины». На гербе Индонезии, по настоянию Сукарно, была помещена только часть поэтической строки, которая переводится, как «Единство в многообразии» или «Различные, но единые»⁷³, что отражало специфику уже мусульманской Индонезии середины XX в. и позволяло апеллировать к великому средневековому прошлому страны.

В целом следует отметить, что после принятия Конституции и Джакартской хартии усилия Сукарно по консолидации общества создали специфичную и во многом уникальную политическую систему и ситуацию в молодом независимом государстве. Индонезия стала своеобразным политическим гермафродитом, она не является теократическим государством, но и не носит характер секуляристской государственности. Оценивая эту ситуацию, известный исследователь – индонезиевед Дж. Боланд отмечал: «Родившаяся ... Индонезия не является исламистским государством, чего бы желали сторонники ортодоксальных взглядов, но она и не является светским ... государством, которое рассматривает религию ... как частное дело гражданина... Избран какой-то средний путь развития, когда государство расценивает религию как важный элемент собственного совершенствования и укрепления духовности ... всего социума, что и выражается в основополагающем принципе Панча Сила – «Вера в Единого и Всемогущего Бога»⁷⁴.

Итак, теоретический фундамент под здание индонезийской государственности был подведен. Следующим шагом стала борьба за его претворение на практике, реальная борьба за независимость молодой республики. Как покажет время, консолидирующим фактором лидерства Сукарно стала борьба с внешним врагом. Эта была почва, идеальная для реализации лидерских амбиций индонезийского президента. Он поэтапно реализовал их сначала в ходе отражения англо-голландской интервенции в 1945-1949 гг., борьбы за включение в состав Индонезии Западного Ириана, войны против Малайзии.

24 августа 1945 г. было подписано англо-голландское соглашение, по которому управление освобожденными от японской оккупации территориями должна была осуществлять голландская администрация Нидерландской Индии. 29 сентября в Джакарте высадились английские войска, 4 октября

прибыл голландский генерал-губернатор⁷⁵. Именно в ходе антиколониальной борьбы в 1945-1949 гг. сформировалась специфика индонезийской армии, которая оказала значительное воздействие на всю новейшую индонезийскую историю и на создание политической системы страны.

Агрессия Голландии к 1949 г. приобрела характер агонии и всё менее находила поддержку или хотя бы лояльность на международной арене. К этому периоду Индонезия стала территорией политических амбиций и интересов двух великих держав – СССР и США, которые стремились вовлечь её в орбиту своего влияния. СБ ООН 28 января 1949 г. потребовал прекращения огня и создания до 15 марта временного правительства и передачи ему суверенитета над Индонезией до 1 января 1950 г.⁷⁶ 16 августа 1950 г. было провозглашено создание унитарной республики Индонезии и утвержден временный проект Конституции, которая сильно отличалась от Конституции 1945 г. Это была Конституция парламентской демократии, которая установила ответственность исполнительной власти перед законодательной.

Прерогативой президента являлся лишь подбор кандидата на пост премьер-министра и поручение ему сформировать правительство. Состав кабинета министров утверждался парламентом. Широко и детально трактовались гражданские права и свободы⁷⁷. Конституция 1950 года стала скорее популистским маневром с целью завоевания авторитета на международной арене. Архаично-патриархальное сознание индонезийцев не нуждалось в постулируемых демократических свободах и правах, целиком и полностью будучи погруженным в патронажно-клиентельные отношения. Именно на это и была рассчитана «религиозно-синкретическая подкладка»⁷⁸ идеологии Сукарно.

Политика метрополии зачастую была направлена на консервацию наиболее архаичных элементов традиционных социумов. Период голландского колониального господства в Индонезии создал весьма неблагоприятные условия для формирования и развития местной национальной буржуазии. В результате в авангарде национально-освободительной борьбы встали интеллигенция и мелкие буржуа. Основой борьбы стал синтез радикального национализма, антиколониализма и ренессанс самоидентичности и традиционализма. Заветной стратегической целью было единство, а основой единства – личность лидера. Отсюда и главный постулат Сукарно:

«Главное в нашей демократии – это руководство»⁷⁹. «Я знаю психологию масс, - заявлял Сукарно - ...В Индонезии лидер должен воплощать власть в своем лице, от него должно исходить дыхание власти. Это обязательное условие для бывшей угнетенной нации»⁸⁰. Сукарно и его сторонники должны были в короткий срок преодолеть комплекс неполноценности, сложившийся в колониальный период и у элиты индонезийского общества, и у простых мархаэнов. Соратник Сукарно Али Састроамиджойо заявлял: «В Индонезии нужно бороться против «туземного образа мышления» в умах людей и заменить его чувством принадлежности к индонезийской нации. Кроме того, в колониальный период наш народ никогда не был вовлечен в экономический процесс иначе как в качестве дешевой рабочей силы»⁸¹.

В условиях господства патриархального сознания сформировалась характерная черта политической культуры Индонезии того периода. Парламентская демократия воспринималась партиями постольку, поскольку она создавала им предпосылки к достижению намеченных целей. Во всех иных случаях демократические ценности объявлялись не соответствующими национальной самобытности. Социальные идеалы молодой республики не вписывались в рамки парламентской демократии, зато идеально укладывались в концепцию Панча сила и Конституцию 1945 г. Векторы подчиняющего лидерства совпадали с подчиненным власти массовым сознанием, в котором преклонение перед вождями, султанами, раджами формировалось веками. Как верно сформулировал А.Ю.Другов: «Авторитарное сознание тиражируется на уровне не только правителей, но и подданных и то, что на поверхности выступает как недовольство авторитарной системой, часто, в сущности, означает лишь неудовлетворенность своим местом в этой системе»⁸².

Парламентская демократия являлась абсолютно чужеродным явлением для индонезийского менталитета. Яванская политическая культура базировалась на компромиссе и уважении оппонента. Парламентская борьба фракций и партии входила с этим положением в глубокое противоречие, делала возможным публичную критику человека, акцентировав внимание на его недостатках. Это было неприемлемо для яванского менталитета. Все это вело к дискредитации в обществе системы представительной демократии.

Немало «усилий» для дискредитации политической системы Индонезии в первой

половине 50-х гг. XX в. было приложено и самим Сукарно, увлекшимся формированием имиджа страны за рубежом и пребывавшим в длительных заграничных вояжах. За теоретическими концепциями в области политики был совершенно упущен экономический блок. Сукарно позволял себе этим даже браковать. Он с гордостью заявлял: «Я не экономист и не специалист в области торговли, я революционный экономист»⁸³. В результате в обществе нарастали серьёзные противоречия. Давние разногласия между Явой и другими островами Архипелага в этот период обострились. Истоками проблемы были различия между традиционным этатизмом экономически слабой буржуазией Явы и ориентацией на свободное предпринимательство более развитых в промышленном отношении Внешних островов⁸⁴. Поощрение ускоренного темпа роста национальной буржуазии вело к росту коррупции. В 1950-1954 гг. около 44% парламентариев имело собственный бизнес⁸⁵.

В середине 50-х гг., по мнению исследователя Г.Фита, в Индонезии сформировались два типа политических лидеров.

1. Администраторы: прагматично настроенные политики, нацеленные на преодоление противоречий, на экономическую стабилизацию, готовые к использованию иностранных инвестиций, не склонные к догматизму.

2. Солидаристы: идеализировавшие индонезийскую самоидентичность, резко критиковавшие западный индивидуализм и общество потребления. К ним и принадлежал Сукарно⁸⁶.

Критика капитализма солидаристами имела успех у простых индонезийцев. У населения Архипелага существовала устойчивая ассоциация колониализма и капитализма как экономического способа производства, приущего угнетателям-колонизаторам. Яванская патриархальная культура видела в лице Сукарно мессию, прокладывавшего «золотой мост» к эпохе процветания и построения общества «всех для всех». Негоциантство никогда не поощрялось массовым сознанием в Индонезии, поскольку торговлей и бизнесом занимались преимущественно иностранцы – арабы, китайцы, голландцы, т.е. «чужие», «они». Индонезийские лидеры, по словам американского ученого Дж.Кейка, «не имели капиталистических корней»⁸⁷. Все это приводило к популярности социалистических идей, выразившихся позднее в концепции «индонезийского социализма» Сукарно.

К середине 50-х гг. нарастающие про-

тиворечия и экономические проблемы окончательно подготовили общественное мнение к отказу от пути парламентской демократии. Ведь если основой политической системы был её вождь, он и должен указывать направление её развития. Индонезия подошла к смене курса парламентской демократии на демократию направляемую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams, N-Y, 1965. P.188.
2. Симония Н.А. Буржуазия и формирование нации в Индонезии. М., 1964. С.140.
3. Симония Н.Ф. Индонезия. М., 1978. С.8.
4. Колоницкий Б. Сукарно. Легко ли быть независимым? // «Дело», Спб // <http://www.Ideo.ru/275/31.html>
5. Капица М.С., Малетин Н.П. Сукарно. Политическая биография. М., 1980. С.8.
6. Там же. С.10.
7. Там же. С.20-23.
8. Adams C. Bung Karno penjangbuh Lidah rakjat Indonesia. Djakarta, 1965. P.58.
9. Ibid p.54.
10. Капица М.С., Малетин Н.П. Цит. соч. С.32.
11. Цыганов В.А. Национально-революционные партии Индонезии (1927-1942). М., 1969. С.49.
12. Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии XX век. М., 2005. С.101.
13. Бельский А.Б. Идеология национально-освободительного движения в Индонезии (1917-1942). М., 1978. С.247-248.
14. Там же.
15. Бельский А.Б. Роль традиционных элементов массового сознания в идеологии светских националистов (на примере Индонезии) // Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1984. С.135.
16. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956. С.122-123.
17. Там же. С.103-117, 198-200.
18. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С.105.
19. Там же. С.106.
20. Цыганов В.А. Сукарно: Творец и романтик «идеологии единства» // Сукарно: политик и личность, отв. редакторы Другов А.Ю., Пахомова Л.Ф. М., 2001. С.35.
21. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С.106-107.
22. Бельский А.Б. Цит. соч. С.136.
23. Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams. N-Y, 1965. P.63.
24. Ibid p.265.
25. Другов А.Ю. Индонезия: Политическая культура и политический режим. М., 1997. С.35.
26. Малетин Н.П. Сукарно – руководитель внешней политики Республики Индонезия // Сукарно: политик и личность. М., 2001. С.189.
27. Ионова А.И. Об эволюции «национальной идеологии» в Индонезии (60-70 гг.) // Народы Азии и Африки. №2, 1974. С.41.
28. Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy

- Adams. N-Y, 1965. P.81.
29. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956. С.66.
 30. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С. 120-121.
 31. Демин Л.М. Японская оккупация Индонезии (1942-1945). М., 1963. С.73-79.
 32. Сычев В.Ф. Индонезия и мусульманский мир в XX веке. М., 2003. С. 221-225.
 33. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С.127.
 34. Колоницкий Б. Сукарно. Легко ли быть независимым? // «Дело», СПб // <http://www.Ideo.ru/275/31.html>
 35. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956. С.30.
 36. Benda Harry J. The Crescent and the Rising Sun, Indonesian Islam under the Japanese occupation 1942-1945, The Hague, Bandung 1958. P.111.
 37. Сычев В.Ф. Цит. соч. С.227.
 38. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С.129.
 39. Сычев В.Ф. Цит.соч. С. 250.
 40. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С.130.
 41. Национально-освободительное движение в Индонезии (1942-1965). М., 1970. С.69.
 42. Dahm B. Sukarno & the struggle for Indonesian independence (West) Berlin, 1969. P.233.
 43. Колоницкий Б. Сукарно. Легко ли быть независимым? // «Дело», СПб // <http://www.Ideo.ru/275/31.html>
 44. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С.133.
 45. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956. С.259.
 46. Там же.
 47. Там же. С.269.
 48. Цыганов В.А. Сукарно: творец и романтик «идеологии единства» // Сукарно: политик и личность. Отв. редакторы Другов А.Ю., Пахомова Л.Ф. М., 2001. С.63
 49. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей М., 1956. С.263.
 50. Там же. С. 265.
 51. Там же. С. 266.
 52. Там же. С. 269.
 53. Там же. С. 266-271.
 54. Там же. С. 269.
 55. Там же.
 56. Там же. С. 270.
 57. Другов А.Ю. Индонезия: Политическая культура и политический режим. М., 1997. С.38.
 58. Цит. по Сычев В.Ф. Цит. соч. С.251.
 59. Там же. С.251-252.
 60. Ефимова Л.М. Основные этапы борьбы мусульманских партий и организаций за исламизацию индонезийского государства // Религия и общественная мысль народов Востока. М., 1971. С.154-159.
 61. Indonesian political thinking (1945-1965), Feith H. & Castles L. (Eds), Ithaca, London, 1970. P.189-191.
 62. Dahm B. History of Indonesia in the 20 th Century, L, 1971. P.112/
 63. Сычев В.Ф. Цит. соч. С.253.
 64. Конституция Индонезии 18 августа 1945 г. // Конституции государств Юго-восточной Азии и Тихого океана. М., 1960. С.153.
 65. Там же. С.155.
 66. Там же. С.160.
 67. Там же. С.155-156.
 68. Indonesian political thinking (1945-1965), Feith H. & Castles L. (Eds), Ithaca, London, 1970. P.164.
 69. J.M. van der Kroef. Indonesia in the modern world, p. II, Bandung, 1956. P.221-222.
 70. Доклад Сукарно в Комиссии по подготовке независимости 01.06.1945. Рождение Панча сила // Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956. С.270.
 71. Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams. N-Y, 1965. P.209.
 72. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М., 1956. С.299-300.
 73. <http://polusharie.com/index.php?topic=325,25,msg=299123>
 74. Boland J. The Struggle of Islam in Indonesia 1945-1970, Jakarta, 1985. P.40-41.
 75. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С.144.
 76. Национально-освободительное движение в Индонезии (1942-1965) М., 1970. С.146.
 77. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. С.164.
 78. Сумский В.В. Национализм и авторитаризм. Политико-идеологические процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш. М., 1987. С.9.
 79. Цит. по Капица М.С., Малетин Н.П. Сукарно. Политическая биография. М., 1980. С.139.
 80. Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams. N-Y, 1965. P.81.
 81. Цит. по Другов А.Ю. Сукарно как политический лидер // Сукарно: политик и личность. М., 2001. С.50.
 82. Другов А.Ю. Индонезия: Политическая культура и политический режим. М., 1997. С.48.
 83. Капица М.С., Малетин Н.П. Цит. соч. С.194.
 84. Андреев Г.А. Индонезийское государство. Проблема единства и автономии. М., 1974. С.75-76.
 85. "Bulletin Indonesian Economic studies, Canberra, 1956. №11. P.17.
 86. Feith H. The decline of constitutional democracy in Indonesia. N-Y, 1962. P.33-35.
 87. Kahin G. Nationalism & Revolution in Indonesia. N-Y, 1955. P.476.

S. Voronin

SUKARNO. AN EAGLE SOARING IN LONELINESS

Abstract. Idealisation of patriarchal foundations, syncretism sights, utopianism, sensation messianic predestination, state personification in the person of the leader – here pillars of political leadership of Sukarno under the direction of which Indonesia became the independent state.

Key words: Sukarno, Tantular, the Indonesian socialism, space energy, Ratu Adil.

КОММУНИКАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКРЕТНОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 90-х гг. XX ВЕКА- НАЧАЛЕ XXI ВЕКА *

Аннотация. Коммуникационный менеджмент – это профессиональное управление людьми и капиталами с помощью коммуникаций. Разведывательные службы используют коммуникационный менеджмент для эффективной деятельности. Сведения разведки формируют общественное мнение, влияют на госструктуры, отдельных деятелей и могут являться причинами кризисных ситуаций. МИ-6 находится под контролем, входит в штат МИД Великобритании. Главную роль в деятельности МИ -6 играет премьер-министр.

Ключевые слова: коммуникационный менеджмент, разведывательные службы, коммуникации, кризисные ситуации, общественное мнение.

В XXI веке, когда сложилась современная система международных отношений, все чаще стало уделяться внимание эффективности политических контактов и экономических связей между государствами. Окончилась «холодная война», распался Советский Союз. С начала 1990-х годов России пришлось выстраивать отношения со странами мира на новых принципах. В настоящее время созданы широкие возможности для использования коммуникационного менеджмента в различных сферах деятельности государства. Информационные ресурсы государства могут быть как объектом нападения, так и защиты населения страны, поэтому важно учитывать различные коммуникационные технологии для управления обществом. Коммуникационный менеджмент – это профессиональное управление людьми и капиталами с помощью коммуникаций. В арсенале коммуникационного менеджмента — различные средства публичной коммуникации и методы коммуникационного воздействия. Важную роль при этом играют коммуникационные исследования. Особенностью коммуникационного менеджмента в 90-е годы XX века является внедрение нового коммуникационного оборудования, освоение высоких информационных технологий [13, 5].

Разведывательные службы ведущих государств используют коммуникационный менеджмент для эффективной деятельности по сбору информации, ее оценке и анализу. Сведения разведки формируют общественное мнение, влияют на госструктуры, отдельных деятелей, а могут являться причинами кризисных ситуаций внутри страны либо за ее пределами. Коммуникационный менеджмент разведывательных служб включает технологии PR, репутационный менеджмент, связь со средствами массовой информации, внутрикорпоративную коммуникацию.

В своей статье автор рассматривает применение коммуникационного менеджмента в деятельности британской спецслужбы МИ-6 периода 90-х годов 20-го века – начала XXI века.

Сегодня служба внешней разведки МИ-6 Великобритании действует на основании Законодательного акта о разведывательных службах (ISA) от 1994 года. В нем впервые дано определение разведывательной деятельности как “добывание и распространение информации о деятельности и намерениях иностранцев за пределами Великобритании, а также проведение специальных операций в интересах национальной безопасности”. Документ подтвердил и без того существовавшее де-факто право спецслужб осуществлять свои операции, если они направлены на защиту национальной безопасности и экономического благополучия Великобритании, а также предупреждение и раскрытие серьезных уголовных преступлений. Закон освободил от ответственности сотрудников спецслужб за действия, совершаемые ими за пределами страны в целях выполнения своих функций, даже в тех случаях, когда в самой Англии они бы расценивались как преступные. Министрам предоставлены полномочия санкционировать по своему усмотрению операции, связанные с вмешательством в частную жизнь, прослушиванием и негласным проникновением в жилые и служебные помещения. Законом “О разведывательных службах” было предусмотрено создание парламентского комитета по вопросам разведки и безопасности. Указанному органу дано право осуществлять

* © Зудочкина С.В.

контроль за расходованием спецслужбами бюджетных средств, управлением и политикой в области решения основных задач по обеспечению внутренней и внешней безопасности государства. В целях прикрытия СИС включена в структуру министерства иностранных дел. СИС имеет 87 резидентур за рубежом и штаб-квартиру в Лондоне, на Воксхолл Бридж-роуд. Возглавляет СИС генеральный директор, который одновременно является постоянным заместителем министра иностранных дел. Таким образом, формально СИС находится под контролем британского МИДа, однако, наряду с этим она имеет прямой выход на премьер-министра и часто действует по его указаниям или самостоятельно [12].

Глава разведки является единственным представителем Службы, который официально объявлен публично. Он назначается министром иностранных дел и подотчетен ему. На Шефа возлагается ответственность за контроль деятельности МИ-6 (СИС) и за эффективность разведслужбы, а также возложена обязанность обеспечения деятельности разведслужбы в соответствии с существующими правовыми нормами. Ежегодно он представляет отчет о работе СИС премьер-министру и министру иностранных дел [18, 238]. Руководители МИ-6 (СИС) в 90-х гг. XX в. – ХХI в.

Дэвид Спеддинг (1994-1999 гг.) Ричард Диарлав (с 1999 – 2004 гг.). Ричард Биллинг Диарлав родился 23 января 1945 г., по окончании Кембриджского университета занимался разведкой. 33 года - в Африке (Кения), Европе и США (офицер связи при ЦРУ в Вашингтоне), а также на посту руководителя оперативного управления [20]. Джон Скарлетт (2004 г.). Он имел репутацию блестящего разведчика с огромным опытом оперативной работы. Считали, что он фантастически работоспособен и имеет незаурядный ум. Именно он занимался реорганизацией работы британской внешней разведки. Из досье на Скарлетта видно, что его послужной список настолько значителен и богат:

1. Навыки успешного противоборства с советской и российской разведкой.
2. Организация взаимодействия и координации усилий англичан и союзников в Африке и Европе.
3. Противодействие международному терроризму.
4. Работа в региональных резидентурах (Москва, Париж, Найроби).
5. Работа в горячих точках.
6. Работа в странах с жестким контрразведывательным климатом.
7. Вербовочная работа на территории СССР.
8. Информационно-аналитические навыки [17].

В структуре СИС пять директоров. В

их число входят Административно-кадровый директорат. Занимается административно-управленческими вопросами, а также вопросами подбора и расстановки кадров.

– Директорат постановки заданий и подготовки разведывательной продукции. Получает задание от министерств иностранных дел и обороны. Обрабатывает и анализирует получаемую разведывательную информацию, подготавливает и реализуют выходные документы разведки.

– Директорат региональных контролеров. Состоит из нескольких регионально-географических оперативных отделов.

– Директорат внешней контрразведки и безопасности. Осуществляет разработку спецслужб иностранных государств и обеспечивает безопасность работы английской разведки.

– Директорат специальной разведки. Снабжает подразделение разведки современными оперативно-техническими средствами ведения оперативной работы.

Кроме того, имеются: Группа советника по вопросам международных отношений, Группа связи со спецслужбами США и других стран.

У СИС тесные связи с разведками Канады, Австрии, Новой Зеландии. Они создавались при помощи Интеллидженс Сервис, и многие их сотрудники проходили подготовку в Англии. Численность личного состава — государственная тайна. Запросы, исходящие из средств массовой информации, рассматриваются назначенным для этого офицером пресс-службы Министерства иностранных дел и по делам Содружества. Вследствие особого, секретного характера деятельности, правилом работы является не давать комментариев по поводу операций разведслужбы, ее штата, агентов, или отношений с иностранными спецслужбами. МИ-6 не имеет своей пресс-службы. МИ-6 вносит свой вклад в большое межведомственное национальное разведывательное сообщество, где Разведслужба вплотную работает с двумя другими британскими службами безопасности и разведки, Центром правительственной связи и Службой безопасности [21, 238].

Важным аспектом деятельности спецслужбы является убеждение общественности, создание мифов, распространение слухов. Средства информации в конце 90-х гг. сообщали множество историй относительно возможных программ химического и биологического оружия Саддама Хусейна в Ираке. МИ-6 создала разведывательную информацию, что

у Ирака имелись планы заняться контрабандным ввозом сибирской язвы в Англию во флаконах духов в магазинах Дьюти-Фри. История с магазинами Дьюти-Фри последовала за рядом подобных, инспирированных МИ-6, историй, переданных общественности в целях манипулирования общественным мнением. История, рассказанная министром иностранных дел Робинотом Куком о шестнадцатилетнем мальчике, который был заключен в тюрьму режимом Саддама, начиная с пятилетнего возраста, за то, что бросал камни в портрет иракского президента, получила широкий резонанс в британском обществе и за рубежом.

В начале 1999 года стало очевидно, что опасения Ирака относительно «западных шпионов» были в значительной степени оправданы. Офицеры МИ-6 работали под прикрытием Инспекции ООН по оружию, проверяющей разработку химического и биологического оружия в Ираке. Министерство иностранных дел Великобритании было первоначально против этой идеи, полагая, что это компрометирует целостность Инспекции [5, 775].

Британские газетные статьи представляли Саддама как тирана, что отвечало демократическим представлениям британцев и американцев. Немецкие специалисты настаивали на том, что нет прямых доказательств того, что Ирак вовлечен в международный терроризм. Против Ирака объединились МОССАД, немецкая, польская разведки, ЦРУ и МИ-6. Ирак атаковал своих оппонентов, используя небольшие ударные группы, убивая диссидентов, находящихся в изгнании на Западе. Однако Ирак не ставил целью террористическое нападение на Западную Европу.

В 1996 году МИ-6 сотрудничала с руководителем резидентуры ЦРУ в Лондоне, Томасом Твинтеном, в проведении операций в северном Ираке. ЦРУ и МИ-6 вложили миллионы долларов в основанное в Лондоне Иракское национальное согласие. К сожалению для МИ-6, эта организация была пронизана информаторами и двойными агентами. Организуя оппозицию из Курдистана, она планировала убийство Саддама. Их планы были обнаружены только потому, что агентство национальной безопасности перехватило разведывательные данные, которые и пролили свет на детали заговора. После другого конфликта между американцами и Саддамом Хусейном по поводу инспекции оружия, ЦРУ и МИ-6 сделали очередные попытки создать иракскую оппозицию из числа разрозненных

групп, находящихся в изгнании.

Таким образом, в иракских событиях британскими спецслужбами применялись различные коммуникативные технологии: манипуляция, распространение слухов. Т. Томас определяет разные подразделения манипуляции: обман, управление восприятием, психологические операции [15, 138].

Образ войны в Ираке близок к образу войны в Югославии 1999 года. Он очень хорошо выдержан символически. Например, в связи с событиями в Югославии МИ-6 составила двухсторонний меморандум «Предложения по физической ликвидации сербского президента Слободана Милошевича», где он представлен врагом, который думает о создании Великой Сербии, тайно и противозаконно поддерживает Радована Караджича и его план геноцида в отношении албанского населения Косово.

Аналогично операциям в Ираке, в Югославии действовала минирезидентура, и состояла она из одного офицера, оснащенного портативным компьютером с заложенной в него шифровальной программой и спутниковым факсом. Офицер действовал под прикрытием местной тайной полиции. Никаких привилегий для таких офицеров в МИ-6 не было. После 6 месяцев службы он получал щедрую денежную компенсацию. Такие резидентуры действовали в Сербии и Македонии.

В Югославии совместно действовало несколько иностранных разведок. Резидентуры, занимаясь активной разведывательной деятельностью на Балканах, использовали коммерческие, журналистские, дипломатические, научные, религиозные, криминальные, гуманитарные, политические оперативные прикрытия [16].

Взаимодействие разведок осуществлялось на основании достигнутых ранее договоренностей разделения функций: американцы вели стратегическую военную и техническую, англичане — политическую и оперативно-тактическую разведку. Французы и немцы пытались не расшифровывать свои источники оперативной информации перед своими партнерами и старались работать самостоятельно.

Разнообразные слухи, активно запускаемые объектовой агентурой, ломали процесс реального восприятия образа врага, интенсивно наращивая психологическое воздействие, активно влияли на моральное, психологическое состояние армии и гражданского населения [15, 174].

Так, через несколько дней после опуб-

ликования 4 февраля 2000 года в «Независимом военном обозрении» статьи «Балканы ждут Россию», ее автор, министр обороны СРЮ Павел Булатович, был ликвидирован. Статья призывала к скорейшему восстановлению военно-технического сотрудничества между Москвой и Белградом.

25 апреля 2000 года был убит ближайший соратник президента С. Милошевича, 60-летний Ж. Петрович, директор авиакомпаний «МТ». «Отстреливая» окружение Милошевича, разведка добивалась достижения «болевого порога». Сегодня известны следующие разведчики, работающие в Югославии: 1. Гарольд Эллексон, 2. Ричард Томлинсон, 3. Марк Болди, 4. Николас Фишвик, 5. Морис Кенврик-Пирс, 6. Николас Бернард, сотрудник центрального аппарата МИ-6, часто посещал Балканы, 7. Фрэнк Фишвик, 8. Ричард Джордж Хоппер Флетчер, 9. Роберт Эндрю Фултон, 10. Джон Ридд, 11. Глинн Эванс, 12. Алан Пети, 13. Саймон Джулс Уилсон, 14. Энтони Леопольд Монктон, 15. Джулиан Джон Роберт Клайв Харстон, 16. Энтони Джонатан Терри, 1946 года рождения, сотрудник МИ-6, Белград, 1992 год, 17. Джордж Бенедикт Басби, 18. Джеймс Блаунт, 19. Руперт Боуэн, 20. Кристофер Паркер Барроуз, 21. Тим Спайсер, 23. Тимоти Брэдли [6]. Наиболее известные резидентуры у МИ-6 были в то время в Белграде, Загребе, Сараево, Любляне, Скопье [16,18].

Участие МИ-6 в различных операциях информационно-психологической войны не повлияло на ее авторитет в стране. Об этом свидетельствовало появление 14 июля 1994 года у Моста Воксхолл нового штаба Ми-6. Комментатор «Гардиен» Хьюго Янга отмечал, что новый штаб был признаком того, что разведка все еще имеет влияние в Уайт-холле. «...Величественное здание обошлось казне в 85 миллионов фунтов стерлингов. В еженедельном служебном информационном бюллетене запрещались разговоры о перерасходе. В тронной речи королевы в октябре 1993 год при открытии сессии парламента нового созыва было заявлено, что заметное местоположение здания отражало готовность разведслужбы стать частью правящих силовых кругов Великобритании. И только через год появился закон о минимальной финансовой отчетности МИ-6» [18]. Это был яркий пример поддержания имиджа разведслужбы.

Коммуникационные технологии применялись разведывательной службой для вербовки агентов. Это были журналисты, желательны — приближенные к политической

элите, либо привлекалась оппозиция, противостоящая официальным властям, широко использовались служащие отелей, банков, информационных агентств, а также привлекались офицеры КГБ, Польской разведки. Особый интерес представляли журналисты-разведчики, действовавшие под «журналистским прикрытием» [5,478].

В коммуникативной деятельности разведки использовались следующие технические средства: «офсетная техника» (тайнопись, которая держится в секрете от служб других стран, даже от ЦРУ), осуществляется аудиозапись на магнитофоне «Петтл»; применялись модифицированные настольные компьютеры. Разведчики пользовались радиосвязью с помощью куклы «Гарфилдский кот», в лапах которого были присоски, позволяющие агенту прикрепить передатчик к боковому окну машины и подавать сигнал. Разведчики умело обращались с миниатюрными и разборными фотокамерами. Шифровальная техника АТНС (автоматизированная система обработки шифрограмм) была сложна и медлительна, поэтому они часто использовали традиционные методы. В работе широко использовались подслушивающие устройства (микрофон со встроенным компьютером). В МИ-6 был создан отдел UKZ (отдел расшифровки и перехватов), где широко использовались возможности Интернета и мобильной связи.

В операциях в Персидском заливе и Югославии действовала 602-я часть подразделения полка связи. Она обслуживала зарубежные станции высокочастотной радиорелейной связью и располагала высокочастотными радиоаппаратами «Калекс», которые работали быстрее и проще, чем спутниковая связь [18].

Однако Великобритания не имела достаточно средств, чтобы конкурировать с американцами. Она всего лишь имела доступ к информации со спутника второго поколения «Магнум», появившегося в 1995 году [773].

Устаревшие идеи национальной безопасности мешали сотрудничеству Британии с европейскими партнерами. МИ-6 и ЦРУ считали, что немецкая разведка допускала «утечки» информации. Агрессивная тактика американских агентств провоцировала французов. Принцип разведки гласит, что нет никаких дружественных разведывательных служб, и МИ-6, как было известно, работала против своих европейских партнеров. Десять сотрудников в штабе МИ-6 управляли операцией «Джетстрим», которая координировала

экономический шпионаж против Франции, Германии, Испании, Италии и Швейцарии [5,778] МИ-6 активно проводила разведоперации против союзников. Шпионажем в европейских странах занималось особое управление UKB, в котором было 15 офицеров. Управление работало в непосредственном контакте с ЦРУ. Основные направления работы UKB – это Германия и Франция. В Германии МИ-6 вела главным образом экономический шпионаж, а во Франции – дипломатический и военный. Причем при проведении операций в Европе UKB пользовалось “чужим флагом”. В штате UKB отставной офицер BND (немецкая внешняя разведка) был завербован в 1992 году. Через своих бывших коллег он добывал информацию о деятельности BND, его привлекали и к проведению прямых операций против Германии. Для этого он использовал австрийский паспорт. В число шпионских целей UKB входят и различного рода организации Объединенной Европы. Когда создавался Центральный банк Европы, МИ-6 предпринимала активные попытки проникновения в него [18].

С наступлением нового столетия и эпохи демократизации ведущие страны Европы и США одним из главных ориентиров во внутренней и внешней политике считают права и свободы человека. В Великобритании сторонники реформ отчасти находили понимание у Уайт-холла. Британское Правительство, какая бы партия его ни возглавляла, продолжало целеустремленно преследовать бывших должностных лиц разведслужбы и журналистов, чтобы оградить общественность от лишней информации. Р. Томлинсон в книге «Большой провал» развеивает мифы о секретной службе и делает деятельность МИ-6 доступной для общественности. В то же время в ней содержится критика «вероломных методов» войны с неблагонадежными во имя поддержания безукоризненной репутации разведслужбы. «Более разрушительна для репутации МИ-6 история моей жизни после ухода из разведслужбы, изобличающая карательную природу этого ведомства», – сообщает автор в своей книге [18]. Британский еженедельник “Санди таймс” передавал, что служба внешней разведки Великобритании МИ-6 обвинила бывшего сотрудника Ричарда Томлинсона в заключении сделки с российскими спецслужбами, которые согласились издать его мемуары. Представители МИ-6 признали, что большая часть текста, попавшего к ним, в основном соответствовала фактам, но при этом утверждали, что в некото-

рых эпизодах Томлинсон смешивает правду и вымысел. В книге Томлинсона рассказывается о методах подготовки агентов, создании “легенд”, проведении некоторых операций. Автор описывает, как сотрудников разведки вынуждали скрывать свою профессию от семьи, и уделяет много внимания рассказу о том, как МИ-6 преследовала его по всему миру. Ричард Томлинсон стал сотрудником внешней разведки в 1991 году, окончив Кембридж. Ему прочили блестящую карьеру, но после периода службы в Боснии он был неожиданно уволен. Томлинсон пытался подать на МИ-6 в суд, но суд не состоялся в интересах национальной безопасности. В 1996 Томлинсон был посажен в тюрьму за разглашение секретных сведений, а именно – за передачу текста своей книги австралийскому издательству. Томлинсон утверждал, что сотрудники МИ-6 угрожали ему пожизненным преследованием, чтобы заставить уступить авторские права на все мемуары о его службе в разведке.

Сегодня он проживает в Италии и находится под наблюдением. МИ-6 утверждает, что он является сотрудником сразу трех российских спецслужб: ФСБ, ГРУ и Службы внешней разведки. В ответ на это он заявил: «Нет никаких доказательств, подтверждающих эти обвинения. Но если они верные, то я благодарен русским за поддержку свободы слова» [1].

Сегодня МИ-6 стремится привлечь внимание общественности к своей деятельности. В 2005 году, руководствуясь целью развеять миф о тайной спецслужбе, МИ-6 открыла в Интернете свой сайт. Причинами для этого были: во-первых, стремление выглядеть открытой для общественного контроля, во-вторых, привлечение новых работников из разных слоев общества, чтобы получить ответы на вопросы, кто такая Аль-кайда или насколько реальна угроза применения ядерного оружия. Сайт направлен на широкую целевую аудиторию, его содержание переведено на несколько языков, в том числе арабский, китайский, русский. На сайте можно ознакомиться с условиями сотрудничества и сообщить о своем желании работать в МИ-6 через Почтовый ящик: PO 1300, London SE1 1BD, либо по Интернету (<http://www.mi6.gov.uk/>) [20,238]. Одним из важных современных направлений деятельности службы СИС является борьба с распространением оружия массового поражения. В сентябре 2002 года в Британии развернулась дискуссия в СМИ по поводу Иракского досье об ОМП (оружие

массового поражения). Ее участниками были журналисты ВВС, премьер-министр Т. Блэр, глава разведки Дж. Скарлетт, член парламента лорд Хаттон, представители общественности. Глава разведки Дж. Скарлетт стремился оправдать внешнюю политику Великобритании в Ираке и вместе с тем защитить репутацию разведслужбы. Он руководил составлением Иракского досье и считал, что никаких сомнений в правдивости использованных фактов не было, а утверждение о 45-минутной готовности иракского оружия массового поражения (ОМП) не было включено в черновой вариант досье. Он предупреждал Т. Блэра о давлении на доктора Д. Келли, который выступил в программе «Сегодня» 4-го канала радио ВВС и поставил под сомнение достоверность наличия ОМП у Ирака. Военный эксперт доктор Келли был убит. Комиссия лорда Хаттона, расследующая дело Келли, оправдала официально Иракское досье. Главной темой британской прессы стали последствия доклада лорда Хаттона, подвергнувшего критике ВВС за предположение о преувеличении правительством иракской угрозы. «На парламентских дебатах по докладу Хаттона было высказано сомнение – способен ли премьер-министр Тони Блэр извлекать правильные выводы из разведывательной информации, когда он признал, что был убежден в наличии у Саддама Хусейна химического и биологического оружия дальнего радиуса действия», – сообщала газета «Гардиан».

«Индепендент» получила конфиденциальный документ, из которого явствовало, что совет попечителей ВВС отверг рекомендации своих юридических консультантов, указавших на правовые изъяны в докладе и на сомнительность заявлений высших чиновников, и вместо этого решил извиниться перед правительством. Рядовые сотрудники ВВС были возмущены тем, что попечители так быстро капитулировали.

«Британцы должны быть в курсе того, что им угрожает – это больше не советские шпионы, а террористы, организованная преступность. Впрочем, МИ-6 замечает, что чем больше света проливается на ее деятельность, тем ниже ее эффективность», – заявляла газета «Таймс» [22].

В стране произошли демонстрации и митинги протеста с требованием независимости телекомпаний ВВС [19]. Премьер-министр Тони Блэр выступил в защиту сведений, собранных МИ-6 об Иракском досье и сказал, что будет продолжать войну в Ираке [4]. «Файнэншл таймс» сообщала, что кон-

сервативная пресса требовала от Блэра снять руководителя МИ-6. Досье стало причиной ссоры между американскими и британскими разведывательными службами. Директор ЦРУ Джордж Тенет выражал сомнение по поводу достоверности сообщений. Британская разведка настаивала на том, что они соответствовали действительности и являлись надежным источником информации. Этот источник называет другая газета, «Файнэншл таймс». «Подобный вывод, – пишет «Таймс», – ставит под сомнение лейтмотив довоенной риторики Буша и Блэра, что Саддам-де должен быть свергнут, потому что располагает оружием массового поражения и таким образом представляет угрозу для внешнего мира» [6].

События вокруг Иракского досье коснулись и позиции главы разведки Дж. Скарлетта. В ответ на нападки на главу разведки Тони Блэр заявлял: «Джон Скарлетт – отличный государственный чиновник, служивший и консервативным, и лейбористским правительствам многие и многие годы». В развернувшейся дискуссии Джон Скарлетт сумел сохранить имидж авторитетного руководителя, преданного своему правительству и соответствующего репутации секретной службы [2].

Слухи об ОМП послужили основанием для манипуляции сознанием граждан в связи с надвигающейся террористической угрозой [3].

Именно на основе данных, полученных разведорганами из серьезных и надежных источников, было принято решение отменить несколько трансатлантических авиарейсов. «Гардиан» сообщает, что авиакомпании British Airways, Air France и Continental Airlines отменили в общей сложности шесть полетов в Америку и обратно; в аэропортах по обе стороны Атлантики принимаются особые меры безопасности [9]. Тема терроризма в Ираке и Афганистане становится предметом обсуждения Тони Блэра и президента Пакистана Мушаррафа. Президент Мушарраф был крайне недоволен докладом сотрудника Министерства обороны Великобритании, в котором разведка Пакистана обвинялась в поддержке терроризма.

«Я категорически, на 200%, отрицаю это», – заявил Мушарраф в интервью Би-би-си накануне встречи с Тони Блэром. Генералу Мушаррафу эти рекомендации не пришлись по душе. В интервью он язвительно сказал, что и сам мог бы посоветовать автору доклада «сначала предложить распустить Министерс-

тво обороны Великобритании, а уж потом призывать к упразднению ISI».

Представители Министерства обороны Британии заявили, что документ никоим образом не отражал официальную точку зрения армии и правительства Ее Величества. В Минобороны полагали, что утечка доклада в прессу была намеренной – кто-то отчаянно хотел испортить отношения между двумя странами [14].

Современная СИС контролирует глобальную торговлю наркотиками. Из Лондона осуществляется руководство ЦРУ, МОССАД. Джеймс Касболт, бывший агент британской МИ-6, сообщает, что с момента основания МИ-6 постоянно завозила наркотики в Британию, при этом манипулируя множеством организованных групп. Агент утверждает, что «большая часть денег от черных операций использовалась для финансирования проектов с грифом «совершенно секретно» (база Дульче (Нью Мехико), Пайн гэп, Монблан). Таким образом, данная сфера деятельности МИ-6 обеспечивает ей позиции лидера, пусть криминальными средствами, но предоставляет ей широкие финансовые возможности, а также контроль над СМИ и возможность вмешательства в политику других государств, оказывая влияние на деятельность зарубежных разведслужб [7].

В настоящее время актуальными вопросами в деятельности МИ-6 продолжают оставаться отслеживание положений дел в Российской Федерации и стремление завербовать двойного агента. Британская разведка продолжает заниматься коммерческим шпионажем и вербовкой агентов других стран. «Это напоминает тайники прошлого, правда, с учетом технического прогресса, и в то же время свидетельствует о возврате к сбору разведданных с помощью людей, а не только посредством спутников и мониторинга», – считает Алекс Стэндиш, редактор «Джейнс интеллидженс дайджест». В 2004 году газета «Известия» написала, что Скрипаль «во второй половине 90-х годов, находясь в долгосрочной командировке, начал сотрудничать с английской разведкой Ми-6». «Эти контакты продолжались и после его ухода из спецслужб», – утверждает газета. Источники газеты сообщали, что за сумму, превышающую 100 тысяч долларов, Скрипаль передал секретные сведения о своих сослуживцах, которые работали в Европе [11].

Таким образом, будучи секретной службой Великобритании, СИС предоставляла Британскому правительству всеобъемлющие

скрытные возможности, используя различные коммуникационные технологии. Однако в полной мере коммуникационный менеджмент не был применен в деятельности разведки. Только в начале XXI века МИ-6 вступила в период пересмотра своей работы в области коммуникаций, продолжая оставаться заложницей интересов правительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Британский «Аквариум» // news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_1118000/1118287.stm
2. Бывший шпион в СССР возглавил МИ-6 // news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_3692000/3692391.stm
3. Бывший глава МИ-6 - о возможности новых терактов // news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_4402000/4402096.stm, 03.11.2005
4. Доклад Хаттона был не чистым // news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/3458541.stm, 04.02.2004
5. Доррил С. МИ-6 . Пятьдесят лет специальным операциям. Лондон. Четвертое издательство, 2000. 778 с.
6. Как поссорились ЦРУ и МИ-6 // news.bbc.co.uk/hi/russian/press/newsid_3063000/3063467.stm
7. КАСБОЛТ Д, МИ-6 ВЛАСТЕЛИНЫ ГЛОБАЛЬНОЙ НАРКОТОРГОВЛИ // www.intellectual.org.ua/Spa39.htm
8. Консервативные нападки на Блэра из-за главы МИ-6 Financial times, 27.08.2004
9. Можно ли верить спецслужбам? // news.bbc.co.uk/hi/russian/press/newsid_3450000/3450307.stm
10. Новые приемы древнего ремесла // news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_4640000/4640446.stm
11. Офицеру спецслужб России дали 13 лет за измену // news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_4775000/4775277.stm
12. Парламентский комитет по разведке и безопасности // www.agentura.ru/dossier/uk/committee/
13. Пашенцев Е. Н. Предисловие // Коммуникационный менеджмент в мировой политике и бизнесе. Под научной редакцией Е.Н. Пашенцева. В 2-х тт.: Т. I-М.: Слово, 2007. 362 с.
14. Президент Пакистана принял заверения Блэра // news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_5388000/5388738.stm
15. Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война. М.: Синтег. 2000. 18 с.
16. Рудаков А.Б., Яковлев А.А. НАТО против Югославии, противодействие агрессивному блоку НАТО в системе национальной безопасности России на примерах Балканского конфликта. М.: Славянское братство, 2000. 31 с.
17. Спецслужбы Великобритании // www.radioscanner.ru/info/article183/
18. Томлинсон Р. Большой провал. Раскрытые секреты британской разведки MI6 / Пер. с

англ // www.ruslib.com/DETEKTIWY/TOMLINSON/mi6.txt

19. Штат БИ-БИ-СИ протестует против притеснений // news.bbc.co.uk/2/hi/entertainment/3459141.stm, 05.02.2004
20. Чем мы занимаемся // www.mi6.gov.uk/output/Page238/html
21. Черкасов Дмитрий. Книга: Невидимки // www.lib.ru/RUSS_DETEKTIW/CHERKASOW/newidimki1.txt
22. Экс-директор МИ-6 защищает иракское досье // news.bbc.co.uk/2/hi/russian/uk/newsid_3182000/3182199.stm

References:

1. Dorril, S. MI-6 Fifty Years of special operations. London, Fourth Estate, ISBN 1-85702-701-9. Humphreys, Rob (1999). 747p.
2. MI-6 History of SIS <http://www.mi6.gov.uk/output/Page238.html>
3. BBC staff protest at pressure' <http://news.bbc.co.uk/2/hi/entertainment/3459141.stm>, 05.02.2004
4. Pocheptsov G.G. Informationsno-phiologichis-

ray vojna.-M.-Sinteg, 2000 180p.

5. Hutton report 'was no whitewash' // http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/3458541.stm, 04.02.2004

S. Zudochkina

THE WORK OF THE GREAT BRITAIN'S INTELLIGENCE SERVICE IN THE 90'TH OF THE XX CENTURY

Abstract. Communication management is a professional management of people and capitals with the help of communications. Secret intelligence services use communication management for effective activity. Information of secret service form public opinion, influence on the government, separate figures, and at times can be reasons of crisis situations. MI-6 is under the control included in the state of MFA of Great Britain. Played a leading role in activity of MI-6 is by a prime minister.

Key words: communications, crisis situations, secret intelligence service, communication management, public opinion.

УДК 94 «20/21»

Комаров А.Н.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАНАДСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА В ПЕРИОД НАХОЖДЕНИЯ У ВЛАСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВ Б.МАЛРУНИ И С.ХАРПЕРА*

Аннотация. Данная статья раскрывает отличительные особенности канадского консерватизма в период нахождения у власти правительств Б.Малруни и С.Харпера. Автор останавливается на модернизации Прогрессивно-консервативной, а затем и Консервативной партии в периоды избирательных кампаний 1984, 2006 и 2008 гг., характеризует принятые консерваторами меры по решению франкоканадского вопроса.

Ключевые слова: Б. Малруни, С.Харпер, Канада, консерватизм, идеология, Квебек, выборы.

В эпоху глобальных вызовов начала XXI в. чрезвычайно важным представляется обращение к принципам консервативной идеологии, которую отличают стремление к общественной стабильности, приверженность традиционным морально-нравственным ценностям, единство нации и патриотизм, ре-

лигиозные и семейные устои. В этой связи представляется небезынтересным анализ политической практики канадских консерваторов во главе с Б.Малруни и С.Харпером в период нахождения у власти, а также подготовки к всеобщим выборам 1984, 2006 и 2008 гг.

Принимая во внимание все вышесказанное, цель данной статьи заключается в попытке исследования отличительных особенностей канадского консерватизма и их реализации в политике правящих кабинетов Б.Малруни и С.Харпера.

В целом канадский консерватизм представляет собой сложное идейно-политическое течение, связанное с историческими реалиями образования самой федерации. К его отличительным особенностям можно отнести ориентацию на британский консерватизм и монархический строй Великобритании, опору на традиционализм, морально — нравственные устои общества. Канадские консерваторы, в частности, являлись после-

* © Комаров А.Н.

довательными сторонниками идей Э. Берка и трактовали его постулаты, прежде всего, с точки зрения законности и порядка, а также стремления к правовому демократическому государству.

В истории канадского консерватизма, на наш взгляд, можно отметить ряд последовательных исторических этапов, тесно взаимосвязанных между собой.

Первый этап охватывает период с 1608 по 1760 гг., когда носителем консервативной идеологии и традиций в канадском обществе выступала католическая церковь, стремящаяся не только упрочить свое существующее положение, но и создать на территории Новой Франции масштабную аграрную колонию с законопослушным населением [1, 15 - 41].

Второй этап вмещает в себя временной интервал с 1760 по 1867 гг. Он связан с организационным оформлением в 1854 г. Консервативной партии Канады [2, 15 - 41]. Именно лидер консерваторов Дж. Макдональд возглавил первое после образования федерации правительство парламентского большинства [3, 83; 49-50].

К третьему этапу необходимо отнести период второй половины XIX – первой четверти XX вв., в течение которого консерваторы формулировали основные направления внутренней и внешней политики страны, а также сохраняли контроль над большей частью избирательного корпуса.

Четвертый этап развития канадского консерватизма охватывает период 20-х начала 80-х гг. XX в. Находясь на вторых ролях на данном этапе и управляя во второй половине XX вв. государством, только в 1957-1963 гг. (правительство Д.Дифенбейкера), и в 1979-80 гг. (правительство Дж. Кларка) основные конкуренты либералов, тем не менее, интенсивно искали пути обновления своего политического имиджа.

Пятый этап, начавшийся с 1984 г., был связан с нахождением у власти Прогрессивно-консервативной партии во главе с Б. Малруни в 1984-1993 гг.

Шестой этап можно условно датировать 2006-2008 гг., т.е. периодом правления консервативного кабинета С. Харпера до парламентских выборов 14 октября 2008 г., а также после них.

Важной чертой канадского консерватизма, как и британского, явилась его постоянная способность к адаптации к новым социально-экономическим и политическим реалиям, характерным в XX в. как для самой федерации, так и для мирового сообщества в

целом. Таким образом, соблюдая приверженность своей идеологии, канадские консерваторы не стремились к резким политическим переменам, вызывающим катаклизмы, а последовательно проводили курс на расширение своего влияния среди электората. Это подчеркивало их психологическую близость как с американским, так и с британским консерватизмом [4, 23 - 59].

К 1983 году относится выход детальной программы Б. Малруни «На чем я основываюсь», где лидер консерваторов изложил свое концептуальное видение будущего канадской федерации, прежде всего, с точки зрения разрешения франкоканадского вопроса [5, 40]. В этой связи он склонялся к серьезным уступкам Квебеку, рассматривая дальнейшее развитие провинции как «самобытной общности» в рамках Канады [6, 40].

В отличие от Либеральной партии и ее лидера – Д.Тернера, консерваторы во главе со своим талантливым лидером Б. Малруни провели энергичную избирательную кампанию. Это проявилось, прежде всего, в формировании солидного материального фонда, активной работе с избирателями, многочисленных выступлениях и поездках по стране, правильно спланированной рекламной кампании на телевидении и в других средствах массовой информации, своевременно сформулированных и опубликованных программных положениях.

В результате сочетания вышеперечисленных для ПКП благоприятных причин, умело проведенной избирательной кампании и харизматических качеств Б. Малруни, всеобщие выборы в Канаде, состоявшиеся 4 сентября 1984 года, впервые привели к серьезному поражению Либеральной партии, получившей 28% голосов избирателей, и 40 мест в Палате Общин, вместо имеющихся у нее ранее 139. ПКП завоевала 50% голосов электората, а также 211 из 282 мест в Палате общин, где до этого она обладала всего 103 местами. НДП полностью оправдала предвыборные прогнозы, получив 18% голосов и 30 мест в Палате общин [7, 20].

Проявлением консервативной идеологии во внутренней политике явилась Мичлейкская конституционная инициатива, согласованная в 1987 г. между премьер-министром и руководителями канадских провинций, и представлявшая собой попытку разрешения франкоканадского вопроса.

В частности, было официально признано «...наличие франкоканадского населения, проживающего главным образом в Квебеке,

но присутствующего также и в остальной Канаде; и англоканадского общества, существующего как в самом Квебеке, так и вне его. Наличие этих двух языковых категорий населения и представляет собой фундаментальную характеристику Канады» [8, 3]. В документе было подчеркнуто, что Квебек представляет собой «самобытную общность» в рамках канадской федерации, что подразумевало предоставление ему значительной автономии, связанной с языковой, социальной, образовательной, культурной и иммиграционной политикой.

И хотя Мичлейкское соглашение не было в конечном итоге ратифицировано, в самом переговорном процессе был создан важный юридический и политический прецедент, в соответствии с которым де-факто признавалось особое положение Квебека в рамках федерации.

В связи с неудавшейся ратификацией Мичлейкского соглашения и ростом националистических настроений в Квебеке федеральное правительство оказалось в непростой ситуации. Необходимо отметить, что в данной ситуации консерваторы не самоустранились от продолжения своих мероприятий в конституционной сфере, последовательно выполняя тем самым одно из своих основных предвыборных обещаний. Консерваторы настойчиво добивались урегулирования проблемы присоединения Квебека к Акту о Конституции 1982 г. мирными конституционными методами, что явилось показателем высокого уровня демократического развития канадского государства и его приверженности общепринятым либерально-правовым принципам существования.

В августе 1992 г. по инициативе Б.Малруни было подписано Шарлоттаунское соглашение, которое явилось попыткой соединения взаимоисключающих друг друга установок — Квебека как «самобытной общности» в рамках канадской федерации, с одной стороны, и принципа юридического равноправия всех провинций, с другой. В частности, в разделе 1.3. представители ПКП подчеркнули: «Квебек образует в рамках канадской федерации «самобытную общность», и обладает как собственной уникальной культурой, так и гражданскими законами» [9, 1-2]. В параграфе 1.7. было отмечено: «...в основе канадской федерации лежит юридическое равноправие всех входящих в ее состав провинций» [10, 2]. В этом и состояло коренное отличие нового документа от Мичлейкских договоренностей, где самобытность квебекс-

кого общества стояла на первом месте. Данное положение явилось следствием многочисленных общественных дискуссий. Таким образом, конституционная инициатива носила характер политического компромисса, которым правительство Б.Малруни надеялось удовлетворить как требования Квебека, так и интересы англоканадцев.

Из-за общественных разногласий Шарлоттаунское соглашение было отвергнуто на общенациональном плебисците в октябре 1992 г., и очевидность поражения Прогрессивно-консервативной партии на всеобщих выборах осени 1993 г. побудила премьер-министра Б.Малруни объявить о своей предстоящей отставке в июне [11, 101-102; 227-229].

Однако, несмотря на провал конституционных инициатив консервативного кабинета Б.Малруни, основная масса населения проявила приверженность принципам демократии, в чем, на наш взгляд, была немалая заслуга лично самого лидера консерваторов.

Очередные успехи консерваторов в начале нынешнего столетия были связаны с деятельностью С. Харпера, который, после 13 лет непрерывного нахождения либералов у власти, возглавил впервые в 2006 г. правительство парламентского меньшинства, повторив затем свой успех в 2008 г. Однако этим событиям предшествовала долгая и кропотливая деятельность нового лидера консерваторов, которая в итоге способствовала возрождению интереса канадских избирателей к идеологии его партии.

На наш взгляд, политические взгляды С.Харпера, воплощенные в программных установках его партии, представляли собой далеко не просто совокупность популистских воззрений, а являлись воплощением четко выраженной и продуманной центристской неоконсервативной идеологии, которая учитывала бы интересы и нашла поддержку у значительной части канадского общества. Обобщая предыдущий политический опыт прогрессивных консерваторов, с одной стороны, а также Канадского альянса, с другой, С.Харпер в то же время не принимал в чистом виде установки ни одной из этих партий, а выдвигал некую общую проконсервативную составляющую, которая бы ассоциировалась у канадских избирателей, прежде всего, со стабильностью и благоденствием. Это означало не только адаптацию канадского консерватизма к имеющимся социально-экономическим и политическим условиям, но и эволюцию его сущности как идеологии.

Развивая свою энергичную деятель-

ность по консолидации всех проконсервативных сил, С.Харпер в то же время сделал абсолютно правильные выводы из своего поражения на предыдущих всеобщих выборах 2004 г., когда либералы обвинили его в «скрытой повестке дня», которую он реализует в случае своего успеха [12, 69]. Поэтому на этот раз одним из первоочередных намерений С.Харпера явилось заблаговременное и публичное обнародование постулатов своей предвыборной программы. Как отмечал по этому поводу в канадской газете «Глоб энд Мейл» обозреватель Дж. Саллот, «...программные положения С.Харпера можно было услышать абсолютно везде: в магазине по продаже электроники, где слушали его обещания уменьшить на 2% «налог на товары и услуги»; в уютной домашней обстановке, где родители обсуждали обещания лидера консерваторов выплатить семье с детьми в возрасте до шести лет по 1200 долларов в год на каждого ребенка. С.Харпер осознал, что лучше самому рассказать о своих планах и намерениях, нежели это, наоборот, сделают в специфической манере его политические оппоненты [13].

В августе-сентябре этого же года консерваторы осуществили запуск телевизионной рекламной кампании, в ходе которой С.Харпер был изображен заботливым политиком, обсуждающим социальные проблемы со своими коллегами по партии. С ноября 2005 г. консерваторы стали обращаться к электорату фактически с ежедневными посланиями в средствах массовой информации, обращая, прежде всего, внимание на насущные социальные проблемы. Не менее важным явился и тот факт, что Либеральная партия во главе П.Мартином обнародовала свои программные положения только после рождественских праздников, тем самым непроизвольно предоставив возможность консерваторам С.Харпера доминировать в средствах массовой информации до этого в течение нескольких недель.

В своей предвыборной программе, состоявшей из шести частей, консерваторы остановились на наиболее актуальных проблемах, связанных с вопросами здравоохранения, социального обеспечения, уменьшения налогообложения, выплатами детских пособий и т.д. [14, 70-71]. Консерваторами в очередной раз было подчеркнуто стремление нормализовать отношения с франкоязычной провинцией Квебек [15].

Тем самым, на наш взгляд, консерваторы отразили свое давнее стремление добиться прогресса в федерально-провинциальных от-

ношениях с точки зрения понимания насущных требований Квебека как «самобытного общества» в рамках канадской федерации.

Немаловажную роль в формировании положительного имиджа консерваторов сыграла и крайне неудачная рекламная кампания, проведенная Либеральной партией П.Мартина. Телевизионная реклама главных оппонентов была сфокусирована на чрезмерной критической оценке избирательной платформы как самих консерваторов, так и непосредственно личности С.Харпера. Изображая в тридцатисекундном телевизионном ролике лидера Консервативной партии под звуки боя военного барабана, либералы попытались сформировать о нем представление как о крайне несамостоятельном и некомпетентном политике, не обладающим способностью в будущем принимать важнейшие для страны решения. Обрушиваясь с критикой на лидера консерваторов, либералы вопрошали: «... кто оплатил С. Харперу его вхождение в партийную верхушку? Нам это не известно. Ведь он отказывается обнародовать имена всех своих спонсоров.

С. Харпер много обещает, но в итоге ничего не выполнит. Что скрывается за лозунгами консерваторов?» [15]. Однако избирателям не понравились чрезмерные попытки либералов раскритиковать программные положения консерваторов [16].

Анализируя причины прихода консерваторов к власти в январе 2006 г., следует выделить следующий комплекс факторов, способствовавших этому: во-первых, усталость избирателей от более чем двенадцатилетнего правления либералов; во-вторых, коррупционный скандал, связанный со злоупотреблением государственными средствами на рекламу идей федерализма в Квебеке со стороны рекламных компаний, расследованный комиссией Дж. Гомери, и произошедший как раз во время длительного правления либералов; в-третьих, правильная стратегия и тактика, выбранная партией перед началом избирательной кампании.

В результате на всеобщих выборах 23 января 2006 г. впервые, после 13 лет политического забвения, победу одержала Консервативная партия. За консерваторов отдали свои голоса 36,3% избирателей, что обеспечило им 124 из 308 мест в Палате общин, а также позволило сформировать правительство меньшинства. Место официальной оппозиции заняла Либеральная партия, получившая 30,2% голосов и 103 места в Палате общин. На третьем месте оказался Квебекский блок

с 51 депутатским мандатом, на четвертом – НДП с 29 мандатами [17].

После прихода к власти, консервативное правительство С.Харпера сразу же попыталось выполнить одно из своих главных предвыборных обещаний, связанных со стремлением разрешить франкоканадский вопрос. По инициативе лидера консерваторов канадский парламент в ноябре 2006 г. принял резолюцию, согласно которой Квебек был признан «нацией в составе единой Канады». [18, 108-109; 4]. На наш взгляд, это является характерным проявлением идеологии канадского консерватизма во внутренней политике, когда, начиная еще с прихода к власти Б. Малруни в 1984 г., его сторонники старались максимально ослабить центробежные тенденции в рамках канадской федерации, а также довести франкоканадский вопрос до логического положительного завершения. Как ранее, в 80-е годы прошлого столетия, так и в 2006 г., консерваторы в очередной раз подтвердили свое твердое желание добиться прогресса в области укрепления федерально-провинциальных отношений с точки зрения признания Квебека «самобытным обществом» исходя из принципа дуализма канадской нации.

Консервативная партия во главе со С. Харпером повторила свой успех на всеобщих выборах 14 октября 2008 г. и сформировала в очередной раз правительство парламентского меньшинства. В соответствии с их результатами, консерваторы получили 37,6% голосов и 143 места из 308 в Палате общин, улучшив, таким образом, свой предыдущий результат на 19 мест. Либеральная партия обеспечила себе только 26,2% голосов и 76 мест в Палате Общин [19].

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод об умении канадских консерваторов адаптироваться к внутривнутриполитическим и внешнеполитическим реалиям, стоящим перед страной в начале XXI в. Это позволяет, в свою очередь, свидетельствовать о действенности принципов консервативной идеологии в Канаде в нынешнем столетии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коленеко В.А. Французская Канада в прошлом и настоящем. Очерки истории Квебека XVII-XIX века. М.: Наука, 2006. С.15-41.
2. Там же. С.15-41.
3. Данилов С.Ю. История Канады. М.: Весь Мир, 2006. С. 83; Сороко-Цюпа О.С. История Канады. М.: Наука, 1985. С.49-50.
4. Рахшмир П.Ю. Типология современного консерватизма. М.: Наука, 1986. С. 23-59.
5. Mulroney B. Where I Stand. Toronto, 1983. P.40.
6. Ibid., P.40.
7. Frizzell A., Pammett J.H., Westell A. The Canadian General Election of 1984. Ottawa.: Carleton University Press, 1985. P.20.
8. Strengthening the Canadian Federation. The Constitution Amendment, 1987. Ottawa, August 1987. P.3.
9. Consensus Report on the Constitution. Final Text. Charlottetown, 1992. P. 1-2.
10. Ibid., P.2.
11. Шило В.Е. Практика канадского федерализма: достижения и противоречия/ В кн.: Канада: взгляд из России. Экономика, культура, политика. М., 2002. С. 101-102; Данилов С.Ю. История Канады. М.: Весь мир, 2006. С. 227-229.
12. Подробнее см.: Комкова Е.Г., Барановский К.Ю. Выборы в Канаде: правые консерваторы у власти // США. Канада. Экономика, политика, культура. 2006, №4. С.69.
13. The Globe and Mail, January, 23, 2006.
14. Комкова Е.Г., Барановский К.Ю. Выборы в Канаде: правые консерваторы у власти // США. Канада. Экономика, политика, культура. 2006, №4. С. 70-71.
15. См.: URL: [http://www.theglobeandmail.com/bnfiles/pics/2005election/platform 2006.htm](http://www.theglobeandmail.com/bnfiles/pics/2005election/platform%202006.htm);
- URL: <http://www.conservative.ca/media/20060113-platform.pdf>; Stand Up for Canada. Conservative Party of Canada Federal Election Platform. Ottawa, 2006
16. Liberals Release Series of Attack Ads// URL: [http://www.ctv.ca/servlet/Article News/Story/CTVNews/20060103/ELXN_Liberal_attack ads 060110.html](http://www.ctv.ca/servlet/Article%20News/Story/CTVNews/20060103/ELXN_Liberal_attack%20ads%20060110.html)
17. Комкова Е.Г., Барановский К.Ю. Выборы в Канаде: правые консерваторы у власти // США. Канада. Экономика, политика, культура. 2006, №4. С.69-71.
18. См. по этому поводу.: Комкова Е.Г. Квебекцы признаны нацией, квебекская проблема остается нерешенной // США. Канада. Экономика, политика, культура, 2007, №11. С.108-109; Соколов В.И., Демчук А.Л. Всеобщие выборы в Канаде: прежнее “правительство меньшинства” //США. Канада. Экономика, политика, культура. 2009, №1. С. 4.
19. См.: URL:<http://www.elections.ca>

A. Komarov

THE DISTINCTIVE FEATURES OF CANADIAN CONSERVATISM UNDER THE CONSERVATIVE GOVERNMENTS OF BRIAN MULRONEY AND STEVEN HARPER

Abstract. This article is an attempt to describe the distinctive features of Canadian conservatism under the Conservative governments of Brian Mulroney and Steven Harper.

The author draws attention to the modernization of the Progressive Conservative, and then the Conservative party in the period of the general elections of 1984, 2006 and 2008,

as well as characterizes the conservative measures on the resolving the question of Quebec. The author also clarifies the main directions of external politics of the conservative cabinets.

Key words: Brian Mulroney, Steven Harper, Canada, conservatism, ideology, Quebec, elections.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.7

Быков К.Ю.

ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ КАК ВНЕШНИЕ ИСТОЧНИКИ
ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Аннотация. За последние годы в мире произошли существенные изменения в военно-политической и социально-экономической обстановке. В результате распада СССР и социалистического содружества, а вместе с ними — и военного союза государств-участников Варшавского Договора, исчезла идеологическая конфронтация России с зарубежными странами, уменьшилось военное противостояние. Появились высказывания, что внешней военной опасности для России больше не существует. Однако такое утверждение не соответствует реалиям. Военная опасность для России продолжает сохраняться и при определенных условиях может перейти в военные конфликты различной интенсивности.

Ключевые слова: военный союз, социалистическое содружество, военное противостояние, внешняя военная безопасность, иностранные государства.

Геополитическая ситуация девяностых — начала двухтысячных годов характеризуется взаимодействием различных, порой полярно противоположных, условий, факторов. С одной стороны, действуют заложенные в восьмидесятые годы предпосылки к смягчению международной напряженности, установлению отношений партнерства, доверия, экономического и гуманитарного сотрудничества между странами, регионами, которые прежде разделяли барьеры «холодной войны», идеологического противоборства. В многообразном — многоликом и противоречивом мире пробивает себе тенденция к глобализации, к интеграции, к формированию общецивилизационных механизмов и форм социального развития. Это, в частности, — всемирный рынок, связывающий в единое экономическое пространство народы разных стран и континентов; механизмы демократизации и укрепления норм международного права, межгосударственных объединений и

организаций; процессы научно-технической революции, направленные на совместное освоение космоса, общие поиски новых видов сырья, источников энергии, освоение принципиально новых технологий. Их назначение — в том, чтобы преодолевать разного рода дезинтеграционные тенденции прошлого, такие, как расизм, шовинизм, национализм, тоталитаризм; бороться с наследием колониализма и неоколониализма — бедностью ряда стран Азии, Африки, Латинской Америки; искоренять «пережитки» эпохи «холодной войны», порождавшей отчуждение и недоверие между народами. Идеологическими и политическими знаками происходящих в мире перемен стали разрушение Берлинской стены и вывод контингента советских войск из Европы, распад Организации Варшавского договора, а затем и СССР. На смену конфронтационному биполярному миру стала приходить мировая многополюсность, порожденная стремлением народов, стран к собственному (социальному и политическому выбору, обусловленному как общецивилизационными тенденциями, так и национально-историческими и культурными особенностями; степенью развития экономики, демократических институтов, уклада жизни, культурных обычаев, традиций. В условиях формирующегося демократического многомерного мира человечество почувствовало себя несравненно увереннее, свободнее, ибо стала уходить в прошлое непосредственная опасность мировой термоядерной войны, призрак которой витал над нами в течение сороковых - восьмидесятых годов.

С другой стороны, наряду с указанной интеграционной тенденцией в 90-е г. возникают предпосылки, условия, факторы для обратной тенденции — к дезинтеграции, а значит, для возможного в последующем нового витка международной напряженности. Они так или иначе характерны для всей архитектуры современного политического процес-

* © Быков К.Ю.

са. Известно, что сложившийся в 40 - 80-е гг. прошлого века мировой политической процесс сформировал сложную структуру геополитического пространства. В общем плане она содержит два измерения: по горизонтали (народы, страны, государства с их историческими и географическими факторами, предпосылками, территориальными границами) и по вертикали (техничко-экономическое, социально-политическое, духовно-культурное состояние стран, государств на данном этапе развития). Интеграционные уровни в мировом политическом процессе можно схематично представить так:

- деятельность Организации Объединенных Наций (ООН) и других легитимных международных организаций и органов, представляющих, в частности, нормы международного права;

- политическая практика объединений регионального и субрегионального характера, где представлены межгосударственные и наднациональные интересы входящих в их число стран;

- внешнеполитическая деятельность суверенных, независимых государств с их формами, средствами, методами защиты собственных национальных интересов и национальной безопасности.

Последние два десятилетия характеризуются существенными изменениями на каждом из уровней, которые усилили неравномерность развития, разрывы и отставания ряда стран; обострили проблему их национальной (военной) безопасности. Произошло заметное снижение активности и авторитета таких организаций, как ООН, СБСЕ, представляющих нормы международного права. Зато усилилась деятельность региональных и субрегиональных образований (НАТО, Евросоюз), активно использующих процессы глобализации, механизмы экономической интеграции и демократизации для вмешательства во внутренние политические процессы суверенных государств. В итоге возросли разрывы в экономическом развитии группировки стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), с одной стороны, и беднейшими государствами Азии, Африки, Латинской Америки — с другой. Наряду с традиционной политической осью напряженности «Запад-Восток», все более определенно выступает и другая ось — «Север-Юг» («богатый» Север, называемый также «золотым миллиардом», и «бедный» Юг, который влачит наследие колониализма и неоколониализма); эти отношения отяго-

щает почти полутратиллионный долг развивающихся стран западным государствам, предприятиям, банкам [1]. Становление суверенитета новых независимых государств также отягощено своими проблемами, новыми источниками напряжений. После развала СССР и Организации Варшавского договора возникло свыше двух десятков молодых государств, стремящихся к самоопределению и занятых выяснением отношений друг с другом, и, в первую очередь, — с Россией, которую в мире рассматривают как наследницу и правопреемницу всех долгов распавшегося союзного государства. Зоной напряженных противоречий становятся Ближний Восток, Африка, Латинская Америка, где формируется ось политических напряжений «Юг — Юг» в связи с обострением экономических трудностей ряда развивающихся стран. Таким образом, хотя уходят в прошлое специфические антагонизмы периода «холодной войны», военного насилия и силовой политики в мире не стало меньше.

Источником потенциальных или реальных глобальных напряжений, опасностей, а то и прямых угроз в современном мире становятся, полагаем, следующие проблемные зоны, новые политические реальности и узлы противоречий [2].

- Появление на геополитической карте мира новых точек социально-политического роста, а значит, и новых, по крайней мере — в перспективе, центров силы. В начале 90-х годов на смену биполярному миру пришло троецентрие: США — Евросоюз — Япония. Наряду с США, резко усилилась экономическая, политическая и финансовая мощь Японии; сформировалось Европейское сообщество в составе 12 стран «Общего рынка», которое к концу тысячелетия возросло до 19 стран по мере присоединения ряда государств Центральной и Восточной Европы. В начале третьего тысячелетия стали заметно наращивать свои геополитические позиции такие страны, как Китай, Индия, Бразилия, Россия. Сама по себе многополюсность расценивается обычно как позитивный фактор, свидетельствующий о демократизации мира, возможности различного политического выбора, многовариантного развития. Но совершенно очевидно, что при этом возрастает и фактор конкурентности интересов в борьбе за рынки сбыта, источники сырья, энергетические потенциалы в условиях нарастающего глобального энергетическо-сырьевого кризиса. Это усиливается тягой транснациональных компаний к перераспределению сфер влия-

ния, к информационной, технологической, экономической экспансии. Биполярный мир, при всех его негативах, был все же более сбалансирован и предсказуем. В современном мире резко возрастает значимость факторов неопределенности, а значит, и глобальной ответственности, как подчеркнул Президент В.В. Путин на Мюнхенской встрече в феврале 2007 г. [3].

- Кроме того, отчетливо обнаружилось и стремление к однополюсному миру, где господствовала бы одна самая мощная в экономическом и политическом плане держава — США — или, как иногда говорят, к «пакс американа». Этот «мир по-американски» предполагает один центр принятия решений и ориентацию на силовые методы регулирования мировых проблем в обход международного права. Такая установка не только дискредитирует саму идею демократического ненасильственного мира, которая овладела общественным сознанием планеты в конце 80-х годов, но и провоцирует постоянные локальные войны и военные конфликты. Это наглядно продемонстрировали действия США и их союзников в Югославии (1999 г.) и в Ираке (2003 г.). В результате не удалось утвердить мир ни на Балканах, ни на Ближнем Востоке. Стремление США навязывать народам свою волю посредством различных форм «помощи» проявилось и на постсоветском пространстве, обострив ситуацию во взаимоотношениях стран СНГ.

- Реальную опасность для современного мира представляет расползание по планете ядерного оружия и ракетных технологий. Помимо известного ядерного «клуба пяти» (США, Россия, Великобритания, Франция, Китай), ныне таким вооружением уже обладают Израиль, ЮАР, КНДР, Индия, Иран, Пакистан; кроме того существуют около двух десятков государств, которые имеют необходимые научно-технические возможности для производства оружия массового уничтожения. «Дугой нестабильности» аналитики называют пространство от Ближнего Востока до Северной Кореи, где постоянно обостряются палестинская, ливанская, курдская, иракская, афганская проблемы, где действия вооруженных формирований часто выходят из-под контроля политики, приводя к массовым кровопролитным, локальным войнам. Не случайно именно здесь рождаются идеи вернуть ядерное оружие в число возможных военных средств, допустить применение превентивного ядерного удара [4].

- Подлинную угрозу глобальной безо-

пасности представляют разного рода националистические, экстремистские идеи, теории, действия. Специфика наиболее радикальных проявлений национализма и экстремизма в том, что национально-этнические конфликты и противоречия развития вновь, как и в эпоху Средневековья, облекаются в религиозную форму.

Весьма опасной представляется рожденная в недрах исламского мира идея Всемирного Халифата, которая опирается, в частности, на идеологию вахабизма и джихада, священной войны с иноверцами. Исходя из разного рода межэтнических конфликтов и локальных войн в различных регионах мира (Балканы, Ближний и Средний Восток, Кавказ, Африка, Центральная Америка), некоторые авторы прогнозируют неизбежность Третьей мировой войны как столкновения цивилизаций (западной, конфуцианско-китайской, исламской, славяно-православной, латино-американской, африканской) [5].

- В число постоянно действующих факторов, направленных на подрыв глобальной безопасности, ныне вошел международный терроризм, т.е. сознательное и систематическое использование насилия, притом в особо жестоких, изощренных формах, нелегитимными политическими организациями с целью шантажа, запугивания общественного мнения и управления ситуацией в собственных политических целях. Вооруженные диверсии и террористические акты в разных регионах мира приняли угрожающие масштабы. Преступные группировки с участием граждан нескольких государств оснащаются современным оружием и щедро финансируются незаконными политическими образованиями. К началу 90-х гг. XX века в мире действовало около 500 террористических организаций и групп, которые за 10 лет совершили более 7 тыс. актов международного терроризма, от которых пострадало более 11 тыс., человек [6]. Взрыв башен Всемирного Торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., совершенный группой террористов-смертников, был воспринят мировым сообществом как прообраз грядущего Апокалипсиса.

Как интеграционные, так и дезинтеграционные тенденции и факторы ставят перед современным человечеством жизненнозначимые проблемы — вызовы и требуют адекватного ответа. Известно, что интерпретацию проблематики цивилизации XX века в терминологии «вызов — ответ» впервые дал А. Тойнби в своем труде «Постижение истории».

Этот мыслитель рассматривал динамику цивилизации (ее зарождение, рост, «надлом», упадок и разложение) с позиции «закона вызова и ответа», согласно которому каждый шаг вперед связан с адекватным «ответом» на «вызов» ситуации, ее противоречий. Он был убежден, что неспособность справиться с обстоятельствами, возникающими проблемами приводит к «надлому», «болезни», а затем — неизбежной «гибели» цивилизации [7]. Та же проблема «вызовов — ответов» стоит и перед каждой отдельной страной на крутых поворотах ее истории.

Сказанное имеет непосредственное отношение к России, которая после распада Союза ССР приняла на себя целый груз долгов и проблем исчезнувшего государства и по сути оказалась в центре радикальных геополитических изменений экономического, социально-политического и военного характера. В общем плане отметим, что в 90-е гг. произошло временное ослабление экономического и военного потенциала, международных позиций России, что было использовано иными государствами для ограничения роли нашей страны в мировых интеграционных процессах, в формировании системы собственной и международной безопасности.

Дезинтеграция Советского Союза внесла немалые изменения в геополитическую и геостратегическую картину мира. Перестала существовать биполярная структура межгосударственных отношений, а вместе с нею — и прежняя система баланса сил как на глобальном, так и на региональном уровнях, в первую очередь, в наиболее важных геополитических регионах: Северной Америке, Западной и Восточной Европе (включая европейскую часть бывшего СССР).

Между Западной Европой, куда входит единая Германия, и пространственно сократившейся Россией возникла широкая полоса нестабильности. Она образовалась из тех стран, которые составляли зону нестабильности и накануне Второй мировой войны (Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Югославия), а также из Беларуси, Украины, Молдовы, стран Балтии, ставшими суверенными после дезинтеграции СССР.

Интересы укрепления национальной безопасности России определяют необходимость создания из вышеперечисленных стран и регионов пояса дружественных и зависимых от России государств. Но пока это может относиться только к Беларуси. На остальные страны действуют сейчас слишком разнонаправленные силы. Очень сильно притяжение

и влияние на них Запада в обмен на дезинтеграцию их с Россией. Так действуют, например, Соединенные Штаты на Украину, или США и Великобритания на Грузию и т.д. [8].

В результате такой ситуации усилилась тенденция перераспределения сил в Европе, идет формирование нового баланса сил, в котором происходит изменение позиций отдельных государств и образуются их новые коалиции и союзы. К тому же наличие обширной зоны нестабильности вызывает изменение соотношения тенденций интеграции и дезинтеграции во всей Европе.

В качестве заключения следует отметить, что Россия, продолжая оставаться к началу XXI века де-юре великой державой (в основном вследствие большой территории, неограниченных в современных условиях ресурсах и мощного ракетно-ядерного потенциала), де-факто все же переместилась по большинству показателей в категорию средних региональных держав. Это привело и к изменению ее места и роли в формировании нового мирового порядка. В складывающейся новой системе международных отношений Россия имеет все основания оставаться одной из полноценных великих держав, но для этого необходимо, чтобы стержнем политики России являлись в начале XXI века коренные национальные интересы страны. Ее основные приоритеты: обеспечение политическими и военными средствами безопасности России во всех измерениях, включая суверенитет и территориальную целостность, укрепление стабильности по периметру российских границ; защиту прав, свобод, достоинства и благополучия россиян; обеспечение для страны благоприятных внешних условий; формирование принципиально новых, взаимовыгодных отношений со странами СНГ; обеспечение за Россией достойной роли в мировом балансе сил, в многосторонних процессах по регулированию мирового хозяйства и международных отношений, соответствующих статусу великой державы. Россия занимает важное место в мировом сообществе и, несомненно, будет его занимать на всем протяжении XXI века. Но для того, чтобы она могла достойно выполнять свои международные обязательства, ей необходимо преодолеть имеющиеся в настоящее время кризисные явления во всех сферах экономики и политики. Поэтому первоочередные задачи в начале XXI века состоят в естественном сохранении своих исторических рубежей и интересов, надежной защите своего военно-стратегического пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Материалы семинара Института проблем международной безопасности РАН по проблемам соответствия структур и состава вооруженных сил РФ новым угрозам и вызовам безопасности. М., 2000. С.7.
2. См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации/В редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 М.: Глобэкс, 2005. С.5.
3. См.: Выступление Президента РФ на Мюнхенской конференции «Глобальные кризисы – Глобальная ответственность». 12.02.2007 <http://www.kremlin.ru/text/appearars/2007/02/118109.shtml>
4. См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года/ Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009г. № 537. М.: Гардарики, 2009. С.7.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций// Полис.1994. №1; Фукуяма Ф. Коней истории? // США: экономика, политика, культура. 2000. №1.
6. Шерпаев В.И. Военная политика современной России. Екатеринбург, 2007. С. 127.
7. Тойнби А. Постигжение истории М, 1998. С. 47.
8. См.: Военная доктрина Российской Федерации/ Утверждена Указом Президента РФ от 21 апре-

ля 2000 г. № 706//Собрание законодательства РФ. 2000. № 17. ст. 1852. С.3.

K. Bikov

CLOBAL MENACE AS EXTERNAL
SPRING MILITARY DANGER OF PRESENT-
DAY RUSSIA

Abstract. During the latest period in the world it have been observed the changes at the military and political , social and economic situations .In the issue of the USSR disintegration and socialist community, and added to them the military union of the member state of the Warsaw agreement , the ideological confrontation between Russia and foreign countries have been disappeared ,also the military opposition was decreased. It was uttered, the external military danger of Russia have been already diminished . But such statements do not correspond to the realities. The military danger of Russia still continues and with appearing of certain situations it can turn to the military conflicts of different intensity.

Key words: socialist community ,military danger, foreign countries ,military opposition, external military danger.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОЛЛЕКТИВНЫХ СИЛ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ В АБХАЗИИ 1994-2008 гг.*

Аннотация. Настоящая статья посвящена миротворческой операции в Абхазии (1994-2008 гг.). В ней раскрываются междуна-родно-правовая база нахождения российских миротворцев в зоне конфликта, количественно-качественный состав контингента, а также основные направления деятельности коллективных сил по поддержанию мира.

Ключевые слова: миротворческая деятельность, миротворческая операция в Абхазии, коллективные силы по поддержанию мира.

В настоящее время проблемы **миро-творческой деятельности** государств - участ-ников СНГ в связи с военными действиями в Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 года привлекли к себе особое внимание мирового сообщества. Действительно, в истории междуна-родных отношений мы найдем не много примеров, когда государства, добровольно объединившиеся в какой-либо союз, воевали бы друг с другом. Проанализируем события, предшествовавшие вооруженному конфликту.

В Уставе СНГ закреплено положение, что государства-члены проводят согласованную политику в области коллективной безопасности, разоружения и контроля над вооружениями, строительства Вооруженных Сил и поддерживают безопасность в Содружестве, в том числе с помощью групп военных наблюдателей и Коллективных сил по поддержанию мира [1]. Согласно данному пункту Устава, на основании Указа Президента РФ 1994 г. № 1178, Постановления Совета Федерации Федерального Собрания РФ 1994 года № 136-1 СФ, а также решения Совета глав государств «Об использовании Коллективных сил по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта» от 21 октября 1994 года, в зону грузино-абхазского конфликта был введен российский контингент Коллективных сил по поддержанию мира (КСПМ) в СНГ [2]. Количественно-качественный состав группировки претерпел со времен ее введения в зону конфликта незначительные изменения.

Численность личного состава, количес-

тво вооружения и военной техники КСПМ в Абхазии (данные на 1 августа 2008 года) [3]:

1. Личный состав (в том числе офицеров)	1561 чел.	(199)
2. Бронетанковая техника	135 ед.	
3. Автомобильная техника	267 ед.	
4. Артиллерия (минометы)	30 ед.	
5. Стрелковое вооружение	2943 ед.	
6. Вертолеты (Ми-8, Ми-24)	4 ед.	

Исследование показало, что к числу основных задач, выполняемых КСПМ, в рассматриваемый период относились [4]:

1. Обеспечение строгого соблюдения прекращения огня, установления мира и предотвращение возобновления военных действий в зоне конфликта путем разъединения вооруженных формирований конфликтующих сторон.

Несмотря на все усилия КСПМ, ежегодно сообщалось о порядка 50 случаях нарушений данного пункта. На основе анализа архивных документов можно заключить, что пик общего количества нарушений пришелся на 1994 и 1995 гг. В то же время во второй половине рассматриваемого периода (2004 – 2008 гг.) наметилась очевидная тенденция к снижению обстрелов населенных пунктов и постов КСПМ. Автор связывает это с нежеланием представителей незаконных вооруженных формирований вступать в прямое столкновение с российскими миротворцами, что направило действия против КСПМ в несколько иную плоскость (участилось минирование местности, а также случаи провокационных действий против контингента)

2. Создание условий для безопасного и достойного возвращения людей, покинувших зону конфликта, в районы их прежнего постоянного проживания.

При активном содействии КСПМ из Зугдидского района, где проживают временно перемещенные лица (беженцы), вернулось к местам своего прежнего проживания в Галльский район более 2000 человек [5]. При этом необходимо заметить, что возвращение беженцев носило несистемный характер, так

* © Дудин П.В.

как полной гарантии их безопасности не мог дать никто.

3. Содействие в восстановлении районов пораженных конфликтами, в том числе в оказании гуманитарной помощи, проведении разминирования, воссоздании основных систем жизнеобеспечения населения.

Командованием КСПМ, при обращении организаций и учреждений, находящихся в зоне конфликта, оказывалась всесторонняя помощь:

- в восстановлении пораженных районов, в том числе в оказании гуманитарной помощи;
- в медицинских услугах жителям Сухумского, Очамчирского и Галльского районов Абхазии;
- в проверке основных маршрутов движения на наличие взрывоопасных предметов и разминировании;
- в выделении инженерной техники, а также грузовых автомобилей для решения народно-хозяйственных задач;
- в решении проблемных вопросов Дома престарелых и Детского дома в г. Сухуми и др.

4. Тесное сотрудничество с персоналом Миссии ООН по наблюдению в Грузии (МООННГ) и другим персоналом ООН, находящимся в регионе.

Сотрудничество заключалось в проведении встреч между командованием КСПМ, представителями Миссии, руководящим составом конфликтующих сторон и представителями различных международных организаций, заинтересованных в урегулировании конфликта. Регулярные визиты в зону конфликта начальника департамента по миротворческой деятельности ООН господина Жан-Мари Гуенно, а также других должностных лиц ООН наглядным образом подтвердили успехи и значимость деятельности КСПМ в регионе.

5. Осуществление, во взаимодействии с Миссией ООН, контроля за нахождением в зоне безопасности тяжелого вооружения.

Показательным в этом отношении выглядят совместные действия патруля КСПМ СНГ и военных наблюдателей Миссии ООН, под контролем и в присутствии которых 7 октября 2002 года грузинской стороной был осуществлен вывоз склада тяжелого вооружения и боеприпасов, находившегося в населенном пункте Чхалта [6]. Это стало важным шагом к снятию напряженности в Кодорском ущелье.

6. Принятие мер по пресечению дейс-

твий террористических, диверсионных формирований и других вооруженных групп, находящихся в Галльском районе и проникающих извне и др.

К числу основных мер, принимавшихся КСПМ СНГ для урегулирования в зоне ответственности и зоне безопасности возникавших конфликтов и споров между конфликтующими сторонами, можно отнести следующие:

- оказание содействия в освобождении и обмене заложников;
- совместное патрулирование военнослужащих КСПМ СНГ и военных наблюдателей МООННГ зоны Кодорского ущелья (за указанный исторический период было проведено более 170 совместных патрулирований);
- организация совместного патрулирования с представителями противоборствующих сторон в Галльском и Зугдидском районах;
- постоянное оказание помощи органам правопорядка конфликтующих сторон в борьбе с криминальными группами (в случае их обращения);
- эвакуация раненных и больных жителей, проживающих в верхней части Кодорского ущелья;
- проведение еженедельных Четырехсторонних согласительных встреч [7].

Однако, несмотря на деятельность миротворцев, военно-политическая обстановка в зоне конфликта в Абхазии, Грузия на протяжении всего исторического периода характеризовалась как сложная, напряжённая и нестабильная.

Положительное влияние на развитие обстановки в регионе оказывали согласованные действия КСПМ СНГ и Миссии ООН в Грузии по наблюдению и контролю за соблюдением конфликтующими сторонами ранее достигнутых договорённостей по поддержанию мира и урегулированию конфликта, мер по снижению криминогенной напряженности в Галльском районе Абхазии и Зугдидском районе Грузии, в Кодорском ущелье.

Однако отсутствие устойчивого двухстороннего политического грузино-абхазского диалога, конструктивных взаимоприемлемых предложений на межгосударственном уровне, участвовавшие попытки силового давления Грузии в разрешении конфликта во многом ослабляли эффективность приложенных усилий.

Абхазская сторона остро реагировала на агрессивные заявления политического руководства Грузии по Абхазии. Действия Тбилиси в Южной Осетии, в том числе и против ми-

ротворческих сил, не оставляли у абхазского руководства сомнений в том, что похожий сценарий может повториться в зоне конфликта в Абхазии, Грузия. Справедливость данных опасений подтвердилась впоследствии тем, что достоянием гласности стали разрабатываемые Министерством обороны Грузии во главе с И.Окруашвили планы нападения на непризнанную республику.

Начиная с 2005 года, в регионе стала складываться крайне напряженная обстановка в связи с действиями официальных должностных лиц Грузии по принуждению личного состава КСПМ к визовому режиму нахождения в зоне конфликта. В связи с этим Командующий КСПМ генерал-майор Чабан С.Я. дал указания строго руководствоваться п.39 Положения о Коллективных силах в СНГ и Мандатом на проведение операции [8]. Участились различного рода провокационные действия со стороны грузинских властей по отношению к личному составу КСПМ. Примером этого может служить предпринятая Грузией попытка в марте 2006 года обвинить российскую сторону в шпионской деятельности. Грузинские спецслужбы незаконно захватили офицеров КСПМ и пытались выдать их за представителей военной разведки Российской Федерации. Несмотря на то, что формально конфликтная ситуация была разрешена, отношения между странами с того момента резко ухудшились.

Проведенный анализ позволяет автору заключить, что объективные трудности урегулирования грузино-абхазского конфликта были в первую очередь связаны (и дальнейшее развитие ситуации это подтвердило) с отсутствием конкретных дипломатических, военных и экономических шагов со стороны Грузии. При этом грузинские власти робко пытались оправдать свою позицию несостоятельными заявлениями о неспособности КСПМ СНГ выполнять возложенные на них мандатом СНГ задачи.

Таким образом, несмотря на усилия, которые предпринимались КСПМ СНГ, а также международными гуманитарными организациями по наблюдению и контролю за соблюдением конфликтующими сторонами ранее достигнутых договоренностей по поддержанию мира и урегулированию конфликта, обстановка в зоне грузино-абхазского конфликта оставалась сложной и нестабильной. Причиной этого являлось отсутствие устойчивого двухстороннего политического грузино-абхазского диалога, конструктивных взаимоприемлемых предложений на

государственном уровне, учащение попыток силового давления Грузии в разрешении конфликта, неспособность силовых и правоохранительных структур обеих сторон контролировать общую ситуацию в зоне конфликта. Свою роль в нагнетании конфликта сыграли также раскольнические действия США и ряда стран Западной Европы, которые активно содействовали эксцентричным действиям, предпринимавшимся одиозным руководством Грузии. Результатом такого положения дел стала вооруженная агрессия грузинской стороны против Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 года. В свою очередь, действия КСПМ, в том числе и во время конфликта, наглядным образом продемонстрировали их способности выполнять задачи по поддержанию мира в соответствии с требованиями Мандата на проведение миротворческой операции в полном объеме, то есть выступать гарантом обеспечения безопасности и стабильности в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Устав Содружества Независимых Государств // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. СПб., 1993. №2.
2. Текущий архив Секретариата СМО, 1994. Д. 1. Т. 3. Л. 167.
3. Текущий архив Секретариата СМО, 2008. Д. 4. Т. 18. Л. 69.
4. Протокольное решение СМО государств участников СНГ «О деятельности коллективных сил по поддержанию мира в зоне конфликта в Абхазии, Грузия в 2007 году». Текущий архив Секретариата СМО, 2008. Д. 4. Т. 18. Л. 71.
5. Протокольное решение СМО государств участников СНГ «О деятельности коллективных сил по поддержанию мира в зоне конфликта в Абхазии, Грузия в 2007 году». Текущий архив Секретариата СМО, 2008. Д. 4. Т. 18. Л. 74.
6. Информация о деятельности Коллективных сил по поддержанию мира в зоне конфликта в Абхазии, Грузия. Текущий архив Секретариата СМО, 2003. Д. 4. Т. 12. Л. 11.
7. Текущий архив Секретариата СМО, 2007. Д. 4. Т. 17. Л. 36.
8. Информация о деятельности Коллективных сил по поддержанию мира в зоне конфликта в Абхазии, Грузия. Текущий архив Секретариата СМО, 2003. Д. 4. Т. 16. Л. 23.

P. Dudin

MAIN ACTIVITIES OF THE COLLECTIVE PEACEKEEPING FORCES IN PEACEKEEPING OPERATIONS IN ABKHAZIA 1994-2008

Abstract. This article is devoted to peacekeeping operation in Abkhazia (1994-2008). It disclosed the international legal base of Rus-

sia's peacekeepers stay in the zone of conflict, quantitative and qualitative composition of the population, as well as major activities of the collective peacekeeping forces.

Key words: peacekeeping, peacekeeping operation in Abkhazia, the collective peacekeeping forces.

УДК 329 (470-25)

Климанцев В.С.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА УРОВНЕ ГОРОДА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ МОСКВЫ*

Аннотация. На формирование особенностей российской многопартийности влияет не только федерализм, но также и степень развитости муниципального самоуправления. Исключительное сочетание региональных и муниципальных подходов к построению системы управления сочетает в себе город федерального значения Москва.

Ключевые слова: Москва, многопартийность, политические партии, партийная сила, факторы, процессы, партийное развитие, страна, гражданское общество.

Москва является центром финансово-экономической жизни страны, даже в условиях ограниченного экономического роста (или спада) город располагает огромнейшим экономическим ресурсом. Таким образом, победа той или иной формации, политической платформы или элиты на выборах в представительной московский орган дает право на управление этими ресурсами.

Такой базой управления ресурсами и партийного развития могут стать цели и задачи регионального и местного уровня. На основе угроз (вызовов) и оценки проблем территориального характера партиям следует создать программу оперативной деятельности, результаты которой откроют новые перспективы взаимосвязи депутатов и избирателей, а также преодоления излишней бюрократизации партийного строительства.

Президентом Российской Федерации заданы четыре ориентира стратегического развития: институты – инфраструктура – инновации – инвестиции.

Партии, являясь одним из институтов общественно-политического и экономического развития, должны взять на себя роль ин-

фраструктуры нововведений. В настоящий момент ни один из участников процесса принятия решений не отвечает за выполнение функций разработки идеологий и внедрения социальных ценностей. Исполнительная власть занята решением текущих проблем, отягощенная воздействием кризисных явлений. Новые для России институты гражданского общества, такие, как общественные объединения и некоммерческие организации, не обладают формальными и реальными политическими правами и полномочиями по проведению в жизнь политических решений. Политические партии находятся в промежуточном положении между органами исполнительной власти и институтами гражданского общества, они обладают разветвленной системой региональных отделений и аппаратом, способными сформулировать и реализовать отдельные программные разработки. Таким образом, настоящими условиями территориального развития России для партий создана возможность преодоления изолированности политического процесса от других компонентов жизни общества. Это важно как для «правлящей партии власти», так и партий, которые сегодня ищут свое место на политической сцене.

Позиция партии в г. Москве может являться самой показательной для дальнейшего продвижения и завоевания российского электората. Вместе с тем современное российское общество приобрело качества высокой дисперсности. Между «бедными и богатыми» категориями существует множество социальных слоев, которые невозможно охарактеризовать единым понятием «среднего класса». Это должно родить новые идеи партийной работы по сближению с населением отдельно взятой конкретной территорией (городом, регионов, округом).

* © Климанцев В.С.

Первое, что следует организовать партиям и региональным отделениям в г. Москве — это воспользоваться инструментами информационной поддержки населения в различных ситуациях. Партийные отделения в муниципальных округах не должны и не могут принять на себя функцию префектур, но сближение с населением — важный этап партийной работы.

Партии должны быть четко встроены в систему стратегического планирования города Москвы. Необходимо отметить, что в Москве до сих пор не принята и не реализуется стратегия развития отраслей экономики и социальной сферы города. Депутаты Московской городской думы могут взять на себя функцию стратегирования, особенно с учетом того, что выработка и принятие стратегии регионального (муниципального) развития представляет собой процесс поиска и формализации компромиссов между различными политическими взглядами и социальными ценностями.

Кроме этого, в планах партийной работы отделений на территории Москвы должны значиться следующие направления:

- расширение базы сторонников партии — подразумевает активную работу на местах;
- аналитическая работа партийного аппарата: как представляется, лучшими экспертами при составлении аналитических партийных дозье являются партийцы, занимающиеся партийной работой на местах, постоянно держащие «руку на пульсе» событий общества;
- обеспечение диалога между муниципальным сообществом и федеральными органами исполнительной власти для решения: инициативы партий могут вестись в направлении долгосрочного планирования и увеличения полномочий местного самоуправления, сохранения доходной части бюджета, повышения доступности услуг муниципалитетов для граждан, что зачастую связано с неудобным расположением органов местного самоуправления в пределах поселений.

Та политическая сила, которая заявит о диалоге с муниципальными образованиями Москвы (и других городов и поселений) для решения территориальных проблем, может не только вызвать колоссальный общественный резонанс, но и собрать большую поддержку.

Ни одно из новых явлений не привело к радикальному изменению в партийной системе как институте или серьезным сдвигам в балансе сил между политическими парти-

ями. С учетом как отсутствия массового запроса на многопартийность, так и жесткости политической системы, единственным путем поступательного развития партийной системы является сочетание двух факторов:

1. превращения «Единой России» из партии власти (контролируемого исполнительной властью образования, представляющего его интересы в законодательной власти и публичном пространстве) в доминантную партию - широкую коалицию «мейнстримовской элиты», обладающую реальной автономией, формирующую политическую позицию власти и влияющую на кадровые назначения;

2. расширения пространства для политической конкуренции — создание условий для нормальной деятельности остальных политических партий (участие в выборах, доступ к СМИ, относительное равенство в избирательных кампаниях и т.п.).

Без реализации первого фактора российский политический режим продолжит эволюцию в сторону «персоналистского», в котором политические партии (не исключая и партии власти) будут играть второстепенную, почти «фасадную» роль. Без реализации второго фактора в стране будет лишь минимальная политическая конкуренция, и она станет похожей на режимы т.н. народной демократии в Центральной и Восточной Европе 50-80 гг. XX в., в которых формально существовала многопартийность, но реальная власть принадлежала одной партии, тесно связанной с государственной властью.

Очевидно, что реализация двух этих условий зависит от позиции федеральной власти. Ряд федеральных инициатив по реформированию политической системы могут положить начало новому этапу в развитии политического плюрализма. Сами по себе они не несут коренных решений проблем российской политической системы. К тому же более важными представляются не сами эти изменения, а их практическое воплощение.

Однако общая направленность этих инициатив контрастирует с тенденцией прошедших восьми лет: законодательные рамки для политической активности партий расширяются, а не сужаются; бюрократия на всех уровнях получает сигнал к смягчению «административного ресурса». Правящая партия обретает пусть и ограниченные институциональные рычаги воздействия на исполнительную власть.

Первоочередные задачи в сфере партийного строительства московских отделе-

ний политических партий на ближайшую перспективу с учетом совершившихся общероссийских преобразований представляются следующим образом:

- завершение заявленных и уже в значительной степени реализованных «точечных реформ», описанных выше, и начало их практического применения (там, где это подразумевается содержанием норм). В первую очередь, это касается складывания практики взаимодействия с партиями (в реальности - с «Единой Россией») при выдвижении кандидатур для наделения полномочиями глав субъектов федерации и практики выделения эфирного времени для партий на государственном телевидении;

- коррекция правоприменительной практики в вопросах, связанных с деятельностью политических партий. В первую очередь, речь идет об отходе от «запретительных» трактовок закона - например, недопущении дисквалификации (отказов в регистрации или снятия с выборов) партий и кандидатов под надуманными, техническими предлогами, непредвзятом анализе собранных партиями и кандидатами подписей для регистрации на выборах (что особенно важно с отменой избирательного залога), сведении к разумному минимуму контроля государственных органов над партийными организациями;

- стимулирование внутрипартийной дискуссии и работы антикризисных групп в «Единой России» как важнейшей меры в организационном и политическом развитии этой партии; подключение других системных партий к участию в обсуждении антикризисных мер;

- развитие и поощрение практики диалога исполнительной власти со всеми партиями, представленными в законодательной власти соответствующего уровня, особенно в вопросах, затрагивающих антикризисные программы, поиск решений в трудовых и иных конфликтах с гражданами, пострадавшими от последствий кризиса;

- дальнейшее совершенствование правовых норм, регулирующих деятельность партий и избирательную систему. В частности, одной из насущных мер представляется создание негативных стимулов для применения тактики «паровозов», которая, как указывалась в тексте, препятствует укреплению авторитета партий и института законодательной власти. Законодательным решением этой задачи могла бы стать норма, предусматривающая, что, если кандидат отказывается от мандата без уважительных причин (только

медицинских показаний: болезнь, инвалидность), этот мандат поступает в перераспределение между другими партийными списками. На федеральном уровне допустима оговорка, что это правило не действует в отношении кандидатов, замещающих должности членов Правительства России, на региональном уровне оно действует безоговорочно. В таком случае либо ценой участия в выборах губернатора или мэра станет утрата одного мандата, либо такие фигуры должны будут занимать заведомо непроходные позиции в списках, что снизит негативный эффект «феномена паровозов».

Политические партии в соответствии с новым партийным и избирательным законодательством получили право быть основным субъектом избирательного процесса не только на федеральном, но и на региональном уровне. Нормы законодательства, согласно которым 50 процентов депутатского корпуса региональных законодательных собраний будет формироваться по спискам политических партий и избирательных блоков значительно повышают конкурентоспособность партийных брендов на региональном политическом рынке. Удачно проведенные выборы в региональные законодательные собрания позволяют политическим партиям получить дополнительные точки опоры и ресурсы для своего укрепления на региональном, а в перспективе — и на федеральном уровне.

Большая часть этих нововведений выстроена в логику федеральных преобразований и нацелена на укрупнение партийной системы на уровне Москвы. Это укрупнение будет эффективно только в случае, если сами партии проникнутся тенденцией укрупнения и спроецируют ее на «идеологизацию» своей деятельности и повышение социальной ответственности, усиления партийной активности и вовлеченности в общественные конфликты территориального характера.

Политическая стратегия Москвы определяется в условиях глобальных вызовов и угроз третьего тысячелетия. Глобализация - сложный болезненно-противоречивый процесс развития современного мира. Выживание такого мегаполиса, как Москва, и, тем более, - его развитие требуют поворота к социально ориентированной глобализации, к утверждению социальных приоритетов, гуманистических ценностей в реальной политике.

Москва, которая относится к передовым регионам России, в первую очередь сталкивается с глобальными системными кризиса-

ми, но при этом ее общественно-культурное, экономическое и политическое устройство не готово отражать внешние угрозы. В Москве происходит демографическая катастрофа; тревожна статистика уровня бедности; высок уровень социального расслоения общества и т.д.

Для обеспечения достойного будущего необходимо коренное обновление политической стратегии; стратегии, которая должна стать программой прогрессивных изменений, в соответствии с которой должны осуществляться изменения общества, которые называются «модернизацией».

В начале третьего тысячелетия концепция модернизации стала одним из доминирующих способов анализа и объяснения социальных и политических изменений. Коренные изменения политической стратегии, социальной и экономической политики и права, определяемые по существу как модернизация, пока не нашли отражение в основных программных документах российских партий. То же самое можно сказать и об отсутствии анализа преломления глобальных тенденций на региональное развитие Москвы и формирование соответствующей программы антикризисных действий.

Политические партии имеют все шансы выступить лидерами процесса модернизации московского городского и социально-культурного пространства: преобразования общества современности, прошлого и будущего - результаты целенаправленных политических действий как объективное вызревание политических доктрин и внедренные их в практику.

В процессе модернизации, необходимо следующей из объективных процессов глобализации, доминирующей социальной функцией, определяющей основные параметры общественного существования, становится инновационная функция партийных стратегий, требующих тщательной методологической разработки.

Методологическая основа политических стратегий партийных отделений Москвы нуждается в выработке принципиально новых научных методов объяснения политических процессов и способов управления. Основную проблему теоретико-методологических разработок представляет то, что не раскрыты системные социальные ориентиры и принципы стратегии партий, сопоставимые по притягивающей силе и фундаментальности с «национальной идеей». Эта проблема может быть раскрыта обществом и решена посред-

ством междисциплинарного исследования динамики признания московским городским сообществом долговременных социальных ориентиров и выявления точек общественно-го согласия; изучения коренной перестройки самосознания.

Это, в свою очередь, может служить базой дальнейших изменений: совершенствования механизма эффективности защиты прав человека; оптимизации становления новой системы управления городом; комплексной реализации принципа конституционности.

Исследуя стратегии транзитивного общества, можно связать сущностные перспективы концептуально-политического процесса с процессом становления гражданского общества и взаимосвязанного с ним процесса развития многопартийности. Перспективы развития Москвы во многом определяет состояние российской многопартийности. Именно в деятельности партий реализуются такие фундаментальные принципы демократии, как политический плюрализм, представительство, выборность. Программы властвующих партий должны являться реальным политическим отражением интересов конкурирующих социальных групп, определяющих прогресс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Перечень критериев приводится Зотовой З.М. Политические партии России: организация и деятельность. М.: ... 2001. С. 10. и Михалевой Г.М. Российские партии в контексте трансформации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 18-19.
2. Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России (истоки и современная проблематика) // Полис. 2000. №3. С. 104-116.
3. Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Интересы избирателей – на первое место // Право и политика. 2002. №9. С. 34-39.
4. Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003-2008 гг. и пути совершенствования. Исследование Института современного развития. М.: ИНСОР, 2008.
5. Макаренко Б. Парламентские выборы 2003 г. как проявление кризиса партийной системы // Полис. 2004. №1. С. 55-57.
6. Постановление ЦИК РФ «О практике применения смешанной мажоритарно-пропорциональной избирательной системы при проведении выборов в законодательные (представительные органы) государственной власти субъектов Российской Федерации» от 1 июня 2004 года, №105/82.
7. Павловский Г. Выборы в Мосгордуму. Актуальные комментарии [сайт]. М., [1009], <http://www.actualcomment.ru/daytopic/566.html> 18.06.09

V. Klimantsev

PROSPECTS OF THE RUSSIAN MULTI-PARTY SYSTEM IN THE CONDITIONS OF POLITICAL PROCESSES. AT THE LEVEL OF MOSCOW CITY

Abstract. On the features formation of the Russian multi-party system can influences not only federalism, but also development degree of

municipal self-management. Moscow city combines the exclusive combination of regional and municipal approaches of control system construction.

Key words: Moscow, multi-party system, political parties, party force, factors, processes, party development, the country, civil society.

УДК 620.9:001.83(100)

Масакин Ю.Н.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ЕС – РОССИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА *

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной проблеме – энергетическому диалогу России и Европейского Союза, а именно правовым и политическим вопросам нефтяных и газовых отношений России и ЕС. Особое внимание уделено международным актам, связывающим Европейский Союз и Россию, в частности, Энергетической хартии и другим документам, касающихся партнерства России и ЕС в энергетической сфере.

Ключевые слова: международный рынок энергоресурсов, Россия, Евросоюз, Энергетическая хартия, сотрудничество в области энергетики.

На сегодняшний день Россия и страны СНГ становятся все более важными источниками энергии для других стран, в частности для Европы. По оценке российского Министерства промышленности и энергетики, к 2015 году добыча нефти будет повышена на 670 млн. тонн в год. Природный газ также имеет огромное значение в удовлетворении мировых энергетических потребностей. По оценкам экспертов, Россия контролирует 31 % мировых запасов газа, а к 2015 году, по некоторым данным, будет добывать не менее 740 млрд. куб. м в год.

В настоящее время Россия является одним из важнейших поставщиков энергоносителей в Европейский Союз, поэтому как для России, так и для стран Европейского Союза важно наладить и поддерживать на постоянной основе энергетический диалог, главной целью которого является развитие долгосрочного энергетического партнерства между Россией и Европой.

Энергетическое сотрудничество России и Европейского Союза началось в 1994 году, когда Россия подписала Договор к Энергетической хартии Европы (ДЭХ), вступивший в силу в 1997 г. К настоящему времени его подписали страны Европы, входящие в ЕС, и 52 государства, но ратифицировали всего 46 государств.

Руководящим органом Хартии является Конференция стран-участниц, собирающаяся два раза в год. Секретариат организации находится в Брюсселе. Также 17 стран и 10 международных организаций в настоящее время обладают статусом наблюдателя.

Все дальнейшие годы Россия применяет данный договор на временной основе и участвует в переговорах в рамках Конференции Энергетической хартии, не ратифицировав его, так как в 2001 году Государственная дума РФ приняла заявление, согласно которому вопрос о ратификации не будет рассматриваться до принятия ряда российских требований. Последние включали уточнение двух положений ст. 7 ДЭХ – о соотношении транзитных и внутренних тарифов на прокачку газа и согласительной процедуре урегулирования транзитных споров, а также завершение переговоров по специальному Протоколу Энергетической хартии по транзиту (ПТ).

Нужно заметить, что из всех российских требований было удовлетворено лишь одно, а именно, в 2003 году был разработан и согласован текст «Протокола по транзиту» в системе Договора к Энергетической хартии. Это дополнительный международный договор участников ДЭХ, в котором они имеют возможность уточнить положения Договора, допускающие различную интерпретацию,

* © Масакин Ю.Н.

детализировать и развить их.

В ходе переговоров по проекту «Протокола по транзиту» сторонам энергетического диалога удалось преодолеть основные разногласия, и к настоящему моменту камнем преткновения осталась только одна 20 статья, в соответствии с которой Европейский Союз, «провозгласив себя Организацией региональной экономической интеграции (ОРЭИ) и объявив территорию Европейского Союза единым транспортным пространством, получает право рассматривать в качестве транзита только перемещение товара через государства ЕС в другие страны, не входящие в эту организацию, в частности, в Швейцарию».

Таким образом, эта формулировка означает попытку Европейского Союза вывести свою территорию за рамки действия Протокола, что снижает эффективность и значимость данного документа. Свою позицию Брюссель аргументирует тем, что Европейский Союз является интеграционным объединением, внутри которого понятие транзита неприменимо. В отношении России ведется политика «двойного стандарта». Так, в случае транспортировки энергоносителей из Центральной Азии в Европу по территории нашей страны Россия окажется в правовом поле «Протокола по транзиту». В то же время, при транспортировке своего газа в какую-либо из стран ЕС по территории одной из стран Европейского Союза ей придется руководствоваться уже не «Протоколом по транзиту», а внутренним европейским законодательством, что неприемлемо для России.

Таким образом, с экспертного на политический уровень был вынесен только один вопрос, оставшийся до сих пор несогласованным – статья об Организациях региональной экономической интеграции или вопрос о прямой применимости положений «Протокола по транзиту» на территории Европейского Союза (ст.20). В случае достижения политического решения по ст. 20 Россия получит важные гарантии обеспечения ее долгосрочных контрактов необходимыми мощностями для транспортировки энергоресурсов на всем пути их следования.

Одновременно с ДЭХ был подписан Протокол к Энергетической хартии по вопросам энергетической эффективности и соответствующим экологическим аспектам.

«Участие в процессе Энергетической хартии не ограничивается только актом подписания Договора к Энергетической хартии.

Энергетическая хартия представляет собой не только правовую основу, но и много-

сторонний политический форум, где правительства стран Евразии участвуют в диалоге по проблемам, касающимся сотрудничества в энергетическом секторе».

Договор к Энергетической хартии – это многосторонний инвестиционно-торговый и транзитный документ, установивший единые для всех правила, нормы и гарантии, которые призваны обеспечить защиту интересов компаний и организаций стран-участниц, в том числе Европейского Союза. Целью ДЭХ, как закреплено ст.2, является «оказание содействия долгосрочному сотрудничеству в области энергетики на основе взаимодополняемости и взаимной выгоды, в соответствии с целями и принципами Хартии». Договор включает положения, касающиеся защиты инвестиций, положения о защите окружающей среды, о торговле, транзите энергии и энергоэффективности.

На саммите ЕС-РФ в октябре 2000 г. в Финляндии было принято совместное решение углубить энергетический диалог, для чего в 2001 году были созданы четыре тематические группы, состоящие из экспертов России и Европейского Союза, которые занимались анализом общих интересов в энергетическом секторе, а именно энергетическими балансами и стратегиями, передачей технологий, энергетическими инфраструктурами и вопросами окружающей среды. На основе проведенных исследований в октябре 2001 г. был представлен первый совместный отчет, на последующих саммитах, вплоть до настоящего времени, также были представлены отчеты России-ЕС по вышеобозначенным вопросам.

Согласно совместной декларации, принятой на шестом саммите ЕС-Россия, партнерство ЕС-Россия должно было «создать возможность для обсуждения всех вопросов в области энергетики, представляющих общий интерес, включая установление сотрудничества в сфере энергоснабжения, рационализацию производственных и транспортных инфраструктур, европейские инвестиционные возможности и отношения между странами — производителями и странами-потребителями».

Несмотря на то, что многие стратегические разногласия в ходе диалога были устранены и разрешены, к 2005 году значение энергетического диалога и Договора к Энергетической хартии стало ослабевать, проявилась недостаточность его механизмов для решения проблем бесперебойного транзита. На фоне кардинальных изменений мирового

рынка энергоносителей и политики основных игроков на этом рынке ряд положений ДЭХ явно устаревал, в связи с чем в ноябре 2006 года на очередной Конференции по Энергетической хартии Россия выступила с предложением изучить возможности реформирования Договора. Данная инициатива России была одобрена странами-участницами Договора только через год, в 2007 г., в частности, Генеральный секретарь Хартии А. Мернье высказался за активное использование механизмов адаптации и развития инструментов Хартии как для повышения их эффективности, так и для учета новых реалий в международной энергетике.

Вместе с тем нельзя не обозначить ряд серьезных проблем, возникших в рамках энергетического диалога России и Европейского Союза в настоящее время. Важнейшим препятствием для выстраивания позитивной модели энергетического взаимодействия России и Европейского Союза является «секьюритизация (рассмотрение в контексте безопасности) энергетической и инвестиционной сфер», характерная в первую очередь для ЕС и усугубившаяся за последние несколько лет. Она заключается в необоснованной политизации вопроса «энергозависимости» от России и в том, что в стремлении российского капитала выйти на европейский рынок усматриваются не столько коммерческие, сколько политические и геополитические цели. В результате Европейский Союз проводит политику максимального контроля над поставками энергоносителей из России, что не встречает одобрения с ее стороны.

Таким образом, секьюритизация и политизация, во-первых, препятствует формированию в перспективе единого энергетического комплекса России и Европейского Союза на основе их взаимодополняемости в этой сфере.

Во-вторых, подталкивает обе стороны к логике «игры с нулевой суммой», что углубляет противоречия не только в энергетической сфере, но и в других отраслях взаимного сотрудничества.

В-третьих, такая тенденция серьезно подрывает доверие сторон друг к другу и формирует негативное отношение во взаимоотношениях.

Несмотря на трудности и проблемы в области энергетического диалога, существуют и положительные примеры сотрудничества России и Европейского Союза в данной сфере. Параллельно между Россией и отдельными странами ЕС развивается успешное

энергетическое взаимодействие, укрепляющее энергетическую безопасность обеих сторон, которое заключается, прежде всего, в реализации новых больших инфраструктурных проектов, а именно газопроводов «Северный поток», «Южный поток», нефтепровод Бургас – Александруполис. В частности, на саммите Россия-ЕС, прошедшем в Финляндии в апреле 2009 г., президент России Д.А. Медведев подчеркнул, что проект «Северный поток» выгоден для Европы и создаст каркас энергетической безопасности. «Несмотря на то, что данный проект действительно вызывает разные эмоции, тем не менее, мы считаем его абсолютно выгодным для Европы в целом, для отдельных государств Европы, и намерены его продвигать», - заявил Д.А. Медведев. В свою очередь, глава Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу заявил, что главными принципами европейской энергетической политики и сотрудничества с Россией в области энергетики являются открытость, транспарентность и рыночные цены. И призвал также не политизировать вопросы энергетической политики. «Россия представляет себя надежным и стабильным поставщиком, но она также нуждается в надежных и стабильных клиентах», - заявил он.

Таким образом, преодоление секьюритизации и политизации энергетических отношений будет возможно по мере осознания сторонами необратимости перемен, которые произошли на мировой арене, на мировых энергетических рынках и в соотношении сил между Россией и Европейским Союзом, а также по мере преодоления недоверия во взаимоотношениях.

Y. Masakin

POWER DIALOGUE OF EU – RUSSIA: POLITICAL AND LEGAL BASES OF COOPERATION

Abstract. The paper is devoted to an actual problem of energetic dialogue between Russian and European Union and exactly to juridicial problems hithin relations between Russia and European Union in terms of gas and petrol. The paper is mainly focused on international acts connecting European Union and Russia and the agreement about partnership and cooperation and Energetical charter in particular.

Key words: international market of power resources, Russia, the European Union, Power charter, cooperation in the field of power.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ МИРОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ*

Аннотация. Статья рассматривает проблемы этнокультурной глобализации, вызывающие интерес и многочисленные споры в научном сообществе. Доминирующим фактором развития современного мира является глобализация социальных процессов. На настоящем этапе человеческого развития почти невозможно найти этнические общности, которые не испытывали бы внешнего воздействия со стороны культур других народов или более широкой общественной среды, существующей в отдельных странах, регионах и в мире в целом.

Ключевые слова: глобализация, этничность, культура.

Процессы глобализации проявляются в разных сферах и формах человеческого бытия. Наиболее сложными и противоречивыми, требующими, на наш взгляд, специального исследования, являются тенденции глобализации в этнокультурной сфере — в области взаимодействия этничности и культуры. Характерной чертой современного мира является не только интенсивный диалог культур, но и взаимопроникновение культур, которое может быть описано такими понятиями, как диффузия, конвергенция, интеграция, сближение, ассимиляция, творческое взаимодействие и др. Обозначенные этими понятиями процессы, кажется, способствуют формированию единой мировой общности, в то же время они сопровождаются иными, противоположными им процессами, направленными на определение культурной идентичности, выявление и подчеркивание уникальности культур — и в этом отличительная черта современной этнокультурной ситуации.

Массовые коммуникации современного мира перестают быть пространственно ограниченными. Возникновение планетарных средств массовой информации коррелирует с формированием транснациональной массовой культуры. Специфику этого типа культуры зафиксировал Ж.-Ф. Лиотар [1], назвавший эклектизм отправным пунктом современной культуры. Транснациональную массовую культуру характеризует распространение стандартных символов, эстети-

ческих и поведенческих образцов глобальными сетями средств массовой информации и транснациональными корпорациями и включение в повседневную жизнь элементов инонациональных локальных культур. Вопрос культурного доминирования в рамках глобальной культуры — это вопрос выживания многих культур и сообществ. Точно, на наш взгляд, определил основные тенденции, определяющие процессы культурной глобализации, российский исследователь А. Назарчук [2]. Они заключаются, по его мнению, в распространении общего языка международного общения, развитии международного туризма, формировании международных средств массовой информации, унификации культурных стандартов в сфере кино, музыки, художественной культуры, дизайна, развитии Интернета. По мнению других исследователей [3; 4], эти тенденции набрали силу после характерной для первой половины XX в. эскалации идеологической конфронтации и национализма. Столкновение идеологий вовлекло изолированные культуры в процесс конфронтационного, но интенсивного взаимодействия и тем самым расчистило путь для масштабной экспансии ценностей, символов и поведенческих образцов возобладавшей культуры, каковой к концу «холодной войны» явно оказалась культура Северной Америки и Западной Европы. И уже как следствие этой экспансии, возникли культурные гибриды — парадоксальные соединения ценностей, символов и поведенческих образцов западной массовой культуры и этнических и региональных традиционных культур. В современных условиях глобализации полем сражения становится самобытная культура народов. Русский философ первой половины XX века Н. Трубецкой, предугадывая появление глобализации, предлагал ограничить ее экономической сферой и указывал на опасность «однородной» или «общечеловеческой» культуры, лишенной национальной самобытности [5]. В процессе взаимовлияния разных национальных культур друг на друга философ выделяет две противоположные тенденции, действующие параллельно: стремление к единству с другими культурами и утверждение национального своеобразия. Соблюдение

* © Никитина В.В.

баланса в этой сфере представляет сложную, но необходимую задачу взаимообогащения различных культур, поскольку изоляция ведет к обеднению национальной культуры, а навязывание народу чужой культуры грозит ему многими бедами. Н. Трубецкой проводит разграничение между формами взаимодействия национальных культур друг с другом – «заимствованием» и «приобщением» одного народа к культуре другого народа. По его мнению, «никакая культура невозможна без заимствования извне» [5, 336]. Заимствования, усвоенные органично, обогащают традицию: «Важно только, чтобы влияние одной культуры на другую не было подавляющим, чтобы культурные заимствования органически перерабатывались и чтобы из своих и чужих элементов создавалось новое единое целое, плотно пригнанное к своеобразной национальной психике данного народа» [5, 336]. По его мнению, «однородная культура» бесперспективна, обречена на тупиковое развитие. Необходимо отметить, что этническая культура является неперменным атрибутом выделения этнической общности из числа себе подобных, а этническое самосознание самым непосредственным образом связано с этнической культурой того или иного народа. Этническое самосознание является отражением объективно функционирующих признаков этноса (культуры, языка, религии) и способно стимулировать их развитие, активно влиять на создание новых духовных и материальных ценностей и поддерживать интерес к уже созданным.

По мнению большинства исследователей, процесс глобализации вариателен. Возможны два основных варианта: нивелирующая глобализация и глобализация, построенная на принципах равноразличий всех ее участников. Можно согласиться с тем, что технологии материальной культуры, ассоциируемые с глобализацией в первую очередь, приобретают безличный, универсальный характер, они нацелены на типичность и массовость, что делает их доступными практически всем народам, проживающим на Земле. Однако попытки достижения духовного, этнического, культурного единства встречают решительное и непримиримое сопротивление наций. В противовес глобализации возрождается приверженность национальным культурным ценностям и традициям, стремление к подчеркиванию своей уникальности, различий. Чем сильнее тенденции к универсализации и унификации внешних сторон жизни, тем люди более склонны дорожить традиция-

ми, религией, языком, культурой своего народа. В подобные периоды остро выдвигаются проблемы национальной самоидентичности и стремление к самоопределению. В условиях неуклонной космополитизации и универсализации усиливаются националистические настроения. Не случайным представляется всплеск национальных и религиозных движений в различных уголках планеты. Поскольку глобализация в значительной степени способствует вестернизации, то по этому поводу формировались две основные точки зрения. Первая из них исходит из того, что глобализация – процесс более широкий, нежели вестернизация, и в практическом отношении равнозначна модернизации. Этот тезис обосновывают такие исследователи, как Э. Гидденс, Р. Робертсон, М. Олброу [6]. Их противники считают, что глобализация представляет собой глобальную диффузию западного модернизма, реализуемую в виде расширенной вестернизации и распространения институтов западного капитализма. Эту точку зрения разделяет С. Хэмелинк [7]. По их мнению, глобализация поставила незападные народы и культуры перед исторической альтернативой: или довести процесс вестернизации до предела, растворившись в цивилизациях Запада, став их периферией, ухудшенной копией со славным историческим прошлым, потеряв в череде будущих поколений этническое ядро, либо ответить на вызов возрождением и усилением своей самобытности, сохранением и обогащением своего этнокультурного наследия, мировоззрения и образа жизни на фоне необратимого процесса нарастания мировых связей. На наш взгляд, главным ресурсом сопротивления экспансии стран Запада является цивилизационная самобытность, своеобразный дух, религиозные устои, складывавшиеся тысячелетиями, исторические и этнические традиции. Этничность и традиция отнюдь не станут достоянием истории, они сохраняют функции и роль фактора, существенно влияющего на характер и направления развития человечества. В процессе глобализации этничность принимает новую социальную роль – выражает культурную идентичность, она предполагает возникновение стремления больше ценить самобытные черты собственной культуры. Анализируя современную этнокультурную ситуацию в мире, можно констатировать, что бесспорным фактом является и то, что человечество не в силах отказаться от голоса крови, обычаев, истории, языка. Замены прежних ценностей новой системой не произошло.

Человечеству всегда было присуще великое многообразие форм его политической, хозяйственной, социальной, духовной деятельности в самых различных историко-временных, пространственных, геополитических и природно-климатических координатах. Многообразие – это естественное состояние человеческого бытия. Движущей силой истории многообразие становится не автоматически, а лишь по мере его восприятия человеческим сообществом как неперемennого условия его собственного существования, выживания и развития. Усиление культурно-цивилизационного разнообразия, как и глобализационные процессы, выступают сегодня ведущими, противоречащими друг другу, тенденциями общеисторического развития. Трансформация и утрата этнический и национальных корней уже сейчас стали «глобальными» проблемами практически во всех развитых странах мира. Глобализация несет с собой проблемы и демографического характера — ускоряя миграцию людей из сельских районов в города, образ жизни в которых гораздо теснее связан с привносимыми глобализацией модой, пищей, рынками, отдыхом, развлечениями. По словам М. Решетникова [8], поиск ощущений и удовольствий, как заместителей утраченного смысла, приведет к витку преступности, наркомании, алкоголизма, насилия, а также развитию «экстремальных» видов отдыха и развлечений. Представители самобытных культур, осознанно или нет, чувствуют, что за экономической, политической, правовой и технологической гомогенизациями последуют события, которые вызовут изменения их традиций и культуры. Отказ от культуры означает отказ от исторической памяти и, следовательно, аннулирование собственной самобытности. В ситуации, когда социальная среда требует от человека действий, противоположных нормам его культуры, а часто даже и исключаящих ее, наступает внутренний дискомфорт личности или социальной группы, что отражается на поведении, которое может быть агрессивным, и выражаться в националистических, криминальных, действиях. В иных случаях этнические группы реализуют свое стремление к утверждению своей идентичности за счет сохранения и культивирования своей самобытности, что порой приводит к обособлению или даже изоляции. Ж. Пужоль, президент Автономной области Каталония в Испании утверждает: «Я хочу войти в глобализованный мир не как человек, лишенный родины, но с моей собственной самобытностью. Наш родной язык

является основным инструментом и залогом нашей самобытности, можно поддерживать глобализацию, не утрачивая при этом свои корни» [9]. Американский социолог М. Кастельс говорит: «Чтобы выдержать заданный курс среди разных течений, у вас должен быть ориентир, у вас должен быть якорь. Этот якорь – самобытность» [10]. Американский исследователь Дж. Нейсбит утверждает, что в мире появится глобальный образ жизни и одновременно множество культурных национализмов, и эти два понятия будут дополнять друг друга. Языки, культуры, религии, традиции, искусство и литература снова обретут большое значение в жизни людей и их личном опыте. Они будут одинаково важны для людей как для отдельных личностей и как членов коллективной самобытности, с которой они снова почувствуют прочную связь [11].

Этнокультурная глобализация – это диалектический процесс, в котором глобализация и локализация, гомогенизация и фрагментация, централизация и децентрализация, конфликт и сотрудничество являются не взаимоисключающими противоположностями, а неотъемлемыми составляющими одного процесса. В результате усиливающихся взаимосвязей старые формы разнообразия исчезают, трансформируются, но, в то же время, возникает новое культурное разнообразие. Современный мир, подчиняясь неумолимым законам общественного развития, предполагавшим интенсивные интеграционные процессы, предпринимает определенные усилия для сохранения национального своеобразия. Национальные языки, культуры и традиции не должны исчезнуть в «плавильном котле» планетарной глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние Постмодерна. М., 1998. С. 98.
2. Назарчук А.В. Этика глобализирующегося общества. М., 2002. С.318.
3. Бауман З. Национальное государство - что дальше? // Отечественные записки. 2002. N 6. С. 419-435.
4. Исторический процесс в категориях «культура», «цивилизация», «глобализация». М., 2003. С. 91.
5. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 116.
6. Giddens A. Runaway World. London., 1999. P. 223; Robertson R. Globalization. London., 1992. P. 53; Albrow M. The Global Age. State and Society Beyond Modernity. Stanford., 1997. P. 43.
7. Hamelink C.J., Cultural Autonomy in Global Communications. New York., 1983. P. 106.

8. Решетников М.М. Психодинамика и психотерапия депрессий. СПб., 2003. С.114-116.
9. Конференции // Круглый стол: «Россия и Испания»: трудные пути к демократии. Электронный ресурс http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=51
10. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 123.
11. Нейсбит Дж. Мегатренды. М., 2003. С. 380.

V. Nikitina

ETHNOCULTURAL GLOBALIZATION AS THE MAIN PART OF THE WORLD GLO-

BAL PROCESSES

Abstract. This article focuses on ethnocultural globalization, arouses interest and numerous disputes among the scientists. Dominate point of the modern development is the globalization of the social processes in the world. Now it is impossible to find the ethnic community which didn't try external influence from other ethnic cultures or wide social surroundings existing in other regions of the world.

Key words: globalization, ethnicity, culture.

УДК 23.00.02

Павлов П.Ю.

РОЛЬ ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛИДЕРСТВЕ*

Аннотация. Выбор достойного лидера является важнейшей составляющей политической жизни современного демократического государства. Личностные качества – это основа политического потенциала лидера. Поэтому изучение влияния личностных факторов на политического лидера необходимо для правильной оценки политических возможностей и действий данного человека.

Ключевые слова: личность, характер, политическая воля.

Проводя параллель между личными качествами и влиянием политического лидера, определенно можно сказать, что связь между этими двумя понятиями остается достаточно туманной. Несомненно, биографии и автобиографии дают информацию о политическом лидере, расшифровав и детально проанализировав которые можно понять и возможно спрогнозировать решения данного лидера, что имеет большое значение в политической науке. В различных психоаналитических и биографических исследованиях были проведены попытки связать влияние политических лидеров с особенностями их личностных качеств или с различными событиями из детства, но все же роль личностных качеств остается недоказанной.

Политология нуждается в осознании роли личности, чтобы определить потенциал лидера при влиянии на политический процесс. Очень важно суметь разложить черты личности на составные части, и определить

их сочетания и влияние на лидера. Подробный системный анализ необходим для получения методики оценки корней личностного влияния, а также связать компоненты личности с влиянием лидера.

Относительно политического лидерства исследования начались достаточно недавно, если не рассматривать многолетнюю традицию оценок конкретных политических деятелей. Стоит отметить, что исследований, проведенных в области психологии, гораздо больше исследований, основанных на общем анализе. Но даже в рамках общепринятой психологии пока ещё не выработано всеобъемлющего системного подхода, который можно было бы применить к политике, кроме того, результаты зачастую противоречили друг другу или были недостаточно точны. Проанализированные примеры обычно являлись достаточно простыми.

Для оценки роли таких факторов, как социальное происхождение, сферы профессиональной деятельности, уровня образования и идеологических предпочтений в отборе лидеров, были предприняты попытки анализа их биографий. И хотя направленность этих исследований была более социологической, чем психологической, все же исследования индивидуальности и исследование элит в определенной степени дополнили друг друга. Психологический анализ стал более общим, например, проявилось внимание к определению “измерений”, применимых ко всем типам политических лидеров [1].

Представители политических элит ни-

* © Павлов П.Ю.

когда не состояли в пропорциональном соотношении с руководимыми ими народными массами различных социальных групп. В основном люди, приходящие к власти и претендующие на роль политических лидеров — это мужчины старше 50 лет; достаточно небольшая доля, которых (около 23%) имеют высшее образование и в массе своей принадлежат к среднему или высшему классам. Данное соотношение, конечно, может меняться в зависимости от страны, региона и государственного строя конкретного государства, так, представителей рабочего класса значительно больше в политических кругах в коммунистических странах. Но в целом гражданские служащие, военнослужащие, юристы, преподаватели имеют больше шансов стать политическими лидерами [2].

Существует такая точка зрения, что возраст или сфера профессиональной деятельности не оказывают ощутимого влияния на эффективность работы политического лидера. В связи с этим факторы, определяемые социальным происхождением, не осуществляют заметного воздействия на влияние лидеров.

Такой вывод нашел косвенное подтверждение в работе Рийэя и Филлипса, посвященной революционным лидерам [3]. Многие революционеры позиционировали себя как представитель низшего, чтобы усилить свой рейтинг доверия среди основного населения государства, однако биографические исследования показывают, что основная масса революционеров — из того же социального слоя, что и предыдущие политические лидеры.

Среди них были и юристы, и военные, значительное большинство получило высшее образование; это не были очень молодые люди; они в основном представляли этнические и политические группы. Большинство из них выросло в «нормальных» семьях [4].

Хотелось бы рассмотреть один достаточно интересный фактор, который определенно оказывает воздействие на приоритеты лидера и его эффективность: каким по счету ребенком он родился в семье. Что касается британских премьеров и американских президентов, то прослеживается явная взаимосвязь между тем, были ли они единственными детьми в семье, а также были ли они старшими или младшими. Исходя из этого, можно сделать два вывода:

- единственные или первые дети с кризисными ситуациями справляются лучше, чем с обычными. Самое интересное в данной

ситуации — это то, что электорат, видимо подтверждает данный факт. Если выборы президента в США разделить на «кризисные» и «некризисные», единственные или первые сыновья избирались в восьми из девяти случаев кризиса, в то время как младшие сыновья избирались в двенадцати из двадцати одного случаев в ходе «некризисных» выборов;

- первые, а так же единственные и младшие дети придерживаются трех разных стилей лидерства. В экспансионистских ситуациях и различных внешних конфликтах лучше проявляют себя первенцы; к компромиссам больше склонны младшие сыновья, стремясь урегулировать возникшие проблемы; ликвидации противоречий в обществе уделяют свое внимание единственные сыновья.

Явно прослеживается влияние типов социализации и воспитания, заложенные в детстве и юности. Таким образом, в семье могут воспитываться различные типы лидерства. Эти выводы служат достаточным доказательством того, что порядок рождения в семье влияет на тип лидерства и что население (или, по крайней мере, политики) приходят к пониманию этих различий в своём подходе к лидерству [5].

Как правило, биографические работы рассматривали отдельно взятых лидеров и исторические события и носили больше описательный, нежели аналитический характер. Известные биографические исследования предоставляют редкие и богатые материалы, но они не описывают процесс создания различных типов личностей.

Биографические работы концентрируют свое внимание на лидерах, которые оставили свой отпечаток в истории. Как правило, это исключительные личности. Но они не рассматривают обычных лидеров, что не дает полного понимания проблемы.

Психологический анализ политических лидеров исходит не из биографических исследований. В них нет возможности узнать, надо ли политическому лидеру быть «упорным», «способным к воображению», «образованным» или, наконец, «умным», чтобы достичь успеха; также не было получено информации о том, какие характеристики личности наиболее важны для одних политических ситуаций, а какие — для других. Это очень важно, так как при детальном изучении вопроса можно было бы сделать вывод, что в одном случае упорство является очень полезным, а в другом случае обрекает на провал.

Так как в политической науке обозначился рост интереса к изучению полити-

ческого лидерства, то появилась тенденция замены биографических исследований более детальному и тонкому анализу. Становится заметным расстановка акцентов в пользу аналитического метода изучения биографий. Призыв Лассуэлла изучать “психопатологию” руководителей привел к созданию целого ряда “психологических биографий”, где много внимания уделено событиям, происшедшим в отдаленном прошлом и, прежде всего, в детстве. Отсылка к процессу формирования личности в юности или даже в детстве помогает объяснить, почему данный лидер поступил определенным образом; но она не может подсказать, почему конкретная черта личности этого лидера в значительной мере способствовала приходу его к власти и почему он, находясь у власти, оказывал то или иное влияние [6]. Кажется что на «неуравновешенных» и «эксцентричных» лидерах идет концентрация психоаналитических исследований, будто ненормальность – главная черта личности, заслуживающая внимания. Однако такие изучения зачастую становятся субъективными, так как не рассматривают причины ненормального поведения данного лидера и обстановку, сложившуюся вокруг него. Несомненно, что каждый такой случай необходимо подробно изучать не только с психологической точки зрения, но и с политико-исторической, подтверждая аргументы конкретными документами.

Психоаналитические работы являются очень важной частью изучения составных элементов личности. Однако целесообразнее проводить системный анализ воздействия личности на эффективность лидерства по определенным упорядоченным этапам изучения. Во-первых, необходимо установить действительную значимость лидера, во-вторых, следует попытаться установить, в какой степени влияние лидеров определяется их личностными качествами, а в какой – различными структурными механизмами управления. Только после того как определим, что личностные качества являются значимым фактором, можно задаться вопросом: каковы причины возникновения определенного набора личностных черт в конкретном лидере?

Изучение личностных характеристик общенациональных политических лидеров во второй половине 20 века стало более интенсивным. Формулировались и разрабатывались методики, необходимые для изучения роли влияния личностных качеств на достижения лидеров. Проведенные психологами исследования показывают, насколько компо-

ненты личности влияют на развитие лидерских качеств.

Одна из важнейших проблем, с которой пришлось столкнуться исследователям – это определение понятия личности. Сложно определить, каковы составные элементы личности. Определенно, что личность должна состоять из элементов стабильных, которые определяют связь многим казалось бы разрозненными реакциям и акциям (интеллектуальным и эмоциональным) лидера на временном отрезке.

Не представляется возможным провести глубокий анализ, если в контексте личности не могут быть обобщены личностные качества. Так как непосредственные лидеры оказывали достаточно большое влияние на политические процессы. Зачастую это влияние было гораздо большим, чем у других политических лидеров. В связи с этим требуется уделить большое влияние изучению причин непоследовательного поведения лидеров.

Также большая проблема состоит в том, что личностных черт очень много, и проводить глубокий анализ по всем является достаточно трудоемким процессом, требующим большой кропотливости. В “Учебнике по лидерству” на основе 160 статей Стогдилла, опубликованных с 1904 по конец 1960-х годов, классифицировано более 40 элементов, связанных с психологическими “чертами” лидеров. В свою очередь, эти 40 элементов сгруппированы по 6 основным рубрикам: физические данные, возраст, энергичность, социальное происхождение, интеллект, приспособляемость, энтузиазм, уверенность в себе, способность к постановке целей и социальные характеристики (куда включены такие свойства, как административные способности, популярность и такт) [7].

Данные личности в ряде исследований связывают с лидерством. При этом в них не раскрыто понимание того, какие компоненты личности больше связаны с лидерством, не говоря уже о том, на каком месте в иерархии каждый из них должен быть поставлен. В основном речь идет о том, что такие черты, как самообладание, энергичность, ум, стремление к результату, уверенность в себе позитивно влияют на лидерство. При этом мало рассматриваются такие черты, как воспитанность, такт, экстравертность. Но это не означает, что с лидерством данные черты личности не связаны. Однако психологи настаивают на том, что первый ряд свойств наиболее важен для лидерства.

Можно сказать, что связь многих со-

ставляющих личности человека и лидерства существует. Так же, как и существует определенная система отбора, в соответствии с которой наибольших результатов добивается тот, кто четко ориентирован на данный результат, кто может взаимодействовать с социальной системой во имя близкой цели. Эти качества позволяют отличить лидеров от последователей, лидеров низкого уровня от лидеров более высокого уровня.

В фундаментальном исследовании американских ученых М.Х. Мескона, М. Альберта и Ф. Хедоури "Основы менеджмента" говорится о том, что ни подход с позиции личных качеств, ни анализ поведения не смогли определить логического соотношения между личными чертами и поведением лидера, с одной стороны, и эффективностью, с другой. Это не означает, что личные черты и поведение не имеют значения для лидерства. Наоборот, они являются главными компонентами успеха. Однако более поздние исследования показали, что в эффективности руководства решающую роль могут сыграть дополнительные, ситуационные факторы, которые включают потребности и личные качества подчиненных, характер задания, требования и воздействия среды, а также имеющуюся у руководителя информацию [8].

Эти выводы, безусловно, очень важны при определении роли личностных качеств лидера на влияние общенациональных политических лидеров. Кроме этого, пока еще неясно, какая существует связь между личностными качествами и демографическими факторами. Психологи отмечают, что карьера, возраст или происхождение играют свою роль, но не проводят анализа возможной связи между этими элементами и психологическими переменными величинами. Необходимо указать, что энергичность идет на убыль с возрастом и что пожилые лидеры, в конечном счете, менее эффективны (хотя существует целый ряд убедительных исключений). Также можно сказать, что качественное образование имеет положительную связь с интеллектом, что оно может, в свою очередь, привести к появлению чувства превосходства, которое превращается в желание господствовать. На этом основании лидеры появляются скорее среди лиц с качественным образованием, и из них выходит больше эффективных лидеров.

Все это говорит о том, что исследование требует большей точности, чем просто обозначение влияния некоторых личностных качеств или отдельных системных факторов. Необходимо точно оценить это влияние в

конкретных ситуациях, определить, как различные факторы взаимодействуют в данной группе лидеров. Но такое измерение возможно только при наличии переменных величин, поддающихся измерению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ларри Хьюэлл, Дэниел Зиглер. Теории личности. Основные положения, исследования и применения. СПб.: Питер Пресс, 1997. С. 65-220.
2. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу // Российская академия управления, 1992. С.65.
3. См.: Rejai M., Phillips K. World Revolutionary Leaders. New Brunswick, Rutgers University Press, 1983.
4. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу // Российская академия управления, 1992. С.66.
5. Г.Д. Лассуэлл. Методология исследования проблем политики // Аналитический обзор. Политическая наука. М.:ИНИОН, 2000. №4. С.155-178.
6. Там же. С. 155-178.
7. Stogdill R.M. Handbook of Leadership. New York, 1974. P.51, 52.
8. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1992. С. 490.

P. Pavlov

THE ROLE OF PERSONAL FACTORS IN THE POLITICAL LEADERSHIP

Abstract. The choice of a decent leader, is an essential component of the political life of the modern democratic state. Personal characteristics - the foundation of building a political leader. Therefore, to study the influence of personal factors on the political leadership necessary for a correct assessment of policy options and actions of this man.

Key words: person, character, political will.

ПОЛИТИКА ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖОБЩИННОЙ ИНТЕГРАЦИИ*

Аннотация. Автор рассматривает основные аспекты политики интеграции в Латвии и Эстонии. Главное внимание уделено мерам правительства в области культурной, языковой и образовательной интеграции русскоязычного населения этих стран в связи с их вступлением в Евросоюз.

Ключевые слова: страны Балтии, Латвия, Эстония, проблемы русскоязычного населения, политика интеграции.

1. Интеграционная политика в Латвии

Готовясь к вступлению в Европейское сообщество, Латвия ставила задачу приведения своего законодательства в формальное соответствие с международными нормами по правам человека. В соответствии с этим направлением были ратифицированы основополагающие документы в этой сфере международного права, причем работа по выработке латвийского законодательства с самого начала велась в рамках постоянных согласований с международными организациями и ведущими европейскими экспертами по правам человека. Политика интеграции была признана успешной, стабильной и обоснованной, соответствующей европейским стандартам, что нашло подтверждение в приеме Латвии в Евросоюз в мае 2004 г.

В основу политики в этой сфере был положен тезис о латвийском обществе как многонациональном. От тезиса о создании мононационального государства и принудительной миграции и ассимиляции к моменту вступления в ЕС Рига отказалась. Было признано, что латыши живут и работают вместе с национальными меньшинствами, многие из которых живут в Латвии столетиями. Национальные общины создали свою идентичность и культуру. По данным регистра населения Управления по делам гражданства и миграции, на 01.01.2008 г. в Латвии существовало следующее национальное деление (см. табл.).

В соответствии с ратифицированной Латвией 26 мая 2005 г. Всеобщей конвенцией по защите национальных меньшинств, таковым в Латвии признается совокупность граждан, которые в культурном, религиозном и языковом плане отличаются от латышей, на протяжении поколений традиционно проживают в Латвии и считают себя принадлежащими латвийскому государству и обществу, желают сохранять и развивать свою культуру, религию или язык. Латвия дополнила конвенцию оговоркой о том, что правами национальных меньшинств могут пользоваться лица, не являющиеся гражданами Латвии или другого государства, но, тем не менее, проживающие в республике и идентифицирующие как национальное меньшинство.

	Жители	%	Граждане	%
Латыши	1 345 100	59,1	1 342 215	99,8
Русские	638 410	28,0	367 035	57,5
Белорусы	83 799	3,7	31 196	37,2
Украинцы	57 281	2,5	17 442	30,4
Поляки	54 121	2,4	40 635	75,1
Литовцы	30 780	1,4	18 385	59,7
Евреи	10 168	0,4	6 507	64,0
Цыгане	8 593	0,4	8 000	93,1
Немцы	4 371	0,2	2 236	51,2
Татары	2 836	0,1	809	28,3
Армяне	2 759	0,1	1 058	38,3
Эстонцы	2 504	0,1	1 496	59,7
Другие национальнос- ти	35 533	1,6	20 494	57,7
Всего	2 276 282	100	1 857 508	81,6

2. Государственная политика в области языка

По данным переписи населения 2000 г. латышский язык назвали родным 58,2% населения. Таковым его признали 95,6% латышей, 42,5% проживающих в Латвии литовцев, 39,2% эстонцев. Русский язык считают родным 39,6% населения, в том числе 79,1% евреев, 72,8% белорусов, 67,8% украинцев, 57,7% поляков. Уровень знания латышского языка имеет тенденцию к повышению, особенно среди молодого поколения нелатышей. Статистические данные свидетельствуют, что в конце 1990-х годов примерно 40% респондентов в возрастной группе от 15 до 34 лет ответили, что их знания латышского языка являются хорошими (могут свободно общаться по-латышски). В 2004 г. таких насчитывалось уже 65%, а в 2007 г. – 74%. 2007 год вообще признается в Латвии наиболее успешным в области интеграции: выросло число владеющих латышским языком, расширилась сфера его применения, а главное – отношение нелатышей к употреблению латышского языка стало сменяться более позитивным.

Готовность к изучению и овладению латышским языком является краеугольным камнем программы интеграции. Язык признается основным фактором национального и социального обеспечения общественного единства. Знание латышского языка способствует общественной, культурной, экономической и политической интеграции нелатышей, повышая их конкурентоспособность на рынке труда. В 1995 году была разработана Государственная программа овладения латышским языком, а с 12 октября 2004 г. создано Государственное агентство овладения латышским языком – ГАОЛЯ. Деятельность этого агентства признана одним из наиболее успешных проектов в программе интеграции. Опрос, проведенный Балтийским домом данных, свидетельствует о повышении уровня знания латышского языка и росте интереса к его освоению. Деятельность агентства получила признание и в форме финансовой поддержки по линии ЕС. Это дало возможность организовать бесплатные курсы языка для тех, кому знание латышского языка необходимо для выполнения непосредственных трудовых обязанностей: полицейских, медиков и др. В 2004 году была запущена целевая программа, предназначенная для родителей, чьи дети учатся в школах для национальных меньшинств. В этой группе общества особым спросом пользуется программа изучения латышского языка как второго, она предусмат-

ривает мероприятия, направленные на пропаганду проводимых в государстве реформ в области образования. Агентство разработало учебную методику для школ национальных меньшинств и для взрослых, желающих учиться. С момента учреждения услугами агентства воспользовалось более 82 тысяч человек. Регулярно издается журнал «Сейчас» (“Tagad”), посвященный вопросам, связанным с латышским языком, методикой его изучения и интеграционными процессами в обществе. С февраля 2005 года публикуется газета «Ключи» (“Atslegas”), в которой параллельно на латышском и русском языках дается информация о принятых правительством решениях, одновременно способствуя усвоению норм делопроизводственного латышского языка. Газета является бесплатной и широко распространяется через почтовые отделения по всей Латвии. За три года в связи с ростом спроса тираж газеты с первоначальных 30 тысяч вырос до 50 тысяч.

Основой для образования национальных меньшинств служит принятый в 1998 г. Закон об образовании. Согласно этому Закону, программы для национальных меньшинств строятся на осознании ценностей национальной культуры и способствуют общественной интеграции латвийского общества. Министерство образования разработало 4 образца учебных программ для национальных меньшинств, они различаются по числу часов, отведенных предметам, преподаваемым на «нетитульных» языках. Школа может выбрать одну из этих программ или же разработать свою. С сентября 2004 года количество учебных предметов, которые в государственных и общеобразовательных учебных заведениях и общеобразовательных учебных заведениях самоуправления преподаются на латышском языке, увеличилось с трех до пяти. До 40% учебных предметов преподаются на языках национальных меньшинств: реально речь идет о русском языке. Учрежденный в 2001 году Консультативный совет по вопросам образования национальных меньшинств помогает поддерживать диалог между Министерством образования и науки, студентами и учителями в школах национальных меньшинств, а также с организациями родителей школ и негосударственными организациями. В июле 2004 г. для проведения конструктивного диалога была создана особая рабочая группа совместно с представителями Латвийской ассоциации поддержки школ с русским языком обучения (ЛАШОР). Она продолжила работу над совершенствованием образ-

цов учебных программ национальных меньшинств, учитывая мнения и предложения русскоязычной общественности. К диалогу подключился и Центр общественной политики "Providus", при поддержке которого в сентябре 2004 г. прошел V Форум общественной политики «Интеграция и образование национальных меньшинств».

Верховный комиссар ОБСЕ по вопросам национальных меньшинств Рольф Экеус указал на необходимость увеличения объема использования латышского языка как государственного в учебном процессе в государственных средних школах. Наибольшим спросом на рынке труда пользуются специалисты, свободно владеющие тремя языками: латышским, русским и английским. Некоторое время образование на русском языке пользовалось относительно большим спросом, сейчас соотношение несколько выравнивается за счет повышения спроса на образование на латышском языке. В 2007-2008 учебном году 72,4% первоклассников начали учебу на латышском языке. Это, главным образом, связано с заинтересованностью родителей-нелатышей обеспечить детей образованием, которое позволило бы им получить высшее образование и чувствовать себя более конкурентоспособными на рынке труда.

Закон о государственном языке, вступивший в силу в 2000 г., установил жесткие рамки вмешательства государства в частный сектор экономики и бизнеса в области регулирования применения языка. В случае любого вмешательства закон требует учитывать права и интересы частного предприятия. В разработке Закона приняли участие эксперты ОБСЕ и Европейского Совета, обеспечив, таким образом, его соответствие международным стандартам в области прав человека.

Согласно официальным правительственным данным, в соответствии с Законом о гражданстве, на начало 2008 года 81,6% жителей Латвии являются ее гражданами, а постоянные жители Латвии имеют возможность реализовать свое право на гражданство [1]. Так же, как и в других отраслях, латвийское законодательство о гражданстве получило одобрение экспертов ООН, Европейского Совета и ОБСЕ, подтвердивших соответствие норм законодательства общим принципам демократии и прав человека. Шаги, направленные на либерализацию этого закона, были сделаны в 1998 году и в том же году подтверждены на референдуме. Закон предусматривает предоставление гражданства в течение одного года, но установившаяся правопримени-

тельная практика сократила эту процедуру до 3-6 месяцев с момента обращения. После либерализации Закона о гражданстве в 1998 году произошел значительный, почти четырехкратный рост числа заявлений о натурализации. С начала процесса натурализации 1 февраля 1995 года по 1 января 2008 года распоряжением Кабинета министров Латвии гражданство республики было предоставлено 127 786 лицам. Соответственно, с начала 2000-х годов количество натурализовавшихся неизменно росло. Пик натурализации пришелся на первую половину десятилетия: в 2002 году натурализовалось 9 844 человека, в 2003 г. – 10 049 человек, в 2004 – 16 064, в 2005 – 19 169, в 2005 – 16 439, в 2006 – 16 439, а в 2007 – 6 826 человек [2].

Детям, родившимся после 1991 года латвийское гражданство предоставляется автоматически. Весной 2004 года Секретариат министра по особым поручениям по делам общественной интеграции при сотрудничестве Министерства по делам детей и семьи разослал 15 тысяч писем родителям детей неграждан, родившихся после 1991 года с приглашением зарегистрировать детей как граждан Латвии и разъяснением процедуры такой регистрации. После этого был отмечен рост активности родителей. Всего гражданами было признано 7089 детей, родившихся после 21 августа 1991 года у неграждан и лиц без гражданства.

Из претендентов на гражданство большинство составляют именно русские, их 68,1%. 2004 год оказался переломным. Гражданство получили более половины русских по национальности жителей Латвии. На начало 2008 года из проживающих в Латвии 638 410 жителей русской национальности гражданство получили 57,5% или 367 035 человек [3]. Экзамены по натурализации были упрощены, в подавляющем большинстве случаев претенденты сдают экзамен с первого раза. Фактически сдача экзамена в большей степени является демонстрацией гражданской лояльности, чем реальной проверкой познаний. Выпускники школ для национальных меньшинств, успешно сдавшие экзамены по латышскому языку, освобождаются при натурализации от экзамена по языку. В свою очередь, претенденты старше 65 лет сдают только устную часть экзамена по языку. В 2001 и 2003 годах была соответственно уменьшена плата и расширен круг лиц, пользующихся льготами при оплате за натурализацию, что сделало эту процедуру доступной для лиц с низкими доходами. Го-

сударство проводит широкую информационную и рекламную кампании, направленные на расширение круга лиц, желающих натурализоваться.

В 2001 году был создан Фонд интеграции общества, с 2003 года к его финансированию подключились международные организации. Международная финансовая помощь стала весьма внушительным в масштабах Латвии подспорьем при реализации интеграционных проектов. С 2001 по 2007 было осуществлено финансирование 1170 проектов, связанных и интеграцией, на эти цели Латвии было выделено 10 млн. евро. С 2002 г. осуществляется финансирование проекта «Обучение взрослых латышскому языку». Для желающих улучшить свои познания обучение стало бесплатным. В 2005 г. размер финансирования, выделенного на осуществление этого проекта, составил 238 тысяч евро, а курсы посетило 2400 учащихся со всех регионов республики. В целом за 5 лет (2002-2007) количество лиц, изучавших язык на этих курсах, превысило 12 тысяч человек.

3. Интеграционные процессы в области образования

В рамках программы интеграции в Латвии ведется преподавание на 8 языках национальных меньшинств. Право обучаться на нетитульном языке действует даже в том случае, если всего несколько человек хотят получать образование на этом языке. До середины 90-х годов в республике параллельно действовали две школьные системы – латышская и русская, каждая со своей учебной программой. Реформа в области образования логически вытекала из Закона о языке, сделавшего знание латышского языка необходимостью. Именно эта реформа и шаги, направленные на создание единой системы образования вместо ранее существовавших двух параллельных систем, породила движение под лозунгом «Руки прочь от русских школ!», пик которого пришелся на 2003-2004 гг. Образовательная реформа стала одним из важнейших шагов в области интеграции. В конечном счете, она была направлена на то, чтобы создать равные условия на рынке труда для всех населяющих Латвию лиц. Главным, что изменилось в программах латвийского образования, стало введение преподавания в школах для национальных меньшинств большего количества предметов на латышском языке. Право представителей нетитульных национальностей получать образование на родном

языке в целях сохранения культурной идентичности сохранялось.

Закон об образовании был принят в 1998 году. При его разработке Латвия учла опыт других европейских стран, которые уже реализовывали учебные программы для национальных меньшинств. Разработанные двуязычные программы должны были вводиться с 2002/2003 учебного года, но процесс растянулся из-за выступлений активистов русскоязычной общины. Это отрицательное отношение преодолевалось медленно и постепенно. Начиная с самых старших классов, было введено преподавание примерно 60% предметов на латышском языке. Значительную часть родителей-представителей русскоязычной общины удалось убедить в необходимости двуязычного образования. Как официальные данные, так и личные беседы автора на эту тему с русскоязычными жителями свидетельствуют о том, что в обществе начал доминировать прагматический подход, ориентированный на адаптацию к реальным условиям и рынку труда, а влияние пропаганды неуклонно падает. В целом, отношение общества к реформе образования после первого взрыва неприятия в 2004 году становится все более позитивным.

Оценивая влияние билингвального образования в начальной школе, Министерство образования и науки отметило стабильный уровень качества образования. С 2007 года государственные проверочные работы в средних школах стали составляться на латышском языке, но при сдаче экзаменов в 12-м классе учащиеся имеют возможность отвечать на латышском или русском языке, по своему выбору. В 2006/2007 учебном году обобщенные результаты экзаменов показали одинаковый уровень как в «латышских», так и в «русских» школах. По данным Министерства образования и науки, результаты централизованного экзамена указывают на то, что внесенные в образовательные программы для национальных меньшинств изменения, касающиеся языка, на котором ведется преподавание и проверка знаний при государственных проверочных работах, не оказали существенного влияния на успехи школьников в учебе [4].

В 2006 году из бюджета республики было дополнительно выделено 800 тысяч латов (~\$ 2 млн.) на программу повышения квалификации педагогов, с 2002 г. введена доплата педагогам за преподавание на латышском языке и на двух языках. В 2007/2008 учебном году в 722 латвийских школах язы-

ком обучения был латышский, в 141 школе – русский (там постепенно вводится двуязычная программа обучения), в 88 школах обучение ведется как на латышском, так и на русском языках по двуязычным учебным программам, в школах существуют как латышские, так и русские классы. Занятия в 5 школах ведутся на польском языке, по одной школе приходится на преподавание на белорусском и украинском языках, в одной эстонской и в одной литовской школе некоторые предметы преподаются на этих языках, а в двух школах факультативно преподается цыганский язык. Финансируемые государством университетские занятия проводятся на латышском языке, а на русском языке ведется преподавание лишь в ряде частных высших учебных заведений.

В целом, языковая и образовательная интеграционная политика приносит свои плоды. Латышский язык все в большей степени становится средством общения. Если в 1996 г. большинство нелатышей указывали, что с латышским языком они сталкиваются в основном при просмотре телепередач, то в 2002 г. результаты опросов показали существенное повышение интереса к латышскому языку и рост мотивации в его изучении. Язык осваивают, чтобы не потерять работу, расширить свои возможности на рынке труда, пройти аттестацию, получить гражданство, а также чтобы помочь детям в учебе и своим примером побудить их к изучению латышского языка.

4. Политика Эстонской республики в области общественной интеграции

Политика интеграции была сформулирована Эстонией как актуальная общественная задача в 2000 году. Так же, как и в Латвии, здесь во главу процесса поставлено диалектическое единство социальной унификации общества на основе владения эстонским языком и обретения гражданства, с одной стороны, и сохранения этнических различий на основе признания культурных прав этнических меньшинств с другой. Общественная интеграция понимается как двусторонний обоюдный процесс, в рамках которого как эстонцы, так и неэстонцы объединяются вокруг прочной общей составляющей. Интеграция выражается в ликвидации тех барьеров, которые понижают конкурентоспособность неэстонцев на рынке труда, в области получения образования, участия в культурной и поли-

тической жизни республики. Главным таким барьером, так же, как и в Латвии, является недостаточное знание эстонской культуры и языка, дискриминационный правовой статус национальных меньшинств. Присутствуют и определенные трудности, связанные со страхами и предрассудками, вызванными стремительными переменами, происходящими в обществе.

Последнее положение относится не только к неэстонцам, но и к представителям коренной народности. Эстонцы в рамках проводимой интеграции должны стать более открытыми, готовыми к участию в формирующейся мультикультурной среде, у них должны исчезнуть опасения за свою национальную самобытность и культурное пространство.

В соответствии с общими принципами можно сформулировать основные цели интеграции:

I. Коммуникативно-языковая интеграция - формирование единого информационного пространства и эстоноязычной среды в условиях многообразия культур и толерантности. Необходимость в такой интеграции объясняется изолированностью многих неэстонцев от общества, связанной с недостаточным владением государственным языком. Создание единого информационного пространства осуществляется параллельно с созданием условий для развития языков национальных меньшинств. Составной частью интеграции признается толерантность, взаимное уважение и признание прав отличающихся друг от друга людей.

Эстонская политика интеграции отличается от латвийской своей особой индивидуальностью. Основное внимание уделено не общественным, социальным или национальным группам, а отдельной личности, которая должна самостоятельно принять определенные решения и сделать ответственный выбор. Государство видит свою роль лишь в помощи такой личности в осуществлении ее права и желания воспользоваться этим правом. Именно на основе личностного разнообразия формируется эстонская мультикультурная среда. Весьма важным аспектом признается формирование доброжелательных отношений между эстонцами и неэстонцами. Поначалу сугубо внешние факторы соблюдения определенных норм и приличий, в конечном счете, должны обеспечить формирование единого информационного пространства и преодоление межобщинной разобщенности на основе расширения среды общения на государственном языке.

Эстония основательно подошла к такой важной составляющей интеграционной политики, как образование. Возможно, именно поэтому преобразования в этой области не вызвали здесь такой бурной реакции, как в Латвии. Учителя были заранее подготовлены к работе с контингентом учащихся, отличающимся друг от друга по языку и культуре. Перед выпускниками школ с преподаванием на неэстонском языке нет языковых и культурных барьеров на пути к продолжению образования и конкуренции на рынке труда. Разумеется, речь идет об официальных законодательных барьерах. Барьеры, существующие на бытовом уровне или на уровне требований отдельных работодателей, конечно, существуют и могут быть изжиты лишь с течением значительного времени и в результате постепенных успехов интеграционных мероприятий.

Со времени принятия Закона об образовании в 1992 г. произошли существенные изменения. Стали применяться новые учебные и предметные программы, используются только учебники, изданные в Эстонии, с двух лет до трех выросла продолжительность гимназического обучения, во всех школах введено преподавание эстонского языка. С осени 1998 года применяется единая государственная учебная программа, а иноязычная школа прочно включилась в общегосударственную систему образования. Процесс интеграции в области образования предполагает диалектическое единство «своего» и «иного». Главное внимание в программах уделено национальным различиям, которые не отвергаются, а вступают между собой в диалог в процессе учебно-воспитательной работы[5].

На основе государственной учебной программы школа формирует свою учебную программу с учетом региональных потребностей, пожеланий родителей и учащихся с учетом имеющихся ресурсов. В предметной программе эстонского языка, изучаемого как второй в школах для национальных меньшинств, наряду с владением языком, приоритетным направлением выступает изучение эстонской культуры, стремление привить учащимся уважение к ее ценностям, воспитание интереса к общественной и культурной жизни страны. С осени 2000 г. изучение эстонского языка как второго является обязательным, начиная со второго полугодия второго класса школы. Позднее изучение эстонского языка стало обязательным уже в детском саду. В начальных классах школ с русским языком обучения на эстонском преподаются физкультура,

музыка и пение, изобразительное искусство, краеведение. По мере взросления на титульном языке изучаются предметы, связанные с эстонской тематикой – география, история, литература. В отдельных школах на эстонском языке преподаются математика, экономика, история культуры. Так же, как и в Латвии, пришлось повышать квалификацию учителей, стимулировать их к переходу на преподавание предметов на эстонском языке.

Все проводимые в области образования и возможно более широкого овладения эстонским языком имеют целью изменить общественный настрой. Отношение «неэстонцы – это проблема» сменяется отношением «неэстонцы – это потенциал развития и участники строительства Эстонии». Целью государства провозглашено усиление внимания к перспективам неэстонского населения, особенно подрастающего поколения. Интеграция принесет свои плоды тогда, когда у неэстонцев сформируется готовность и способность принимать участие во всех сферах общественной и культурной жизни, а у эстонцев повысится интерес к мультикультурности их страны [6].

II. Политико-правовая интеграция подразумевает преодоление проблемы безгражданства. Очевидно, что ситуация, при которой одна часть населения не имеет гражданства Эстонии, а другая вообще не имеет никакого гражданства, не может восприниматься государством как желательная и консервироваться во временной неопределенности, что бы по этому поводу не писали националистически настроенные публицисты. Естественно, государство поставило перед собой цель увеличить число людей, имеющих эстонское гражданство, и сформировать у эстонцев и неэстонцев единый государственный идентитет, создаваемый на базе эстоноязычного информационного пространства [7]. Это сложная задача, связанная с преодолением тех, в определенной мере ошибочных, принципов, которые заложили основы этой проблемы в 90-е годы. Очевидно, что изменения в этой области не могут быть быстрыми, тем более – носить единовременный характер. Государство стремится создать обстановку, при которой неэстонцы, желающие получить гражданство, могли это сделать, а процесс натурализации стал бы результативным и эффективным. Кроме того, развитие политического плюрализма предполагает участие неэстонцев в структурах законодательной и исполнительной власти. Именно в этой части интеграция

находится еще в зачаточном состоянии.

Между тем в решении проблемы безгражданства достигнуты значительные сдвиги. По состоянию на март 2008 года население Эстонии составляло 1 363 585 человек. Из них граждан насчитывалось 1 142 650, кроме того, 46 863 гражданина Эстонской республики проживают за ее пределами. Число неграждан, или, как они официально называются в Эстонии, «резидентов с неопределенным гражданством» составило 111 291 человек. Число граждан других государств – 109 644 человека, в том числе 91 908 граждан России, 4 765 граждан Украины, 2 417 - Финляндии, 1 747 - Латвии, 1 368 - Республики Беларусь, 1 458 - Литвы. Соответственно, по периодам (проведение переписей): в 1992 году граждан в Эстонии было 68%, «лиц с неопределенным гражданством» - 32%; в 2003 году это соотношение изменилось как 81% и 12%, к нему добавилась категория «граждан других государств», составлявшая 7%.

По состоянию на 2 апреля 2008 года 83,8% населения страны являлись гражданами Эстонии, 8% — гражданами других государств и 8,2% не приняли гражданство другой страны и не обращались с ходатайством об эстонском гражданстве, то есть не определились с выбором гражданства [8]. Мероприятия по содействию натурализации привели к тому, что с осени 2005 года количество лиц, получивших гражданство в результате натурализации, превысило количество неграждан.

Вопросы получения гражданства регулируются в Эстонии Законом о гражданстве 1938 года, на основе которого был подготовлен Закон о гражданстве 1995 г. Получение гражданства Эстонии возможно по рождению и в результате натурализации. Для получения гражданства по рождению хотя бы один из родителей к моменту рождения ребенка должен быть эстонским гражданином. Получить гражданство в результате натурализа-

ции может любой иностранец не моложе 15 лет, подав соответствующее заявление. К моменту подачи заявления он должен прожить в Эстонии не менее 5 лет и обладать знанием эстонского языка, Конституции, Закона о гражданстве и иметь постоянный легальный доход. Ходатайствующие о получении гражданства лица, родившиеся до 1 января 1930 г., освобождаются от письменной части языкового экзамена.

После обретения независимости в 1991 году перед жителями Эстонии, не имевшими права на получение гражданства по рождению, возникла необходимость самим определиться, о гражданстве какого государства ходатайствовать. Каждый должен был сам для себя решить этот вопрос. Правительство Эстонии провело в 1993-1998 гг. адресную кампанию, направленную на разъяснение ситуации и мотивацию «лиц с неопределенным гражданством» либо ходатайствовать о получении эстонского гражданства, либо выбрать гражданство России, Украины или другого государства. Результатом этой работы и стало сокращение категории неграждан с 32% в 1992 г. до 8,2% весной 2008 г.

За период с 1992 по 2007 годы путем натурализации гражданство Эстонии получили 147 226 человек.

Из таблицы видно, что большинство людей, желавших получить гражданство, сделали это в течение 90-х годов. Вступление Эстонии в ЕС в мае 2004 г. автоматически сделала ее граждан гражданами Евросоюза. Это привело к росту заявлений на получение гражданства со стороны представителей молодого поколения, до этого индифферентно относившихся к этому вопросу.

Правительство Эстонии постепенно осуществляло программу мероприятий, направленных на упрощение процесса натурализации. Наиболее существенная поправка к Закону о гражданстве была принята в декабре 1998 года. согласно этой поправке, дети,

Число лиц, получивших гражданство путем натурализации в 1992-2007 гг. по годам [9]

1992	5 421	2001	3 090
1993	20 370	2002	4 091
1994	22 474	2003	3 706
1995	16 674	2004	6 523
1996	22 773	2005	7 072
1997	8 124	2006	4 753
1998	9 969	2007	4 229
1999	4 534	2008 на 2 апреля	693
2000	3 425	Всего:	147 226

родившиеся в Эстонии после 26 февраля 1992 г., родители которых прожили в Эстонии не менее 5 лет, могут на основании заявления родителей получить гражданство путем натурализации без обязательных экзаменов на гражданство. По состоянию на 10 марта 2008 г. таким путем эстонское гражданство было дано 9 842 ребенку [10].

С 2002 г. процесс натурализации был упрощен для выпускников гимназий и профтехучилищ. Молодые люди, сдавшие экзамен по обществоведению, были освобождены от экзамена на гражданство. Были снижены экзаменационные требования и упрощена процедура сдачи экзаменов. С 1 января 2004 все экзамены для лиц на гражданство стали бесплатными, а стоимость курсов на 100% возмещается тем, кто успешно пройдет экзаменационные испытания.

Лица, не имеющие эстонского гражданства, могут принимать участие в муниципальных выборах, если на 1 января года проведения выборов они прожили в Эстонии не менее 5 лет.

Согласно опросу, проведенному в ноябре 2005 г. социологическим агентством Saar Poll в рамках проекта «Поддержка интеграции лиц с неопределенным гражданством», 61% проживавших в республике лиц желали получить эстонское гражданство, 13% - гражданство России, 65 – гражданство иной страны, 17 же процентов не желали никакого гражданства и были довольны своим статусом. Какое гражданство хотел получить человек, как правило, определялось местом его рождения. 73% родившихся в Эстонии стремились к получению именно эстонского гражданства, а из тех, кто родился за ее пределами, того же хотела менее половины опрошенных. Исследование показало, что чем старше человек, тем в меньшей мере он вообще желает получить какое-либо гражданство [11].

III. Социально-экономическая интеграция связывается с достижением каждым жителем Эстонии конкурентоспособности и общественной мобильности. Речь идет о необходимости избегать ситуаций, когда богатство или бедность, успех или неудача в карьере были бы в значительной мере связаны с этническим признаком. Проблемы социального неблагополучия неэстонцев связаны с недостаточным владением эстонским языком и затянувшимися социально-экономическими преобразованиями в Ида-Вирумаа – северо-восток страны, где компактно проживает русскоязычное население. Именно там наблюдается более высокий, чем в среднем по стране,

уровень безработицы и социальной неустроенности. В основе социально-экономической интеграции лежит, с одной стороны, повышение эффективности преподавания и изучения языка, в том числе и взрослым населением «экономически неблагополучных» районов, а с другой - проведение сбалансированной региональной политики, направленной на опережающее развитие именно «отставшего» северо-восточного региона. Для реализации социально-экономической интеграции необходимо участие неэстонцев наряду с эстонцами в общественной жизни страны, обеспечивающее снижение барьеров, препятствующих развитию конкурентоспособности неэстонцев в различных областях производственной и общественной жизни. Неэстонцы должны принимать более активное участие в неправительственных объединениях, культурном творчестве, международном обмене идеями, а государство - оказывать им в этом содействие. Еще более значительна роль государства в снижении уровня региональной изолированности и обеспечении роста мобильности населения вне зависимости от национальной принадлежности в пределах страны.

Главной интеграционной тенденцией в Эстонии является постепенное повышение уровня владения государственным языком. Если в 1989 году среди неэстонцев количество владеющих эстонским языком составляло 14%, в том числе среди русских - 17%, то на начало 2007 года лишь 1/3 иноязычного населения не говорит по-эстонски. Среди неэстонской молодежи уровень владения эстонским языком существенно выше, чем у старшего поколения. Лишь каждый тринадцатый молодой человек в возрасте от 13 до 17 лет не владеет эстонским языком, в то время как среди взрослого населения таковых насчитывается около 1/3. Однако и это можно считать прогрессом: языковая интеграция идет медленно, но непрерывно. Если анализировать ситуацию в динамике за 10 лет, то можно отметить заметное повышение уровня владения титульным языком и среди взрослого населения. Почти на 1/3 уменьшилось количество лиц, вообще не владеющих государственным языком, и на 70% возросло количество владеющих им свободно [12].

Особенностью Эстонии по сравнению с Латвией является региональный аспект в проведении политики интеграции. Наибольших усилий эта политика требует в Таллинн, где сложилась параллельная жизнь двух общин, почти не испытывающих потребности в общении между собой. В этих условиях моти-

вация неэстонцев интегрироваться в эстонскую языковую и культурную среду невелика. Еще ниже эта мотивация в районе компактного проживания русскоязычного населения на северо-востоке страны, где оно составляет подавляющее большинство. Относительно более низкий уровень жизни в сравнении с другими регионами препятствует освоению титульного языка, а недостаточное владение им делает практически невозможным миграцию избыточного на северо-востоке населения в другие волости страны, где ощущается нехватка рабочей силы и где эти люди могли бы найти себе применение. В то же время в большинстве остальных регионов проблема интеграции становится все менее актуальной или даже вовсе исчерпывается.

Результаты культурно-образовательной интеграции к концу 2007 года можно характеризовать следующими цифрами. 75% детей, для которых государственный язык не является родным, изучают его в детских садах и в начальной школе. Средний результат экзамена по эстонскому языку составил 62,7 пункта (из 100), 78% выпускников средней школы получили больше 60 пунктов на выпускном экзамене по эстонскому языку как второму. Среди выпускников профессиональных школ таких оказалось лишь 20%. Начали работать или продолжили образование 73% выпускников профессиональной школы с русским языком обучения и 71% - выпускников с эстонским языком обучения. Это можно расценивать как заметный шаг вперед в обеспечении равноправия при поступлении на работу и продолжении учебы для выпускников профессиональных школ независимо от национальной принадлежности [13].

Вместе с тем у Эстонии остается в этой области немало нерешенных проблем. Необходимо повышать осведомленность жителей, в том числе чиновников о значении, которое придается равному отношению к лицам, обратившимся в государственные структуры, независимо от их национальной принадлежности и уровня владения титульным языком. Необходимо проводить обучение руководящих кадров с целью обеспечения их компетентности в области управления мультикультурными коллективами. В 2007 году лишь 40% неэстонцев и 54% эстонцев остались довольны работой чиновников. Только 60% представителей неэстонского населения пользовались эстонскими средствами массовой информации: это существенно замедляет интеграцию информационного пространства. И наконец, необходимо увеличить количес-

тво людей, успешно сдающих экзамены на знание Конституции и Закона о гражданстве: в 2007 году успешно сдали такой экзамен лишь 1800 человек [14].

В 2008 году была принята программа интеграции на 2008-2013 годы. Она предусматривает значительное повышение качества владения эстонским языком, расширение контактов и общения между людьми с разными родными языками и сокращение различий между эстонцами и другими жителями при участии в гражданских объединениях и публичной сфере. В 2007 году 65% эстонцев и 19% представителей других национальностей практически не контактировали между собой и 12% эстонцев и 1% представителей других национальностей принадлежали к различным общественным объединениям. Должно значительно сократиться число лиц с неопределенным гражданством и повыситься взаимное доверие между представителями различных национальностей, а также вырасти доверие граждан к государственным институтам. В 2007 г. 28% эстонцев и 82% представителей других национальностей считали полезным участие большего количества представителей разных национальностей в экономике и политике. В результате реализации программы должно значительно вырасти число тех, кто получает информацию через СМИ на эстонском языке и доверяет этой информации. Речь идет о неэстонской части населения. В 2005 году таких насчитывалось 26%. И наконец, должны сократиться различия в занятости и доходах работников разных национальностей. В 2007 г. доля эстонцев среди руководителей и специалистов высшего звена составляла 31%, а других национальностей - 19%, доля эстонцев среди квалифицированных и неквалифицированных рабочих составляла 35%, а других национальностей - 53%. В 2005 г. чистый эквивалентный доход представителей других национальностей был на 14% ниже, чем у эстонцев [15].

Приведенные данные приводят к двум выводам. Независимо от трудностей, задержек и разного рода нестыковок на современном этапе общий вектор развития ситуации направлен в сторону преодоления межобщинной разобщенности, что в наибольшей степени обнаруживается в молодежной среде. Из этого следует второй вывод. Противоречия между Россией и Балтийскими странами по вопросам судьбы соотечественников в этих странах постепенно объективно уходят в прошлое. По всей вероятности, еще длительное время будет оставаться часть русскоязычного

населения, по различным причинам не имеющая возможности или желания интегрироваться в титульную социальную среду. Однако их число будет посточно сокращаться в силу естественной возрастной убыли, и рассчитывать на них как на активную политическую силу беспесективно. Соответственно, в двусторонних отношениях в недалеком будущем этот источник противоречий будет исчерпан. Именно на этом следует строить конкретную политику в области поддержки соотечественников, которых все в большей степени будут интересовать экономические аспекты сотрудничества, нежели борьба за предоставление всем населяющим Латвию и Эстонию русским гражданства этих стран и преодоление дискриминации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Интеграционная политика в Латвии: многосторонний подход. // <http://www.am.gov.lv/ru/information/societal-integration-Policy/?print=on>
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Интеграция в эстонском обществе 2000-2007. // <http://www.riik.ee/saks/ikomisjon>
6. Там же.
7. Там же.
8. Эстония Сегодня. Гражданство/Департамент прессы и информации МИД Эстонской республики при участии Департамента гражданства и миграции Эстонии // www.estemb.ru www.vim.ee
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Интеграция в эстонском обществе 2000-2007. // <http://www.riik.ee/saks/ikomisjon>
13. Эстонская программа интеграции 2008-2013 // <http://www.rahvastikuminister.ee>
14. Там же.
15. Там же.

A. Sytin

POLICY OF LATVIA AND ESTONIA IN THE FIELD OF NATIONAL AND INTERCOMMUNAL INTEGRATION

Abstract. The author considers the basic aspects of a policy of integration in Latvia and Estonia. The main attention is given measures of the government in the field of cultural, language and educational integration of Russian-speaking population of these countries in connection with their introduction into European Union.

Key words: The Baltic States, Latvia, Estonia, problems of the Russian-speaking population, the politician of integration.

УДК 323 (474.5)

Сытин А.Н.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЛИТВЫ В 2008 ГОДУ*

Аннотация. Автор рассматривает основные аспекты политической истории Литвы в связи с парламентскими выборами осенью 2008 г. Основное внимание уделено изучению механизма и причин утраты социал-демократами ведущих позиций в политической жизни республики.

Ключевые слова: Страны Балтии, Литва, внутренняя политика, выборы в Сейм Литвы, поражение социал-демократов в Литве.

Выборы в X Сейм Литвы прошли 12 октября 2008 г. Поскольку их результаты оказались неожиданными как для международных, так и для литовских аналитиков, представляется целесообразным проследить

ход и результаты борьбы партий за парламентские кресла.

Предвыборный сезон в Литве начался относительно поздно. Еще в середине июля на политическом горизонте практически царил затишье. В СМИ появлялись лишь отдельные публикации и казалось, что выборы не внесут ничего нового в жизнь республики. Проводившиеся опросы общественного мнения фиксировали относительно постоянную картину: на формирование новой законодательной власти претендовали четыре партии, которые, преодолевая 5% барьер, набирали от 7-9 до 12-14% голосов.

Из четырех основных партий две получили условное название «традиционных» - это правившая до выборов левая социал-демократическая партия Литвы (СДПЛ) и правый

* © Сытин А.Н.

«Союз Отчизны», традиционно составлявший оппозицию [1]. Две другие партии, получившие в терминах литовского политического спектра название «популистских», создавались в свое время накануне выборов и сразу же сумели занять места в Сейме. Отличительной чертой этих политических структур является их концентрация вокруг одного харизматического лидера, пользующегося симпатиями достаточно широких слоев избирателей. Таковы партии «Порядок и справедливость» (ПС), ранее носившая название «Либерально-демократическая партия», возглавляемая экс-президентом Литвы Роландасом Паксасом, и Рабочая партия (РП), созданная и возглавляемая литовским бизнесменом русского происхождения Виктором Успасских.

Главной проблемой «традиционных» партий стала непопулярность их лидеров. Ни глава СДПЛ, ни его главный соперник председатель Союза Отчизны А. Кубилиус не пользовались популярностью в широких слоях избирателей.

Социал-демократическая партия после ухода с политической арены А. Бразаускаса, оставшегося лишь ее почетным председателем, внутренне ослабла и не приобрела авторитетного лидера. Фактически возглавляющий партию экс-глава кабинета министров Литвы Г. Киркилас не вошел у избирателей даже в десятку наиболее популярных политиков, а внутри партии имеет репутацию не более, чем тени А. Бразаускаса. Бывший глава литовской компартии А. Бразаускас, побывавший президентом и не единожды премьером независимой Литвы, мог сплотить партию своим именем и авторитетом и навязать свое мнение по любому из вопросов. Ни один из нынешних лидеров СДПЛ не пользуется и малой толикой его авторитета.

Дополнительным фактором, сыгравшим против социал-демократов, стало и то, что для большинства избирателей они ассоциируются с «бывшими». Литовское общество, лишенное ностальгии по коммунистическим временам, воспринимает политиков из СДПЛ как наследников коммунистической номенклатуры. Их политические противники не позволяют обществу забыть о том, что в период преследования «борцов за независимость» нынешние социал-демократы принадлежали к коммунистической элите. Позже, перекрасившись и долгое время оставаясь у власти, они стали, подобно тому же А. Бразаускасу, обладателями крупных состояний. В СМИ СДПЛ называют «группой друзей из коммунистического прошлого», на долгие годы

захватившей власть в стране и препятствующей проведению назревших преобразований.

В глазах избирателя СДПЛ стала все больше ассоциироваться с защитой интересов крупного капитала. Группа старых социал-демократов во главе с А. Палецкисом, вышедшим из СДПЛ и создавшим свою партию под названием «Фронт», неоднократно заявляла, что СДПЛ лишь прикрывается защитой интересов простых людей. В результате левый электорат по мере приближения к выборам стал ориентироваться на другие партии. С лета 2008 года социал-демократы стали терять позиции, зачастую балансируя на грани 5% барьера, что заставило А. Бразаускаса характеризовать рейтинги партии как катастрофические [2].

Не в пользу социал-демократов сложились и экономические обстоятельства [3]. Отчасти трудности носили объективный характер, отражая начало мирового финансового кризиса, но в значительной степени они стали следствием экономической политики последних лет, проводимой правительством Г. Киркиласа. За три месяца до выборов инфляция, еще недавно казавшаяся невозможной в экономически успешной Литве, превысила отметку в 12,5%, притом что проценты по вкладам покрывали ее лишь наполовину: ставка в литовских банках составляла 6-7% годовых. Экономический спад привел к застою в наиболее динамично развивавшихся областях экономики, прежде всего в строительстве и грузоперевозках. Упали возможности получения кредитов, а их цена резко возросла. Неуклонно, на 5% в месяц, снижался уровень потребительского доверия, в обществе нарастали пессимистические настроения, ожидания дальнейшего ухудшения экономического положения и роста безработицы. На выборах избиратель не простит этого социал-демократам [4].

Их главные соперники, вторая «традиционная» партия Литвы «Союз Отечества-Христианские демократы» все последние годы находились в оппозиции и не несли ответственности за просчеты правительственной политики. Уже весной 2008 г. правые уверенно занимали второе место, а по результатам летних опросов переместились на первое. Весь период пребывания в оппозиции был использован правыми для консолидации. В ряды Союза Отечества вливались небольшие партии правого толка вроде Союза политических заключенных, а после объединения с Христианскими демократами (ХДЛ) Союз Отечества стал самой многочисленной

партий в республике.

Главной проблемой Союза Отечества стало отсутствие в их рядах харизматического лидера. Председатель Союза А. Кубилиус не обладает популярностью даже внутри партии. Главный лидер и идеолог правых В. Ландсбергис популярен главным образом у литовцев, живущих за пределами родины, к тому же он полностью сосредоточился на деятельности в Европарламенте и выступлениях идеологического толка. Для победы правым был нужен политический проект, который помог бы им завоевать симпатии избирателей и компенсировать отсутствие популярного лидера. Реализация такого проекта стала вопросом политического будущего Литвы.

Известно, что во многих странах значительная часть электората голосует не за программу, а за конкретного обладающего харизмой кандидата, пользующегося широкими симпатиями. Особенностью политической жизни Литвы стало создание перед самыми выборами партий, становящихся партией одного лидера. Именно так перед прошлыми парламентскими выборами вышли на политическую арену «популистские» партии Литвы. Речь идет о партии «Порядок и справедливость» (ПС) (ранее называлась Либерально-демократической партией Литвы) и Рабочей партии. Популярность лидеров этих партий обуславливалась различными факторами. ПС возглавляет Роландас Паксас – всенародно избранный прямым голосованием президент, которому фактически не дали править, организовав ему импичмент в Сейме. На смену пришел проигравший ему В. Адамкус, срок полномочий которого истекает весной 2009 г. [5] Целый ряд СМИ не перестает утверждать, что Р. Паксас был свергнут незаконно, а сам экс-президент неизменно называет свою отставку государственным переворотом. По всем пунктам импичмента Р. Паксас выиграл суды: ни одно из обвинений не было доказано.

Избиратели восприняли импичмент как пренебрежение их волей со стороны элиты. «Порядок и справедливость» одержала победу на муниципальных выборах в Вильнюсе 25 февраля 2008 г., где она получила большинство в столичном самоуправлении, а мэром Вильнюса стал член ПС Юозас Имбрасас. Члены партии заняли важные позиции и в других муниципалитетах. В июле 2008 г. рейтинги ПС были практически равны рейтингам Союза Отечества. Тогда правые набрали 14,7% голосов, а ПС – 13,8%. Р. Паксас в своих программных выступлениях говорил о «твердой руке», способной навести порядок,

не уточняя идеологическую направленность, которую с некоторыми допущениями можно охарактеризовать как «правый центр». Чтобы не ассоциироваться с идеями либерализма, связанного в глазах избирателя с интересами крупного бизнеса, партия даже сменила название, заменив лозунг либеральной демократии лозунгом справедливого порядка.

Успех ПС на муниципальных выборах выявил потенциал партии, но все же носил локальный характер. В масштабах республики победа осталась за «традиционными» партиями. Наибольшее число голосов набрали социал-демократы – 296 мандатов, с небольшим отрывом в муниципалитеты прошли депутаты от Союза Отчизны – 246 мандатов, у «Порядка и справедливости» оказалось лишь 167 мандатов. Негативные тенденции в экономике, проявившиеся с мая 2008 г. ударили по рейтингу СДПЛ и укрепили позиции консерваторов, оставив рейтинги ПС практически без изменений [6].

Наихудшие результаты показала на муниципальных выборах вторая «популистская» – Трудовая (Рабочая) партия, возглавляемая В. Успасских, громко заявившим о себе в период прошлой избирательной кампании 2004 г. [7]. Она заняла лишь 7-е место, набрав 111 мандатов и уступив практически всем своим соперникам.

Неожиданностью муниципальных выборов стало значительное число мандатов, полученных партией «Союз либералов и центристов», лидером которой является А. Зуокас. Входящая в состав правящей социал-демократической коалиции IX Сейма, партия самостоятельно выступила на муниципальных выборах и, несмотря на поражение в Вильнюсе, где А. Зуокас утратил пост мэра, заняла третье место, получив 173 мандата. Это вдохновило А. Зуокаса на самостоятельное участие в выборах в Сейм, и здесь ему также сопутствовал успех. Союз либералов и центристов преодолел 5-процентный барьер и даже вошел в состав правящей коалиции нового X Сейма, теперь уже с консерваторами.

Рейтинг второй «популистской» партии В. Успасских полностью базировался на «медийности» ее лидера, принимавшего участие в телепередачах, приглашавшего к себе в дом журналистов развлекательных программ и исполнявшего под гитару песни в телеэфире. Расчет делался на то, что подобная манера импонирует определенной части электората, тем более что В. Успасских, подобно Р. Паксасу, разыгрывал роль «жертвы режима» в связи с обвинениями в сокрытии доходов партии.

В период этого скандала В. Успасских около года жил в Москве, а по возвращении в Литву был арестован прямо у трапа самолета. Соответствующие репортажи лишь прибавили популярности «опальному» политику. Вскоре пребывание под стражей было заменено на домашний арест, а затем на подписку о невыезде, а имидж борца за интересы народа, обиженного властями, активно эксплуатировался лидером Рабочей партии. Летние опросы общественного мнения давали партии В. Успасских третье-четвертое место.

Опросы общественного мнения ввели в заблуждение многих аналитиков, предсказывавших достаточно сложную конфигурацию правящей коалиции X Сейма. Считались высокими шансы социал-демократов удержать власть за счет создания коалиции с одной из «популистских» партий и с несколькими мелкими партиями, такими, как Союз крестьян-народников (СКН) и «Новый Союз» - социал-либералы (НС). В сочетании с огромным политическим опытом, искусством договариваться, учитывая разнонаправленные интересы и создавать коалиции, вероятность того, что СДПЛ сумеет удержать свои позиции представлялась достаточно высокой. В рамках тех же прогнозов коалиционные возможности того же Союза Отечества оценивались невысоко [8].

На фоне однородного предвыборного ландшафта, каким он представлялся еще в начале августа 2008 г., остался практически неучтенным потенциал двух сил, появившихся на политическом небосклоне Литвы непосредственно перед выборами. Прецедент 2004 года, когда только что созданная Рабочая партия В. Успасских сразу же набрала наибольшее количество голосов, не сумев, правда, воспользоваться плодами победы, был повторен с совершенно иным исходом. Тогда, в 2004 г., путем сложных политических интриг, социал-демократы, набравшие меньшее число голосов, сумели все-таки сформировать правящую коалицию [9]. Новыми политическими силами, поначалу не воспринятыми всерьез, стали «Фронт» А. Палецкиса и Партия народного возрождения (ПНВ). «Фронт откололся от СДПЛ, а его лидер стал позиционировать себя как истинного социал-демократа, готового служить интересам простого народа, а не крупных собственников. Его сильной стороной стало то, что А. Палецкис унаследовал от своих бывших соратников аппаратную преемственность, особенно на местах.

Выход на политическую арену Партии

народного возрождения (ПНВ), созданной в мае 2008 г., стал настоящим сюрпризом. Ее создатель, популярный шоумен и продюсер Арунас Валинкас в последние 10 лет не сходил с экранов телевизоров. В состав партии вошли известные каждому литовцу теле- и эстрадные звезды. Расчет был сделан на ту часть электората, которая голосует не за идеологию, а в соответствии с сиюминутными настроениями.

Уже в июне 2008 г. ПНВ вышла по результатам опросов на третье место, а А. Валинкас, ранее не фигурировавший в политическом амплуа, сразу попал в десятку наиболее популярных политиков страны, в том числе и в президентский рейтинг. Уникальность ситуации состояла в том, что все понимали: ПНВ является вспомогательным проектом одной из «традиционных» партий, созданной для компенсации недостаточной популярности своих вождей. Однако вплоть до оглашения результатов выборов никому не было известно, чей именно это проект. А. Валинкас неизменно выступал против обеих «популистских» партий, предостерегая от прихода к власти как Р. Паксаса, так и В. Успасских. Большинство наблюдателей приписывали авторство проекта социал-демократам, причем это заблуждение сохранялось вплоть до начала формирования правящей коалиции [10].

Уверенность в победе социал-демократов питали, с одной стороны, вера в их административный ресурс и политический опыт, а с другой - в социальные выплаты и распределение бюджетных средств для завоевания симпатий избирателей. СДПЛ максимально использовала оба ресурса. Вопреки угрозе инфляции повышались минимумы зарплат, росли детские пособия, было объявлено о повышении социальных выплат и даже была обещана индексация минимальной заработной платы, пенсий и социальной помощи в соответствии с уровнем инфляции. Результаты внушали социал-демократам оптимизм: по данным опроса ИА ELTA, проведенного 13-21 августа 2008 г., за два месяца до выборов СДПЛ шла вровень с Союзом Отечества, набирая по 12% голосов. Следом шли «Порядок и справедливость» Р. Паксаса с 10%. Рабочую партию В. Успасских были готовы поддержать 9% избирателей [11].

Расклад политических сил стал стремительно меняться во второй половине сентября. Идеолог правых В. Ландсбергис предостерег избирателя от голосования за «популистские» партии, назвав их пророссийскими и

угрожающими независимости Литвы. С августа антироссийская карта безоглядно разыгрывалась Союзом Отечества в связи с конфликтом России и Грузии в Южной Осетии. Литва заняла однозначно прогрузинскую позицию, едва согласившись под давлением Евросоюза несколько смягчить тональность антироссийских выступлений. Не занимая пророссийской позиции, заместитель председателя партии «Порядок и справедливость» В. Мазуронис критиковал консерваторов за противоречащую интересам Литвы политику, ослабляющую позиции страны в ЕС и НАТО и провоцирующую ухудшение отношений с таким важным экономическим партнером Литвы, каким является Россия [12].

Однако на волне нараставшей в течение всей осени антироссийской истерии избиратель в большей степени прислушивался не к рациональным доводам В. Мазурониса, а к высказываниям В. Ландсбергиса, живописавшего ужасы «российского вторжения в Грузию» и пугавшего избирателя возвращением «российского тоталитаризма» и сталинских репрессий. Воды на мельницу правых добавил и президент В. Адамкус, повторивший слова консерваторов о возможной агрессии России в отношении Литвы, о ее стремлении «истребить» жителей Прибалтики и о фактически уже идущем захвате Балтии Россией с помощью экономических и политических рычагов.

Правым удалось нанести удар соперникам и еще по одному направлению. Социал-демократов часто обвиняли в том, что они отстаивают интересы литовского бизнесобщества, в значительной мере связанного с российским рынком. 30 сентября 2008 г. консерваторы опубликовали меморандум «О новой геополитической ситуации в Литве и ее вызовах Европе», главная идея которого состояла в том, что погоня за прибылью делает из литовских бизнесменов предателей родины в пользу России. Этот тезис произвел довольно сильное впечатление на избирателей, всегда готовых обвинить «олигархов» во всех смертных грехах.

Однако главной неожиданностью стало прозвучавшее после первого тура выборов заявление Партии народного возрождения («партии шоуменов») о готовности вступить в коалицию с консерваторами. Все прогнозы об ангажированности А. Валинкаса социал-демократами рухнули. Партия А. Валинкаса, выдвигавшая вместо программы лишь общий тезис о необходимости перемен, завоевала уже в первом туре второе место. В результа-

те антироссийской кампании, развернутой В. Ландсбергисом, консерваторы в первом туре получили 18 мандатов вместо ожидавшихся 14-ти. «Партия шоуменов» получила 13 мест и опередила «Порядок и справедливость», получившую лишь 11 мест. Неожиданным стало и попадание в Сейм двух либеральных правых партий: Движения либералов и Союза либералов и центра, которые по опросам общественного мнения должны были остаться за бортом парламента.

В то же время партии, согласно тем же опросам преодолевавшие 5% барьер – Новый союз и Союз крестьян-народников, которые могли бы составить основу социал-демократической коалиции, в Сейм не попали. Таким образом, по итогам I-го тура у правых было 41 место. Второй тур, состоявшийся 26 октября, лишь усилил позиции консерваторов, несмотря на крайне низкую явку избирателей: на выборы пришло всего 30% (в I-м туре приняло участие 35% имеющих право голоса).

23 октября председатель Союза Отечества А. Кубилиус заявил, что он полностью исключает возможность любых коалиционных договоренностей с социал-демократами. Таким образом, впервые в истории независимой Литвы СДПЛ потерпела столь сокрушительное поражение. Помимо прочего, среди причин такого поражения называют и то, что после ухода А. Бразаускаса партия стала инструментом в руках высшего чиновничества для получения высоких должностей, которые использовались не в национальных и даже не в партийных, а в узкокорпоративных и личных интересах.

Таким образом, в ходе двух туров голосований 12 и 26 октября 2008 г. был избран состав нового X Сейма. Мандаты в нем распределились следующим образом: «Союз Отечества – Христианские демократы» – 45 мест; СДПЛ – 25 мест, партия «Порядок и справедливость» – 16 кресел; Партия народного возрождения (шоуменов) – 15 мест; Союз либералов – 11 мандатов; коалиция Рабочая партия+молодежь – 10; либерал-центристы – 8 мест. Независимые кандидаты-самовыдвиженцы получили 4 мандата. В Сейм прошли также три представителя Избирательной партии поляков, трое крестьян-народников и один представитель «Нового союза».

27 октября председатели четырех партий – «Союз Отечества-Христианские демократы» Андриус Кубилиус, Партии народного возрождения Арунас Валинкас, Союза либералов Элигиус Масюлис и партии «Союз либералов и центра» Артурас Зуокас подписали в Сейме

договор о создании правящей коалиции. С учетом правых независимых кандидатов эта коалиция сосредоточила в своих руках 80 мандатов из 141. Подобного успеха правые добились впервые в истории независимой Литвы. Социал-демократы перешли в оппозицию.

4 декабря президент В. Адамкус подписал декрет об утверждении 15-го правительства Литовской республики. Четыре партии, составившие коалицию, поделили министерские портфели согласно коалиционному договору. Возглавил правительство А. Кубилиус. Наибольшее количество постов получили представители Союза Отечества-Христианские демократы: у них 7 министерских портфелей. Это Министерство финансов, его возглавил бывший руководитель Департамента статистики Альгирдас Шямьта, Министерство экономики возглавил бывший глава правления компании Silikatas Дайнюс Кряйвис, вновь созданное Министерство энергетики поступило под руководство специалиста по новым технологиям, ранее возглавлявшем предприятие Doclogis, Арвидаса Сякмокаса. Министром иностранных дел стал карьерный дипломат, прежде занимавший посты посла в Великобритании и США Вигаудас Ушацкис. Министерство обороны возглавила известная своими антироссийскими высказываниями Раса Юкнявичене. Во главе Министерства социальной защиты и труда – Римантас Дагис, сельского хозяйства – Казис Старкявичюс. Партия народного возрождения во главе с А. Валинкасом получила посты председателя Сейма, министра по вопросам окружающей среды, которым стал глава строительной компании Merko statyba Гядиминас Казлаускас и министра культуры: им стал актер Рямигиус Вилкайтис. Председатель Союза либералов Элигиус Масюлис возглавил Министерство транспорта и связи, а его товарищ по партии, возглавлявший Литовский институт свободного рынка, Рямигиус Шимашюс получил портфель министра юстиции. Союз либералов и центра получил Министерство внутренних дел: министром стал Раймундас Палайтис, здравоохранения – его возглавил его однопартиец Альгис Чапликас. Третьим представителем партии либерал-центристов стал Гинтарас Стяпоновичюс, ставший во главе Министерства образования и науки.

Правительство Литвы приступило к работе 9 декабря 2008 г., когда Сейм утвердил его программу и министры приняли присягу.

В задачи статьи не входит анализ первых шагов и итогов деятельности нового правительства. Можно только сказать, что разво-

рачивающийся мировой финансовый кризис, недоумение в обществе по поводу первых шагов правительства, вылившееся в акции недовольства зимой 2009 года, по-прежнему остающиеся нерешенными вопросы энергетической безопасности и взаимоотношений с Россией делают положение нового правительства весьма непростым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Категории «правая» и «левая» политические партии в Литве, как и в других странах, весьма относительноны и могут служить лишь косвенным определением той или иной политической ориентации.
2. В. Ольжич Сценарии политического будущего Литвы. Основные игроки//<http://www.regnum.ru/news/1033450.html>
3. Об этом подробнее А.Н. Сытин. Социально-экономическая ситуация в Литве накануне парламентских выборов//«Россия и глобальная экономика». Аналитический альманах РИСИ №10(24) 2008. С.99-119.
4. В. Ольжич Сценарии политического будущего Литвы. Основные игроки//<http://www.regnum.ru/news/1033450.html>
5. А.Н. Сытин. Литва 2004-2005гг.// «Аналитические обзоры РИСИ». №2(7). М., 2005. С.1-5
6. "Lietuvos rytas" 15 июля 2008 г.
7. А.Н. Сытин. Литва 2004-2005гг.// «Аналитические обзоры РИСИ». №2(7). М., 2005. С.17-20,23.
8. В. Ольжич Сценарии политического будущего Литвы. Основные игроки//<http://www.regnum.ru/news/1033450.html>; Он же. Сценарии политического будущего Литвы: Возможные коалиции. // <http://www.regnum.ru/news/1037957.html>
9. А.Н. Сытин. Литва 2004-2005гг.// «Аналитические обзоры РИСИ». №2(7). М., 2005. С.17-20,23.
10. В. Ольжич Сценарии политического будущего Литвы: Возможные коалиции // <http://www.regnum.ru/news/1037957.html>
11. «Кто-то дал команду «смягчить тон» в отношении России»: Литва за неделю// <http://www.spb.ru/allnews/1050784.html> 05.09.2008
12. Там же.

A. Sytin

POLITICAL LIFE OF LITHUANIA 2008

Abstract. The author considers the basic aspects of political history of Lithuania in connection with parliamentary elections by autumn of 2008. The basic attention is given studying of the mechanism and the reasons of loss by social democrats of leading positions in a political life of republic.

Key words: The Baltic States, Lithuania, internal policy, elections in the Diet of Lithuania, defeat of social democrats in Lithuania.

ПОНЯТИЕ «РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА»: ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Аннотация. Статья содержит теоретико-политологический анализ современной разработки понятия «российская диаспора» и проблем, возникающих в трактовке этой дефиниции.

Ключевые слова: российский народ, российская диаспора, русский мир, российское социокультурное пространство.

Несмотря на то, что с момента актуализации проблемы российской диаспоры и диаспоральной политики России, пик которой пришелся на вторую половину 90-х гг. прошлого столетия, отечественным экспертным сообществом, политологами, обществоведами пройден значительный путь, результируемый солидным багажом научных наработок и полемического материала, современное состояние вопроса как в академическом, так и в практическом контексте, далеко от завершенности.

Автор далек от мысли, что ему удастся в небольшом сочинении окончательно расставить все точки над «i». Однако очередная попытка анализа точек зрения, позиций в этой теме, думается, поможет определить тупиковые и перспективные направления ее разработки.

Понятие «российская диаспора» тесно связано с другой научной, и даже цивилизационной, проблемой, выходящей на общий историко-культурный пласт национальной идеи. Речь идет, по сути, о формировании основания российского социума, важнейшей составляющей которого является верный ориентир в определении содержания фундаментальной дефиниции – «российский народ». Этот общественный феномен представляет собой необходимый гносеологический посыл в исследовании его диаспоральных производных.

Мировоззренческий вопрос социальных характеристик, качественных черт и содержания понятия «российский народ» далеко не только предмет научных дискуссий, но, прежде всего, инструмент политического противоборства. Поэтому спектр имеющихся на него ответов настолько широк, насколько широка палитра современных взглядов

российского политического истеблишмента. Например, вполне предсказуемо выглядит позиция евроцентристов и «ультралибералов», которые вслед за своими западными учителями утверждают: «Если нет демократии и гражданского общества, а есть подданные в путинской России, то нет и российской нации» [1].

Общая логика политического развития страны в начале 90-х гг. прошлого столетия в сторону «местечковых суверенитетов» дала благодатную почву для представления о российском народе как конгломерате наций, входящих в состав государства, исключающее главное содержание «русскости», или, другими словами, то, что позволяет идентифицировать эту историческую общность [2].

Созвучна с идеями этнонационализма и точка зрения сторонников «доминирования» титульной русской нации.

На необходимость учета постсоветской реальности с новым «мононациональным» статусом России и «этнизацией сознания русских» указывает профессор МГУ А.С. Барсенков. Из логики его рассуждений прямо следует вывод о том, что в этих условиях рассчитывать, что «русские удовлетворятся лишь “российской идентичностью”, не приходится. Игнорирование этого обстоятельства ведет к тому, что объективно возникающие в межнациональной сфере противоречия неизбежно разрешаются через конфликты, неконтролируемые и порой весьма острые» [3; 63].

Забыть о нации и расчистить пространство для признания «российской гражданской нации» призывает бывший министр по национальной политике, а ныне глава профильного академического института В.А. Тишков [4].

Еще в середине 1990-х гг. он сформулировал положение о национальном устройстве России. «Россия – это национальное государство россиян, – писал он, – в состав которых входят представители всех этнических групп: русские, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы и многие другие, кто проживает на ее территории и обладает гражданством» [5; 1, 3].

Таким образом, понимая российский

* © Чибисов О.В.

народ как «историческое целое» и как «гражданскую нацию» [6; 1], исследователь выделяет следующие признаки российской диаспоры: отсутствие этнической актуальности; «единство на основе главной культурной отличительной черты – русского языка»; социокультурная идентичность, необходимым условием генерации которой является наличие «интеллектуалов как производителей субъектных представлений» и гуманитарно-политическая связь с Россией [7].

Исходные моменты научной концепции дают основание автору считать тождественными термины «Русский мир» и «российская диаспора», объединяемых единым культурным фундаментом с русской культурной доминантой и, наоборот, отличать понятия «российских соотечественников».

Широкое использование недавно вышедших в правое поле и официальную лексику терминов «российские соотечественники» и «Русский мир» требует специально остановиться на трактовке этих понятий.

Актуализация первого связана с тем, что российский диаспоральный процесс, несмотря на богатый исторический путь материнского государства, находится в зачаточном состоянии, а в ближнем зарубежье дополнительно ко всему испытывает трудности, связанные с несовершенством социальных систем. В связи с этим возникает вполне обоснованное противоречие между благими устремлениями принять в лоно формирующейся российской государственности всех тех, кто является или может потенциально стать субъектом диаспоризации и реальностью российской идентификации. Попытка концептуализации, пока не определенной в своих качественных чертах, общности россиян за рубежом, приводит к появлению аморфных в правовом и академическом смысле дефиниций. О несовершенстве и ущербности для правового поля понятия «соотечественник» говорят непрекращающиеся дискуссии о его трактовке и правоприменении.

Еще более высокий уровень абстрагирования от политической практики предполагает другой часто употребляемый термин – «Русский мир». Его рождение и политическое звучание подкреплено официальной декларацией и организацией одноименного фонда «Русский мир».

Логично, что в рамках своего умозаключения о российском народе В.А. Тишков склонен видеть в понятии «Русский мир» ту историческую общность, которая традиционно описывается концепцией «диаспоры».

Однако, как показала практика, к кругу, очерченному «Русским миром», относят себя далеко не только представители российской диаспоры или соотечественников, но все приверженцы и почитатели русской истории, культуры и традиций, например, ректор Университета иностранных языков из индийского Хайдарабада Абхай Морье, казахский поэт Олжас Сулейменов, президент Информационной корпорации из США Пол Ричардсон, итальянский публицист и писатель Г. Стюарт и т.д.

Наверное, было бы опрометчивым отказывать им в этой самоидентификации.

Таким образом, введение в научный и политический оборот термина «Русский мир», прежде всего, целесообразно для продвижения положительного имиджа и международного авторитета России и привлечения к ее цивилизаторской миссии максимально широкого круга сторонников.

В научном плане вполне продуктивной выглядит концепция «Русский мир» как «культурно-цивилизационное образование, к которому относится почти треть миллиарда человек, проживающих на разных континентах», активно продвигаемая исполнительным директором фонда «Русский мир» В.А. Никоновым [8, 26-27].

Наиболее продуктивной, на наш взгляд, концепцией российского национального устройства и вытекающей из нее позиции относительно определения содержания понятия российской диаспоры является точка зрения А.И. Вдовина и В.А. Корецкого.

«Российская идея не противоречит и не предполагает угрозы русской идее, – пишут авторы, – а российская нация – русскому и другим народам России... Русская идея сегодня – это не только осознание русскими людьми своей идентичности и общего пути, но также обязанность строить гуманное и справедливое общество. Аналогичная идея есть (должна быть) у каждого из российских народов» [9, 360].

Объединяющим, интегрирующим началом и источником российской идентичности исследователи считают универсальную систему ценностей, генерируемую русским народом.

«Это то, что полагается существенным и важным не только для своего народа, но и для всех. Интеграционной русская идея может стать, если будет приемлемой для всех российских народов. Ее смысл – в осознании необходимости отыскания народами России новой формулы Российской государственности,

способов совместного преодоления кризисов, выживания, взаимообогащения, достойного сосуществования в единой государственной общности. Иначе говоря, российская идея есть осознание российской идентичности во имя благополучия и процветания российской нации как согражданства» [10, 360-361].

Важные характеристики «российской диаспоры» как общественного феномена прямо вытекают из его мобильного состояния. При этом направления диаспоральной эволюции обусловлены как факторами социально-политической среды страны «исхода», так и страны «пребывания».

Процесс формирования российской диаспоры в странах СНГ имеет свою специфику. Во-первых, ее генерация происходит на фоне рождения «новых молодых» наций, сопровождаемого проявлениями крайнего этнонационализма. Не говоря о центрально-азиатских республиках, примеров тому достаточно даже в новейшей истории Украины с родственными, историческими корнями и этнической принадлежностью, населением. Во-вторых, переходный период социально-экономического строя бывших союзных республик обуславливает большую дистанцию в адаптационном потенциале различных групп «диаспорального материала».

Неоднородность российской диаспоры в странах СНГ позволила Н.В. Калининой сделать вывод о том, что «по социальному статусу российскую диаспору в странах СНГ сегодня условно можно разделить на три большие группы» [11, 20]. И хотя на самом деле социальная структура российской диаспоры значительно сложнее, принятая Н.В. Калининой генерация отражает основные страты русскоязычного населения.

«К первой, самой многочисленной, – по мнению автора, – следует отнести представителей социально уязвимых слоев населения (одиноким пенсионеры, многодетные и неполные семьи, инвалиды и т.д.).

Ко второй можно отнести людей, тесно связанных с государствами нынешнего проживания (состоящие в смешанных браках, имеющие постоянные источники дохода).

Третью, весьма немногочисленную категорию составляют лица, принадлежащие к числу политического истеблишмента или интеллектуальной элиты своих стран, занимающие прочные позиции в сфере бизнеса (государственные чиновники высокого ранга, политики, руководители крупных хозяйствующих субъектов, видные деятели науки и культуры и т.д.). Но число таких людей край-

не невелико, как правило, они сознательно дистанцируются от России (занимающие высокие государственные посты порой проводят даже более жесткую антироссийскую линию, чем представители титульной нации), дабы не быть обвиненными в нелояльности к государствам гражданства» [12, 20-21].

Указанные обстоятельства, помимо всего прочего, определяют значительную вариативность сценариев социально-политического поведения русскоязычного населения, а следовательно, и позиции в диаспоральной интеграции. Поведенческий спектр российских соотечественников в странах СНГ, соответственно, выглядит следующим образом: ригористическое противостояние титульному национализму; желание мигрировать на историческую Родину; спокойное отношение к ассимиляции и превращению в материал построения постсоветской нации с доминантой коренного населения; позиция за активное проявление российской субъектности в стране проживания.

Понятно, что при таком разбросе в жизненных ориентирах наших соотечественников говорить о возможности увидеть в ближайшее время сплоченную и организованную российскую диаспору в странах СНГ не приходится.

В свете вышесказанного определение российской диаспоры как формирующегося организма, данное И. Ивановым, представляется достаточно убедительным.

«Российская диаспора, – пишет он, – рассматривается не просто как часть народа, проживающая за пределами современной России, имеющая с ней общие духовные, культурные и исторические корни и стремящаяся к поддержанию разнообразных контактов с исторической Родиной, но как транснациональная сеть, находящаяся в стадии становления, пока не содержащая социокультурный, общественно-политический и экономический потенциал» [13, 32].

Социально-политическая гетерогенность российской диаспоры в странах СНГ неизбежно порождает множественность ее организационных форм с несовпадающими целевыми мотивациями и установками.

Отсутствие выраженных признаков, совпадающих с классическим определением диаспоры, дает основание исследователям отказывать российским соотечественникам в странах СНГ в диаспоральной конституционализации. «Положение российских соотечественников в республиках бывшего СССР не может быть описано с помощью концеп-

ции диаспоры, – пишет А.А. Князев. – Нельзя определять как диаспору любую группу лиц определенной этнической (и/или конфессиональной) принадлежности, если у них нет функционально выраженного внутреннего стимула, потребности к самосохранению, что, в свою очередь, предполагает соответствующие организационные формы реализации этой потребности» [14, 12-13].

Отказ в концептуализации российской диаспоры в ближнем зарубежье отечественными исследователями направлен в сторону положительного разрешения политической и академической проблемы. Ее полноценное диаспоральное содержание авторы связывают с нарастающим потенциалом самоидентификации русскоязычного населения СНГ и диаспоральной политики России.

Совсем иную тональность имеют суждения некоторых западных обществоведов. Введение в научный оборот самого понятия «российская диаспора» они связывают исключительно с желанием России «отодвинуть свои административные границы», «политически утвердиться в постсоветском миропорядке». Вот что пишут по этому поводу представители западной науки Х. Пилкингтон и М. Флинн: «Запущенная “сверху” “диаспоризация” привела к тому, что термин “диаспора” стали активно оперировать в политическом и публичном дискурсе, причем без предварительной четкой его спецификации, в чрезвычайно широком значении, охватывающем все и вся» [15, 11].

Одним словом, эта точка зрения сводится к выводу о том, что проблема российской диаспоры в странах СНГ инспирирована политическими амбициями России и не имеет под собой ни практического, ни академического основания.

Таким образом, российская диаспора остается предметом научных исследований и нескончаемых дискуссий. Несмотря на то, что в направлении изучения этой общности пройден достаточно сложный путь, имеющий свои достижения и результаты, остается неясным и потенциально полемическим большое количество вопросов: механизма консолидации диаспоры, институциональных качеств коммуникативных, трансграничных и внутридиаспоральных свойств и т.д. Отсутствие устоявшейся точки зрения на эту проблему не является следствием обнаружения исследователями непознаваемого феномена или его существования исключительно в научных абстракциях.

Такое положение дел обусловлено рядом

объективных и субъективных обстоятельств. К субъективным следует отнести присутствие диаспоральной проблематики не только в академическом, но, прежде всего, в политическом пространстве, включенность в общий дискурс национальной и международной политики России. Объективной доминантой, определяющей процесс научного освоения темы, является динамичное состояние самого предмета исследования, которое, в свою очередь, опосредовано процессами, происходящими как в материнском государстве, так и в «принимающих» странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Э.А. Паин. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2004.
2. Р.Г. Абдулатипов. Принципы национальной политики. Вариант концепции для Российской Федерации. М., 1994. И др.
3. А.С. Барсенков. К вопросу о факторах формирования современной русской идентичности в России // Русская идентичность на постсоветском пространстве. М., 2008.
4. В.А. Тишков. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26; он же. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
5. В.А. Тишков. Россия как национальное государство // Независимая газета. 1994. № 15.
6. В.А. Тишков. О российском народе и национальной идентичности в России // Бюллетень сети этнологического мониторинга. 2007. № 72.
7. В.А. Тишков. Новый и старый «русский мир» // Стратегия России. 2007. 28 мая.
8. Материалы конференции «соотечественники – потомки великих россиян (Итоговый стенографический сборник)». М., 2008.
9. А.И. Вдовин, В.А. Корецкий. Распад СССР и проблемы национально-политического развития России // Российское государство и общество, XX в. М., 1999.
10. Там же. С. 360–361.
11. Н.В. Калинина. Российская диаспоральная политика в странах СНГ: состояние и перспективы. М., 2005.
12. Н.В. Калинина. Указ. соч.
13. Российские вести. Федеральный еженедельник. 2005. № 9(1764).
14. А.А. Князев. Этническая идентичность и организационные проблемы русских и русскоязычных общин в Киргизии и Центральной Азии // Русские в Киргизии. Бишкек, 2008.
15. Х. Пилкингтон, М. Флинн. Чужие на родине (Исследование «диаспоральной идентичности» русских – вынужденных переселенцев // Диаспоры. 2001. № 2-3.

O. Chibisov

CONCEPT «THE RUSSIAN DIASPORA»:
THE TEORETIKO-POLITOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. Article contains the teoretiko-politological analysis of modern working out of

concept «the Russian diaspora» and the problems arising in treatment by this difinitis.

Key words: Russia people, Russian diaspora, Russian world, Russia's socio-cultural space, Russian diaspora.

УДК 23.00.02

Щедрова О.А.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА МОСКВЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы повышения уровня социальной защищенности населения г. Москвы в условиях происходивших с начала 90-х гг. XX в. в нашей стране социально-трансформационных процессов. В рамках данной проблематики проанализированы технологии адресной социальной защиты населения за указанный период.

Ключевые слова: социальная защита, социальная трансформация, социальная проблематика, технологии.

Трансформационный процесс постперестроечного периода и политические изменения конца XX – начала XXI века в Российской Федерации одновременно с позитивными социальными явлениями сопровождались динамичным изменением социальной структуры общества. Указанные общественно-политические процессы, с одной стороны, спровоцировали множество социальных проблем, а с другой – обусловили необходимость трансформации социальных институтов, ориентированных на оказание поддержки гражданам в сложных жизненных ситуациях.

При этом социально-экономические трансформации самым серьезным образом отразились на наименее защищенных группах населения – сиротах, пенсионерах, инвалидах, малообеспеченных и многодетных семьях. Так, согласно официальным данным, из 8,5 млн. официально зарегистрированных жителей города Москвы более 40% (3,6 млн.) нуждаются в социальной защите и поддержке.

Исходя из этого ясно, что решение этих и других назревших социальных проблем требует четкой стратегии государственной социальной политики и отлаженных меха-

низмов взаимодействия в структуре социальных служб, задействованных в данной сфере. Сегодня в Российской Федерации, на наш взгляд, все еще нет единой институциональной структуры взаимодействия социальных служб. Это заключение основано на наблюдаемой амбивалентности деятельности государственных органов социальной защиты города Москвы: с одной стороны, правительство выделяет дополнительное финансирование на расширение инфраструктуры системы социальной защиты населения, а с другой – уровень заработной платы остается низким, что обуславливает высокую текучесть кадров.

Складывается парадоксальная ситуация: при наличии материальных ресурсов и условий для предоставления требуемых населению социальных услуг широко распространена нехватка кадровых ресурсов в службах социальной защиты. По сути, некому исполнять социальный заказ общества. Заключим, что низкая эффективность деятельности данных структур требует модернизации для соответствия уровня предоставляемых услуг потребностям целевой аудитории. Таким образом, модернизация системы социальной защиты населения России детерминирована социально-политическими изменениями в обществе. Также не вызывает сомнения необходимость более детального рассмотрения основных направлений социальной политики Российской Федерации в рамках социальной поддержки граждан на примере города Москвы.

В настоящее время социальная политика совершенствует свои подходы и технологии, активно развивая теоретическую и практическую базу. Институциональная цель социальной политики в данных условиях – быть современной, уметь изменяться, соответствовать требованиям новых обсто-

* © Щедрова О.А.

ятельств и адекватно использовать условия социальной среды. В области социальной защиты граждан это требование особенно актуально, поскольку понятия социального благополучия изменяются в зависимости от ситуации, момента времени и этапа развития общества.

Под социальной политикой чаще всего понимается комплекс мер по поддержке уровня благополучия населения в разных областях жизни. Кроме того, социальная политика рассматривается как «одна из составных частей внутренней политики государства, заключающаяся в его воздействии на социальную сферу общественной жизни».

Социальная политика государства охватывает все сферы социальной жизни, не только определяя их приоритетные векторы развития, но и выявляя разного рода проблемы и трудности. Социальная политика также выполняет роль социального модератора для сдерживания социальных перепадов в момент социально-политических трансформаций. Таким образом, социальная политика своей целью имеет поддержку стабильности и благосостояния общества посредством комплекса законодательных актов, социальных программ и системы социальной защиты населения.

Под социальной защитой обычно понимается ряд мер «экономического, правового и организационного характера для поддержки наиболее уязвимых слоев населения». Однако это определение не полностью раскрывает понятие социальной защиты. Так, система социальной защиты граждан в первую очередь отражает основные направления социальной политики по соблюдению основных прав, свобод и социальных гарантий граждан Российской Федерации. Спектр действий государственной политики по социальной защите граждан включает выполнение ряда гарантированных социальных обязательств государства перед гражданами, и в первую очередь – перед незащищенными слоями населения. Кроме того, протекционистская политика государства в отношении своих граждан в вопросах «предотвращения неблагоприятных воздействий на людей со стороны социальной среды» также относится к сфере социальной защиты. То есть государство несет перед своими гражданами ответственность, которая «заставляет государство в определенной степени навязывать человеку свою опеку независимо от его желания с целью обеспечения принятых в обществе стандартов».

Для гармоничного функционирования

системы социальной защиты необходимо слаженное взаимодействие государственных структур, общественных институтов и потребителей услуг. Система социальной защиты в организационном плане включает управленческие и функциональные учреждения по работе с населением: Департамент социальной защиты населения Москвы, окружные и районные управления социальной защиты населения – РУСЗН, отделы пенсионного фонда, Городской Центр жилищных субсидий, Бюро медико-социальной экспертизы (БМСЭ), Центры социального обслуживания, Центры социальной помощи семье и детям, Государственное унитарное предприятие Правительства Москвы «Московская социальная гарантия», ОАО «Ветеран» (система магазинов продуктовых товаров по льготным ценам) и другие стационарные и реабилитационные учреждения.

Государство выступает гарантом социальной поддержки для граждан в случае потери трудоспособности, старости, тяжелого материального положения и выстраивает социальную политику, опираясь на нормативную базу страны. В качестве правовой основы социальной политики Правительства Российской Федерации и Правительства города Москвы выступают: Конституция Российской Федерации, федеральное законодательство, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, правовые акты Правительства Российской Федерации, нормативные акты города Москвы. При этом правительство в законодательном порядке устанавливает определенные критерии и размеры безвозмездной помощи, на которые может рассчитывать каждый гражданин России – так называемые минимальные государственные социальные стандарты.

Меры по социальной защите граждан России включают: систему денежных выплат и социальных услуг наименее защищенным слоям населения, предоставление субсидий по оплате коммунальных услуг, предоставление льгот, установление минимального уровня заработной платы и минимального прожиточного минимума, индексация цен и доходов населения, государственное социальное страхование, социальное обслуживание, целевые социальные программы. Система социальной поддержки включает как государственные, так и негосударственные организации (благотворительные фонды). Государственные учреждения социальной защиты выстраивают свою профессиональную деятельность исходя из бюджетного финансирования, которое, в

свою очередь, включает государственное финансирование (источником которого являются налоговые отчисления граждан) и страховую часть (страховые средства работодателей и работников).

Система социальной защиты базируется на социальном обеспечении – то есть государственном материальном обеспечении всех нужд и потребностей граждан в сложной жизненной ситуации, основой которого является механизм денежных выплат (пенсии, пособия, компенсационные выплаты, субсидии и др.). Пенсионное обеспечение предоставляется нескольким категориям нуждающихся: гражданам, достигшим пенсионного возраста; инвалидам (индексация пенсии в зависимости от группы инвалидности); за выслугу лет (военнообязанные, работники предприятий с опасным и вредным производством и др.), иждивенцу в случае потери кормильца; оформление так называемой «социальной пенсии» (в случае, если у гражданина нет права на начисление трудовой пенсии). Все пенсионные выплаты назначаются в рамках действующего законодательства и с учетом основных положений следующих законодательных актов: Федерального закона от 19.12.1997 г. «О пенсионном обеспечении лиц, проходящих службу в органах внутренних дел, и их семей», Федерального закона «О государственных пенсиях в РФ» от 20.11.90 г., Федерального закона «О порядке исчисления и увеличения государственных пенсий» от 21.07.97 г., Федерального закона от 17.12.01 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и других нормативных актов.

Важной формой социальной поддержки граждан является социальные пособия и льготы для нуждающихся категорий населения. Наиболее распространенными видами пособий для граждан выступают: ежемесячные пособия семьям с детьми, пособия одиноким матерям, пособия детям военнослужащих срочной службы, пособия сиротам, пособия по безработице и другие виды пособий. Назначение пособий и компенсационных выплат устанавливается в связи с недостаточным материальным обеспечением некоторых категорий граждан за счет городского бюджета в рамках Комплексной программы мер социальной защиты населения (Постановление Правительства Москвы от 27.11.07 г. N1005-ПП «Об утверждении Положения о начислении и выплате ежемесячных компенсационных выплат (доплат) к пенсиям и единовременных выплат, осуществляемых

за счет средств бюджета»).

Субсидии москвичам предоставляются в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 14.12.05 г. N761 «О предоставлении субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг» в случае, если сумма затрат на коммунальные платежи превышает максимально допустимый размер расходов граждан на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в совокупном доходе семьи. Механизм обязательного государственного социального страхования России базируется на системе обязательных отчислений работодателей и представляет собой «контрольную» систему накоплений для купирования социального риска гражданина (старость, нетрудоспособность, профессиональные заболевания и риски и др.) и включает денежные выплаты, материальные блага и услуги. Например, система обязательного медицинского страхования предоставляет не только определенный перечень медицинских услуг населению, но и осуществляет выплаты в страховых случаях.

Вообще, систему социальной защиты граждан Российской Федерации отличает принцип самообращения нуждающегося за помощью. Вместе с тем, такая практика не всегда адекватна существующим реалиям – многие действительно нуждающиеся граждане не идентифицируют себя с «бедными» слоями населения и «выпадают» из группы получателей адресной социальной поддержки. К настоящему моменту Правительство города Москвы приняло ряд законодательных актов, направленных на поддержку граждан в условиях трансформации российского общества. Так, для поддержки москвичей принято постановление Правительства города Москвы N602-ПП от 06.08.02 г. «О внедрении социальной карты для жителей города Москвы». Социальная карта москвича (СКМ) выдается органами социальной защиты по месту жительства и обеспечивает адресную социальную помощь нуждающимся москвичам (приобретение товаров и услуг по льготным ценам, в том числе – лекарств; бесплатный проезд в городском и железнодорожном пригородном транспорте; получение пенсий и пособий, другие банковские операции)

Важными нормативными актами являются Закон города Москвы от 09.07.08 г. N34 «О социальном обслуживании населения города Москвы», который ориентирован на повышение качества предоставляемых социальных услуг и установление государственных стандартов социального обслужива-

ния и Закон города Москвы от 03.11.04 г. N70 «О мерах социальной поддержки отдельных категорий жителей города Москвы». Закон города Москвы от 03.11.04 г. N67 «О ежемесячном пособии на ребенка» регулирует порядок единовременных и ежемесячных социальных выплат во исполнение стратегии по поддержке материнства и детства. Однако в современной ситуации под социальную защиту попадают не только вышеперечисленные граждане, но и граждане трудоспособного возраста в силу сложных жизненных обстоятельств, связанных чаще всего с потерей работы. Трудоустройство является ведущим фактором социального благополучия, потеря работы автоматически исключает человека из определенного круга, обрубает социальные взаимодействия, материально ограничивает человека. По мнению Ю.П. Лежниной, занятость обуславливает «чувство социального комфорта и включенности в жизнь общества».

Ситуация, в которой находится Россия сегодня, обусловлена форсированной интеграцией нашей страны в мировое сообщество и общемировые тенденции рынка товаров и услуг. Однако открытость границ не только позволила России интегрироваться на мировой рынок и восстановить экономическое положение государства, но и сделала нашу страну зависимой от общемировых финансовых процессов, т.е. Россия «не столько субъект, сколько объект и жертва глобализации». Эта ситуация ставит перед Правительством РФ задачи интенсификации процесса модернизации системы социальной защиты граждан в условиях глобального финансового кризиса. Учитывая, что город Москва как столица Российской Федерации и мегаполис является центром не только социальной, научной, политической и культурной жизни, но и полигоном для испытания инновационных социальных проектов и программ, можно утверждать, что такой уникальный потенциал города способствует модернизации всех социальных структур столицы, в том числе – сферы социальной защиты.

Для минимизации негативных последствий финансового кризиса на рынке труда города Москвы правительство предусматривает ряд мер социальной защиты населения. Законодательную базу для регуляции трудовых отношений составляют общефедеральные законодательные акты: Закон Российской Федерации от 19.04.91 г. N1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации», Закон Российской Федерации от 19.06.00 г. №82-

ФЗ «О минимальном размере оплаты труда», Закон города Москвы от 01.10.08 г. N46 «О занятости населения в городе Москве», и другие правовые акты. Кроме того, 31.12.2008 г. Правительством Москвы принято Распоряжение №3200-РП «О создании Межведомственного штаба по вопросам занятости населения и обеспечения стабильной ситуации на рынке труда», предусматривающее организацию мониторинга занятости в Москве, а также анализ и прогноз развития данной ситуации и в дальнейшем – разработку мер по устранению причин дестабилизации на предприятиях, минимизации негативных явлений и рисков на рынке труда и обеспечения социально-трудовых гарантий работающих и высвобождаемых работников, что включает недопущение массовых увольнений в организациях, усиление ответственности работодателей за соблюдением трудового законодательства.

Постановление Правительства N126-ПП от 24.02.09 «Об итогах реализации мероприятий по социальной защите москвичей в 2008 году и о Комплексной программе мер социальной защиты жителей города Москвы на 2009-2011 гг.» представляет собой отчет правительственных структур о выполнении социальных обязательств перед гражданами. Как следует из документа, правительством Москвы предпринимается ряд дополнительных выплат и адресной помощи москвичам. Помимо этого, продолжается строительство детских дошкольных учреждений, активно внедряются различные формы организации досуга и занятости семей и подростков в рамках профилактики безнадзорности и социального сиротства. Также осуществляется планомерная работа по укреплению института семьи, поддержке материнства и детства. Необходимо отметить, что на сегодняшний день принято Постановление Правительства Москвы от 10.03.09 г. №169-ПП «Об утверждении Порядка оказания государственных услуг по профессиональной ориентации безработных граждан и граждан, ищущих работу, психологической поддержке и социальной адаптации безработных граждан», который предусматривает оказание государственными органами всемерной поддержки гражданам в вопросах профессиональной ориентации, психологической поддержке и социальной адаптации за счет средств федерального бюджета, бюджета города Москвы, предназначенных на реализацию государственной политики занятости, и другое.

Вместе с тем длящийся финансовый

кризис все больше подрывает благополучие российских граждан. Так, по данным ВЦИОМ от 14-15 марта 2009 г., в настоящее время россияне все чаще задумываются о такой форме социальной помощи государства, как продуктовые карточки для малообеспеченных слоев населения. При этом 62% поддерживают идею о внедрении такой услуги для населения, а более половины опрошенных (58%) не расценивают обращение за такого рода помощью как унижительное. Интересно, что 35% респондентов выразили желание получить для себя продуктовую карту.

Нестабильная социальная ситуация вынуждает правительственные структуры России принимать нестандартные меры по оказанию социальной поддержки населению, и активная позиция правительства в вопросах социальной защиты граждан способствует сдерживанию общественной напряженности в настоящий момент, однако прогнозировать развитие сложившейся ситуации трудно. На основании вышеизложенного заключим, что социальная политика Правительства Российской Федерации, Правительства города Москвы ориентирована на формирование современной и комфортной социальной среды для граждан. Вместе с тем решение задач по улучшению качества жизни населения напрямую связаны с повышением эффективности социальной политики в современных условиях социальной жизни.

Однако происходящие сегодня в России трансформационные процессы обуславливают значительную перестройку всех систем и социальных институтов государства, и «необходимость ответить на политические вызовы глобализации, (заставляет страну) в каком-то смысле заново самоопределиваться в рождающемся глобальном социуме». Стратегическое направление развития России в рамках глобализационных процессов позволило интег-

рироваться стране в мировое сообщество и одновременно детерминировало ряд проблем финансового и социального характера, что обусловило изменения системы социальной защиты граждан.

Таким образом, в качестве заключения следует отметить, что система социальной защиты жителей города Москвы в условиях трансформации российского общества нуждается в постоянной модернизации для соответствия реалиям социальной жизни. Большое влияние на формирование российской государственной системы социальной поддержки и защиты прав граждан оказали международные нормативные документы, такие как: Конвенция о правах человека, Декларация о правах инвалидов, Декларация о правах умственно отсталых лиц, Всемирная программа действий в отношении инвалидов и другие соответствующие документы, принятые Генеральной Ассамблеей.

Следует также отметить, что, даже в условиях преобладающего положения жителей столицы по сравнению с другими субъектами РФ, ещё недостаточно разработана система социальной политики и социальной защиты как в законодательной части, так и в системе её практической реализации.

O. Shedrova

SOCIAL PROTECTION OF TOWNSMEN OF MOSCOW IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN SOCIETY

Abstract. This article provides a review of problems in promotion of social protection in Moscow, during the social transformation in early 90`s. Author gives a brief analysis of social problematic and technologies of individual support during this period.

Key words: social protection, social transformation, social problematic, technologies.

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКУ САУДОВСКОЙ АРАВИИ*

Аннотация. Исламский фактор играет все более важную роль в современном мире, все активнее воздействует на политику, экономику, международные отношения, затрагивая геополитические интересы всех крупных держав. Многие политологи рассматривают мусульманский мир как очень влиятельную силу современной международной жизни и одну из опор будущего миропорядка.

Ключевые слова: Религия, ислам, политика, Саудовская Аравия, религиозная солидарность.

Саудовская Аравия – родина ислама. Исламский фактор в этой стране оказывает заметное влияние на формирование внешнеполитических взглядов. Получив в свое распоряжение огромные финансовые средства, Саудовская Аравия смогла оказывать материальную и финансовую поддержку другим исламским государствам и различного рода исламским движениям, в том числе за пределами мусульманского мира, вести активную работу по пропаганде идей исламизма в других странах.

Несмотря на преобладающую тенденцию секуляризации общественно-политических процессов в мире, анализ религии, ее влияния на социальную, политическую и духовную жизнь общества остается одним из важных направлений современной науки, в том числе и политической. Без учета религиозного фактора зачастую невозможно глубоко познать и предвидеть многие сложные политические процессы.

Наибольшую сложность для осмысления вызывает исламский фактор, вокруг которого ведутся многочисленные дискуссии. Конференции, семинары, «круглые столы», организуемые в России и в других странах, пока не обеспечили теоретического развития его сущности, содержания и характера в новых политических условиях, особенно при осмыслении событий, происходящих в исламских регионах мира.

Некоторые аспекты связи исламской и политической проблематики частично уже рассматривались в ряде работ отечественных ученых: З.С. Арухов, А.М. Вартанян,

М.В. Дерябина, А.С. Мелькав, А.Б. Подцероб, Н.А. Трофимчука, А.Л. Салиев, М.П. Свищева, В.В. Чебана, А.И. Яковлев, а так же в работах исламских теологов и правоведов, таких как Сибаяи Абу Дарда, Ибн Таймийи, Ражиха Курди, Ахмада Риза Мустафы, Камиля Салама Ад-Дукси¹. Изучение фундаментальных трудов данных мыслителей, посвященных соотношению политики и ислама, в плане возрождения исламской политической культуры, разработке исламской теории власти, построения исламского государства, позволило нам составить объективное представление об основных принципах становления исламской политической мысли.

Как и любая другая религия, ислам имеет свою священную историю, которая хотя и представляет собой во многом собрание мифов и легенд, предстает в сознании верующего как реальность и влияет на восприятие им окружающего мира. Воздействию ислама на процесс принятия политических решений способствует и изначально присущая этой религии ориентация на практическую деятельность. В исламе, констатирует профессор Каирского университета Х. Ханафи, преобладает «не Логос, а Праксис... Бог не идея, а поступок и поведение. Бог на стороне не Знания, а Бытия»². Наконец, следование религиозным постулатам рассматривается как средство, способное обеспечить защиту от грозных вызовов современного глобализирующегося мира.

В большинстве случаев при следовании в процессе принятия решений религиозным постулатам руководители мусульманских стран прибегают к своего рода «двойному мышлению»: догматы ислама учитываются, когда они отвечают предъявляемым реальностью требованиям, и отбрасываются, когда они вступают в противоречие с такими требованиями. Но при этом «религиозная зашоренность» иногда побуждает их подчинять свои действия положениям мусульманской религии даже тогда, когда это чревато ущербом для интересов соответствующих государств.

Саудовская Аравия – родина ислама, на ее территории находятся главные святыни исламского мира, к которым ежегодно правоверные мусульмане совершают паломни-

* © Нейматов А.Я.

чество (хадж). Исламский фактор оказывает заметное влияние на формирование взглядов на внешнюю политику руководства Саудовской Аравии. Определяемые Основным законом правления концептуальные установки саудовского государства подчеркивают его «следование» духу и букве «Книги Всевышнего Господа и Сунны Его Пророка». В них «черпает свою силу существующая» в королевстве «система правления». Священная же книга мусульман и Сунна выступают в качестве «высшей инстанции» по отношению к любому законодательному акту страны³.

Следует отметить сохраняющуюся дифференциацию религиозной среды в Саудовской Аравии. Ее основными составляющими являются массы верующих, то есть большая часть населения, сохраняющая глубокую веру в ислам, но политически в целом пассивная, и клерикальные круги. К последним относятся «придворные исламисты», прежде всего, члены Совета высших улемов, назначаемых королем. Верховный муфтий издает фатвы, как правило, в поддержку политического курса королевского двора.

Улемы играют уникальную роль в обеспечении легитимности саудовской власти, а так же являются важнейшим инструментом общественной мобилизации, форма которой определяется текущими обстоятельствами развития страны или складывающейся международной обстановкой⁴. Высшая страта саудовских правоведов тесно и специфически включена в саудовский «правлящий класс»⁵. Отношения между двумя его важнейшими группами, не только предопределившие возможность возникновения национального политического образования, но и продолжающие обеспечивать его внутреннюю стабильность, обладают, несомненно, высоким уровнем формализации.

В контексте же проводимой государством внешней политики это означает, что обе эти группы едины в том, чтобы поощрять «стремление государства содействовать реализации надежд арабской и исламской нации на достижение ею солидарности и единодушия, а также укрепление ее отношений с дружественными государствами»⁶.

Саудиты убеждены, что призвание их страны – играть мессианскую роль, выступая в качестве «светоча ислама» и лидера мусульманского мира. Главный акцент делается на религиозную солидарность, под чем, в первую очередь, подразумевается создание в формирующемся многополярном мире сильного исламского полюса, способного защи-

щать интересы мусульманских стран.

Второй аспект религиозной солидарности, как ее понимают саудовцы, заключается в возведении в статус священной обязанности принципа поддержки религиозных исламских меньшинств. Следование данному принципу, с одной стороны, полностью согласуется с идеологическими установками саудитов, а с другой – является абсолютно безопасным в условиях, когда по этим проблемам с близких к саудовским позиций выступают Соединенные Штаты и западноевропейские державы.

Все это, однако, не означает, что внешняя политика Саудовской Аравии целиком и полностью подчинена религиозным соображениям. Во многих случаях верх над ними берут соображения прагматические. Как, например, подготовка и проведение военной операции англо-американских войск на территории Ирака стали дополнительным поводом для придания необходимой религиозной легитимации «умеренной» позиции саудовского «правлящего класса». Ситуация, возникшая вокруг Ирака, требовала, с одной стороны, оправдания поддерживавшихся королевством тесных отношений с державами, возглавившими направленную против С.Хусейна коалицию. Но, с другой, действия этих держав оказывали очевидное и, что существенно, негативное воздействие на саудовский социум. Официальная саудовская религиозная интерпретация событий вокруг Ирака отталкивалась от мысли о необходимости отказа мусульманина от поиска какой-либо связи между событиями вокруг Ирака и религиозными убеждениями лидеров и граждан тех стран, которые стали членами анти-саддамовской коалиции.

Не является безоговорочным приоритетом и помощь мусульманским меньшинствам. Во время второй войны в Чечне правительство КСА однозначно выступало за сохранение территориальной целостности Российской Федерации и принимало меры к тому, чтобы воспрепятствовать выезду на Северный Кавказ добровольцев и не допустить оказания с территории Королевства материальной помощи сепаратистам. Более того, с российской стороны была достигнута договоренность о том, что гуманитарные поставки чеченским беженцам должны осуществляться исключительно во взаимодействии с Министерством по чрезвычайным ситуациям РФ во избежание их попадания в руки незаконных вооруженных формирований. Таким образом, в Эр-Рияде и в данном случае во-

зобладал прагматический подход, обусловленный пониманием того, что поощрение исламского сепаратизма не отвечает интересам Саудовской Аравии, для которой важно сохранение территориально целостной сильной России, играющей весомую роль в международных делах. Не меньшее значение имело понимание, что успех фундаменталистов на Северном Кавказе дал бы мощный импульс подъему исламистского движения в странах Ближнего и Среднего Востока, в том числе и в Саудовской Аравии.

Национальный интерес во внешней политике Саудовской Аравии заключается в распространении религиозной концепции ваххабизма, получая выражение в деятельности по обеспечению общеисламского интереса. При этом соотношение национального и общеисламского интереса в политике государства не всегда имеет стабильный характер. Идеологическая пропаганда религиозно-политической специфики режима, под видом общеисламских инициатив, находится в зависимости от политической ситуации в регионе, вынуждая руководство гибко реагировать на любые изменения в странах Ближнего и Среднего Востока, периодически переоценивая идеологическое наполнение выдвигаемого ими общеисламского интереса, увеличивая или уменьшая интенсивность популяризации своих идей.

Поэтому едва ли можно говорить о наличии “исламской внешней политики” как о целостной системе ценностей, определяющей, какой должна быть политика, и о том, что ислам играет такую большую роль в международных отношениях, как это принято думать в последнее время. Вместе с тем, при всем многообразии и противоречивости мусульманского мира исламские ценности имеют определенное значение во внешней политике Саудовской Аравии. Однако, как было показано на конкретных примерах выше, есть периоды, когда исламские ценности входят в формулирование внешней политики государства, но и в этом случае ислам является лишь одним из факторов, которые принимаются во внимание.

Во всех мусульманских странах, ислам составляет часть представлений, восприятий, позиций и систем ценностей людей, принимающих решения, касающиеся международных отношений. Правящие элиты Саудовской Аравии при выстраивании приоритетов внешней политики, в процессе подготовки, принятия и реализации внешнеполитических решений вынуждены учитывать настро-

ения верующих граждан своего государства. Исламские институты (политические, дипломатические, экономические и культурные) также играют определенную роль в этих процессах. И эта роль тем больше, чем сильнее влияние ислама в обществе.

Нынешнее переходное положение саудовского общества позволяет предположить развитие в двух направлениях: откат назад к уровню большей верности канонам ислама и шариата, как это произошло в Иране после исламской революции, или, напротив, смягчение жестких норм ислама и шариата во внутренней жизни. Однако в обоих случаях Саудовская Аравия остается центром мирового ислама, а, следовательно, исламский фактор по-прежнему будет играть важную роль в принятии внешнеполитических решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арухов З.С. Ваххабизм и духовенство в политической структуре саудовского общества. – М., 2002. – 48с.
2. Бен Баз А.А. Основной закон правления / Пер. с англ. Александров И.А. – М., 1999, – 524с.
3. Исламский фактор в политике во второй половине XX века: дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук - всеобщ. история / Н. Н. Русеева, - Казань, 2009. - 393с.
4. Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения. М., 2003, – 236 с.
5. Подцероб А.Б. Исламский фактор и процесс принятия внешнеполитических решений // Институт Ближнего Востока. М., 2007, – 3с.
6. Румянцев В.И. Ближний Восток: Оптимальная модель региональной безопасности. М., 2003. С. 28.
7. Шахин С.-Д.Х. Лямахат тарихийя ан таухид Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Исторические очерки объединения Королевства Саудовская Аравия). Эр-Рияд, б/г. С. 17.
8. Bahgat K., Dessouki H. The Foreign Policies of the Arab States. Cairo, 1984. P. 312.
9. Hanafi H. Theologie ou antropologie? // Renaissance du monde arabe. Paris, 1972. P. 241.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сибъи Абу Дарда. Шарху нахжалъ балага филь Таухид Ас-султату ллах (Объяснение законов красноречия в единстве власти Аллаха). – Каир, 1966; Ибн Таймия. Аль фатави аль кубро (Свод больших юридических заключений). – Амман, 1980; Сийасат аш-шариа (Политика Шариата). – Каир, 1951; Ражих Курди. Шарху маъани мусталахат ас-сиясия филь Куран (Объяснение смысла политических терминов в Коране). – Дамаск, 1978; Ахмад Риза Мустафа. Тахкик фи далаилал-Имамат (Доказательство

Имамата). – Бейрут, 1975; Камиль Салама Ад-Дукси. Давлятуль Расул мин таквин иля тамкин (Государство Пророка от создания до укрепления). – Амман, 1997.

- 2 Hanafi H. Theologie ou antropologie? // Renaissance du monde arabe. Paris, 1972. P. 241.
- 3 С. 1 и 7 Основного закона правления. – Бен Баз А.А., цит. произв. С. 264–265.
- 4 Bahgat K., Dessouki H. The Foreign Policies of the Arab States. Cairo, 1984. P. 260–261.
- 5 Шахин С.-Д.Х. Лямахат тарихийя ан таухид Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Исторические очерки объединения Королевства Саудовская Аравия). Эр-Рияд, б/г. С. 17
- 6 Ст. 25 Основного закона правления. – Цит. по: Бен Баз А.А., цит. произв. С. 268.

A. Neimatov

THE ISLAMIC FACTOR AND ITS INFLUENCE ON A POLICY OF SAUDI ARABIA

Abstract. The Islamic factor plays more and more important role in the modern world, all influences a policy, economy, and the international relations more actively, infringing on geopolitical interests of all large powers. Many political scientists consider the Muslim world as very influential force of a modern international life and one of support of the future world order.

Key words: Religion, Islam, policy, Saudi Arabia, religious solidarity.

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 82-311.6 (470.67)

Лугуева А.М.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ДАГЕСТАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
СОЧИНЕНИЯ «ИСТОРИЯ ШИРВАНА И ДЕРБЕНДА»*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению дагестанского исторического сочинения «Истории Ширвана и Дербенда» («Тарих Баб ал-абваб»). Это произведение, которое содержит важные сведения по истории Дагестана и Ширвана VIII – XI вв. (до 1075 г.) и приводит точные имена и даты, является ценным источником для изучения истории того периода, и, несомненно, является одним из выдающихся памятников дагестанской историографии XI в.

Ключевые слова: раисы, хашимиды, йазидиды, Ширван.

История Ширвана и государств, существовавших на территории Дагестана в средневековый период, представляет огромный интерес. Дагестан в период средневековья не был единым государством. На его территории существовало множество самостоятельных владений, таких, как Дербент, Серир, Хайдак, Лакз, Табасаран, Гумик, Филан, Шандан и др. Существование нескольких государств на сравнительно небольшой территории создавало возможность многообразных контактов между ними. Это и политические союзы, и военные столкновения, и культурные и экономические связи. Кроме того, этим владениям часто приходилось отстаивать свою целостность и территориальную независимость от многочисленных иноземных захватчиков, стремившихся подчинить их своему влиянию.

Становится очевидным, что политическая жизнь на территории средневекового Дагестана была динамична. Для её изучения огромную ценность представляют сохранившиеся письменные источники на арабском, персидском, грузинском, армянском, тюркских языках и на языках народов Дагестана, содержащих много важной информации о Дагестане в этот период. Эти исторические сочинения неоднократно переписывались,

комментировались и переводились на разные языки. К сожалению, многие сочинения частично или полностью утеряны. А те, которые частично или полностью дошли до нас, нуждаются в дальнейшем изучении, исследовании и, прежде всего, в современном переводе..

Эти источники по истории и культуре Дагестана раннего средневековья по месту своего происхождения можно разделить на две категории: недагестанского происхождения, составленные в странах Ближнего Востока, Средней Азии и Закавказья, и дагестанского происхождения.

Среди этих источников наиболее информативными и многочисленными являются сочинения на арабском языке, а также многочисленный эпиграфический материал.

Очень большой интерес представляют главы из арабской хроники - книги «Тарих Баб ал-абваб»¹, написанной в начале XII в. и считающейся утерянной. Но отрывок из этой книги, посвящённый истории Ширвана и Дербента, воспроизведён в сочинении турецкого историка Мюнеджжима-баши (1-я половина XVII в. – 1702 г.)². Эти главы обнаружены сравнительно недавно. Имя автора хроники, писавшего после 465/1075 г., не сохранилось. Однако у дагестанского учёного А.К. Аликберова есть предположение, что автором «Истории Ширвана и Дербенда» является Маммус ибн ал-Хасан ад-Дербенди ал-Лакзи (прибл. 1040-1110) – «историк и знаток хадисов, придворный историограф дарбандских Хашимидов. Ученик ал-Хатиба ал-Багдади, Ибн ал-Хадибы ад-Даккака, Ибн ат-Туйури, друг и наставник Абу Бакра ад-Дарбанди... Судя по нисбе, Маммус ал-Лакзи родился в Лакзе или в Баб ал-абвабе, в семье выходцев из Лакза»³.

Маммус ал-Лакзи недружелюбно относился к раисам, особенно к Аглабидам и откровенно придерживался прохашимидской ориентации. И поэтому в последней четверти

* © Лугуева А.М.

XI в., когда нарастала тенденция политического усиления Аглабидов, он был вынужден покинуть город. В 468/1075 г. ал-Баба стал ленным владением сельджукского хаджиба Сау Текина, а затем городом стали править эмиры из рода Аглабидов⁴.

Мюнеджжим-баши был родом из Салоник, одно время служил придворным астрологом и закончил свои дни в опале в Мекке. Его основной труд, написанный на арабском языке, «Джами ал-дувал» («Собрание династий») рассказывал об истории Ширвана, Дербента и других государств. В нём были использованы многочисленные источники на арабском, турецком и персидском языках. В 1132-42/1720-30 гг., уже после смерти автора, рукопись была переведена на турецкий язык, а в 1868 г. турецкий перевод труда вышел в трёхтомном издании в Стамбуле под названием «Сахаиф ал-ахбар» («Листы известий»). Одна из глав книги условно называлась «Тарих ал-Баба» («История Дербента»).

Так впервые стало известно о существовании сочинения XII в. по истории Ширвана и Дербента, включённого в компилятивное сочинение Мюнеджжим-баши⁵.

Перевод труда Мюнеджжим-баши был сделан Ахмедом Недимом с арабского оригинала, но, ввиду того, что несколько экземпляров сохранилось лишь в Турции, не сразу было замечено, что турецкий перевод являлся только сокращением, в котором были опущены многие важные детали арабского текста⁶.

Ценный вклад в изучение этой арабской хроники внёс В.Ф. Минорский (1877-1966) – русский востоковед. Автор многочисленных трудов по истории и культуре Ирана, Закавказья и Турции, по истории ислама, этнографии, истории востоковедения В.Ф. Минорский – член Британской и Французской академий, почётный член «Азиатских обществ» Франции и Германии, почётный доктор Кембриджского и бельгийского Свободного университетов, участник многих международных конгрессов и конференций востоковедов, в том числе 25-го международного конгресса востоковедов в Москве (1960 г.)⁷.

В.Ф. Минорский переписывался со многими учёными, среди которых были и дагестанские, такие, как М.-С. Саидов и Г.Д. Даниялов.

Как отметил проф. А.А. Али-Заде, В.Ф. Минорским сделан ценный вклад в разработку многих малоизученных проблем и вопросов социально-экономического развития стран Ближнего и Среднего Востока, в том

числе Азербайджана. В.Ф. Минорским проделана огромная кропотливая работа в области исследования и публикации первоисточников, многие из которых являлись редкими и малодоступными.

Изданные В.Ф. Минорским тексты, преимущественно арабские и персидские, обычно сопровождаются их комментированным переводом, дающим возможность как специалистам, так и широкому кругу читателей, ознакомиться с содержанием произведений средневековых авторов. Слова, перевод которых неясен, неточен или вызывает сомнения, он приводит в скобках в их арабском варианте, рядом с тем значением слова, которое он представил. В обширных, научно аргументированных комментариях к переводам, представляющих серьёзное исследование, В.Ф. Минорский подробно останавливается на сочинениях средневековых авторов, анализирует различные термины социально-экономического характера, исследует налогово-финансовую систему и т.д.⁸

В.Ф. Минорский выделил из арабского текста Мюнеджжим-баши кавказский материал (отдельные главы) и после тщательной обработки издал его. В серии Кембриджского университета вышла первая часть работы исследователя – «Этюды по истории Кавказа»⁹, а вторая часть, получившая название «История Ширвана и Дербента X-XI вв.»¹⁰, была выпущена в 1958 г. (арабский текст, английский перевод, комментарии) при содействии Лондонской школы востоковедения. В 1963 г. вышел русский перевод этого издания¹¹, выполненный азербайджанскими учёными под наблюдением В.Ф. Минорского, который внёс значительные дополнения¹².

В книге В.Ф. Минорского «История Ширвана и Дербента X-XI вв.» приводится исследование истории, географии и этнографии Ширвана, Дербента и сопредельных государств X-XI вв. Это время богато историческими событиями и имеет важное значение для изучения истории Дагестана VIII-XI вв.

Эта книга включает в себя текст источника, приведённый из сочинения Мюнеджжим-баши, перевод В.Ф. Минорского, его обширные комментарии, касающиеся Ширвана, Дербента и дальних соседей последнего – кайтаков, аланов, русов и т.д., раздел об общественном, административном и военном строе Ширвана и Дербента, сведения о поздних Ширваншахах и правителях Дербента после XI в., сведения ряда арабоязычных историков и географов (Ибн Руста, Масуди и др.) о Ширване, Дербенте и других городах и

областях¹³.

В.Ф. Минорский во введении своей книги привёл список рукописей арабского подлинника, представленный ему проф. Мюкримин-Халилом Йинаничем в 1951 г.:

(А) Топ-капы Сарайы, библиотека Ахмеда III, №2954 в двух томах, написана в 1116/1704 г. и считается копией рукописи самого автора.

(Б) Байезид Умуми кютюбханеси, №5019-20.

(В) Сулейманийе, коллекция Асад-эфенди, №2101-3.

(Г) Нур-и Османийе, №3172-2 (разборчивость посредственная).

(Д) Каталог библиотеки в городе Кайсери (Рашид-эфенди, №913) упоминает чётко написанную рукопись в двух томах¹⁴.

Исследовав рукописи (А) и (Б), В.Ф. Минорский пришёл к выводу, что рукопись (А) уступает в каллиграфии рукописи (Б), но имеет лучший текст. Как уже выше говорилось, турецкий перевод являлся только сокращением арабского текста. Это становится очевидным после того, как В.Ф. Минорский сравнил рукопись (А) и турецкий перевод и заметил следующее: три главы о Мусафиридах, Раввадидах и Шаддадидах, которые в рукописи (А) занимают 21 страницу (ок. 651 строк), соответствуют только 84 строкам печатного турецкого издания, где Раввадида совершенно опущены. Главы о Ширване и Баб ал-абвабе занимают 25 страниц (ок. 775 строк) в рукописи (А), тогда как турецкий перевод отводит им только 185 строк.

В.Ф. Минорский предположил, что Мюнеджжим-баши сократил некоторые части «Тарих Баб ал-абваб» и в то же время добавил к нему несколько параграфов в начале (§§1-4) и в конце (§§48-60), используя для этого такие хорошо известные источники, как биографии Ибн Халликана, словарь Йакута и историю «Джихан-ара» Гаффари.

Мюнеджжим-баши несколько раз указывает, что арабский оригинал текста был составлен в Дербенте ок. 500/1106 г., но фактически позднейшие из описанных событий доходят лишь до 468/1075 г.

В.Ф. Минорский заметил, что автор рукописи расположил сведения по династийному признаку, и, в соответствии с этим, «История Ширвана и Дербенда» делится на две части.

Первая часть — о династии Ширваншахов — Йазидидах, основоположником которой был Йазид б. Мазйад аш-Шайбани (799-801) и дербентских Хашимидах (869-1077).

Основное её содержание — сложные взаимоотношения правителей Ширвана и Дербента, в которые нередко втянуты правители Аррана, Серира, Хайдака, а также тюрков-сельджуков на Восточном Кавказе. Вторая часть выдержана в том же ключе, что и первая, с акцентом на деятельность Хашимидов, на их взаимоотношения с соседними владениями. По своей структуре — это погодное, последовательное изложение на манер хронографов или же династийных хроник. Оба жанра (история города и история династий) получили на территории бывшего Халифата широкое распространение¹⁵.

А.К. Аликберов, сопоставив обе части хроники, пришёл к выводу, что «описанные в них события почти целиком повторяют друг друга, но история Ширвана содержит гораздо меньше деталей и дат. Сведения первой части хроники во многом вторичны по отношению ко второй её части: сведения о Ширване связаны непосредственно с ал-Бабом, в то время как история ал-Баба излагается самостоятельно. Она написана очень ярко и цельно, хотя и в лаконичной форме. Повествование второй части изобилует фактами, которые не противоречат друг другу, чего не скажешь о первой части. Автор досконально знает историю правителей ал-Баба вплоть до мелких внутридинастийных событий, в то время как он явно путается в перипетиях политической жизни в Ширване. Более того, он даже оставил пробелы в определении основных дат ширванской истории: «Числом их (т.е. Ширваншахов) было (?) и их столицей был Ширван. Они впервые появились в (?) году и вымерли в (?) году. Они царствовали в течение (?) лет»¹⁶ (Тарих ал-Баб, подраздел А)¹⁷. В истории ал-Баба таких пробелов нет»¹⁸.

По мнению В.Ф. Минорского, чувства автора — на стороне местных князей Дербента и направлены против местной аристократии города, но, в общем, его повествование довольно бесстрастно.

Стиль работы, насколько о нём можно судить по сокращённому тексту Мюнеджжим-баши, деловой и напоминает скорее записи секретаря, нежели язык учёного муллы. В работе чувствуется нелюбовь к христианским соседям Ширвана (главным образом, к грузинам), но эта черта имеет скорее политический, чем религиозный характер, так как автор равно враждебен и к новому тюркскому нашествию¹⁹.

Как уже выше говорилось, по мнению А.К. Аликберова, автором «Истории Ширвана и Дербенда» является Маммус ибн ал-Ха-

сан ад-Дербенди ал-Лакзи (прибл. 1040-1110) – один из влиятельных шейхов Дербента²⁰. Дагестанский учёный А.Р. Шихсаидов считает, что автор был, по всей вероятности, жителем Дербента, он знал в подробностях жизнь и социальную структуру Восточного Кавказа, проявил хорошее знание топографии города²¹.

В.Ф. Минорский предполагает, что автор рукописи использовал некоторые местные хроники, имевшиеся в Арране, Ширване и ал-Бабе и дополнил их с помощью местных знатоков. Годы между 400/1009 и 460/1075 лежат приблизительно в пределах личного опыта самого автора и воспоминаний старшего поколения его современников.

Как уже было сказано, Мюнеджжим-баши даёт свой собственный сокращённый пересказ приводимых отрывков, а не самый текст анонимной истории. Хотя позднейшие переписчики нередко искажали трудные имена и опускали целые группы слов, мы можем быть уверены, что Мюнеджжим-баши, при всех сокращениях, не исказил текста и не пропустил ничего существенного, так как он был опытным компилятором.

Материал, заимствованный Мюнеджжим-баши из анонимной истории, обилён и заполняет пропуски в нашем знании истории Дагестана и земель по рекам Кура и Аракс. Как только Мюнеджжим-баши теряет нить основного источника («Тарих Баб ал-абваб»), его повествование делается неточным и недостоверным²².

Кроме В.Ф. Минорского, исследованием «Истории Ширвана и Дербенда» занимались и другие учёные. К их числу относятся дагестанские учёные – А.Р. Шихсаидов, А.К. Аликберов, азербайджанские учёные – А.А. Али-Заде, С.Б. Ашурбейли и др.

Анонимная хроника «История Ширвана и Дербенда» относится к числу самых ранних датированных арабоязычных памятников исторической литературы Дагестана и является очень ценным источником, давая много важной информации по истории Дагестана VIII-XI вв. Мы находим там много интересных сведений об экономическом развитии существовавших в то время государств (Ширвана, Дербента, Серира, Хайдака, Лакза и др.), об их политике, государственном строе, социальном положении, об их взаимоотношениях друг с другом. Период, описываемый в этом сочинении, очень богат историческими событиями, и «История Ширвана и Дербенда» является одним из сочинений, помогающим нам более широко исследовать события

того периода. Мы узнаём о происхождении местных династий, их взаимоотношениях, узнаём о различных народностях Дагестана, об их участии в политической жизни страны, об их связи друг с другом. Здесь также можно найти сведения о распространении ислама в Дагестане.

Мы выясняем, что территория Ширвана и Дербента привлекала внимание почти всех завоевателей. Несмотря на значительные потери и ущерб, нанесённый завоевателями Ширвану и Дербенту, они всё равно продолжали занимать устойчивое положение, а Ширваншахи и правители Дербента всегда считались одними из крупных феодальных владетелей, и они в политическом, культурном и экономическом отношении играли важную роль в истории Восточного Кавказа VIII-XI вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Минорский В.Ф., История Ширвана и Дербенда X-XI вв. М., 1963. С. 43-79. (С. 3-34 араб. текста).
2. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI вв. М., 1963. С. 6.
3. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хакаик» (XI-XII вв.). М., 2003. С.266.
4. Аликберов А.К. Указ. соч. С.310-311.
5. Шихсаидов А.Р. К истории изучения «Истории Ширвана и Дербенда» / Учёные записки, т. XX (серия общественных наук). Махачкала, 1970. С.238.
6. Минорский В.Ф. Указ. соч. С.15-16.
7. Советская историческая энциклопедия, гл. ред. Е.М. Жуков. М.: изд. «Советская энциклопедия», 1966. Т.9. С.470.
8. Минорский В.Ф. Указ. соч. С.5-6.
9. V. Minorsky. Studies in Caucasian History. London, 1953.
10. V. Minorsky. A History of Sharvan and Darband in the 10-th – 11-th centuries. Cambridge, 1958.
11. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI вв. М. 1963.
12. Шихсаидов А.Р. К истории изучения «Истории Ширвана и Дербенда». С.239-240.
13. Минорский В.Ф. Указ. соч. С.6.
14. Там же. С.15-16.
15. Шихсаидов А.Р. Ислам и становление дагестанской исторической традиции // Ислам и исламская культура в Дагестане. М.: РАН, 2001. С.42.
16. Минорский В.Ф. Указ. соч. С.43.
17. Минорский В.Ф. утверждает, что все эти даты заполнены в обеих использованных рукописях // Минорский В.Ф., История Ширвана и Дербенда X-XI вв. М., 1963. С.43, прим 2.
18. Аликберов А.К. Указ. соч. С.309-310.
19. Минорский В.Ф. Указ. соч. С.17.

20. Аликберов А.К. Ал-Лакзи // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып.1. М., 1988. С.64-65.
21. Шихсаидов А.Р. Ислам и становление дагестанской исторической традиции. С.43.
22. Минорский В.Ф. Указ. соч. С.18-19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликберов А.К., Ал-Лакзи // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып.1. М., 1988. С.64-65.
2. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хакаик» (XI-XII вв.). М., 2003.
3. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI вв. М., 1963.
4. Советская историческая энциклопедия, гл. ред. Е.М. Жуков. М.: изд. «Советская энциклопедия», 1966. Т.9.
5. Шихсаидов А.Р. Ислам и становление дагестанской исторической традиции //Ислам и исламская культура в Дагестане. М.: РАН, 2001. С.33-50.

6. Шихсаидов А.Р. К истории изучения «Истории Ширвана и Дербенда» / Учёные записки, т. XX (серия общественных наук). Махачкала, 1970. С.236-252.

A. Lugeva

TO THE QUESTION ABOUT THE STUDY
OF THE DAGHESTAN HISTORICAL MAKING
«HISTORY OF SHIRVAN AND DERBEND»

Abstract. The given article is devoted studying of the Dagestan historical composition «to History of Shirvan and Derbend» («Tarih Bab al-abvab»). This product which contains the important data on stories of Dagestan and Shirvan VIII – XI centuries (to 1075year) also results exact names and dates, is a valuable source for studying of history of that period, and, undoubtedly, is one of outstanding monuments of the Dagestan historiography of XI century.

Key words: Raisas, Hashimites, Yazidi-dy, Shirvan.

УДК: 9(47) – история России.

Урушев Д.А.

КОЛОМЕНСКИЙ ЕПИСКОП ПАВЕЛ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ВЫГОВСКОЙ ПУСТЫНИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА)*

Аннотация. Личность епископа Коломенского и Каширского Павла привлекала особое внимание старообрядческих историков XVIII века, прежде всего, писателей литературной школы Выговской пустыни. В их сочинениях реальный исторический персонаж – епископ Павел – постепенно мифологизируется, превращаясь в героя псевдоисторических сказаний, посвященных проповеди «старой веры» и защите старообрядческих богословских взглядов.

Ключевые слова: Россия, историография, источниковедение, история, старообрядчество, религия.

Епископ Коломенский и Каширский Павел – единственный русский архиерей, открыто противостоявший патриарху Никону и поддерживавший зарождающееся старообрядческое движение во время церковного раскола середины XVII в.

Выступление Павла против богослужебных реформ Никона на Московском со-

боре 1654 г., последующая опала, ссылка и трагическая гибель в 1656 г. получили противоречивые трактовки в последующей историографии. Это было обусловлено тем, что источники биографии епископа немногочисленны, противоречивы и по-разному рассказывают о последних годах его жизни.

Единственный официальный источник сведений об опале и смерти Павла (документы судопроизводства над патриархом Никоном) сообщает, что епископ был отправлен в ссылку в новгородский Хутынский монастырь, где сошел с ума и безвестно погиб, «от зверей ли снесен был или в воде утопе» [5, 1096].

Значение епископа Павла в религиозной истории России исчерпывающе определил старообрядческий журнал «Церковь»: «Никониане могут гордиться, что они ведут свое духовное начало от столь преступного человека. Старообрядцы же радуются, что за общее их святое дело принес себя в жертву смиренный и кроткий святитель. Восставая против Никона и его нелепых и безрассудных реформ, старообрядцы всегда имели пред со-

* © Урушев Д.А.

бой, как знамя, мученический подвиг этого священномученика; по его святительской воле они отвернулись от жестокого тирана и убийцы. Дух Павла всегда пребывал с ними и руководил ими. А этот дух был апостольским и Христовым духом» [11, 1027].

Старообрядческие писатели, видевшие в епископе Павле первого мученика и исповедника «старой веры», образец христианской жертвенности и стойкости, неоднократно обращались к его биографии в своих исторических и апологетических сочинениях.

К началу XVIII в. старообрядческое движение разделилось на два направления – поповщину и беспоповщину. Беспоповцы считали, что в мире чувственно (в лице патриарха или царя) или духовно (в виде «ереси Никона») воцарился антихрист. Наступили «последние времена», близок конец света, истинная церковь бежала в пустыни, леса и горы, священство прекратилось, а вместе с ним прекратились и церковные таинства. Историк С.А. Зеньковский назвал приверженцев этого учения «радикалами-пессимистами», «считавшими, что благодать Господня иссякла в церкви и поэтому ни священство, ни таинство причастия не могут существовать в этом грешном мире» [4, 425].

«Радикалов-пессимистов» Зеньковский противопоставлял поповцам, «традиционалистам-оптимистам», «признававшим священство, полноту таинств и возможность нормальной христианской жизни на земле» [4, 425]. Поповцы не считали антихристом ни царя, ни патриарха, они верили, что истинная церковь, священство и церковные таинства пребудут до скончания мира.

Для построения и оправдания своих исторических и богословских концепций поповские и беспоповские писатели активно использовали имя епископа Павла.

Признанным идеологическим и культурным центром беспоповщины стала Выговская пустынь в Поморье – обитель, основанная в конце XVII в. на реке Выг, впадающей в Онежскую губу Белого моря, окруженная многочисленными старообрядческими деревнями и скитами.

За полтораста лет существования пустыни (она была разорена в середине XIX в.) здесь сложилась оригинальная литературная школа, сумевшая органически соединить древнерусские художественные традиции с литературными явлениями нового времени. Ее основателями и наиболее яркими представителями были братья Денисовы – Андрей (1674-1730) и Семен (1682-1740).

Первым крупным сочинением, составленным при участии поморских писателей, стали «Дьяконовы ответы». Этот развернутый трактат в защиту старообрядчества был написан по инициативе известного проповедника «старой веры» дьякона Александра в ответ на вопросы, заданные в 1716 г. нижегородским поповцам игуменом, а впоследствии нижегородским епископом Питиримом, беспощадным искоренителем «раскола». Получив вопросы, Александр обратился за помощью к единоверцам и беспоповцам Поморья. От Выговской пустыни участие в составлении ответов принял Андрей Денисов [9, 61].

Епископ Павел упоминается в ответе на 45-й вопрос Питирима: «Егда Никон, патриарх московский, начат изменяти древлецерковное содержание, тогда преосвященный Павел, епископ коломенский, божественною одержим ревностию, усердствуя по староцерковному содержанию, крепче стояше, не приемля новоутверждаемых от него новшеств. И того ради он, низложив его от архиерейскаго сана и из мантии обнажив жестоце, и на лютая гонения и наказания предаде без милости и без вести сотворив его» [6, 277].

Старообрядцы пишут о Павле так, как было принято писать о мучениках за веру. Они восхваляют «божественную ревность» иерарха, его «усердие» и «крепкое стояние» за «древлецерковное содержание». Но обстоятельства опалы и гибели епископа авторам были неизвестны, поэтому они довольствуются цитированием судного дела Никона: «Из мантии обнажи жестоце и на лютая биения и наказания предаде... Тем же прилучися архиереови тому изумитися и погибнути, бедному, кроме вести» [5, 1096].

Спустя несколько лет самим насельникам Выговской пустыни пришлось отвечать на вопросы представителя официальной церкви – иеромонаха Неофита, присланного в 1723 г. от Синода в Поморье для миссионерского прения. Под руководством Андрея Денисова были составлены знаменитые «Поморские ответы» – фундаментальное апологетическое сочинение, содержащее ценные сведения по истории старообрядчества и церковной археологии.

Отвечая на 79-й вопрос Неофита, беспоповцы сочли нужным вспомнить жестокость Никона и его многочисленные жертвы: «Мнози от священных ему <Никону> не соглашася в том его новопременении. Инии же тогда и ревностно обличаху, якоже Павел, епископ коломенский, муж свят и разума святых писаний исполнен бе... Чесо ради он <Никон>

Павла епископа заточением в Палеостровский монастырь изгна, послежде изведше, не ведомо где поточиша или замучиша его» [8, 491-492]. Беспоповцы дополнили рассказ об опальном епископе двумя подробностями.

Во-первых, начитанность и ученость архиерея была подчеркнута словами «Повести о боярыне Морозовой», написанной в конце XVII в.: «Павел, епископ коломенский, иже муж свят и разума святых писании исполнен бе» [7, 161]. Во-вторых, местом ссылки иерарха назывался не Хутынский монастырь св. Варлаама близ Великого Новгорода, а Палеостровский монастырь на Онежском озере.

Последнее утверждение противоречит другим сведениям об опале епископа Павла. Во время суда над Никоном бывшего патриарха обвиняли в том, что он: «низверг без собора Павла, епископа коломенского, ободрал с него святительские одежды и сослал в Хутынский монастырь, где его не стало безвестно» [12, 360]. О том, что Павел был сослан именно «на Хутыню, в монастырь Варлаама преподобного», свидетельствует также старообрядческий писатель XVII в. дьякон Феодор [13, 193].

Перенос в «Поморских ответах» места ссылки епископа из Новгорода на Онегу объясняется желанием насельников Выговской пустыни подчеркнуть особую значимость Палеостровского монастыря, сыгравшего большую роль в истории беспоповщины. Он являлся одной из наиболее почитаемых обителей Поморья, и это привлекало к нему внимание беспоповских идеологов.

В марте 1687 г. монастырь захватили ученики иеродьякона Соловецкого монастыря Игнатия, одного из активнейших проповедников наступления «последних времен». Вместе с последователями иеродьякон организовал в обители самосожжение: «Отец Игнатий скончался огнем за древнее благочестие и с ним народа к двум тысячам седмьсот» [14, 62]. В ноябре 1689 г. Палеостровский монастырь захватил ученик Игнатия, Емельян Повенецкий, устроивший со своим сподвижником, соловецким иноком Германом новое самосожжение: «Отец Герман и Емилиан Повенецкой со всеми собравшимися скончашася за дрелецерковное благочестие, числом к тысящи пятьсот» [14, 75].

Поморским авторам надо было возвеличить и опоэтизировать эти массовые самоубийства, ведь, как отмечает историк Е.М. Юхименко, «палеостровские «гари» 1687-1688 гг. имеют прямое отношение к истории Выговского общежительства» [15, 18]. Сам

Емельян Повенецкий приходился двоюродным братом Андрею и Семену Денисовым, а некоторые из его учеников, избежавшие самосожжения, стали одними из первых насельников Выговской пустыни [15, 21-22]. Для этого поморскими авторами была создана легенда о ссылке епископа Павла, первого мученика старообрядчества, в Палеостровский монастырь. Она стала *locus communis* многих работ по истории старообрядчества. Например, Зеньковский писал: «Палеостровский монастырь, видимо, привлекал этих ужасных и иступленных водителей на гари потому, что по старообрядческому преданию здесь по приказанию Никона был убит или сожжен первый мученик за старую веру, епископ Павел Коломенский» [4, 444-445].

Легенда получила развитие в сочинении Семена Денисова «Виноград российский», сборнике житий страстотерпцев и исповедников, пострадавших за «старую веру», составленном на богатом фактическом материале – рукописных житиях и устных преданиях. Как справедливо заметила историк Н.В. Поньрко, «Виноград российский» стал «источником более поздней выговской литературы, компилятивной по своему характеру» [10, 334].

Семену Денисову принадлежала новая концепция историографии беспоповщины: Выговская пустынь – новый Иерусалим, наследница славного Соловецкого монастыря, а русское Поморье – новая Святая земля, обогренная кровью старообрядческих мучеников, в том числе епископа Павла.

Денисов посвящает епископу Павлу первую главу сочинения, называя архиерея «начальником» «доброго воинства» мучеников, особо подчеркивая, что архиерей «не от простаго народа бяше, ниже от поселянска препутия». Пространный рассказ Денисова сочетает подлинные факты биографии епископа и риторический вымысел. Автор пользуется не только письменными источниками (сочинениями протопопа Аввакума и грамотой вселенского патриарха Паисия I), но и ссылается на устные предания («глаголют же неции»).

Автор не упоминает Московский собор 1654 г., на котором Павел выступил против богослужебных реформ Никона, но сообщает, что епископ подписал с оговоркой Деяние этого собора: «Яко по Никонову принуждению тогда подписовахуся к свитку российсти архиереи... Дивный же Павел, коломенский архиерей, дивное подписание предивно начерта» [1, 14 об.]. В подлинной подписи

Павла под соборным Деянием упоминаются «устав харотейной» и «другой писмянной» [2, 21]. Денисов же рассказывал, что епископ, споря с Никоном о церковных обрядах, показывал патриарху «древлехаротейный устав словенский» [1, 15 об.].

Выговский автор знал, что Никон писал жалобу на епископа Павла Константинопольскому патриарху Паисию – «елико Никону на онаго и ко вселенским патриархом писати жалобныя книги», «писав на него константинопольскому Паисию». Было ему известно и о том, что ответ Паисия I на жалобу был напечатан в книге «Скрижаль» (М., 1656) – «еже в Скрижали, в послании Паисиеве обретається» [1, 15 об.].

Он также подчеркнул факт собственно ручного избиения Никоном Павла («Никон не може презлобныя ярости удержати, но, призвав предивнаго Павла, своима того рукама (оле всезлобныя ярости) бияше по священному священнаго лицу») и последовавшее тюремное заключение последнего («самого богоносна Павла темнице предаде»).

О ссылке епископа Павла Денисов писал: «Никон патриарх... во оземствие заточения посылает, во един от убогих монастырей, именуем Палеостровский, к северным странам, в Олонецком уезде, близ студенаго моря лежащий» [1, 15 об.]. Поморская легенда детализируется Денисовым, украшается риторическим «плетением словес»: архиерей пребывал в Палеостровском монастыре «немалое время» и пользовался определенной свободой, которую употреблял для проповеди – «ясным гласом и светлою душею древлецерковнаго благочестия светлость свободно проповедающе» [1, 15 об.]. Когда же Никон узнал о проповеди Павла, то сослал его «к новоградским странам», где «по томлении многом» архиерея сожгли – «в срубе соделанном огненной смерти немилостивно предаша» [1, 16]. Здесь Денисов последовал протопопу Аввакуму, который в своем «Житии» и «Книге бесед» рассказывал о кончине иерарха: «<Никон> епископа Павла Коломенского, муча, и в новгородских пределах огнем сожег» [3, 65, 125].

Рассказ о епископе Павле из «Винограда российского» стал основным источником для сочинений последующих старообрядческих историков. В разных вариантах он неоднократно повторялся вплоть до начала XX в.

Использовал его в «Истории Выговской пустыни» и беспоповский писатель Иван Филиппов (1669-1744), сподвижник братьев Денисовых. Сочинение Филиппова, в котором обосновывалось духовное преемство Выгов-

ского общежителства от первых мучеников за «старую веру», являлось продолжением «Винограда российского». В нем епископ Павел упоминался только в связи со ссылкой в Палеостровский монастырь и проповедью среди поморов: «Павел, епископ коломенский... с безчестием послан бяше в заточение в поморскую нашу страну, во Олонецкой уезд, в Палеостровский монастырь» [14, 88]. Вслед за Семеном Денисовым Филиппов повторял, что архиерей пробыл на Онеге «несколько время», «свободно поучаше народы, утверждая жити в святоотеческом благочестии, новоизникшихся уставов Никоновых соблюдатися наказуя» [14, 88]. Далее Филиппов подробно рассказывал, как «народы», наставленные Павлом Коломенским, тысячами гибли в пламени самосожжений.

«Виноград российский» и «История Выговской пустыни» послужили источниками для других беспоповских сочинений, посвященных епископу Павлу. Во второй половине XVIII в., при настоятеле Выговского общежителства Андрее Борисове (1734-1791) в Поморье были написаны «Служба иже во святых отцу нашему Павлу, епископу коломенскому, пострадавшему за церковное благочестие» и «Сказание о страдании и скончании священномученика Павла, епископа коломенского». В них образ архиерея совершенно мифологизировался, а недостаток исторических сведений восполнялся фантазией сочинителя.

Эти сочинения завершили историографическую традицию выговской литературной школы, пережившей расцвет в первой половине XVIII в. Они способствовали созданию того образа епископа Павла, который в дальнейшем приобретет широкое распространение как в старообрядческой литературе, так и в научной историографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денисов С. Виноград российский или описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие. М., 1906.
2. Деяние Московского собора, бывшего в царских палатах в лето от создания мира 7162, от воплощения же Божия Слова 1654. М., 1873.
3. Житие протопопы Аввакума, им самими написанное, и другие его сочинения. М., 1960.
4. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Muenchen, [1969] (М., 1995).
5. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. СПб., 1884.
6. Ответы Александра диакона (на Керженце), поданные нижегородскому епископу Питириму в 1719 году. [М.], 1906.

7. Повесть о боярыне Морозовой. Л., 1979.
8. Поморские ответы. [М.], [1995].
9. Понырко Н.В. Александр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1: А-З. СПб., 1992. С. 61.
10. Понырко Н.В. Семен Денисов Вторушин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3: П-С. СПб., 1998. С. 332-335.
11. Прославление мучеников // Церковь: старообрядческий церковно-общественный журнал. [М.], 1911, № 43. С. 1025-1027.
12. Соловьев С.М. История России в царствование Алексея Михайловича. Т. 2 // Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 11. СПб., 1861.
13. Титова Л.В. Послание дьякона Федора сыну Максиму: литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003.
14. Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. М., 2005.
15. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. Т. 1. М., 2002.

D. Urushev

THE BISHOP OF KOLOMNA AND KASHIRA PAUL IN THE HISTORIOGRAPHICAL TRADITION OF THE VYG MONASTERY

Abstract. The bishop of Kolomna and Kashira Paul is the only russian bishop, who pub-

licly opposed the liturgical reform of patriarch Nikon and supported the incipient old-orthodox movement during the church schism in the middle of the 17th century.

The personality of Paul provoked a special interest of the old-orthodox historians for he was considered the first martyr for the «Old Belief», the symbol of the pure Christianity and the role model. Particular care of the bishop Paul was taken by the writers of the famous old-orthodox monastery on the Vyg-river (on the White Sea coast). The original literary tradition was set here in the 18th century.

The most significant writers of this literary tradition were Andrew Denisov, Simon Denisov and Ivan Philippov. They continually mentioned Paul's name in their historical works. This name was used as justification of the old-orthodox history and as a defense of the old-orthodox theology. But throughout the 18th century the bishop Paul turned from the real historical personality into the mythological folk character.

The present article is dedicated to historiography and source studies of the works of the Vyg monastery writers and to the analysis of the alteration of the bishop Paul's image.

Key words: Russia, historiography, source study, history, Old Belief, religion.

УДК-94(47)

Кириллова Л.В.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ*

Аннотация. В конце XIX-начале XX вв. в России возникли десятки провинциальных научно-исторических обществ, которые занимались историко-архивными, археологическими, этнографическими и другими исследованиями. Статья посвящена археологической деятельности одного из таких обществ — Владимирской ученой архивной комиссии (1898–1918 гг.).

Ключевые слова: Владимирская ученая архивная комиссия, археологические исследования.

Национальный подъем в России, насту-

пивший после Отечественной войны 1812 г., вызвал усиленный интерес к прошлому страны и способствовал поискам новых источников по истории России. Сначала взоры обратились к источникам письменным, но вскоре значение приобрели и ископаемые русские древности. Это было связано со становлением русской археологии.

С середины XIX в. в России начался новый этап в развитии археологии, продолжавшийся до 30 гг. XX в. Он оценивается в литературе как демократический и характеризуется открытием археологических обществ, местных музеев и изданий [8, 8]. Были созданы такие общественные организа-

* © Кириллова Л.В.

ции, как Московское Археологическое общество (1864 г.), губернские ученые архивные комиссии. Московскому Археологическому обществу принадлежала инициатива созыва периодических Всероссийских археологических съездов, их состоялось 15. Официальное, государственное направление в археологической науке было представлено Императорской Археологической комиссией, учрежденной в 1859 г. Одним из важнейших центров археологической деятельности стал Государственный Исторический музей в Москве, открывшийся в 1883 г.

В вышеназванный период проводились значительные по тем временам раскопки, были открыты археологические памятники палеолита, неолита, эпохи бронзы и т. д. Общественные и государственные организации наряду с исследованиями ставили своей задачей распространение в России археологических знаний, прежде всего русской археологии. Результаты археологических исследований способствовали развитию исторической науки.

В середине XIX в. во Владимирской губернии одной из первых в Центральной России стали проводиться археологические исследования. Они связаны с именем графа А.С. Уварова, выдающегося русского археолога, организатора науки, сыгравшего значительную роль в истории археологии. В 1850 г. на просьбу министра внутренних дел — возглавить археологические раскопки близ Великого Новгорода, А.С. Уваров ответил предложением провести подобные исследования во Владимирской губернии. С этим краем он был хорошо знаком — недалеко от города Муром находилось имение графа — Карачарово. В 1851 г. начались исследования, продолжавшиеся до 1870 г. Были проведены раскопки во Владимиро-Суздальской земле (на территории Владимирской и Московской губерний), которые по масштабам не имели себе равных. Экспедиции во главе с Уваровым обнаружили более семи тысяч курганов разных исторических периодов. Это были стоянки и могильники древнего человека. Среди открытий — первая во Владимирской губернии верхнепалеолитическая стоянка охотников Карачарово (30–25 тыс. до н. э.), неолитическая Волосовская стоянка (конец III–первая пол. II тыс. до н. э.), а также славянские курганы раннего средневековья на территории Суздальской земли. Исследования А.С. Уварова показали, что Владимирская губерния очень богата археологическими памятниками.

В 1870-х гг. раскопки во Владимирской

губернии продолжили археологи-любители. В 1877–1878 гг. муромские краеведы П.П. Кудрявцев и Н.Г. Добрынкин открыли и частично исследовали ряд памятников Муромского уезда, среди которых наиболее значительные — мезолитическая стоянка Елин Бор, Максимовский могильник финно-угорского племени мурома VII–XI вв., древнерусские курганы XII–XIII вв. у деревни Зименки. В те же годы на территории Владимирской губернии работали видные российские археологи Н.Г. Керцелли, Ф.Д. Нефедов. Итоги полувековой деятельности любителей-археологов, проводивших раскопки во Владимирской губернии во второй половине XIX в., позднее подвел в своих работах известный русский археолог А.А. Спицын [1, 12]. Он систематизировал раскопки курганов в Центральной России и составил карту расселения древнеславянских племен.

Итак, во второй половине XIX в. археологическая наука находилась на стадии становления, а в археологии было много людей, для которых это занятие не было основным. В итоге первые исследования в крае носили в основном описательный характер. Назрела необходимость объединения усилий ученых-археологов. Эту задачу должны были решить губернские ученые архивные комиссии (ГУАК).

Владимирская губернская ученая архивная комиссия (ВУАК) была учреждена в 1898 г. Наряду с основной задачей — сохранение и научная обработка архивных источников, она с самого начала уделяла значительное внимание изучению истории, особенно древнейшего периода. Члены ВУАК понимали важность археологического изучения края, так богатого памятниками старины. В одном из первых отчетов комиссии было подчеркнуто: «ограничиваться изучением только письменных памятников для всякого исторического общества представляется совершенно недостаточным, так как это не дает никакого почти материала для изучения быта и культуры древнейшего местного населения» [9, 11]. Деятельность ВУАК стала продолжением той работы, которую провели археологи во главе с А.С. Уваровым.

С первых дней своего существования ВУАК занялась сбором новых сведений о наличии на территории губернии археологических памятников. Прежде всего, комиссия обратилась к представителям местных уездных органов власти с просьбой доставлять «сведения о случайных находках предметов старины в губернии, о городищах и курганах» [5,

5]. Отклики пришли сразу из нескольких уездов. Так, в 1900 г. исправник Владимирского уезда сообщил в комиссию о находках жителями деревни Мосиной костей мамонта и осколков каменных орудий труда человека [4, 9]. В 1903 г. из Судогодского уезда поступила информация, что рабочие писчебумажной фабрики на одном из островов речки Колпь нашли обломок бивня мамонта, клык и два коренных зуба крупного животного. Находки поступили в архивную комиссию и были квалифицированы как следы человека древнекаменного века, кости мамонта предоставили еще одно доказательство того, что Владимирский край в период верхнего палеолита был заселен людьми. Члены ВУАК понимали значение данных находок для решения проблемы расселения древнего человека. Если в начале древнего каменного века (ранний, нижний палеолит) люди жили на ограниченной территории с тёплым климатом, то в конце древнекаменного века (поздний, верхний палеолит) человечество освоило всю территорию суши в её современных границах.

Однако отметим, что сведения об археологических находках, которые поступали в ВУАК, зачастую оказывались неточными или недостоверными. Так, в 1912 г. исправник Владимирского уезда сообщил о находке крестьянами на берегу реки Почайны древнего кургана по преданию называвшегося «Ярилов курган». Приехав на место, члены архивной комиссии обнаружили руины обжигательной печи, стоявшего когда-то здесь кирпичного завода. В этом же году сведения о раскопках древнего кургана в деревне Андреевской поступили из Ковровского уезда. По поручению ВУАК В.Г. Добронравов обследовал указанное место. Это оказалось довольно позднее захоронение людей, лишенных обряда христианского погребения [3].

Следующим шагом ВУАК стало изучение ранее известной первой мезолитической стоянки Елин Бор. Как мы уже говорили выше, ее открыл и описал П.П. Кудрявцев. На поселении Елин Бор были обнаружены остатки жилища-полуземлянки с очагом в центре помещения. Основой хозяйства человека являлись рыболовство, собирательство и охота с помощью стрел. Лук и стрелы были новыми орудиями охоты на животных, появившиеся только в период мезолита. Сотрудники ВУАК, изучая этот памятник, как и их предшественник, четко не выделяли мезолит как особый период (средний каменный век, X–VI тыс. до н. э.). Это объясняется тем, что мезолит являлся во всех отношениях переходным

и в значительной мере продолжал традиции верхнепалеолитической культуры Среднерусской равнины. На сегодняшний день во Владимирской области археологи обнаружили около 50 мезолитических памятников. Но эти открытия были сделаны позднее, в годы Советской власти.

Исследованием памятников нового каменного века — неолита (конец втор. пол. VI–нач. II тыс. до н. э.) и бронзового века (рубеж III и II–начало I тыс. до н. э.) на территории Владимирской губернии занимались члены ВУАК П.И. Попов и Н.М. Соколов. В 1915 г. они провели разведывательные работы на 10 дюнных стоянках человека в долине реки Клязьмы в Вязниковском уезде. Дюны — это высокие песчаные холмы на берегах рек, нанесенные ветром и не заливаемые в половодье, на которых располагались поселения людей, живших здесь начиная с периода мезолита.

Археологи использовали различные методы исследования — фотографирование местности, осмотр и частичное вскрытие дюн, опрос местных жителей. Экспедиция П.И. Попова и Н.М. Соколова столкнулась с рядом трудностей: изменение во времени русла реки Клязьмы и ее притоков, плохое состояние памятника. Как отмечали археологи, встречались дюны: «От слегка снесенного ветром верхнего слоя, с других смыт песок до культурного слоя, в третьих — часть дюны совершенно разрушена и унесена прочь, в четвертых — слои перебиты и перемешаны настолько, что отделить один от другого нельзя» [10, 4]. Находки на дюнах представляли собой наконечники стрел, скребки, отщепы, керамику лепную с ямочно-гребенчатым орнаментом большого размера с плоским днищем, а также керамику лепную без орнамента; остатки очагов и жилищ бронзового века, женские украшения из меди и бронзы. В результате расспросов местных крестьян археологи узнали о находке ранее на дюне Поланижник трех бронзовых серпов, но выяснить, где они находились, так и не удалось.

Несмотря на относительно бедный материал, добытый экспедицией, исследователи дюн установили, что здесь присутствовали культурные слои неолита, бронзового и начала железного веков. Археологами были сделаны выводы, расширившие наши представления о жизни людей и расселении людей во Владимирском крае в тот период. Во-первых, уже в период неолита бассейны средней Оки и Клязьмы с их притоками были сравнительно густозаселенным регионом. Это подтвердили

последующие, более поздние археологические находки. В настоящее время во Владимирской области известно несколько десятков неолитических стоянок. Во-вторых, так как экспедиция работала в Вязниковском уезде, то ею были составлены описание и карта расположения неолитических стоянок на его территории.

Другой неолитической стоянкой на территории Владимирского края было Волосово, начало исследования которой положил А.С. Уваров. В 1905 г. туда была направлена экспедиция Владимирской архивной комиссии в связи с подготовкой к областному историко-археологическому съезду. Ее возглавил археолог и художник из Санкт-Петербурга Н.Е. Макаренко. Памятник состоял из могильника и нескольких поселений, один из которых исследовала экспедиция. Прибыв на место, Н.Е. Макаренко обратил внимание на плачевное состояние раскопа, который подвергался разграблению. В отчете археолог писал, что местные крестьяне кремниевые «поделки» собирали и сбывали скупщикам, а черепки с великолепным ямочным орнаментом, не понимая их ценности, выбрасывали [6, 7]. Благодаря этой экспедиции были приняты меры к охране памятника от разорения.

ВУАК поддерживала научные контакты с археологическими обществами в других городах и в следующей экспедиции, основательно исследовавшей Волосовскую стоянку в 1910 г., приняли совместное участие члены ВУАК и московские археологи. Руководителем экспедиции стал В.А. Городцов, крупный российский археолог, хранитель Московского Исторического музея. На раскопках было обнаружено большое поселение с жилищами-полуземлянками, найдены толстостенные сосуды из глины с примесью толчёной раковины и зубчатым орнаментом. Рядом находились великолепные по технике исполнения кремниевые орудия, но уже с присутствием отдельных медных предметов и следами первых домашних животных [6, 7]. Здесь же Городцов обнаружил и могильник XI в. до н. э., названный младшим Волосовским. В его погребениях нашли несколько скелетов людей в вытянутом положении на спине с богатым инвентарём медно-бронзовых орудий: копьями и втульчатými топорами-кельтами [2, 24]. Эти находки позволили В.А. Городцову точнее датировать Волосовскую стоянку как памятник конца неолита — начала бронзового века, хотя долгое время в литературе эта стоянка олицетворяла понятие об Окском неолите. В более позднее время ученые выделили

особую археологическую культуру, получившую название Волосовской и пришли к выводу, что волосовцы были предками восточной ветви угро-финнских племен.

Наиболее значительным вкладом в археологическое исследование Владимирского края стало открытие членами ВУАК финно-угорских грунтовых могильников и славянских курганов (намогильных насыпей). Эти находки археологов помогли ответить на вопросы о том, кто жил на территории Владимирского края в глубокой древности, какова история финно-угорских племен, когда началось заселение славянами этих земель и как протекала славянская колонизация. Изучением финно-угорских грунтовых могильников VII–XIII вв. н. э. племён мещера, меря, мурома на территории Владимирского края занимались археологи А.В. Селиванов, А.П. Поливанов, Н.Е. Макаренко и В.А. Городцов. Эти племена жили в раннем железном веке в I тысячелетии н. э. в среднем и нижнем течении реки Оки и на территории Суздальского Ополя. Для них было характерно ведение земледельческо-скотоводческого хозяйства и обработка железа.

В 1899 г. А.В. Селиванов и А.П. Поливанов исследовали обширный Заколпский грунтовый могильник племени мещера XII–XIII вв., который был обнаружен на левом берегу реки Колпь. Здесь археологи нашли захоронения людей с большим количеством предметов: височные и шейные кольца, браслеты, амулеты, различные подвески, стеклянные бусы, частички полуистлевшей шерстяной ткани, витые шейные гривны, медные пластинчатые браслеты, провололочные колечки. Во Владимир доставили несколько ящиков с древними предметами — всего 79 наименований. Наиболее интересные экспонаты были размещены в витринах временного музейного помещения. А.П. Поливанов сделал обстоятельный доклад с демонстрацией находок на одном из заседаний ВУАК. В 1901 г. все предметы, обнаруженные в Заколпском могильнике, были систематизированы и отправлены в Императорскую Археологическую комиссию [7, 8].

Работу на Заколпском могильнике продолжил в 1905 г. Н.Е. Макаренко. Программу исследования разработал археолог А. А. Спицын. В результате раскопок были найдены несколько десятков предметов, аналогичных тем, что обнаружила предыдущая экспедиция А.П. Поливанова. Изучая Заколпский могильник племени мещера и опираясь на мнение А.А. Спицына и других исследовате-

лей, Макаренко пришел к выводам: памятник можно датировать XII–XIII вв., многие вещи — височные кольца, гончарная керамика и др., имеют инородческое (славянское) происхождение. «Культура данного могильника представляет собой характерный образчик смешения местной восточно-финнской и вытеснявшей ее славянской культур», заключает исследователь [6, 61]. Материалы этих раскопок и по сегодняшний день имеют большое значение, так как этот могильник является одним из немногих известных памятников финно-угорского племени мещера, «испытывшего на себе сильное славянское влияние» [1, 122].

В том же 1905 г. Н. Е. Макаренко в Судогодском уезде исследовал Новленский могильник племени меря. В семи погребениях по обряду кремации были найдены предметы, аналогичные мещерскому могильнику, кроме того, железный топор, пешня, наконечник копья, пряжка. Обнаруженные разнообразные шумящие украшения, в том числе подвеска-конёк, позволили отнести памятник к племени меря, а шейные гривны, височные кольца, спиральные перстни указывали на присутствие в захоронении славянского элемента. Археологи датировали погребения к X–XIII вв. и это было подтверждением того, что процесс славянской колонизации продолжался.

Одним из крупнейших финно-угорских племен нашего края было племя мурома. Муромских памятников и сейчас известно сравнительно немного (на левом берегу Оки — 9 могильников), и все они расположены в нижнем течении реки Оки, т. е. в пределах современного Муромского района. Раскопки Подболотского могильника мурома производились в 1910 г. под эгидой Московского Археологического общества. В них участвовал действительный член ВУАК, местный краевед Н.П. Травчетов, а возглавил экспедицию уже известный нам В.А. Городцов. Памятник был датирован археологами VII–XI вв. Такой разброс во времени был связан с тем, что данный могильник использовался для захоронений более трехсот лет [11, 10]. В отчете Н.П. Травчетов писал о находке богатых бронзовых украшений, которые свидетельствовали о культуре и развитии вкусе мурома, но вместе с тем автор отмечает в могильнике следы славянской культуры: обилие височных колец и лунниц, особенно распространенных у славян-кривичей, присутствие прямых скандинавского типа мечей, занесенных с севера от новгородских славян [11, 8]. Вся коллекция находок из Подболотского могильника

поступила в Исторический музей в Москве.

Не менее важное место в деятельности архивной комиссии занимало исследование славянских курганов. В феврале 1903 г. были завершены двухлетние раскопки славянских курганов, расположенных в урочищах Буяни Покровского уезда, в месте слияния рек Шерны и Мележи. Член ВУАК лесничий Г.И. Дрижаченко, который их проводил, составил описание курганов и найденных в них предметов. Среди находок были обломки височных колец с волосами и остатками ткани, различные украшения (бусы, кольца, плечевые украшения в виде бубенчиков, серьги, перстень и т. п.), кремниевые орудия, железное кресало и др. Архивная комиссия датировала памятник как славянский XI–XIII вв.

Определенный интерес представляет славяно-муромский курганный могильник X–XIII вв. у села Борисоглеб Муромского уезда, который обнаружил и исследовал во время своей экспедиции 1904 г. член ВУАК А.И. Смирнов. В кургане была найдена лепная муромская и гончарная древнерусская керамика. К сожалению, место хранения предметов из Борисоглебского могильника на сегодня остается неизвестным [1, 186–187].

Исследования финно-угорских и славянских могильников показали, что с конца IX–X вв. в материальной культуре племен мещера, меря и мурома ощущается славянское влияние. Они проливают свет на взаимоотношения славян с финно-угорским населением, говорят о взаимопроникновении культур славян и местных племен. К середине XI в. славянский элемент преобладает среди местного населения, однако, отдельные группы автохтонного населения продолжали существовать еще на протяжении столетий [1, 43].

Итак, за время своей деятельности ВУАК (1898–1918 гг.) внесла значительный вклад в археологическое исследование Владимирской губернии. Благодаря ее открытиям археологическая карта Владимирского края пополнилась новыми памятниками. Наиболее значительные из них — дюнные стоянки человека в долине реки Клязьмы эпохи неолита и бронзового века, младший Волосовский могильник XI в. до н. э. (конец неолита–начало бронзового века), финно-угорские грунтовые могильники VII–XIII вв., славянские курганы X–XIII вв. Археологические исследования членов ВУАК расширили представления о жизни человека во Владимирском крае в периоды верхнего палеолита, неолита и бронзового века, а также позволили ответить на вопросы о том, какие

племена населяли территорию нашего края в древности, когда началось заселение славянами этих земель и как протекала славянская колонизация.

Работы энтузиастов архивной комиссии А.В. Селиванова, А.П. Поливанова, А.И. Смирнова, П.И. Попова, Н.М. Соколова, Н.П. Травчетова, В.А. Городцова в последующие годы стали базой для дальнейшего археологического изучения края, и многие археологи в своей работе опирались на те сведения, которые были добыты сотрудниками ВУАК.

К сожалению, в последние годы деятельности ВУАК археологические раскопки проводились редко. Виной тому были хроническая нехватка специалистов и финансов, бюрократические проволочки на получение разрешений на раскопки. Нередко члены комиссии организовывали экспедиции на собственные средства. С началом Первой мировой войны трудностей стало больше и постепенно работа Владимирской ученой архивной комиссии сошла «на нет».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археологическая карта России: Владимирская область / Сост. М.Т. Зими́на, Ю.А. Красков, А.Е. Леонтьев, Л.А. Михайлова, Н.Г. Самойлович, М.В. Седова. Ин-т археологии РАН., 1995. 384 с.
2. Бадер О., Зыбковец В. Следы эпох / Интересное о крае. Люди, история, жизнь, природа земли Владимирской. Краеведческий сборник / Сост. Н.С. Софронов. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд., 1973. С. 7–26.
3. ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 5а. Л. 1.
4. Георгиевский В.Г., Иванов Д.Д. Отчет о деятельности ВУАК за второй год ее существования (1900 г.) // Труды ВУАК. Кн. III. Владимир, 1901. С. 1–40.
5. Георгиевский В.Г., Маклаков Н.А. Отчет о деятельности ВУАК за первый год ее существования (1899 г.) // Труды ВУАК. Кн. II. Владимир, 1900. С. 1–26.
6. Макаренко Н.Е. Новленский и Заколпский могильники Владимирской губернии и археологическая поездка по Владимирскому, Меленковскому и Судогодскому уездам // Труды ВУАК. Кн. X. Раздел «Сообщения». Владимир, 1908. С. 1–64.
7. Малицкий Н.В., Чебышев Н.Н. Отчет о деятельности ВУАК за третий год ее существования (1901 г.) // Труды ВУАК. Кн. IV. Владимир, 1902. С. 1–28.
8. Мартынов А.И. Археология. Уч. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2000. 439 с.
9. Смирнов А.В., Петров Ф.Д. Отчет о деятельности ВУАК за пятый год ее существования (1903 г.) // Труды ВУАК. Кн. VI. Владимир, 1904. С. 1–50.
10. Соколов Н.М., Попов П.И. Заметки о состоянии дюнных стоянок в долине реки Клязьмы в окрестностях г. Вязники Владимирской губернии // Труды ВУАК. Кн. XVII. Раздел «Сообщения». Владимир, 1917. С. 1–21.
11. Травчетов Н. П. Подболотский могильник близ г. Муром // Труды ВУАК. Кн. XII. Раздел «Сообщения». Владимир, 1910. С. 1–10.

L. Kirillova

ACTIVITIES VLADIMIR SCIENTIFIC ARCHIVAL COMMITTEE OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES VLADIMIR REGION

Abstract. At the end of the 19-th—the beginning of the 20-th century scores of scientific historical societies appeared in Russia. They carried out historico-archival, archaeological, ethnographical and other researches. The article is dedicated to archaeological activities of one of these societies — Vladimir Scientific Archival Committee (1898–1918).

Key words: Vladimir Scientific Archival Committee, archaeological researches.

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ ИДЕЙ И. Г. ДРОЙЗЕНА В КОНЦЕПЦИЯХ НАРРАТИВИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГЕРМАНИИ*

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретических разработок идеологов «обновлённого историзма», нацеленных на развитие идей ведущего методолога историзма прусской школы И. Г. Дройзена (1808-1884). Подвергнута анализу концепция типов «исторического рассказа», автором которой является видный немецкий учёный Йорн Рюзен, возглавляющий в Северной Рейн-Вестфалии научно-исследовательский центр «наук о культуре» (Kulturwissenschaftliches Institut, Essen) по изучению актуальных проблем гуманитарного знания.

Ключевые слова: язык историка, историзм, нарративный дискурс, постмодернизм.

В исторической науке последних десятилетий заметна популяризация двух тенденций. Первая представляет собой реабилитацию повествовательной истории, когда под историческим повествованием предлагается понимать «не просто способ изложения исторического материала, но тип его концептуального направления» [Олейников А. А. 1999, 28]. Вторая, проистекающая из данного эпистемологического установления, по меткому определению американского историка Лоуренса Стоуна, есть «воскрешение нарратива» – воплощённого в повествовании исконного способа воспроизведения событий прошлого [Stone L. 1979].

При взгляде на историческую методологию Германии, где теоретические искания с недавнего времени оказываются наиболее плодотворными, сюда можно добавить также возрождение историзма – духовно-культурного движения, воплотившего в академическом историописании стремление преодолеть спекулятивные философско-исторические системы гегельянского толка и выявить основополагающие принципы, «...на которых должна строиться подлинная немецкая историография». Эти принципы в обобщённом виде обозначил Э. Трёльч, решавший проблемы исторического познания путём сочетания взглядов Дильтея и неокантианцев и призывавший рассматривать индивидуальные исторические явления в потоке их становления и изменения [Troeltsch E. 1922]. Данный

идеографический метод, «...практикуемый со времён Ранке, был философски возведён Виндельбаном и Риккертом в систему, мистифицирован “философией жизни” Дильтея и отшлифован Майнеке» [Lozek G. 1964, 203]. В дальнейшем его установления явились общей методологической опорой конкретно-эмпирической историографии, суть которой сводилась к замене генерализующего взгляда на историю её индивидуализирующим пониманием [Meinecke F. 1959, 2].

Появление новых исследований об историзме, повлекших в 80-е гг. XX века верификацию методологических оснований познания прошлого со стороны антисциентистской (нарративистской) историографии, было спровоцировано вызовом «исторической социальной науки» с её междисциплинарным подходом к анализу общественных явлений, в рамках которого осуществлялось систематическое изучение социально-экономических и идейных основ исторического процесса. Начав своё развитие под эгидой преодоления историзма и представляя историю не иначе как «социальное взаимодействие людей в разные времена в специфических формах, обусловленных особенностями исторического бытия», «историческая социальная наука» сменила фокус исследований немецкой историографии от особенного к всеобщему, от событий к структурам, от описания к анализу.

Новые явления были восприняты сторонниками нарративистского направления, не примкнувшими к «исторической социальной науке», а избравшими для себя путь «обновлённого историзма» через обращение к идейному наследию великих мыслителей прошлого. В то время как «в 70-е – начале 80-х гг. бурный рост новой социальной истории и её субдисциплин, как и всей “новой исторической науки” происходил на достаточно эклектической методологической основе» [Репина Л. П. 2001, 121], нарративистская историография, не умаляя научности методов «социальной истории», ратовала за возвращение в арсенал исторической методологии классической триады – «эвристика, критика, интерпретация», впервые обозначенной И. Г. Дройзеном [Droysen Y.G. 1977, 31-187].

Иоганн Густав Дройзен, «на которого

* © Робустова Е.В.

ссылаются даже в наше время как на крупного теоретика исторической науки» [Каплина Л. М. 2001, 203], «универсальный историк», привнесший в научный обиход термин «эллинизм» и снискавший мировую известность трактатами по истории «нового времени античности», кроме этого, активный политический деятель, автор 14-томного труда «История политики Пруссии», из опыта собственного научного творчества постиг таинство написания истории, оставив на скрижалях европейской науки «историческую концепцию исторического значения» [Савельева И. М. 2004, 6].

Зарубежные специалисты рассматривают учение «великого классического историка» [Уайт Х. 2002, 171] как первый большой вклад в создание профессиональной научно-исторической теории [Weymar H.-J. 1969, 1]. «Современная западногерманская историография во многом наследует подобное отношение к историографической практике Дройзена и, следовательно, наследует целый ряд проблем, сохраняющих своё значение и для современных исследователей» [Кириленко Е. И. 1982, 9]. Несмотря на то, что в XIX столетии, при жизни Дройзена, основные темы его изысканий не получили развития, «они во многом определили содержание историко-теоретических дискуссий всего XX века» [Савельева И. М. 2004, 14].

Размышления крупнейшего идеолога историзма были направлены на решение самых разных проблем научного отображения прошлого. «Его взгляды представляют собой всесторонне продуманную, целостную теорию познания...», которая «...предвосхитила ряд представлений буржуазной историографии более позднего времени, в том числе буржуазной историографии ФРГ» [Смоленский Н. И. 1980, 339, 349].

Многогранность и размах теоретических исследований Дройзена снискали ему славу корифея германской историографии. В последние годы особый интерес вызывает его анализ форм историописания, представленный в курсе лекций по исторической методологии, читавшемся Дройзеном с 1857 по 1883 год под общим названием «Historik». По объяснению русского мыслителя Николая Кареева, которому принадлежит много полезных и тонких замечаний о специфике научно-исторической работы, слово «historice» (историка), в смысле искусства историописания встречающееся ещё в древности у Квентилиана, употреблялось Дройзеном для исследования «техники исторической методологии»

[Кареев Н. 1913, 48, 49].

Сам Дройзен, называя «Historik» «органом исторического мышления», пояснял, что она охватывает методику исторического исследования, систематику всего, что можно исследовать при помощи исторического метода и топику как изложение научных результатов в тексте исторического сочинения [Droysen Y.G. 1884]. В разделе «Топика» он анализировал используемые модели историописания, предложив концепцию, согласно которой историческое изложение осуществляется четырьмя основными способами, в зависимости от задач принимая форму изыскания, повествования, поучения и полемики.

Согласно этой концепции, в первом случае, при посредстве «исследовательского изложения» (нем. «die untersuchende Darstellung»), автор как бы вводит читателя в свою «кухню». Вместе с ним он либо отыскивает материал, подтверждающий некий вывод, либо приходит к определённом выводу, вытекающему из некоего материала. Таким образом, важным здесь становится не объяснение установленных исследователем фактов, а сам исследовательский процесс познания. «Рассказывающее изложение» (нем. «die erzählende Darstellung»), в свою очередь, представляет историю как направленный процесс исторического толкования, осуществляемого согласно субъективной точке зрения автора. «Дидактическое изложение» (нем. «die didaktische Darstellung»), со своей стороны, имеет характер поучения и призвано служить познавательным и воспитательным задачам истории. Наконец «дискуссионное изложение» (нем. «die discussive Darstellung») имеет место, когда речь идет об анализе актуальных событий с привлечением опыта прошлого.

В последней четверти XX века стремление исследовать «жанровое многообразие» научно-исторических сочинений, присущее историзму XIX столетия, было проявлено представителями «обновлённого историзма», так же, как и Дройзен, специально подчёркивающими, что обращение к исследованию «жанров» исторических произведений не должно наводить на мысль о художественном характере создаваемых трудов по истории.

Современные идеологи «обновлённого историзма», такие, как У. Бехер, У. Мулак, Ф. Егер считают «...глубокой ошибкой представлять исторические сочинения нарративной формы в таком свете, что история уже выглядит скорее искусством, чем наукой».

На наш взгляд, в этом заявлении присутствует некоторое лукавство. Тот факт, что «основную единицу», «идеальный тип исторического смыслообразования» указанные авторы обозначают понятием «нарратив», традиционно воспринимаемым как «рассказ», подчеркивает сопричастность историописания не столько научному, сколько литературному творчеству, даже если отмечено, что «нарративный исторический дискурс должен рассматриваться как научное повествование о прошлом с целью обнаружения исторической истины». К тому же не стоит упускать из вида, что само представление об истине в гуманитарном знании последней четверти XX века, так или иначе связанном с философией постмодернизма, стало вытесняться «абсурдистским понятием свободной игры смыслов, когда тексты интерпретируются неограниченным числом способов» [Иггерс Г.Г. 2001, 140]. Однако всё же следует признать, что это замечание в наименьшей степени касается сторонников нарративизма в Германии, где историография традиционно позиционируется «...в структуре и терминах научной истории» [там же].

Среди теоретических конструкций, выражающих современное видение диалектики описания и объяснения в истории, наибольший интерес представляет концепция видного немецкого учёного Йорна Рюзена, так же, как и Дройзен, выделяющего четыре вида отображения прошлого, называя их «способами нарративного исторического смыслообразования».

Заметим, что теория типов исторического изображения, представленная в рамках общеисторической концепции Дройзена, так и не была воспринята его соотечественниками. Рюзен – один из первых современных исследователей, попытавшихся осмыслить её значение исходя из концептуальных изменений в области научной методологии. Взяв на вооружение призыв идеологов историзма к генетическому рассмотрению социальных процессов и герменевтическому постижению мотивации действий «актёров» истории, современный теоретик нарративизма выдвинул лозунг «За обновлённую Historik», под эгидой которого им была представлена собственная теоретическая разработка типов «исторического рассказа». И хотя концепция Рюзена во многом отличается от той, что была изложена Дройзеном в последнем разделе его «научного учения истории» под названием «Топика», однако реминисценция, «припоминание», опосредованное заимствование мыслей ве-

ликого предшественника здесь налицо. При этом он так же, как и Дройзен, выделяет четыре способа отображения прошлого – в терминах Рюзена это «традиционный», «поучительный», «критический» и «генетический рассказ».

Согласно представленной типологии, первым фактором, направляющим процесс историописания, является традиция, формирующая концепцию «традиционного рассказа» (англ. «traditional narrative»). Как показывает немецкий теоретик, установка на традицию присутствует в «официальных» исторических сюжетах всех времён – от сочинений отцов церкви и трудов по генеалогии правящих домов до изучения актуальных социальных процессов, призванных при опоре на традиционные ценности сформировать мнение о неизбежности сложившихся социальных связей, так как переданные в таком ключе знания о прошлом стабилизируют «Я» и «Мы» действующих субъектов через представление о правомочности заданных ориентиров действия.

Во многих случаях именно традиция является гарантом предохранения от ошибок, уже совершённых в веках, генерируя в себе общие правила и законы, которые являются предметом рассмотрения следующего типа отображения прошлого – «поучительного рассказа» (англ. «exemplary narrative»), по своему нравственному содержанию следующего известному девизу Цицерона «*Historia est magistra vitae*». По мнению Рюзена, это изречение римского оратора об «истории – наставнице жизни» можно было бы смело поставить эпиграфом к историческим сочинениям любой эпохи. Подобного рода установка прослеживается в тех научных трудах, авторы которых из анализа рациональных и нерациональных действий героев истории пытались извлечь уроки, делающие восприимчивых исторического опыта компетентными при изменении жизненных обстоятельств [R sen J. 1989, 45-49].

Однако, как заметил по поводу упомянутого высказывания Цицерона русский историк Р. Виппер, «...бывают эпохи, когда хочется сказать как раз обратное: не история учит понимать и строить жизнь, а жизнь учит толковать историю» [Виппер Р. 1921, 3]. Что заставляет специалистов вновь и вновь проверять и изменять свои суждения, и каким образом данные процессы переоценки отражаются на характере исторического изложения? На этот вопрос Рюзен пытается ответить при анализе следующей разновид-

ности нарративной историографии – «критического рассказа» (англ. «critical narrative»), при этом указывая на отличительную черту «критического смыслообразования» – принципиальное неприятие заданных образцов толкования. Это делает его особенно популярным в ситуации назревающих общественных перемен, когда реализуется установка на «переоценку всех ценностей». Однако обратной стороной критического изложения оказывается в таком случае нигилистический отказ от прежней историографической традиции: Вольтер, сравнивавший стиль Ветхого Завета с языком скандальных хроник, советская наука, отрицавшая научность тех западных концепций, которые не вписывались в рамки марксистски заданных образцов толкования, наконец, современная публицистическая позиция, объявлявшая ненаучной теперь уже «коммунистическую» историографию – несмотря на всю меткость формулировок, вряд ли такие оценки можно признать морально оправданными. Историческое сочинение, в котором царит дух отрицания, иллюстрирует древний афоризм: «Мы ничего не сделали великого, но лишь обесценили то, что считалось великим». Поэтому в качестве самостоятельной формы историописания «критический рассказ» ещё не может служить образцом подлинно научной историографии, т. к. оставляет после себя задачу обоснования новых воззрений согласно представлению о диалектической преемственности непосредственного (настоящее) и опосредованного (прошлое) бытия. Её призван решить последний тип нарративного оформления знания, получивший у Рюзена обозначение «генетического рассказа» (англ. «genetical narrative»).

В дискурсе генетического изложения переход к новой точке зрения осуществляется из самой логики прошлого – без категорического отрицания предшествующего знания и понимания [Rüsen J. 1989, 52-55]. Типы исторического повествования мыслятся Рюзеном как иерархия способов изложения, в которой «генетический рассказ» занимает ведущее положение [Rüsen J. 1989, 57-61].

Как видим, концепция современного немецкого специалиста только по своей форме оказывается «подражанием Дройзену». И дело даже не в том, что Рюзеном обозначены совсем другие способы репрезентации прошлого. Речь идёт о принципиально отличном понимании научной роли «рассказа».

Дройзен, выделяя помимо «рассказывающего» в качестве ведущих форм историописания также исследовательское, дидактичес-

кое и дискуссионное изложение, специально указывал, что хотя история не может быть научно передана иначе, чем через текст, нарративно не всякое написание истории. «Когда под историческим изложением всегда понимается одно только повествовательное, мне это кажется сплошной рутинной. Многие результаты исторического исследования никак не подходят для того, чтобы их излагали в этой популярнейшей форме» [Дройзен И.Г. 2004, 394]. «Рассказывающее» изложение в принципе невозможно там, где объектом рассмотрения становятся социальные процессы, происходящие в очень длительном временном промежутке. «Я не знаю, – рассуждал создатель «наукоучения истории», – как можно рассказывать историю правовых институтов или трёхпольного хозяйства». То же самое касается событий, которые непосредственно проходят перед глазами автора – их можно освещать, как представлялось Дройзену, исключительно в дискуссионной форме, и только тогда они могут представлять интерес для науки о прошлом.

Таким образом, если у Дройзена «рассказывающее историческое изложение» (die erzählende Darstellung) является лишь одним из видов написания истории, причём отнюдь не лучшим в силу присущего ему субъективизма, то Рюзен представляет нарратив не иначе как наиболее приемлемую модель научно-исторического описания и объяснения. Это обусловлено тем, что современный нарративизм «...имеет тенденцию редуцировать историческую репрезентацию к рассказыванию историй» [Анкерсмит Ф.Р. 2009, 15].

Рюзен рассматривает историческое изложение как диалектическую взаимосвязь способов повествования, обуславливающих взаимную трансформацию одной нарративной формы в другую в особом почерке «рассказа» [Rüsen J. 1989, 57-61]. При этом мы можем заметить некоторые противоречия. Так, с одной стороны, автором допускается восприятие каждого способа изложения в качестве самостоятельной «нарративной единицы» отображения прошлого – эту мысль немецкий теоретик иллюстрирует многочисленными примерами как из научной, так и «донаучной» историографии. Однако затем он начинает рассматривать как «собственно научный» главным образом способ «генетического изложения», представляя иные формы «нарративного смыслообразования» в виде ступеней к достижению генетического видения истории. Получается, что только один «генетический рассказ» в итоге может

воплощать в себе законченный результат научного познания, тогда как традиционный, ассоциативный и критический способы повествования оказываются всего лишь формами определённых дискурсивных практик.

Очевидно, что общий строй представленной Рюзенем типологии исторического нарратива отличает некоторая логическая нечёткость в определении научной значимости каждого из предложенных видов повествования. Тем не менее этим отнюдь не умаляется заслуга современного учёного в возрождении забытой проблематики, касающейся основных принципов, которыми определён процесс исторического изложения. И хотя к концу XX века «очарованность» нарративом прошла, «возвращение к истории-повествованию» [Гуревич А. Я. 1996, 9] заставляет историков использовать всё то ценное, что было озаменовано «нарративным поворотом» западной историографии, когда вопрос о научно-художественном качестве исторического текста решался через обращение к классическому наследию великих исследователей прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Droysen Y. G. Grundriss der Historik. 3. umgearb. Aufl. Leipzig, 1882.
2. Droysen Y. G. Historik. Vorlesungen ber Enzyklopedie und Methodologie der Geschichte. Hrsg. von R. Hübner. 8. unveränderte Aufl. München&Wien, 1977.
3. Lozek G. Bürgerliche Geschichtsschreibung Westdeutschlands in der Krise // Einheit. 1964. № 9-10.
4. Meinecke F. Die Entstehung des Historismus. Werke. Bd. III. München, 1959.
5. Rüsen J. Begriffene Geschichte. Genesis und Begründung der Geschichtstheorie J.G. Droysens. Paderborn, 1969.
6. Rüsen J. Für eine erneuerte Historik. Studien zur Theorie der Geschichtswissenschaft. Stuttgart, 1976.
7. Rüsen J. Historical Narration: Foundation, Types, Reason // History and Theory, Vol. 26: The representation of Historical Events (Gec., 1987).
8. Rüsen J. Lebendige Geschichte: Formen und Funktionen des historischen Wissens (Grundzüge einer Historik III: Die Grundlagen der Geschichtswissenschaft). Gettingen, 1989.
9. Rüsen J. Wie kann man Geschichte vernünftig schreiben? ber das Verheltnis von Narrativität und Theoriegebrauch in der Geschichtswissenschaft / Theorie und Erzählung in der Geschichte. München, 1979.
10. Stone L. The Revival of Narrative: Revlections on a New Old History. – Past and Present, v. 85. 1979. №1.
11. Troeltsch E. Der Historismus und seine Probleme. Tübingen, 1922.
12. Weymar H.-J. Droysens Theorie der historischen Erfahrung. Inaug. - Diss. Augsburg, 1969.
13. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры / Пер. с англ. Кукарцевой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.
14. Виппер Р. Ю. Кризис исторической науки. Казань: 2-я государственная типография, 1921.
15. Дройзен И. Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории / Пер. с нем. Г. И. Фёдоровой, под ред. Д. В. Складнева. СПб.: «Владимир Даль», 2004.
16. Гуревич А. Я. Историк конца XX века в поисках метода. Вступительные замечания // Одиссей: Человек в истории. 1996. Ремесло историка на исходе XX века. М.: Наука, 1996.
17. Иггерс Г. Г. История между наукой и литературой: размышления по поводу историографического подхода Хейдена Уайта // Одиссей. Человек в истории. 2001. М.: Наука, 2001.
18. Каплина Л. М. Истинная и фальсифицированная истории и проблема ответственности историков. Прошлое и настоящее / XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. Ч. 1. Отв. ред. А. Л. Ястребицкая. М.: Наука, 2001.
19. Кареев Н. Теория исторического знания. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1913.
20. Кириленко Е.И. Теоретико-методологические основы исторических представлений И. Г. Дройзена: Дис. ...канд. ист. наук: 07.00.09. Томск, 1982.
21. Олейников А. А. История – событие и рассказ: (Критический анализ философии нарративной формы): Дис. ...канд. филос. наук: 09.00.03. М., 1999.
22. Репина Л.П. Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия (Обзор) / XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. Ч. 1. Отв. ред. А.Л. Ястребицкая. М.: Наука, 2001.
23. Савельева И.М. Обретение метода. В кн.: Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории / Пер. с нем. Г. И. Фёдоровой, под ред. Д. В. Складнева. СПб.: «Владимир Даль», 2004.
24. Смоленский Н. И. Категории национально-политической историографии Германии 1848-1871 гг.: Дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.09. Горький, 1980.
25. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитонова. Екатеринбург, 2002.

E. Robustova

DROYSEN'S IDEAS REMINISCENCE IN THE CONSEPTIONS OF NARRATIVISTS HISTORIOGRAPHY OF GERMANY

Abstract. The Article is devoted to the ideologists of “updated historism” directed to the

development of I.G. Droysen's (1808-1884): the conception of types of historical narrations is analyzed, the author of which is a great scientist Yorn Ruesen, heading a scientific center "science about culture" (The Institute for Ad-

vanced Study) in Essen, Germany, on learning actual problems of humanitarian knowledge.

Key words: Language of the historian, historicism, narrative discourse, postmodernism.

УДК 929 Ленин

Доспишил Д.В.

ФИГУРА В.И. ЛЕНИНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЯНА СЛАВИКА*

Аннотация. В статье анализируется понимание фигуры В. Ленина в исследованиях чешского историка Яна Славика (1885-1978). Для Славика Ленин – это прогрессивная фигура в истории, великий реформатор. Форма диктаторского правления Ленина рассматривается как необходимость, вытекающая из отсталости российского общества. При этом данная оценка фигуры Ленина связана с общей оценкой Славиком революции как модернизирующей силы. Значимость фигуры Ленина для Яна Славика состоит в том, что он провел радикальные реформы, которые коснулись всех сфер общественной жизни и модернизировали российское общество.

Ключевые слова: В. Ленин, русская революция 1917 г., Ян Славик.

Ян Славик (1885-1978) относится к заслуживающим наиболее пристального внимания чешским историкам XX века. На протяжении всей своей жизни Ян Славик занимался проблемами российской истории, в первую очередь, анализом русской революции, и одной из самых важных тем его интересованных, была фигура Владимира Ильича Ленина и его роль в российской революции и в развитии России.

В середине 1920-х и начале 1930-х гг. Славик трижды посетил Россию, после чего написал ряд работ и статей о своих впечатлениях о жизни в современной советской России, в том числе «Ленин и Петр Великий». [2, 1-2] В данной статье Ян Славик сравнил историческое значение личности Владимира Ленина с историческим значением личности Петра Великого. Оба политика при реформировании России применяли жестокие насильственные методы и радикально изменили весь общественный строй (начиная реформами политических институтов, и через реформы

экономики и культурной жизни).

Славик задал себе вопрос, являлось ли насилие при проведении реформ неизбежным или нет, и пришел к выводу, что как Петр, так и Ленин при реформировании России не могли поступать иначе. Главной причиной того, что Петр Великий и Ленин вынуждены были поступать так, как поступали, по мнению Яна Славика, был низкий культурный уровень российского населения и его неспособность понять разумные аргументы реформаторов.

Во времена и Петра, и Ленина одной из главных причин отставания, по мнению Славика, был восточный менталитет населения, что проявлялось, в частности, в низкой трудовой морали. На этих основаниях Ян Славик сделал вывод о том, что Петр Великий и Ленин использовали насилие при реформировании России для того, чтобы научить россиян работать лучше. В обоих случаях (Петр Великий и Ленин) результаты реформ проявились не сразу, а с некоторым отступом времени.

В 1923-1924 гг. Ян Славик написал ряд работ («Главы о Ленине» [1], «Ленинский локомотив» [3], «Ленин умер» [4]), в которых в целом продолжил свою линию анализа фигуры Ленина как реформатора. Из-за ограниченности объема статьи мы рассмотрим, прежде всего, работу «Главы о Ленине». В данной статье Славик подчеркнул, что революция не была спонтанным явлением, а была объективным следствием процесса, начало которого можно видеть уже в середине XIX века (Славик сослался на труды русских философов и историков, которые задолго до революции указывали на отсталость России и призывали к изменениям).

Как и в более ранних работах, Ян Славик сравнивает Ленина с Петром Великим. Новым является сравнение Ленина с Иваном Грозным. Оба упомянутых царя были извест-

* © Доспишил Д.В.

ны своей жестокостью, в то же время в период их правления происходило усиление абсолютизма; несмотря на это, оба царя своими реформами способствовали тому, чтобы Россия как сильное государство получила признание в Европе.

Ленин, как пишет автор, также установил в стране диктатуру одной партии (по сути, диктатуру политбюро партии), тем не менее, цели Ленина можно было считать прогрессивными. Форма диктаторского правления, по мнению Славика, полностью соответствовала условиям российского общества, которое в течение столетий привыкло жить в условиях абсолютной монархии.

В этой работе Славик впервые высказал мнение, что, несмотря на то, что российская революция была осуществлена под лозунгом прогрессивных социалистических идей, в действительности установленное большевиками правление по существу восприняло очень мало от западных социалистических теорий. Больше — от деспотии восточного типа, в традициях которой, по мнению Яна Славика, большевики правили страной.

Славик признал, что до сих пор (1924 г.) отрицательные черты революции (не выполненное обещание инициировать мировую революцию, громадные человеческие жертвы) превалируют над ее положительными (рост гражданского и национального сознания российского населения). Объяснил это тем, что революция — это не событие, а процесс, который в России еще не завершился, и со временем положительные черты революции станут преобладать над отрицательными.

В статье «Ленин умер» [4], Ян Славик отмечал прогрессивность Ленина как реформатора и обращал внимание читателя на то, что объявленную Лениным Новую экономическую политику можно считать вершиной большевистской революции, и что, вероятно, вскоре в России произойдет демократизация общественных отношений.

В следующей работе — статье Славика во II издании произведения Масарика «Россия и Европа», [6] (вышла в 1930 г., написана в 1928 г.) рассмотрены методы политической работы Ленина как лидера большевиков. Для Славика, из всех политических партий России группа революционеров во главе с Лениным действовала наиболее рационально, а ее методы политической борьбы больше всего соответствовали российским условиям.

Осуществленные большевиками реформы, с точки зрения Славика, были совершенно необходимы (особенно аграрная реформа),

причем и после многолетнего голода подавляющее большинство российских крестьян продолжает поддерживать политический и экономический курс большевиков. Славик подчеркнул, что без твердого проведения избранного курса на реформы правительство большевиков рухнуло бы через несколько лет.

Диктатуры Ленина и Сталина были совершенно необходимы, поскольку по своей сути они вытекали из существующих в российской среде отношений. Насилие обеих диктатур Славик оправдал как необходимость во благо большинства населения страны. В конце этой работы чешский историк сделал следующий обобщенный вывод: по его мнению, революция сделала немало плохого, но это плохое явилось результатом того, что большевики пришли со своими новыми идеями в очень отсталую (экономически и культурно) среду.

Также Славик подчеркнул, что революция, наконец, подстегнула развитие не только России, но и Европы, причем окончательные последствия влияния России на развитие Европы еще нельзя точно оценить. Однако Ян Славик признал, что формально революция создала государство с централистским режимом, причем правление большевиков унаследовало от царизма целый ряд культурных и экономических несовершенств, к тому же некоторые из них большевистское правление еще более усугубило.

Тем не менее и большевистская революция, по словам Славика, принесла российскому народу массу позитивных импульсов, главным из которых Ян Славик продолжал считать развитие гражданского самосознания у российского населения, причем большевикам, по мнению автора, удалось направить развитие российского общества в направлении рационализации и более эффективного использования человеческого труда и материальных ресурсов. Дальнейшие методы, использованные Лениным, были, с точки зрения Славика, совершенно необходимы и принесли больше пользы, чем вреда.

Значительное место Славик уделил исследованию того, каким образом Ленин пришел к власти. В своей объемной (384 стр.) работе «Власть Ленина» [5] он проанализировал, каким образом относительно небольшой, но хорошо организованной группе революционеров, сосредоточившихся вокруг Ленина, удалось захватить и удержать власть в стране. По нашему мнению, Славик совершенно объективно описал то, как Ленин сначала

добился раскола в рядах своего главного политического оппонента – партии социалстов-революционеров, добился большинства партии большевиков в советах (которая там была в меньшинстве) и затем добился того, чтобы советы как органы управления совершенно утратили свое значение.

Интересно замечание Славика, сделанное во вступлении к этой работе. В нем он писал, что Советский Союз хотя и отстает по ряду вопросов от Европы, но имеются области, в которых эта страна Европу уже опередила. Славик имел в виду, прежде всего, устранение имущественного неравенства и то, что в СССР даже находящиеся на самом низком имущественном уровне слои населения получили свою долю во власти.

Все же негативные стороны послереволюционного развития чешский историк вновь объяснил, сославшись на связь новой власти с традициями царского деспотизма и на низкий культурный уровень русского населения, все еще не готового к тому, чтобы жить в демократически управляемом государстве с функционирующими институтами гражданского общества. Ленина же Ян Славик сравнил с барином, не считающим необходимым обсуждать методы решения важных общественных проблем с теми, кого это непосредственно касается, и которому вообще все равно, сколько жертв потребует реализуемая правительством политика.

Но, несмотря на все описанные недостатки, по мнению Яна Славика, в послереволюционной России было создано общество, более гибкое, чем царское и, в отличие от него, не исключающее возможность внутренней демократии в будущем.

Таким образом, как мы видим, Ленина Славик воспринимает как прогрессивную фигуру в истории. При этом данная оценка фигуры вождя революции связана с общей оценкой чешским историком революции как модернизирующей силы.

Модернизацию Ян Славик рассматривает прежде всего как процесс, в рамках которого происходит рационализация функционирования общественных институтов, либерализация экономики, демократизация общественных отношений и постепенное делегирование все большего числа компетенций центральными институтами институтам гражданского общества.

Отметим, что Славик считал царский режим отсталым (в терминологии теории модернизации – «традиционным»), а более поздние революционные движения, целью

которых было устранение старых барьеров (теократическое правление царя, неограниченная власть земельной аристократии), – «модернизирующими». Революционные силы вокруг Ленина, по мнению Славика, являлись теми радикальными силами, которым удалось увлечь за собой в большинстве своем равнодушные массы и смести препятствующие развитию общества преграды.

Для Яна Славика значение русской революции состояло в пробуждении и развитии гражданского и национального сознания населения страны, в воспитании в российском населении более высокой трудовой морали, в создании промышленности. При этом методы Ленина, по мнению Славика, оправдывались прогрессивными целями. Ленин вынужден был поступать так, как поступал, по мнению Яна Славика, по причине низкого культурного уровня русского населения и его неспособности понять разумные аргументы реформаторов.

Главным ключом к пониманию Славиком фигуры Ленина и его роли в истории России для нас является его постулат об общей российской отсталости. Исходя априори из этого предположения, Ян Славик по существу оправдал жестокость ленинского правления и в то же время объяснил неудачи экономических программ большевиков. Несмотря на то, что Ян Славик осуждал перенос большевистских методов в Европу, он считал их использование против русского населения неизбежным и необходимым.

Таким образом, как мы видим, методологически при анализе фигуры Ленина Ян Славик исходил из понимания модернизирующего значения русской революции. Для чешского историка большевистское правление во главе с его руководителем хотя и унаследовало некоторые негативные черты царского абсолютизма, но в российском контексте эта форма правления была единственно возможной.

Значимость же фигуры Ленина для Яна Славика состояла в первую очередь в том, что Владимир Ильич провел радикальные реформы, которые коснулись всех сфер общественной и экономической жизни и повлекли за собой кардинальную модернизацию русского общества. По мнению Яна Славика, таким образом, Ленина можно было считать великим реформатором, реальное значение реформ которого проявится по прошествии некоторого времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Slavík J. Kapitoly o Leninovi. Praha, 1924.
2. Slavík J. Lenin a Petr Veliký I.-III. // Stráž svobody (StS), Kladno, 11.2., 18.2, 25.2.1920.
3. Slavík J. Leninova lokomotiva // Ias, 27.10.1923.
4. Slavík J. Lenin zemřel // Ias, 26.1.1924.
5. Slavík J. Leninova vláda 1917-1924, Melantrich. Praha, 1935.
6. Slavík J. Za svmtoví vládky a revoluce // T.G. Masaryk, Rusko a Evropa. I. Praha, 1930.

D. Dospisil

THE FIGURE OF V. LENIN IN THE RESEARCH OF JAN SLAVIK

Abstract. The subject of this article is the figure of V. Lenin in the research of Czech historian Jan Slavík (1885-1978). Jan Slavík notes that Lenin is a progressive figure in the history, the great reformer. And his dictatorship is linked from the Russian backwardness. Such an assessment of Lenin derived from the general idea of revolution as a modernizing force. The importance of Lenin for Jan Slavík lies in the fact that he spent the radical reforms that influenced all spheres of public life and modernized Russia's society.

Key words: V. Lenin, the Russian Revolution 1917 г., Jan Slavík.

УДК 94(470) «1917»

Доспишил Д.В.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ЯНА СЛАВИКА НА РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ 1917 г.*

Аннотация. Тема данной статьи — анализ развития взглядов Яна Славика на русскую революцию 1917 г. Для этого было произведено сравнение основных работ Славика в 5-ти временных периодах. Таким образом, было показано, что основной вывод его работ с течением времени оставался неизменным: он определял революцию как модернизирующую силу. При этом если в ранних произведениях модернизирующее значение революции Славик видел в процессе устранения препятствий, создававшихся старым режимом, то в более поздних работах перенес акцент на значение русской революции в пробуждении и развитии гражданского и национального сознания населения страны.

Ключевые слова: русская революция 1917 г., модернизация, Ян Славик.

В данной статье мы проанализируем эволюцию взглядов чешского историка Яна Славика (1885-1978) на большевистскую революцию, в первую очередь на ее модернизирующую роль. Динамику развития взглядов Яна Славика мы проследим на пяти временных отрезках: 1) до 1918 г.; 2) 1918–1922 гг.; 3) 1922–1925 гг.; 4) 1925–1929 гг.; 5) 1930–1938 гг.

Выбор временных отрезков обусловлен следующим: в период до 1918 г. Славик со-

бирал сведения о тенденциях исторического развития российского общества до революции. Период 1918-1922 гг. — это время Гражданской войны в России, борьба за власть. Период 1922–1925 гг. — введена Новая экономическая политика, которую многие европейские авторы считали признанием большевиками своего поражения и отступлением от изначальных радикальных революционных лозунгов. После 1925 г. — фактический отход от программы НЭП, первый пятилетний план с последующим началом насильственной коллективизации. Период 1930-1938 гг. — уничтожение Сталиным потенциальных оппозиционеров как внутри пар страны (зажиточное крестьянство). В это время уже никто в Европе не сомневался в том, что правление большевиков в России сохранится надолго.

До 1918 года Славик считал старую Россию отсталым государством, главными причинами отставания в развитии которого были теократический абсолютизм и концентрация земли в руках дворянства [8, 104-108]. Старый режим, основными чертами которого было византийское православие и восточный деспотизм, а главной опорой — земельная аристократия, по своей сути был отсталым, и, как считал Славик, не было надежды, что со временем изнутри произойдет его производное ослабление. [15].

В период 1918–1922 гг. в центр анализа поставлена русская революция. Тогда были

* © Доспишил Д.В.

написаны «Абсолютизм и революционность в России», «Ленин и Петр Великий», «История российской революции» и «Падение Керенского». Во всех работах основной тезис: модернизирующее значение русской революции.

С одной стороны, Славик критиковал революционное и утопическое течение в рамках русской революции, с другой стороны, не сомневался в пользе и, в то же время, временности этого утопического течения [1, 127-143]. Чешский историк утверждал о неизбежности демократизации большевизма и о временности экономического экспериментирования.

Главное модернизирующее значение революции Славик видел в ликвидации старого общественного строя и в росте гражданского сознания среди сельских слоев российского населения, что, по мнению Яна Славика, должно было стать гарантией того, что в будущем не произойдет реставрации старых общественных отношений. Ленина Славик считал великим реформатором, и используемые им методы объяснял низким культурным уровнем российского населения [10, 1-2]. Революцию Славик воспринимал как первый шаг на пути России к демократическому гражданскому обществу.

В 1923–1925 гг. Ян Славик написал ряд работ, в которых в целом защищал свои прежние взгляды на модернизирующее значение революции для всего российского общества. К наиболее значимым работам этого периода можно отнести «Главы о Ленине», «Российская революция и толстая книга Масарика», «Ленин умер», «Отмирание революции» и ряд других.

В этот период Славик впервые высказал мнение, что и спустя четыре года недостатки революции все еще преобладают над ее достижениями [7]. Но, несмотря на это, положительные последствия революции еще проявятся. Ян Славик сравнивал русскую революцию с более ранними европейскими революциями (революция Гуситская, немецкая Реформация и Французская революция), которые освободили человечество в духовном и гражданском отношении. Для Славика русская революция представляет собой очередной шаг человечества вперед, поскольку одной из главных целей большевиков было создание бесклассового общества (что, стало бы положительным изменением по сравнению с современным состоянием европейского общества).

Новую экономическую политику чешский историк воспринял как доказательство

падения революционных настроений в стране и свидетельство того, что советская Россия вскоре встанет на путь демократизации [9, 1]. Как и раньше, кровавость русской революции автор не связывал с учением, во имя которого революция была совершена (Славик писал, что у русской революции по сути, отсутствуют истинные элементы марксистского учения). Он считал, что своей формой революция обязана, с одной стороны, низкому культурному уровню российского населения, с другой стороны, продолжению правительством большевиков традиций царского самодержавия.

В 1926–1929 гг. Ян Славик совершил две поездки в советскую Россию (посетил, в частности, Москву, Петроград и Киев, а также ряд небольших городов). Также Славик написал несколько статей и работ, выделим «Смысл Русской революции» о формах правления в современной России и серию статей о Сталине. Можно с полным правом утверждать, что в указанный период Славик чем дальше, тем более критически воспринимал развитие событий в советской России, и уже в ряде мест он высказывает свои сомнения в том, что русская революция действительно освободила население страны.

Тем не менее Славик продолжает свою линию о модернизирующем значении русской революции. Он подчеркивает, что большевистское правление хотя и унаследовало некоторые негативные черты царского абсолютизма, но в российском контексте эта форма правления была единственно возможной. После посещения Славиком советской России он подчеркивал отсталость российского населения и его нежелание работать эффективно и новыми методами [19]. Однако с другой стороны, по мнению Славика, большевикам удалось, в частности на фабриках, повысить трудовую мораль и увеличить производительность. Это связано с тем, что благодаря большевикам фабричные рабочие осознали свое мировое предназначение.

Славик констатировал, что крайне революционное правительство чувствует себя под угрозой и удерживает власть преимущественно насильственными средствами. Власть большевиков в ее современном подобии, по словам Славика, не могла долго сохраняться, тем не менее, и возврат к старому режиму в России, спустя 10 лет после революции, был немыслим из-за роста гражданского сознания обычных людей. Большевики не создали в своей стране бесклассового общества, но это произошло из-за наследства абсолютизма

и восточной отсталости. Но революция и установленная ей власть открыли путь к общественным изменениям, которые должны способствовать модернизации страны.

В 1930–1939 гг. Ян Славик в третий раз посетил Россию и выпустил ряд критических публикаций, в который анализировал вопрос направления развития событий в советской России и выяснял, насколько можно считать действия большевиков реальным строительством социализма в одной стране. Основным вопросом, на который отвечал Славик, заключался в том, способствовала ли и насколько, революция модернизации российского общества. Наиболее полные ответы даны автором в первую очередь в работах «В третий раз в советской России», «Большевизм в процессе перерождения», «Что необходимо знать об СССР» и «Что происходит в СССР».

В целом можно констатировать, что в указанный период чешский историк по существу продолжал верить в модернизирующую роль русской революции и в модернизирующие начинания революционной власти. Тем не менее в ряде мест автор указывает, что большевики в своих действиях не заботятся о населении страны, а только о том, чтобы выжить самим.

Говоря об истинном значении пятилетки, Славик отмечал, что программа эта по сути своей была совершенно бессмысленной и невыполнимой. Действительным предназначением этого пятилетнего плана, по мнению чешского исследователя, была ликвидация потенциально опасной сельской элиты [13]. Но пятилетние программы экономического развития также, по мнению Славика, убедили русских в их способности реализовать то, чего до сих пор не удавалось даже экономически более развитой Европе. В конечном итоге, по мнению Славика, несмотря на то, что большевикам не удалось реализовать все свои изначальные планы, пятилетки имели огромное значение для рационализации российской экономики и для воспитания российского населения в духе более высокой трудовой морали, [2].

И все же в указанный период Ян Славик в нескольких местах высказал сомнение относительно того, способствовала ли и насколько способствовала российская революция модернизации России. Главными аргументами Славика, особенно после его третьей поездки в СССР, было то, что большевикам не удалось создать эффективно работающий административный аппарат, возобновить функционирование промышленности и сельского

хозяйства и установить в стране демократию с институтами гражданского общества.

Главным препятствием в модернизации России Славик считал не власть большевиков, а отсталость российского общества и российского народа, сохранение элементов царского абсолютизма в советском руководстве. Процессы второй половины 1930-х гг. убедили Славика в том, что в России пробуждаются демократические силы, которые были отеснены на второй план неблагоприятными экономическими отношениями в стране, вызванными последствиями Мировой и Гражданской войн. Наконец, в 1937 году Славик констатировал, что, несмотря на то, что большевики все еще не отказались от насильственных и недемократических методов правления, им все же удалось стабилизировать российскую экономику, до определенной степени рационализировать государственное управление и повысить трудовую мораль населения. И в работах конца 1930-х гг. Ян Славик не сомневался в том, что демократизация отношений в советской России является лишь вопросом времени.

Таким образом, как мы видим, в течение приблизительно 20 лет взгляды Яна Славика на модернизирующее значение русской революции не изменились. Именно модернизирующая роль революции была для него основной. Модернизацию он рассматривал прежде всего как процесс, в рамках которого происходит рационализация функционирования общественных институтов, либерализация экономики и демократизация общественных отношений.

Свой анализ работ Славика мы провели в пяти временных интервалах, что позволило нам проследить, менялись ли и насколько менялись взгляды автора по мере развития событий в России. В своих ранних работах чешский историк основной акцент делал на модернизирующее значение революции в процессе устранения препятствий, создававшихся старым режимом. В более поздних работах Ян Славик перенес акцент на анализ значения русской революции в пробуждении и развитии гражданского и национального сознания населения страны, в воспитании в российском населении более высокой трудовой морали, в создании промышленности.

Также можно констатировать, что Славик обратил внимание на то, что в управлении российским обществом отсутствует демократия, но он сохранил свои убеждения, что элементы демократии появятся позже, после того как будет преодолено состояние

материальной нужды. Важно отметить, что главным ключом к пониманию Славиком событий в России стал постулат об общей российской отсталости. Исходя априори из этого предположения, Ян Славик по существу оправдал жестокость ленинского и сталинского правления и в то же время объяснил неудачи экономических программ большевиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Slavík J. Abolicionismus a revolucionismus v Rusku, in: ИИН, XXVI., 1920, и.1
2. Slavík J. Voljevismus v ршероду, Melantrich, Praha, 1933
3. Slavík J. Co jsem viděl v sovmetském Rusku, Svaz národně osvobozen, Praha, 1926
4. Slavík J. Co třeba vidět o SSSR, Československé grafické unie, Praha, 1936
5. Slavík J. Co se děje v SSSR, in: Sobota, VIII., 1937, и. 37
6. Slavík J. Dějiny ruské revoluce I.-IV. (P.N. Miljukov, Istorija ruskoj revoluciji), in: Иас, 12.11., 16.11., 19.11., 23.11.1921
7. Slavík J. Kapitoly o Leninovi, Praha, 1924
8. Slavík J. Kurs ruskoj istorii, ИИН, XV., 1909, и.1
9. Slavík J. Lenin zemřel, in: Иас, 26.1.1924
10. Slavík J. Lenin a Petr Veliký I.-III., in: Stráž svobody (StS), Kladno, 11.2., 18.2, 25.2.1920
11. Slavík J. Odumřelá revoluce, in: Náše osvobození (NO), 14.12.1924
12. Slavík J. Pád Kerenského (A. Kerenskij, Iz daleka), in: Иас, 7.11.1922
13. Slavík J. Po třech v sovmetském Rusku, Svaz národně osvobozen, Praha, 1932
14. Slavík J. Po druhé v sovmetském Rusku, Svaz národně osvobozen, Praha, 1927
15. Slavík J. Poučky konstitučního hnutí v Rusku (P.I. Pestml), in: Národní listy, 31.3.1917
16. Slavík J. Ruská revoluce a Masarykova tisková kniha I.-III., in: Иас, 12.1., 15.1., 18.1. 1923
17. Slavík J. Smysl ruské revoluce, Praha, 1927
18. Slavík J. J.V. Stalin I.-VII., in: Národní osvobození, 19.2.1928 (23.2, 26.2., 1.3., 3.3., 5.3., 11.3., 15.3.)
19. Slavík J. Za svatovývěky a revoluce, in: T.G. Masaryk, Rusko a Evropa, I., Praha, 1930.

D. Dospisil

THE DEVELOPMENT OF JAN SLAVÍK'S VIEWS ON THE RUSSIAN REVOLUTION IN 1917

Abstract. The theme of the article is the analysis of the development of Jan Slavík's views on the Russian revolution in 1917. Compared Slavík's main works of the 5 time periods. Thus it was revealed that the aim of his works was immutable. He defined the revolution as a modernizing force. If in the early works significance of the revolution modernizing force Slavík seen in the elimination of obstacles created by the old regime, then in later works analyzed the importance of the Russian revolution in the awakening and development of civic and national consciousness of the population.

Key words: the Russian Revolution 1917, modernization, Jan Slavík.

НАШИ АВТОРЫ

Берлов Артур Валерьевич, аспирант кафедры новейшей истории Отечества Московского педагогического государственного университета; e-mail: Arberlov@yandex.ru

Быков Кирилл Юрьевич, соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: loza.gg@gmail.com

Воронин Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, докторант отдела комплексных проблем международных отношений Института востоковедения РАН; e-mail: 6771443@mail.ru

Вострикова Влада Владиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории экономики, политики и культуры Всероссийского заочного финансово-экономического института (филиал в г. Орле); e-mail: vostr68@mail.ru

Галиев Эдгар Бильсурович, соискатель Оренбургского государственного аграрного университета; e-mail: doctora_rosomahi@mail.ru

Галкин Павел Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой муниципального управления и социального сервиса Коломенского государственного педагогического института; e-mail: pvgalkin@nm.ru

Доспишил Дмитрий Валерьевич, Карлов университет (г. Прага), Факультет гуманитарных наук; e-mail: mindliny@mail.ru

Дудин Павел Викторович, адъюнкт кафедры информатики и управления Военного университета (г. Москва); e-mail: pav-dudin@yandex.ru

Зудочкина Светлана Владимировна, исследователь Международного Центра социально-политических исследований и консалтинга; e-mail: asp.zsv@mail.ru

Киприянова Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета; тел. 8 (4922) 53-25-75

Кириллова Любовь Владимировна, старший преподаватель кафедры отечественной истории Владимирского государственного университета; e-mail: L_kalina_vlad@mail.ru

Климантова Юлия Константиновна, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Москва); e-mail: kaf-prava@mgou.ru

Климанцев Вадим Сергеевич, аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; тел. 8-926-168-06-03

Комаров Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов; e-mail: ruslan10@inbox.ru

Лугуева Анисат Маммакадиевна, аспирант Дагестанского государственного университета; e-mail: mindliny@mail.ru

Мазин Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного университета туризма и сервиса; e-mail: info@itig.ru

Малыгина Оксана Александровна, аспирант кафедры новой и новейшей истории России Пермского государственного педагогического университета; e-mail: maly1984@yandex.ru

Масакин Юрий Николаевич, аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; тел. 8-909-606-89-76

Нейматов Азад Ягутович, соискатель Московского государственного института международных отношений МИД России; e-mail: mindliny@yandex.ru

Никитина Варвара Викторовна, аспирант Удмуртского государственного университета; e-mail: mindliny@mail.ru

Николаева Надежда Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и средних веков; e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Павлов Павел Юрьевич, аспирант кафедры политологии и права факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: rawlov2419@mail.ru

Попов Григорий Германович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Московского государственного областного университета; e-mail: gregormoltke@mail.ru

Раздольский Сергей Александрович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ЮНЦ РАН; e-mail: saraz.r@yandex.ru

Робустова Елена Витальевна, доцент кафедры философии и гуманитарных наук Мос-

ковского государственного психолого-педагогического университета; e-mail: robusta22@list.ru

Рыбалка Ольга Викторовна, соискатель кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург); e-mail: osemenova@eu.spb.ru

Сафронов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и средних веков МГОУ; e-mail: safronov1477@yandex.ru

Сытин Александр Николаевич, кандидат исторических наук, докторант-соискатель кафедры новой новейшей истории и методологии Московского областного университета, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований (г. Москва); тел. 8-915-148-54-23

Урушев Дмитрий Александрович, старший научный сотрудник Государственного музея А.С. Пушкина, соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: urush@mail.ru.

Холина Мария Валерьевна, аспирант кафедра Отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В. Астафьева; e-mail: hmaria_91@mail.ru

Чибисов Олег Владимирович, Московский государственный университет леса; тел. 8-906-793-24-12

Шакирова Алсу Минхайдеровна, аспирант кафедры регионоведения и международных отношений Ульяновский государственный университет; e-mail: secrdisser@rambler.ru

Щедрова Ольга Андреевна, аспирант кафедры социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета; e-mail: onlli35@yandex.ru

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году.

Многосерийное издание университета «Вестник МГОУ» включено в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением президиума ВАК России.

В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», все – в рекомендательном списке ВАК.

Для публикации статей в сериях «Вестник МГОУ» необходимо по электронному адресу vest_mgou@mail.ru прислать текст статьи (в формате Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, поля 2,5 см со всех сторон, интервал полутонный) вместе со следующей информацией:

а) авторская анкета (отдельный файл):

- ❖ фамилия, имя, отчество (полностью);
- ❖ ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства (полное название в именительном падеже, а не аббревиатура);
- ❖ адрес (с указанием почтового индекса);
- ❖ номера контактных телефонов;
- ❖ адрес электронной почты, личный или служебный (обязателен с 25.06.09);
- ❖ желаемый месяц публикации.

б) фамилия, имя на английском языке;

в) название статьи на русском и английском языках;

б) аннотация на русском и английском языках (примерно по 400 знаков с пробелами). На английском под заголовком **Abstract**;

в) ключевые слова на русском и английском языках (примерно 5-7слов) под заголовком **Key words**;

г) список использованной литературы под заголовком **Список Литературы**, оформленный по ГОСТу с указанием авторов всех использованных работ, в т.ч. художественных произведений; при ссылке на их работы и цитировании указываются фамилия авторов (или составителей), год издания, страницы.

Образец оформления статьи

УДК 361.1:8

Иванов И.И.

ВОСТОК И ВОСТОЧНЫЕ РЕАЛИИ В ТВОРЧЕСТВЕ С. МОЭМА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Аннотация.....

Ключевые слова:

Текст статьи

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

.....

I. Ivanov

THE EAST AND EASTERN REALITIES IN W.S.MAUGHAM'S WORKS AND THEIR REFLECTION IN
RUSSIAN TRANSLATIONS

Abstract.....

Key words:.....

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках. Например: [Александров А.Ф. 1993, 15] или [1, 15]. В первом случае в скобках приводятся фамилии и инициалы авторов использованных работ и год издания, во втором случае делается ссылка на порядковый номер использованной работы в пристатейном списке литературы. После запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затековые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещают после основного текста статьи и перед списком литературы.

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла в электронном и бумажном варианте!

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах
- **допускается** выделение слов полужирным, шрифтом подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;
- наличие рисунков, формул и таблиц допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем – не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, в которой работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов; отмечается научная и практическая значимость статьи. Замечания и предложения рецензента при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются. Авторы получают рецензии с мотивированным отказом в публикации. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на ее публикацию.

После принятия статьи к публикации все авторы оформляют подписку на журнал в любом почтовом отделении через каталог Агентства «Роспечать»

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ»

в каталоге «Газеты и журналы», 2010, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. **Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов!!!**

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Объединенную редакцию “Вестника МГОУ”: vest_mgou@mail.ru, тел. (495) 723-56-31 (Ефремова Елена Сергеевна, Потапова Ирина Александровна)

Наш адрес: г. Москва, ул. Радио, д.10 а, комн.98

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, перерыв с 13 до 14 часов.

Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» профессор Волобуев Олег Владимирович.

Более подробную информацию можно получить на сайте **www.mgou.ru**

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
«История и политические науки»

№ 1

Подписано в печать: 05.02.2010.

Формат бумаги 60х86 /₈. Бумага офсетная.

Гарнитура «SchoolBookC». Уч.-изд. л. 22,25. Усл. п. л. 14,5.

Тираж 355 экз. Заказ № 186.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а.
Тел. (495) 723-56-31